

Т.Я.ЕЛИЗАРЕНКОВА
В.Н.ТОПОРОВ

—
**ЯЗЫК
ПАЛИ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УДК 811.21
ББК 81.2Пали-2
Е51

РЕДКОЛЛЕГИЯ

*В.М.Алпатов (и.о. председателя),
Н.А.Лисовская (ученый секретарь), М.С.Андронов,
В.А.Виноградов, З.М.Шаляпина, Г.Ш.Шарбатов*

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.

Е51 Язык пали / Т.Я. Елизаренкова, В.Н. Топоров. — 2-е изд. —
М. : Вост. лит., 2003. — 244 с. — (Языки народов Азии и Африки / Оsn. сер. Г.П.Сердюченко). — ISBN 5-02-018393-8 (в обл.).

Книга является первым синхронным описанием языка пали с помощью структурных методов, в результате чего определение ряда классов слов заметно отличается от традиционного. Грамматические категории имени, местоимения, глагола рассматриваются на формальном и семантическом уровнях в их взаимосвязи. Новым является описание синтаксиса пали с помощью элементарных синтаксических конструкций и правил построения из них предложений. В разделе, посвященном лексике, рассматриваются связи между особенностями функционирования лексики и жанром текста.

Состав книги шире, чем это предусмотрено серией: описанию языка предшествует краткий очерк истории литературы на пали, а Приложения являются самостоятельными краткими очерками в области палийских текстов Индокитая, палийской ономастики, правил пересчета с пали на санскрит.

ББК 81.2Пали-2

ISBN 5-02-018393-8

© Т.Я.Елизаренкова, В.Н.Топоров, 1965, 2003
© Российская академия наук
и Издательская фирма «Восточная литература»,
серия «Языки народов Азии и Африки»
(разработка, оформление), 1959 (год основания),
1965, 2003

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Первое издание этой книги появилось в 1965 г. в серии «Языки народов Азии и Африки» (Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»), без малого через век после первой значительной попытки описания языка пали в российской науке, предпринятой И. П. Минаевым. Это был «Очерк фонетики и морфологии языка пали» (СПб., 1872), вскоре же переведенный на французский (1874) и английский (1875) языки, что уже свидетельствует о значении этого труда. Но если на Западе в дальнейшем появились многочисленные работы, посвященные описанию пали, — как интегрального характера, так и частным проблемам этого языка, то в России наступил длительный период застоя в изучении пали. Отчасти это объяснялось изменившимися условиями жизни, когда исследования языка буддийского Канона в его хинаянической версии оказались не ко времени и могли иметь серьезные последствия отрицательного характера. Уже самой этой неблагоприятной ситуации было бы достаточно, чтобы объяснить прекращение и исследований языка пали, и тем более публикаций палийских текстов и их переводов. Но отчасти были причины и иного рода. Они состояли в том, что в силу разных обстоятельств специалисты в области буддологии ориентировались на махаянические тексты буддийского Канона, прежде всего санскритские и тибетские (но, впрочем, и другие, хотя и в меньшей степени). Результатом этой ориентации были замечательные труды Ф. И. Щербатского, после 1917 г. выходившие за рубежом, а если и в России, то на английском языке, а также инициированная С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским знаменитая серия публикаций текстов «северного» буддизма — «Bibliotheca Buddhica». Буддологическая школа в России с начала XX в. была одной из наиболее авторитетных в мировой науке, и казалось или, точнее, могло показаться, что за ней будущее. О. О. Розенберг, Е. Е. Обермиллер, А. И. Востриков и другие ученики Щербатского были надеждой российской буддологии, но к концу 30-х годов «Bibliotheca Buddhica» прекратила свое существование, Институт буддийской культуры ликвидирован, но страшнее всего была судьба учеников — Обермиллер, подававший самые большие надежды, умер совсем молодым от неизлечимой болезни, другие были расстреляны или стали жертвами репрессий. Буддология в России прекратила свое существование.

Сознание образовавшейся пустоты и понимание необходимости возрождения буддологической традиции в российской науке стало уделом нескольких автодидактов, не прошедших соответствующей школы, но все более и более основательно погружавшихся в глубины буддологической проблематики. И когда во второй половине 50-х годов гнет цензуры несколько ослаб, началось приглушенное прорастание не только нового интереса к буддологии, но и желания попробовать себя в этой области.

Приезд в Россию в это время Юрия Николаевича Рериха сыграл свою положительную роль, а поскольку он пользовался высоким покровительством, удалось, хотя и в небольшой степени, легализовать занятия буддологической проблематикой. Одним из результатов этой легализации стало издание русского перевода одного из центральных текстов «южного» буддизма, «Дхаммапады» (1960), вышедшего как возобновление серии «Bibliotheca Buddhica» (XXXI). Выход в свет этого перевода вызвал большой скандал и травлю, приведшую к преждевременной смерти Юрия Николаевича. Все связанное с буддизмом было взято под строгий контроль. Работать в этой области стало труднее, но некий плацдарм все-таки оказался с грехом пополам отвоеванным. Правда, не обошлось без жертв. Временно пришлось уйти от религиозной,

философской, культурной проблематики буддизма и обратиться к исследованию языка текстов хинаянического буддизма — к пали. Говоря о том времени, нельзя не отдать долг благодарности послу Цейлона и крупнейшему буддологу Г. П. Малаласекере, который вел занятия языком пали с рядом молодых специалистов, интересовавшихся буддизмом.

Результатом этих занятий и стала книга «Язык пали». Хотя она была опубликована в названной выше серии и отвечала требованиям, предъявляемым к изданиям этой серии, «Язык пали» существенно отличалась от других описаний языков. Прежде всего объемом — всего около 18 печатных листов. Отличалась она и составом — более обширным, чем предполагалось схемой. Авторы книги в описании языка пали старались учитывать новейшие достижения в методологии бурно развивавшихся в те годы структурализма и семиотики, с одной стороны, и лингвистической типологии — с другой. В отличие от большинства подобных очерков в «Языке пали» были подробно описаны фонологическая система и состав дифференциальных признаков фонем, морфонология, морфологическая типология пали, синтаксические структуры («дерево» предложения). Был введен особый раздел о стихосложении. Гораздо подробнее рассмотрены памятники литературы на языке пали, и этот раздел оказался самодовлеющим, что в значительной степени компенсировало отсутствие в русскоязычной литературе описаний состава и характера палийской литературы, богатой шедеврами буддийской философии, относящимися к проблеме дхармы в ее метафизическом и этико-психологическом ракурсах. Кроме того, раздел был насыщен подробными описаниями устройства буддийской общины-сангхи и правил поведения, а также текстами высочайшего художественного значения. В состав книги были введены шесть приложений — о языке палийских текстов Индокитая, о палийской ономастике, об отношении пали к санскриту и взаимном пересчете с одного языка на другой и наоборот. Особое приложение посвящено анализу и синтезу предложения. Еще в одном приложении приводятся примеры палийских текстов разных жанров, относящихся к выдающимся образцам словесности на пали. В последнем приложении содержится обширная библиография работ о языке пали.

Существенным недостатком книги было отсутствие раздела, посвященного лексике и семантике пали. Он был написан, но вопреки желанию авторов исключен при печатании книги именно потому, что лексика и семантика пали кратчайшим и наиболее убедительным образом отсылали к буддийской доктрине, к системе ценностей буддизма, наконец, к самому духу этого учения, к его видению мира и человека. Жупел идеологической вредности все еще не утратил своей актуальности. Правда, в английский перевод «Языка пали» — «The Pāli Language» этот раздел был включен. Нужно, однако, отметить, что еще в 1969 г. русское издание «Языка пали» было переведено за границей на английский язык — «Pāli Grammar» (Canberra University, 1969, mimeograph).

В настоящем издании «Языка пали» восстановлен в полном виде раздел «Vocabulary, semantics, text» и существенно расширена библиография работ, посвященных описанию языка пали и текстов, написанных на нем за последние четверть века.

Приятно сознавать, что интерес к буддологии, а следовательно, и к языку пали все более возрастает, появляются ценные исследования, и надежды на новые достижения в этих областях на этот раз, кажется, не должны обмануть нас.

ВВЕДЕНИЕ

Язык пали — один из ранних представителей индо-арийской языковой группы — принадлежит к широкому кругу среднеиндийских диалектов, которые уже в середине 1-го тысячелетия до н. э. были употребительны в Индии в устной, а позже и в письменной форме. Еще до нашей эры пали распространился на Цейлоне, а позднее — в конце 1-го тысячелетия н. э. и в первых веках 2-го тысячелетия н. э. — в ряде сопредельных стран к востоку от Индии. В некоторых из этих стран и прежде всего на Цейлоне пали продолжает свое существование в качестве языка буддизма (а иногда и несколько шире — как культурный язык) и в настоящее время.

Название пали в применении к языку — *pālibhāṣā* — датируется довольно поздним временем, видимо, не ранее V в. н. э., когда оно в этой форме появляется в трудах знаменитого комментатора буддийского Канона Буддхагхоши как синоним для слов *buddhavacana* 'слово (учение) Будды', *ti-piṭaka* 'три корзины' (название Канона), *tantibhāṣā* 'язык священного текста', *pariyatti* в значении 'письание' и т. п. Таким образом, слово *pāli*, впервые появляющееся уже в комментаторской литературе и отсутствующее в Каноне, первоначально в согласии с его этимологией обозначало «текст», а затем «священный текст», т. е. Канон, и лишь потом в сочетании с *bhāṣā* 'язык' приобрело свое нынешнее значение через стадию «язык Писания» (в отличие от языка комментариев к Писанию). Более спорно соображение (Валлезер), согласно которому название пали связывается с именем столицы Магадхи Паталипутра (*Pāṭaliputram*).

Среди других среднеиндийских языков пали отличается рядом особенностей, ставящих его в исключительное положение.

Во-первых, с лингвистической точки зрения он представляет собой наиболее древнюю стадию развития среднеиндийских языков, довольно близкую еще к древнеиндийскому состоянию. С промежуточным положением пали (между древнеиндийским и основной массой среднеиндийских диалектов) связано то,

что, с одной стороны, он может рассматриваться как редуцированный вариант санскрита, данный в фономорфологической записи, которая отличается от соответствующей записи санскрита относительно небольшим числом легко формулируемых и чаще всего однозначных отступлений (на этом, между прочим, основана весьма распространенная методика обучения пали по дифференциальному принципу, предполагающая знание санскрита); с другой стороны, сам пали может рассматриваться как более полный вариант редуцированных среднеиндийских схем, а в некоторых случаях (в частности, в морфологии) как теоретико-множественное произведение соответствующих черт среднеиндийских языков; поэтому, несмотря на теоретическую несостоятельность такого подхода, практически удобно рассматривать (в большей части случаев) пали как некое исходное состояние для подавляющего большинства среднеиндийских диалектов, как шкалу для сопоставления этих диалектов с исходным состоянием и через него друг с другом. Во всяком случае такой подход гораздо экономнее, чем более обычное соотнесение среднеиндийских фактов с санскритскими. Преимущества указанного подхода связаны с тем, что, разделяя целый ряд общих всем (или почти всем) среднеиндийским языкам особенностей (в терминах правил пересчета с древнеиндийского состояния типа «др.-инд. $x \rightarrow$ ср.-инд. y »: $r \rightarrow$ чистая гласная фонема, $pr \rightarrow pp$, $tr \rightarrow tt$, $pt \rightarrow tt$ и т. д., $st \rightarrow tth$, $sp \rightarrow pph$, $\acute{s}c \rightarrow cch$, $ty \rightarrow cc$, $dy \rightarrow jj$, $dhy \rightarrow jjh$, $sm \rightarrow mh$, $sn \rightarrow nh$, конечная согласная фонема $\rightarrow \#$, регулирование старых количественных отношений законом двух мор; ряд именных флексий \rightarrow ряд местоименных флексий; согласные основы \rightarrow гласные основы; двойственное число \rightarrow множественное число; нейтрализация многих противопоставлений в системе глагола и т. п.), пали тем не менее не разделяет целого ряда особенностей, свойственных большей части других пракритов (например, исчезновение интервокальных смычных, разного рода перебои согласных, кардинальный отказ от принципов построения глагольной системы, действовавших в древнеиндийском, аналитизм в имени и т. п.). Благодаря этому пали достаточно четко отличается как от санскрита, так и от наиболее близких ему пракритов (включая даже такие, как сингальский пракрит надписей на брахми, сохраняющий интервокальные смычные, ср. *agata*, пал. *āgato*, пракр. *āaa*).

Во-вторых, пали отличается от всех других среднеиндийских языков тем, что он стал языком великой культуры. На пали написаны многие религиозные, философские, научные, юридические, художественные произведения, сыгравшие весьма значительную роль в развитии культуры Индии и целого ряда сопредельных стран, а в более позднее время — в развитии мировой культуры. В силу этой особенности как куль-

турный язык первостепенного значения пали в отличие от всех других среднеиндийских языков сохранился до сих пор как живой язык письменности, используемый в ряде стран (Цейлон, Бирма, Таиланд, Лаос, Камбоджа) в сочинениях научного и культового характера; соответствующая тематика может выражаться с помощью средств пали и в устной форме, однако в настоящее время устный пали распространен несравненно уже, чем в прежние времена.

В-третьих, пали в отличие от других среднеиндийских языков получил широкое распространение и в пространстве. Утвердившись как язык буддийского культа и культуры на Цейлоне после миссии, связываемой обычно с именем Махинды, и особенно после того, как в начале I в. до н. э. при царе Ваттагамани был записан на Цейлоне текст Канона, пали в дальнейшем распространился в Бирме и в странах Индо-Китая. В ряде случаев появлению в этих странах пали, связанного с каноническими текстами секты тхеравадинов, предшествовало утверждение санскрита, который также был языком буддийской литературы, созданной последователями других буддийских сект. Как правило, пали в этих странах вытеснил санскрит и утвердился в качестве основного (а иногда и единственного на многие века) культурного языка. Естественно, что пали оказал сильное влияние (особенно в словаре) на языки тех стран, где он распространился, и сам испытал чрезвычайно значительное влияние со стороны «индо-китайских» языков (подробнее см. об этом ниже, в особом разделе). Изменение пали, следовательно, связано прежде всего и почти исключительно с тем, что он выступал в ряде случаев в качестве суперстрата, наславшегося на типологически очень далекие языки (бирманский, кхмерский, тай).

Эти особенности пали (как собственно лингвистические, так и историко-культурные) обусловили глубокий интерес к этому языку со стороны многочисленных исследователей разных специальностей. Тем не менее многие существенные детали, относящиеся к пали, до сих пор остаются неясными, а общая картина языковых и культурно-исторических отношений, в которых возник пали, а также первые образцы буддийской литературы, сейчас менее определена и гораздо более сложна, чем она казалась в XIX в.

Дело в том, что раньше (а на Цейлоне и теперь) считалось, что авторство буддийского Канона («Типитака») принадлежит самому Будде, а фиксация Канона в его теперешнем составе имела место уже на Первом Соборе в Раджагрихе, состоявшемся вскоре после смерти Будды. Естественно, что при таком подходе вопрос о предыстории Канона не мог возникнуть, и поэтому реально известный нам пали — пали цейлонской хинаянической версии Типитаки — рассматривался как

язык первоначального буддийского предания, как язык самого Будды (Будда родился и вырос на северо-востоке Индии в Капилавасту), как язык Магадхи, где проходила деятельность Будды.

Когда же в результате открытий (начиная с конца XIX в.) центрально-азиатских буддийских текстов, написанных не на пали и не связанных с южнобуддийской традицией, а также благодаря скрупулезной исследовательской работе было выяснено, что палийская редакция Канона не является единственной (существовали известные сейчас в отрывках другие версии Канона — севернобуддийские, ср., например, Канон сарвативадинов или муласарвативадинов) и, главное, не может быть теперь безоговорочно признана самой старшей из существовавших редакций и вполне адекватно отражающей учение Будды, — лишь тогда появилась возможность поставить вопрос об истории Канона и входящих в него текстов в отрезке времени между смертью Будды в 80-х годах V в. до н. э. и периодом окончательного оформления палийской редакции Канона. В связи с этим не мог не возникнуть и вопрос о языке пали, который, как оказалось, был не единственным средством передачи буддийского учения, а лишь одним из таких средств наряду с санскритом в его классической форме, буддийским гибридным санскритом, представляющим собой результат санскритизации одного из среднеиндийских диалектов, одним из северо-западных пракритов, на котором написана «Дхаммапада» (рукопись на кхарошти, приобретенная Дютрей де Рэном и Петровским и исследованная рядом специалистов). Необходимость решения одного из самых насущных вопросов современной буддологии — вопроса о доканоническом предании — поставила перед исследователями задачу реконструкции (прежде всего внутренней) этого предания. Одним из важных средств этой реконструкции является анализ языка палийского Канона. В его неоднородности, в отступлениях от нормы содержатся предпосылки для ряда далеко идущих заключений. К сожалению, интерпретация этих заключений лингвистического характера не всегда однозначна.

С лингвистической точки зрения несомненно, что пали цейлонского Канона представляет собой в основном западный среднеиндийский диалект. Это заключение, разделяемое рядом ученых и детально обоснованное Г. Людерсом, имеет принципиальное значение, так как оно окончательно опровергает отождествление пали с языком Магадхи. Сравнение пали с современным ему языком канцелярии Ашаки (три из четырех групп надписей Ашаки), ориентированным на восточно-пракритский диалект (сам Ашока был родом из Магадхи), убедительно свидетельствует о западной основе пали, которая, между прочим, обнаруживается в гирнарской версии надписей Ашаки,

близких по языку к пали. Вместе с тем язык палийской версии Канона (как, впрочем, и язык текстов, написанных на буддийском санскрите) содержит целый ряд несомненных восточных элементов, «магадхизмов», которые и ввели в заблуждение многих ученых. Эти восточные элементы получают правдоподобное объяснение при предположении, что в основе палийской и санскритской версий Канона лежал текст «пра-Канона», составленный на языке, сопоставимом с магадхи надписей Ашоки или с ардхамагадхи (литературная форма магадхи, освобожденная от ряда «магадхизмов»).

О восточных элементах пали, существующих в языке Типитаки с собственно палийскими (западными) элементами, прямо или косвенно свидетельствуют: *e* в таких случаях, как *bhikkhave* вм. *bhikkhavo, seyyathā, yebhiyuupa*, во флексии им. пад. мн. ч. — *-āse* (ср. вед. *-āsaḥ*): *ye kesi buddham saraṇam gatāse*. Самьютта-ник. I, 27, *yena mohena tūlhāse*. Итивутт. 6, 21, *santi aññe pi rakkhāse*. Джат. 412, 5 и др. (поучительны случаи неправильного понимания восточного *e* в им. пад. ед. ч., в лок. ед. ч., понятом как им. пад. ед. ч., в *ve* из *vah/vo* или из *vai*); *l* в значительном числе слов (*agalu, antalikkha, ela, kambhila, kulala, cattalisa, jalābuja, daddala, palāyati, pali, māluta, luij, ludda, sālikā, haliddā* и др.) вм. *r* в соответствующих словах в западном пракрите (любопытны примеры «гиперпализации»: *ārabh, kira, āramtana, suruddho* и др., а также некоторые косвенные случаи, объяснимые при предположении о том, что соответствующие слова пали восходят к восточному *l*-диалекту); многие другие образцы «гиперпализации»: *k* вм. *g* (*ajakara, āraka, chakala, paloka, vilāka* и др.), *c* вм. *j* (*pāceti*), *t* вм. *d* (*utu, catumaṭṭha, jannutagghā*), *p* вм. *v* (*hāpeti, opilāpeti, supāna, āluva* и др.), *j* вм. *u* (*gavaja*), *-ika* вм. *-iya* (*rathiya/ārathikā, jāgarīya/jāgarikā*), *-uka* вм. *-uva* (**laṭuka/laḍuviyā*); флексия отлож. пад. ед. ч. *-at* (ср. *akataṁ dukkataṁ seyyo pacchā tapati dukkataṁ|kataṁ ca sukataṁ seyyo yat katvā nānutaappati*. Дхаммап. 314 ‘несделанное лучше, чем плохо сделанное; ведь плохо сделанное потом мучит. Но лучше, чем сделанное, хорошо сделанное, ибо, сделав его, не испытываешь сожаления’, отлож. пад. при сравн. ст.), флексия вин. пад. мн. ч. *-at* (*kaṇhaṁ dhamtaṁ vippahāya sukkaṁ bhāvetha paṇḍito*. Дхаммап. 87 вместо ожидаемого *kaṇhe dhamte* и *sukke*; примеры такого рода, кроме Дхаммапады, известны и по другим текстам — Джатаки, Сутта-нип.), флексия лок. мн. ч. на *-hi* (*virūpakkhehi te mettaṁ mettaṁ erāpathehi te*. Чуллав. V, 6, Ангут-ник. II, 72, Джат. 203, 1 и др.), причастие наст. вр. без *nt* (ср. *sampaṭāpo*. Дигха-ник. III, 58, 221, 224, Ангут-ник. IV, 300, 457, Сутта-нип. 413. Итивутт. 10, 19; 42, 1 и др.), возможность понимания как оттатива форм типа

visodhaye, kuvve (ср. Дхаммап. 281), являющихся восточными прич. наст. вр., и т. п.

Анализ восточных элементов в палийских текстах (Г. Людерс, Э. Вальдшмидт) позволяет более точно описать пали на том этапе его развития, который предшествовал составлению цейлонской версии Канона. С другой стороны, в результате этого анализа и исследования языка «восточных» надписей Ашоки в сравнении с языком «западных» надписей устанавливаются некоторые существенные черты восточно-пракритского диалекта, которые характеризовали (по крайней мере отчасти) язык «пра-Канона»: *l* вм. *r*, -*e* вм. -*o* (ср. вост. им. пад. ед. ч. *jane* при зап. *jano*; др.-инд. -*aḥ*), *s̄* вм. *s*, *ś* и *ś̄* (ср. пал. *s* во всех этих случаях), *ggh* вм. *kkh* (ср., однако, пал. *sagghasi*. Сутта-нип. 834, *jagghasi*. Джат. 374, 3), *ḍḍh* вм. *ṭṭh* (ю: *abhivadḍhaṭṭam*. Дхаммап. 335), *ḍḍ* вм. *ṭṭ* (характерно для ардхамагадхи), *dh* вм. *ṣṭ*, *d* вм. *ṛt* (в канцелярском языке надписей Ашоки), *ṇṇ* вм. *nd*, *ṇṇ* вм. *ny*, *ūv* вм. *vū*, -*sin-* вм. -*sn-* (при зап. -*nh-*; ср., впрочем, *tasiṇāya*. Дхаммап. 343 вм. обычного в таких случаях в пали *taṇhāya*), спорадически появляющиеся в эдиктах Ашоки *g*, *d*, *v* вм. соответственно *k*, *t*, *p* (ср. *adhigicya* при др.-инд. *adhik.tya*, *yāde-ti/yātayati*, *vyāvata* при др.-инд. *vyāprta*); исчезновение одинарных звонких согласных: *g* (*sārāṇīya*<**saṃrāgaṇīya*), *j* (*niya*<**nija*), *d* (*sampāyati*/*sampādayati*), указанные выше морфологические особенности и т. п.

Хотя исследования языка палийского Канона и опыты реконструкции языка «пра-Канона» существенно обогатили наши знания в области диалектной дифференциации палийских текстов, проблема пространственной локализации пали, а отчасти и языка раннего канонического предания остается во многом еще не ясной. Одна из причин этого заключается в явно недостаточном знании среднеиндийских диалектов и лингвистической географии тех или иных среднеиндийских черт. Отсюда — многообразие точек зрения на территорию, где следует локализовать пали. Среди них менее интересны те, авторы которых исходят не из лингвистических, а в основном из культурно-исторических данных. Из высказанных точек зрения заслуживают внимания: 1) традиционное мнение о Магадхе как родине пали; 2) предположение о более или менее искусственноном характере пали, который, возможно, выступал как своего рода *lingua franca* (Керн, Минаев, а потом — в несколько более измененной форме — Виндиш, Гейгер и др., стремившиеся видеть в пали одну из форм языка Магадхи); 3) точка зрения, согласно которой пали представляет собой диалект Уджани и ближе всего стоит к языку надписей Ашоки из Гирнара в Гуджерате (Вестергаард, Э. Кун, Лоу; несколько иначе — Франке); 4) соображения Ольденберга и Э. Мюллера

о связи пали с языком надписи из Кхандагари и, следовательно, с Калингой; 5) гипотеза Валлэзера о пали как диалекте Паталипутры; 6) мнение о более тесном родстве пали с диалектом пайшачи и о районе Винджья как родине пали (Конов); 7) схема Рис-Девидса, согласно которой пали вырос на основе говора Кошалы в VII—VI вв. до н. э. Почти каждая из этих точек зрения опирается на факты сходства пали с теми или иными среднеиндийскими диалектами. И тем не менее ни одна из них не может претендовать на полную доказательность. Скорее всего ближе к истине те, кто связывает пали с северо-западом Индии и при этом считает возможным говорить о пали как диалекте, уже получившем известную литературную обработку и употребительном в областях, выходящих за пределы территории первоначального распространения пали.

Что же касается мнений относительно локализации диалекта, легшего в основу первоначального канонического предания, то в настоящее время целесообразно говорить о двух направлениях поиска: во-первых, мнение о связи с Магадхой (Леви, Людерс, Хьен-лин Чжи, ср. приводимые ими аргументы в пользу отождествления старого ардхамагадхи с языком «пра-Канона») и, во-вторых, мнение, согласно которому язык первоначальной буддийской проповеди совмещал в себе черты самых разных среднеиндийских диалектов, и диалект Магадхи был лишь одним из его компонентов, значение которого сильно преувеличивается (Эджертон, Лин Ли-куан; сторонники этой точки зрения особенно любят ссылаться на знаменитую беседу монахов с Буддой относительно языка, на котором следует проповедовать буддизм, см. Чуллав. 5, 33; Виная II, 131, 1 и след.). Разумеется, диалекты таких центров раннего буддизма, как Уджани, Матхура, Вайшали, Каушамби и др., могли внести некоторый вклад в язык «пра-Канона» и превратить, таким образом, его в нечто вроде диалектапосредника, тем не менее трудно оспаривать очевидные преимущественные связи с восточно-индийской областью и с диалектами типа старого ардхамагадхи.

Наличие в пали элементов, заимствованных из других среднеиндийских диалектов или даже из дравидских и австроазиатских языков (ср., например, пал. *aṭavi-* 'лес', *cīra-:cī-vara-* 'одежда', *kāla* 'черный', *kuṭi-* 'хижина', *toya-* 'вода' и т. п. и некоторые синтаксические конструкции—из дравидских языков, ряд любопытных префиксальных образований из австроазиатских источников), не исчерпывает, однако, всех отклонений от некоего стандарта. Часть этих отклонений связана с временной дифференциацией языка палийских текстов, которую в некоторых случаях трудно отделить от дифференциации, зависящей от жанровых особенностей текста.

С известным основанием можно говорить о четырех видах пали: 1) язык стихотворных частей (гатх) Канона, насчитывающих до 20 000 стихов (во многих случаях именно он сохраняет самые древние из возможных в пали форм, или формы, не употребительные в прозе [ср. им. пад. мн. ч. на *-āse*: *gatāse*; *-bhi* в твор. пад. мн. ч.; отлож. пад. ед. ч. вроде *diviyā*; *tuvaṭ* и *dive* вм. *tuvaṭ* и *dve*; буд. вр. от *hū*: *hessati*; 3-е л. мн. ч. корнев. аор. на *-iṭ*: *akariṭ*; инфинитив на *-tāye*: *dak-khitāye*; абсолютив на *-(t)vāna*: *disvāna*, *sutvāna*; 3-е л. ед. ч. оптат. на *-e*: *ādise*; 1-е л. мн. ч. оптат. и императ. на *-ti*: *risschetti*, *jāpeti*; формы средн. залога: *vande*, *amhāse*, *kagomase*, *āśīne* и др., не говоря о ряде словарных особенностей, отсутствующих в прозе], и часто отличается от древнеиндийского языка почти исключительно на уровне фонологической записи текста; с другой стороны, метрические требования делают возможным употребление в языке гатх ряда явных новообразований); 2) язык канонической прозы (несравненно более однородный и упорядоченный — без сколько-нибудь значительного пласта архаизмов или неожиданных новообразований, — чем язык гатх; в известном отношении именно этот язык может рассматриваться как эталон классического пали); 3) язык послеканонической прозы (например, Милинда-паньхи или великой комментаторской литературы; формальные различия между этим языком и языком канонической прозы невелики, хотя в нем, естественно, меньше архаичных элементов; важнее другое различие — язык этих произведений в ряде отношений более регулярен и менее специфичен, чем язык Канона, поскольку в этот период он начинает функционировать прежде всего как язык литературы, оторванный в значительной степени от живого языка в его развитии); 4) язык позднейших произведений (довольно разнородный по своему характеру, с колебаниями от почти санскритских форм до явно противоречащих каноническому пали новообразований, предполагающий утрату ощущения не только живого языка, но и отчасти языка канонических текстов в деталях). О пали за пределами Индии и Цейлона см. ниже. В этой книге описание пали ориентировано, разумеется, на язык прозаических и стихотворных частей Канона; вместе с тем предлагаемое описание включает в себя как часть и описание языка послеканонической литературы.

ЛИТЕРАТУРА НА ЯЗЫКЕ ПАЛИ

Центральное место в более чем двухтысячелетней истории палийской литературы занимает, несомненно, буддийский Канон, известный под названием Типитаки (*Tripiṭaka* «Три корзины [закона]»). Палийская версия Канона сама по себе

образует целую литературу, вокруг которой выросла огромная комментаторская литература. Весьма значительная часть неканонической литературы на пали так или иначе ориентируется на тексты Канона.

Уже это обстоятельство определяет выдающееся значение Типитаки в развитии палийской литературы. Не менее важны и некоторые другие соображения. Прежде всего Канон относится к числу самых древних текстов на языке пали. Хотя письменная фиксация Канона в том виде, как он известен нам сейчас, произошла в 80 г. н. э. в правление цейлонского царя Ваттагамани, ядро его, видимо, оформилось не позже Третьего Собора, состоявшегося в середине III в. до н. э. в Паталипуре, а может быть, и раньше. К сожалению, имея возможность говорить о ядре Типитаки в содержательном плане применительно к очень раннему времени (как известно, уже на Первом Соборе в Раджагрихе сразу же после смерти Будды его сподвижники изложили основные принципы учения, легшие впоследствии в основание Типитаки), мы не располагаем достаточно надежными данными для решения вопроса о том, когда Канон стал излагаться на пали. Как бы то ни было, именно палийская версия Канона, связанная с деятельностью секты тхеравадинов, оказалась наиболее полной и аутентичной (если не говорить о частностях). Отсюда — первостепенное значение Типитаки для изучения одного из ранних этапов в развитии буддизма вообще и его хинаянической разновидности в частности; для реконструкции первоначального доканонического предания; для воссоздания истории древнеиндийской и среднеиндийской литературы; наконец, для исследования палийского языка (описания пали обычно исходят именно из канонических текстов).

Буддийский Канон членится на три основные части: Виная-питака, Сутта-питака и Абхидхамма-питака.

I. Виная-питака излагает правила поведения, обязательные для членов буддийской общины. В ней содержатся многочисленные предписания, регулирующие повседневную жизнь членов сангхи, начиная от вопросов, связанных с устройством сангхи, и кончая деталями, относящимися к удовлетворению естественных потребностей. Обилие технических подробностей объясняет сухость и однообразие стиля этой части Канона, лишь изредка нарушающегося эпизодами менее догматического характера (ср., например, использование некоторых фольклорных мотивов). Несомненно, однако, что Виная-питака является незаменимым источником при изучении организации ранней буддийской общины. Виная-питака включает в себя три книги: Сутта-вибханга, излагающая и комментирующая Пратимокшу (Патимокха) — один из древнейших дисципли-

нарных кодексов с подробным изложением этических предписаний и мер наказания согрешившим; Кхандхака (состоит из двух частей — Махавагга и Чуллавагга), содержащая целый ряд эпизодов из жизни Будды, правила приема в сангху, исполнения некоторых обрядов, практические советы, включая медицинские, и т. п. (кажется, есть основания видеть в этом тексте отрывки утерянной хроники); Паривара, возникшая относительно поздно, видимо, на Цейлоне, и представляющая собой краткое изложение (в 19 разделах) некоторых положений двух других текстов, образующих Виная-питаку.

См.: «The Vinaya-Pitaka, one of the principal Buddhist holy Scriptures in the Pali language», ed. H. Oldenberg, vol. 1—5, London, 1879—1883; «Vinaya Texts», transl. by T. W. Rhys Davids and H. Oldenberg, — SBE, vol. XIII, XVII, XX, London, 1881—1885; И. П. Минаев, *Пратимокша-Сутра, буддийский служебник*, СПб., 1869; Dickson, *The Patimokkha*, — JRAS, 1875—1876.

II. Сутта-питака принадлежит к наиболее замечательным частям Канона. Она весьма полно и при этом наименее догматически излагает буддийское учение — дхамму. Произведения, составляющие Сутта-питаку, весьма разнообразны. Они написаны прозой и стихами и содержат поучения, легенды, афоризмы, собрания лирических стихотворений, философские диалоги, связываемые прежде всего с именем Будды и его учеников. Высокие эстетические достоинства многих текстов, входящих в эту питаку, делают ее в целом шедевром буддийской и — гораздо шире — древнеиндийской художественной литературы, что, в частности, объясняет чрезвычайную популярность Сутта-питаки в широких слоях общества в древности и в настояще время. Сутта-питака содержит пять собраний сутр (никая), причем четыре первых собрания образуют определенное единство в плане содержания и формально-композиционных особенностей.

Сутта-питака начинается с «собрания пространных поучений» — Дигханикаи, содержащей 34 сутры. Среди них наиболее значительна Махапариниббанасутта, рассказывающая о последних днях жизни, о смерти и погребении Будды; именно здесь содержатся знаменитые слова, сказанные Буддой при прощании: «состоящее из частей подвержено разрушению; трудитесь прилежно» (*vayadhammā saṃkhārā, appatādēna sampādethāti*). К этой сутре примыкает Махасудассана-суттант, в своей основе совпадающая с одноименной джатакой. В ней описывается великая слава царя царей, жизнь, исполненная наслаждений и сказочного богатства, и тщетность стремлений к тому, что преходящему. Изображение царского града Кусавати принадлежит

к числу лучших страниц палийской литературы. Из других сутр наибольший интерес представляют Брахмаджала-сutta, в которой объясняются моральные предписания, лежащие в основе буддийского учения, анализируются различные философские доктрины от этернализма до гедонизма, описываются многочисленные детали, относящиеся к специфике древнеиндийской жизни; Тевиджа-сutta, излагающая буддийское понимание праведной жизни и критику брахманского пути, основанного на знании вед (заслуживает внимания сократовский по существу способ ведения беседы Буддой с брахманами); Маханидана-сутта, в которой подробно дискутируется один из центральных вопросов буддийской философии — о зависимом происхождении; Махаговинда-сутта, важная с точки зрения изучения древнеиндийской истории и географии. В других сутрах затрагиваются проблемы буддийской этики, отношения души и тела, аскетизма, обрядов, рассматривается вопрос о кастах, об обязанностях домохозяина и т. д.

За Дигха-никаей следует «собрание поучений среднего размера» — Маджджхима-никая, принадлежащая, видимо, к числу относительно поздних частей Сутта-питаки. В 152 сутрах этого собрания рассмотрены практически все сколько-нибудь существенные вопросы буддийской религии; в них находят отражение и отношение буддизма к джайнизму и брахманизму, и некоторые особенности социально-политической ситуации того времени. Особо следует указать на Дведхавитакка-сутту — важный источник сведений о формировании некоторых частей Канона; Кандарака-сутту, где излагаются доводы Будды против аскетизма; Ганакамоггалана-сутту, повествующую о полемике Будды с математиком Моггалланой.

Самьютта-никая — «собрание связанных поучений» — состоит из 56 частей и также относится к числу поздних разделов Сутта-питаки. Несомненно, что наиболее значительная часть Самьютта-никаи — Дхаммачакрапаваттака-сутта, содержащая Бенаресскую проповедь, с которой начался проповеднический путь Будды. В этой сутре рассказывается о приведении в движение Колеса Закона, об отказе от двух крайностей (привязанность к миру вещей и страсти и самоистязание) и выборе «срединного» пути (восьмеричный путь), о четырех благородных истинах. Возвышенность мыслей и изящная краткость изложения выдигают этот небольшой текст на особое место в буддийской литературе. Само представление о Колесе Закона, восходящее в конечном счете к ведийской древности, будучи обогащено новым содержанием, стало одним из самых известных символов буддизма. Среди других частей этой никай заслуживает внимания

ния Нидана-самьютта, излагающая учение о причинной цепи, порождаемой avidyей (незнанием) и приводящей к новым рожданиям, старости, страданиям, смерти.

Самой обширной частью Сутта-питаки является «собрание поучений, большее на один член» — Ангуттара-никая. В ней около 2300 сутр, разделенных на 11 частей в зависимости от числа качеств, характеризующих тот или иной предмет (о двух родах грехов, о пяти добродетелях ученика, о семи сокровищах этики и т. д.). Несмотря на искусственность композиции и некоторую формалистичность принципов группировки отдельных частей, в Ангуттара-нике содержатся ценные сведения о первоначальной сангхе, в частности, о первых сподвижниках Будды.

Самой замечательной частью Сутта-питаки, включающей подлинные шедевры художественного творчества, следует считать «собрание кратких поучений» — Кхуддака-никаю. Этот раздел как нечто целое оформился довольно поздно. В пользу такого заключения говорят различные соображения, в частности, расхождения в объеме и в составе Кхуддака-ники на Цейлоне, в Бирме или в Сиаме. Тем не менее нет сомнений в том, что отдельные произведения этого цикла принадлежат к числу весьма древних частей Канона и с большой точностью и достоверностью передают атмосферу, в которой существовала первоначальная буддийская община. Несколько неорганичное сочетание частей Кхуддака-ники искупается тем обстоятельством, что ее можно рассматривать как своего рода антологию наиболее популярных текстов и тем самым понять некоторые из критериев, определявшие относительную ценность отдельных буддийских текстов.

Кхуддака-никая начинается с «собрания кратких афоризмов» — Кхуддака-патхи. Она состоит из девяти текстов, которые вместе содержат основные положения буддийского учения. В частности, здесь находится Саранагамана (*buddhaṭ saraṇaṭ gacchāmi*, *dhammaṭ saraṇaṭ gacchāmi*, *samghaṭ saraṇaṭ gacchāmi* и т. д. ‘к Будде иду как к прибежищу, к Дхамме иду как к прибежищу, к Сангхе иду как к прибежищу’), представляющая собой символ веры. Примыкающая к ней часть также может рассматриваться как своего рода молитвенник, в котором содержатся предписания, определяющие круг моральных установлений (воздержание от праздного образа жизни, эстетических удовольствий, лжи, воровства, убийства и т. п.). Более изощренный характер носят дальнейшие части, ориентированные на символику чисел (ср. перечень 32 частей тела, 10 вопросов к новообращенному). Среди пяти сутр, замыкающих Кхуддака-патху, выделяется Ратана-сutta, один из шедевров раннепалийской лирики; интересна для изучения народных верований и Тирокудда-

сутта: в ней идет речь о душах умерших; этот небольшой текст в известной степени связывает старую индуистскую традицию с современными обычаями в некоторых местах Цейлона и Сиама, где до сих пор популярны отдельные стихи из этого памятника, произносимые при сожжении умерших. Менее интересны остальные сутры Кхуддака-патхи (Мангала-сутта, Нидхиканда-сутта и Карапия-метта-сутта).

За Кхуддака-патхой следует наиболее знаменитое произведение раннего буддизма — Дхаммапада, сборник изречений, состоящий из 26 глав (о серьезности, о мысли, о глупцах, о мудрых, о зле, о наказании, о старости, о своем Я, о мире, о счастье, о гневе, о скверне, о пути, о желании, о бхикшу, о брахманах и т. п.). Широта тем, сочетание философских вопросов с наблюдениями, почерпнутыми из повседневной жизни, поэтическая одушевленность, простота и строгость языка определили особое место этого памятника в буддийской литературе (известны также санскритские, пракритские, тибетские, китайские, тохарские рецензии этого текста) и его удивительную дальнейшую судьбу.

Простотой языка и высокими поэтическими достоинствами отличается и третья часть Кхуддака-никии — Удана, составленная из сочетания стихов разных метров и прозы. Рассмотрение таких важных проблем, как нирвана, карма, эволюция, посмертная жизнь, чередуется в Удане с экстатическими излияниями, приписываемыми Будде. Высказывания Будды по вопросам морали (страсть, гордость, слово, мысль, дружба, добродетель, истина и т. п.) составляют содержание Итивуттаки, также чередующей стихи и прозу.

Еще большее внимание уделено морально-этическим проблемам в Сутта-нипате, которая наряду с Дхаммападой принадлежит к числу наиболее авторитетных и известных частей всего Канона. Сутта-нипата по праву считается одной из самых старых канонических книг. Об этом свидетельствует не только ее язык, в ряде случаев существенно отличающийся от языка других палийских текстов (вплоть до того, что ему известны такие формы, как *samūhatāse*, *paṇditāse*, *vinicchayā* вм. *vinicchayāni*; *parīḍhā* вм. *parīḍhāya*; *vippaṭṭave*, *sampravāṭave* и т. п., аналогичные ведийским формам), но и особенности содержания Сутта-нипаты, отражающие ранний этап в развитии буддизма. Поэтому не случайно, что в этом памятнике изображаются картины жизни ранней буддийской сангхи, когда она была представлена лишь отдельными группами странствующих отшельников и когда в центре ее интересов еще не стояли вопросы религии и философии в догматическом плане. Все это объясняет первостепенное значение Сутта-нипаты как исторического памятника, в котором

содержатся ценные сведения не только о буддизме, но и о других направлениях религиозно-философской мысли во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. в Северной Индии (ср. данные, относящиеся к сектам брахманов и саманов, к характеристике социальных и экономических условий и т. д.). Вместе с тем несомненны достоинства Сутта-нипаты и как поэтического произведения (ср., в частности, некоторые стихотворные и диалогические части [например, беседу Будды с Дханией]). Художественный анализ текстов Сутта-нипаты раскрывает связи с древнейшей литературой Индии, объясняя ряд особенностей выбора и построения образов (ср., например, Урагасутту, где человек, отрешившийся от страстей, уподобляется змее, сбрасывающей кожу) в палийской литературе, не говоря уж о сходстве в общем строении художественных произведений.

Гораздо менее значительны Виманаватту и Петаватту, составляющие соответственно 6-ю и 7-ю части Сутта-питаки. И та и другая относятся к числу поздних канонических произведений, в сущности подменяющих дух первоначального учения идеей посмертного воздаяния за добрые дела (изображение небесных обиталищ, в которых наслаждаются боги, в Виманаватту) и наказания за грехи (картина печальной участи не находящих себе покоя душ).

8-ю и 9-ю части Сутта-питаки составляют два произведения, приписываемые ученикам и последователям Будды (как среди мужчин, так и среди женщин), — Тхера-гатха и Тхери-гатха, выдержаные последовательно в метрической форме. Оба текста содержат взволнованные излияния людей, близких к Будде, исполненные высокого религиозного чувства. Можно думать, что некоторые отрывки из них восходят к самому раннему этапу буддийской проповеди. Обращает на себя внимание язык этих произведений: то простой и выразительный, то неясный и чрезмерно усложненный. Особый интерес представляют места, в которых содержатся сведения о жизни ближайших сподвижников Будды и двоякая характеристика нирваны (в негативном и позитивном плане).

Последним из выдающихся произведений, входящих в Сутта-питаку, следует считать Джатаки, около 550 рассказов-легенд и сказок о предшествующих существованиях Будды. В целом можно сказать, что Джатаки являются результатом компромисса между стихией древнеиндийского народного творчества (прямо или опосредованно отраженной и в ряде других произведений — в эпосе, в Катхасаритсагаре, в Панчтанdre) и буддийским учением, взятым, впрочем, в довольно поверхностной и произвольной интерпретации. В этом смысле Джатаки в известной степени наименее каноничны. Зато несомненно, что именно они отражают наиболее распространенные представления о буддийской морали и этике.

ненное в широких слоях понимание буддизма в древней Индии, вписывающееся в уже известные рамки теории метампсихоза и преобразующееся в духе старой традиции. В Джатаках используются традиционные для индийской литературы приемы: принцип обрамления, сочетание стихов и прозы, участие животных, говорящих и действующих, как люди, наличие сентенций морализующего характера и т. п. Каждый рассказ снабжен введением, в котором сообщаются те или иные эпизоды из жизни Будды, вызвавшие к жизни очередные истории о рождении. Популярность Джатак в течение почти двух тысячелетий несомненна: она отражена в многочисленных пересказах и переделках на среднеиндийских языках (включая и гибридный буддийский санскрит), не говоря уж о новоиндийских языках, в произведениях изобразительного искусства, в пословицах, поговорках и притчах, уже утративших связь с рассказами, содержание которых некогда мотивировало их.

Остальные части Сутта-питаки менее значительны. Нидеса (или Маханидеса) представляет собой нечто вроде комментария, приписываемого Сарипутте, к некоторым местам Сутта-нипаты; заслуживает внимания анализ ряда слов (*tunī*, *kāta*, *sikkhā*, *bhikkhu*, *dhono*, *loka*, *vivāṭa* и т. д.) и доктрин, отвергнутых Буддой (этернализм и не-этернализм, учение о конечном и бесконечном, об идентичности и неидентичности тела и души). Патисамбхидамагга рассматривает вопросы, связанные со знанием (*lāpa*), с истинами, с поведением, предлагая любопытную классификацию их; во многих отношениях этот текст обнаруживает теснейшие связи с Махавагой (часть, озаглавленная таким образом, имеется и в Патисамбхидамагге) и — шире — с Абхидхаммой. Буддхаванса в стихах излагает историю жизни Будды и 24 предшествовавших ему будд. Не исключена возможность, что ранее эти жизнеописания были известны в прозаической форме. Позднее происхождение Буддхавансы не подлежит сомнению. Тем не менее она интересна как опыт мифологической истории, имеющей аналог в попытке построения исторической концепции в ранних цейлонских хрониках. Чария-питака повествует о том, каким образом Будда достиг десяти совершенств (*pāramitā*), которые, собственно говоря, и позволили ему стать Буддой. Тема поведения связывает этот текст с Патисамбхидамаггой (с ее третьей главой); манера изложения и содержание — с Джатаками. Последняя часть Сутта-питаки — Ападана, собрание легендарных историй в стихах о великих деяниях буддийских святых (биографии почти 600 последователей Будды), ср. аваданы в северобуддийской литературе на санскрите. Поздняя дата составления этого сборника очевидна.

См.: «*Sutta-Piṭaka. Buddhist legends*», vol. 1—3, Cambridge — Massachusetts, 1921; «*Canon Buddhique Pali (Ti-piṭaka)*», texte et traduction par J. Bloch, Paris, 1949 (часть Дигха-никаи); «*Dīgha-Nikāya*», ed. T. W. Rhys Davids, J. E. Carpenter, vol. 1—3, London, 1889—1910 (перепечатано — 1947—1949); «*Dialogues of the Buddha (Dīgha-Nikāya)*», ed. T. W. Rhys Davids, C. A. F. Rhys Davids, vol. 1—3, London, 1899—1921 (перепечатано — 1952—1957); «*The Majjhima-Nikāya*», ed. V. Trenckner, R. Chalmers, London, 1887—1925 (перепечатано — 1949—1951); «*Further Dialogues of the Buddha (Majjhima-Nikāya)*» vol. 1—2, R. Chalmers, London, 1926—1927; «*The Middle Length Sayings (Majjhima-Nikāya)*», vol. 1—2, I. B. Horner, London, 1954—1957; «*The Saṃyutta-Nikāya of the Sutta-Piṭaka*», ed. L. Feer, vol. 1—6, London, 1884—1904; «*The Book of Kindred Sayings (Saṃyutta-Nikāya)*», vol. 1—5, C. A. F. Rhys Davids, F. L. Woodward, London, 1917—1930 (перепечатано — 1951—1956); «*The Aṅguttara-Nikāya*», vol. 1—6, ed. R. Morris, E. Hardy, London, 1885—1910; «*The Book of the Gradual Sayings (Aṅguttara-Nikāya)*», vol. 1—5, F. L. Woodward, E. M. Hare, London, 1933—1936 (перепечатано — 1953—1954); «*Khuddakapāṭha*», ed. H. Smith, London, 1915; C. A. F. Rhys Davids, *The Minor Anthologies of the Pali Canon*, vol. 1, London, 1931 (перевод Кхуддакапатхи и Джаммапады); S. Radhakrishnan, *The Dhammapada with introductory essays. Pali text, English translation and notes*, Oxford, 1950 (изд. 2 — 1954); «*The Dhammapada*», ed. Suriyagoda Sumangala Thera, London, 1914; «Джаммапада», перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960; «*Udānam*», ed. P. Steinthal, London, 1885 (перепечатано — 1948); C. A. F. Rhys Davids, *The Minor Anthologies of the Pali Canon*, vol. 2, London, 1935 (перевод Уданы и Итивуттаки); «*Iti-Vuttaka*», ed. E. Windisch, London, 1890 (перепечатано — 1948); «*Sayings of the Buddha, the Iti-Vuttaka*», transl. by J. H. Moore, New York, 1908; «*Suttanipāta*», ed. D. Andersen, H. Smith, London, 1913 (перепечатано — 1948); «*Suttanipāta. Commentary*», vol. 1—3, ed. H. Smith, London, 1916—1918; «*Sutta-Nipāta. Buddha's teaching being the Sutta-Nipāta or Discourse Collection*», edited in original Pali text with an English version by R. Chalmers, Cambridge — Massachusetts, 1932; «*Vimānavatthu*», ed. E. R. Gooneratne, London, 1886; «*Petavatthu*», ed. I. Minayeff, London, 1889; «*The Thera- and Therī-Gāthā*», ed. H. Oldenberg, R. Pischel, London, 1883; «*Thera-therī-gāthā Pādas*», ed. W. Stede, London, 1927; «*Psalms of the Brethren (Theragāthā)*», C. A. F. Rhys Davids, London,

1937 (изд. 2); «*Psalms of the Sisters (Therīgāthā)*», C. A. F. Rhys Davids, London, 1909 (перепечатано—1949); «*The Jātaka together with its commentary*», vol. 1—7, ed. V. Fausbøll, London, 1877—1897; T. W. Rhys Davids, *Buddhist Birth Stories or Jātaka*, I, London, 1880; «*The Jātaka*», transl. by various scholars under the editorship of E. B. Cowell, vol. 1—7, Cambridge, 1895—1913; «*Niddesa Mahā*», vol. 1—2, ed. L. de la Vallée Poussin, E. L. Thomas, London, 1916—1917; «*Niddesa Cūla*», ed. W. Stede, London, 1918; «*Paṭisambhidāmagga*», vol. 1—2, ed. A. C. Taylor, London, 1905—1907; «*The Buddhavamsa and the Cariyāpiṭaka*», ed. R. Morris, London, 1882; C. A. F. Rhys Davids, *The Minor Anthologies of the Pali Canon*, vol. 3, London, 1938 (перевод Буддхавансы и Чария-питаки); «*Apadāna*», vol. 1—2, ed. M. E. Lilley, London, 1925—1927; «*Apadāna Commentary*», ed. C. E. Godakumbara, London, 1954.

III. Абхидхамма-питака составляет третью часть Канона. В основном она посвящена, как и Сутта-питака, проблеме дхармы, рассматриваемой, впрочем, в метафизическом и этико-психологическом ракурсах. Абхидхамма-питака состоит из семи трактатов (отсюда — ее другое название Саттапакара на). Первым и, пожалуй, самым интересным из них следует считать *Дхаммасангани* — «Перечисление (классификация) дхамм», представляющее собой по сути дела руководство по психологии, точнее, обстоятельное исследование этических категорий с психологической точки зрения. Все-ленная во всем ее многообразии рассматривается здесь как совокупность создаваемых человеком представлений, связываемая с психическими элементами. Несомненно, что *Дхаммасангани* принадлежит к числу лучших достижений в области психологии в древнем мире (любопытны некоторые параллели между идеями этого сочинения и открытиями современной психологии). Представляет интерес форма трактата: чередование вопросов и ответов, склонность к симметричному построению текста, чрезвычайно значительная роль чисел и т. п. Характерно, что уже в начале 2-го тысячелетия *Дхаммасангани* был переведен на Цейлоне с пали на сингальский язык.

Менее интересна *Вибханга*, тесно связанная с *Дхаммасангани* как тем, что она развивает анализ некоторых психологических категорий, не получивших должного развития в описанном выше трактате, так и простым повторением ряда глав из него.

Далее следует *Катхаватту*, третья книга Абхидхаммы-питаки, приписываемая Тиссе Моггалипутте, председатель-

ствовавшему на Третьем Соборе в Паталипутре. В этой книге рассматриваются спорные вопросы буддийской философии и догматики и отстаиваются взгляды, характеризующие секту тхеравадинов. Катхаваттуху относится к каноническим текстам первостепенного значения, поскольку в ней отражен важный этап дифференциации внутри раннебуддийской философии и возобладание тхеравады. С другой стороны, Катхаваттуху обнаруживает очевидные связи с некоторыми эдиктами Ашоки, современными ей, с Милинда-паньхой и рядом других текстов. Все это позволяет уточнить ее место в палийской литературе и считать ее важным историческим памятником.

Пуггала-паньхатти дает классификацию различных типов индивидуальностей, личностей (пуггала) в зависимости от их состояний или поведения. Любопытно, что предметом классификации выступает здесь понятие, лишенное, по мнению буддистов, реального содержания и обладающее лишь кажущейся истинностью. Тем не менее сама классификация не лишена интереса и в содержательном плане, не говоря уже о чисто формальном.

Менее значительны остальные три части Абхидхаммы-питаки, к тому же малоизученные (отчасти из-за сложности текста), — Дхатукаттуху, Ямака, Паттханапакарана. Однако и в них рассматривается ряд существенных вопросов, ср. анализ причинных отношений, некоторых проблем психологии и прикладной логики.

См.: «*Dhammasangani*», ed. E. Müller, London, 1885; C. A. F. Rhys Davids, *A Buddhist Manual of Psychological Ethics*, London, 1900 (изд. 2 — 1923) [перевод]; «*Vibhaṅga*», ed. C. A. F. Rhys Davids, London, 1904; «*Kathāvatthu*», vol. 1—2, ed. A. C. Taylor, London, 1894—1897; «*Kathāvatthu Commentary*», ed. I. Minayeff, London, JPTS, 1889; S. Z. Aung, C. A. F. Rhys Davids, *Points of Controversy (Kathāvatthu)*, London, 1915; B. C. Law, *The Debates Commentary (on Points of Commentary)*, London, 1941; «*Puggalapaññatti*», ed. R. Morris, London, 1883; «*Puggalapaññatti Commentary*», ed. G. Landsberg, C. A. F. Rhys Davids, London, JPTS, 1914; B. C. Law, *A Designation of Human Types (Puggalapaññatti)*, London, 1922; Nyānatiloka, *Puggala Paññatti, das Buch der Charaktere*, Breslau, 1910 (перевод); «*The Dhātu Kathā Pakaraṇa and its Commentary*», ed. E. R. Gooneratne, London, 1892; «*The Yamaka*», vol. 1—2, ed. C. A. F. Rhys Davids, London, 1911—1913; «*Yamaka Commentary*», ed. C. A. F. Rhys Davids, London, JPTS, 1912; «*Paṭṭhānappa-karaṇa*», ed. C. A. F. Rhys Davids, London, 1906 (неполное издание).

К Канону примыкает тесно с ним связанное собрание канонических текстов, используемое в народе для заклинаний и других магических действий — Паритта (ср. церемонию паритта на Цейлоне, синг. *pirit*). См. О. Frankfurter, *Handbook of Pali*, Gertford, 1883 (текст Паритты).

Среди литературных произведений на пали, не вошедших в Канон, нет памятников, которые по своей художественной ценности были бы соизмеримы с лучшими образцами канонической литературы. Тем не менее значение послеканонической литературы во многих отношениях весьма велико. Оно определяется рядом обстоятельств. Прежде всего эта литература, выросшая как комментарий к Канону, ценна тем, что она, уточняя, разъясняя и конкретизируя основные положения и многочисленные частные детали буддийского учения (остающиеся иногда двусмысленными или даже вовсе неясными без обращения к комментаторской литературе), вместе с тем является мерой отклонения догматических, философских и иных взглядов от соответствующих воззрений, отраженных в Каноне. В силу этого неканоническая литература на пали представляет собой важный источник для реконструкции эволюции религиозных, философских, правовых, эстетических теорий, восходящих в конечном счете к концепциям, сложившимся в недрах раннего буддийского учения. Возникновение новых жанров, не нашедших отражения в Каноне, как, например, исторические хроники или лингвистическая литература, делает неканонические тексты дополнительным источником наших сведений об истории тех стран, к которым относятся эти тексты, и, в частности, об истории развития науки в них; помимо этого, новые виды текстов в сочетании с другими сведениями дают представление о том, как изменялась во времени и в пространстве первоначально единая модель мира, отраженная в ядре канонических текстов. Проблема взаимодействия этой модели с местными моделями мира и выяснение особенностей трансформации их не могут быть решены без учета позднейших текстов, оставшихся за пределами Канона. Точно так же нельзя понять особенностей становления литературных традиций в ряде стран Юго-Восточной Азии без учета влияния поздней буддийской литературы на пали, продолжающегося во многих местах до сих пор. Наконец, эта же проблема контактов может быть поставлена и применительно к взаимодействию местных языков с пали. Во всяком случае многие палийские тексты Бирмы, Сиама, Камбоджи должны рассматриваться как результат креолизации палийской языковой модели с соответствующими моделями туземных языков (об этом см. ниже).

Несомненно, что наиболее распространенным и авторитетным жанром в неканонической литературе на пали были ком-

ментарии типа Аттхакатха, существовавшие, видимо, уже с раннего времени в двух версиях — палийской и сингальской. Именно они послужили одним из источников для позднейшойcommentatorской литературы, связанной в первую очередь с именем Буддхагхоши.

Среди текстов, написанных на пали в первые века нашей эры, заслуживают внимания два трактата, представляющих собой методологическое введение в буддийское учение — Неттипакара и Петакопадеса. Их цель — в указании путей, которые ведут к приобретению текстуального и экзегетического знания доктрины. Особенno интересен первый из названных трактатов, в котором излагаются методы объяснения и доказательства тех или иных положений учения в связи с анализом разных типов людей с точки зрения их способностей к восприятию идей. Поучителен анализ некоторых циклических процедур, метода синонимов, метода определения значения, метода атрибуции, ряд классификационных схем и многие другие проблемы, излагающиеся в этом труде и нередко перекликающиеся с соответствующими проблемами в современной логике.

Самым замечательным произведением послеканонической литературы и одним из шедевров мировой философской прозы следует считать состоящую из семи частей книгу вопросов царя Милинды — Милинда-паньха. Удивительна судьба этой книги. Написанная в северо-западной Индии (не раньше конца II в. н. э.) на буддийском санскрите или одном из пракритских диалектов, она дошла до нас в палийском переводе, сделанном на Цейлоне. Отсюда палийская версия этого северо-буддийского текста (единственного из текстов, составленных в северной Индии и признанных авторитетными в странах, где распространен южный вариант буддизма) проникла в Бирму и в Сиам, где уже позднее дала начало новым версиям на местных диалектах. Особый вариант этого текста засвидетельствован и в китайском переводе. Милинда-паньха представляет собой беседу на философские темы между царем Милиндой, искушенным в искусствах и науках, и буддийским философом Нагасеной (имя Милинды связывается с греческим царем Менандром, правившим в северо-западной Индии во II в. н. э.). На вопросы Милинды относительно тех или иных положений буддийского учения Нагасена давал последовательные ответы, доводя до логического конца то, что было недостаточно ясно сформулировано Буддой или содержало (хотя бы только по видимости) противоречия (ср. анализ их в четвертой части книги). Поэтому Нагасена не только талантливейший интерпретатор и комментатор буддизма, но отчасти и его оппонент. По сути дела в ряде случаев он критикует отдельные детали буддийского

учения и манеру, в которой делаются в нем утверждения на основании данной совокупности фактов, с точки зрения рационализма и позитивизма. Одержаный духом предельно строгого и последовательного научного анализа, Нагасена во многих случаях предлагает негативное объяснение отдельных утверждений раннего буддизма, подчеркивая недостаточность оснований, исходных для данных утверждений. Любая из проблем, рассматриваемых в Милинда-паньхе, — будь то вопрос о несуществовании души, или учение о я как о потоке понятий, абстрагированных от конкретных состояний этого я, или проблема собственных имен, или рассуждения о нирване, — получала блестящее и всегда оригинальное решение. Многие из них предвосхищают идеи, известные из более поздних философских и логических сочинений (вплоть до современных). Обилие указаний на канонические тексты в Милинда-паньхе и на нее в более поздних произведениях делает это произведение важным ориентиром и связующим звеном между Каноном и последующей литературой на пали. Выдающиеся литературные достоинства Милинда-паньхи в сочетании с поразительным обилием идей объясняют то большое интеллектуально-эстетическое удовлетворение, которое испытывает читатель этой книги.

Из других произведений, предшествующих периоду усиленной комментаторской работы, помимо *На расихагатахи*, изящной стихотворной поэмы о Будде как о человеке, подобном льву, популярной на Цейлоне, следует прежде всего назвать древнейшую из известных палийских исторических хроник — *Дипавансу*, доводящую изложение событий на Цейлоне до середины IV в. н. э. (конец правления Махасены). В ней в стихотворной форме (с прозаическими вкраплениями) излагаются важные исторические события, подтвержденные и другими источниками, и одновременно легендарные и мифологические факты, трактуемые с той же степенью достоверности. Хотя литературные достоинства памятника невелики, его значение как первой из известных на индо-цейлонской почве попыток построения исторического описания путем включения исторических событий в мифологическое пространство не может быть преуменьшено. С *Дипавансой* интимно связан второй образец историко-хроникального жанра — *Махаванса*, сложенная несколько позже, чем *Дипаванса*, и во многих отношениях зависящая от нее; к *Махавансе* примыкает и отчасти продолжает ее более поздняя *Чулаванса*. Сравнительный анализ этих двух исторических хроник важен для взаимной проверки сообщаемых в них фактов и для установления связей с *Атхакатха-Махавансой* (старая хроника, прозаические части которой написаны на сингальском языке, а стихотворные — на пали), послужившей,

видимо, источником для двух названных исторических хроник.

В V в. начался блистательный период расцвета палийской литературы на Цейлоне, отмеченный удивительной по масштабам работой комментаторов Канона. Среди них особое место занимает Буддхагхоша, центральная фигура всего этого периода и до сих пор высший авторитет в области хинаянической экзегезы. Уже в древности имя его стало легендарным (о его жизни и творчестве см. старый палийский труд *Буддхагхосуппatti*), и вокруг него объединилась значительная часть всей комментаторской литературы. Отсюда — сложность выяснения действительной атрибуции многих комментариев. В своих трудах Буддхагхоша в полной степени проявляет свой талант добросовестного комментатора источников, выдающегося интерпретатора и систематизатора, обладающего достаточно широким кругозором и умеющего связать догматические проблемы со злобой дня. Именно этим объясняется тот факт, что в произведениях Буддхагхоши получили отражение самые разные аспекты жизни общества того времени. Считается, что перу Буддхагхоши принадлежат комментарии ко всем трем питакам Канона. К Виная-питаке относятся комментарии, содержащиеся в *Самантапасадике* и в *Канкхавитарани* (относится к Патимоккхе). Комментированию книг, составляющих Сутта-питаку, посвящены *Сумангавиласини* (относится к Дигха-никае; яркая картина эпохи первоначального буддизма, содержащая неоценимые сведения о политической и религиозной жизни, о повседневных занятиях, о фольклоре), *Папанчасудани* (комментарий к Маджджхима-никае), *Саратхапакасини* (относится к Самьютта-никае), *Маноратхапурани* (относится к Ангуттара-никае), *Параматхаджотика* (комментарий к Кхуддака-никае). Объяснение Абхидхаммы-питаки содержится в *Аттхасалини* (о Джаммангани), *Саммохавинодани* (о Вибханге), *Панчапакаранаттхакатха* (комментарий к остальным частям Абхидхаммы-питаки). Помимо перечисленных работ Буддхагхоше принадлежит знаменитая *Висуддхимагга* «Путь к очищению». В этом компендиуме буддийской доктрины и философии, выросшем в конечном счете также из комментария, стержнем, вокруг которого группируется весь материал, служит мысль о последовательности путей к достижению высшей мудрости (*rañña*) через следование моральным установлениям (*sīla*) и самоуглубленное наблюдение (*sañādhi*); весьма поучительны части, излагающие полемику буддизма с санкхьей и йогой.

Традиции, заложенные Буддхагхушей, получили продолжение в других комментариях, причем некоторые из них столь же известны, как и перечисленные труды. Среди них

выделяется комментарий к Дхаммападе — Дхаммапада-аттхакатха, приписываемая раньше Буддхагхоше и содержащая помимо пословного объяснения текста источника и целого ряда деталей, относящихся к описанию реалий, огромный материал легенд и рассказов, иллюстрирующий те или иные места Дхаммапады; значение этого материала с точки зрения истории развития палийской художественной литературы весьма существенно. С ним сопоставима важность другого образца такого рода комментария — Джатакаттхаваннаны, объясняющей собрание джатак.

Важную роль в создании традиций комментаторской литературы сыграл современник Буддхагхоши Буддхадатта, автор пяти известных буддийских руководств — Мадхураттхавиласини (комментарий к Буддхавансе), Винаявиниччхая (относящаяся к Винае-питаке), Уттаравиниччхая (также связанная с тематикой Винаи), Абхицхаммаватара (пособие по метафизике), Рупарушавибхага (относящаяся, как и предыдущая книга, к Абхицхамме). Из других комментаторов, близких по времени к Буддхагхоше, заслуживает упоминания Дхаммапала, по манере объяснения во многом напоминающий своего великого предшественника. Из многочисленных его трудов выделяются комментарии к поэтическим частям Канона — к Тхерагатхе, Удане, Виманаваттху, Итивуттаке и др. — Параматтхадипани, а также объяснения к Висуддхимагге — Параматтхаманьджуса и к Нетти — Неттиппакарапасса Аттхасамваннана и другие, относительно авторства которых существуют серьезные сомнения. Менее известны комментарии Ананды, автора вторичного комментария к аттхакатхе Абхицхаммы — Абхицхамма-мулатика, и целого ряда последующих экзегетов (Чулла-Дхаммапала, Упасена, Маханама, Кассапа, Ануруддха, Кхема, Ваджирабудхи и др.). Среди произведений этого рода нельзя обойти два текста, связанных с Винаей, — Кхуддасиккха и Муласиккха, относящихся уже к началу 1-го тысячелетия н. э. и оказавших влияние на сингальскую традицию (эти произведения, составленные в значительной степени в стихах, излагают правила поведения), а также легенды, связанные с Буддой, — Махабодхиванса — о священном дереве бодхи и Ана-гатаванса — о будущем Будде — Меттейе (в метрической форме, по стилю напоминающая Буддхавансу); в известной степени к ним близки Саддхаммасангаха (собрание поучений Будды), а также некоторые памятники, посвященные описанию буддийских святынь и реликвий, — Хаттхаванагалла-вихара-ванса, Датхаванса, Тхупаванса (ср. произведения аналогичного жанра, созданные в XIX в.—Налатадхативанса, Чхакесадхатуванса и др.).

Со второй половины XII в. начинается период нового усиления литературной деятельности авторов, пишущих на пали. Хотя с этого времени до нынешних дней было написано огромное количество палийских текстов разных жанров, лишь некоторые из них по своему значению могут быть сопоставлены с памятниками предыдущего периода (с V в.), не говоря уже о произведениях более раннего времени и особенно самого Канона. Ряд обстоятельств объясняет, почему палийская литература последних столетий не привлекает большого внимания историков литературы, ориентирующихся на каноническую традицию. Разрастание подсобной литературы, трактующей часто несущественные детали, резкое уменьшение количества (не говоря уже о содержательных и формальных достоинствах) художественных текстов, стандартизация в употреблении пали (там, где этот язык знали хорошо) или деградация его (там, где была сильная туземная традиция) делают этот период малоинтересным с точки зрения анализа высших эстетических и философско-религиозных достижений и, естественно, с точки зрения изучения палийского языка. Поэтому в дальнейшем будут упомянуты лишь некоторые (очень немногие) имена и произведения, лучше других характеризующие период после XII в. в эволюции палийской литературы.

В это время продолжалась работа по дальнейшему комментированию, однако теперь объяснения относились не столько к самому Канону, сколько к комментариям к нему. Так возникла обширная литература вторичных комментариев — тика (*ṭīka*). Крупнейшими фигурами этого направления были Махакассапа и особенно Сарипутта, вокруг которого собрался целый кружок его последователей. Из написанного Сарипуттой выделяется Винаясангаха, связанная с объяснением Винаи, и Саратхадипани, тика к Самантапасадике. Из последователей Сарипутты особенно известен плодовитый автор Саддхаммаджотипала, написавший, в частности, Абхидхамматхасангахасанкхепатику. С литературной точки зрения известный интерес представляют произведения, созданные на Цейлоне в течение первой половины 2-го тысячелетия. Большая часть их написана стихами или чередует метрические и прозаические части. Некоторые из этих произведений несут на себе следы санскритского влияния в языке и в стиле. Тем не менее среди этих текстов встречаются и такие, которые сохраняют свою оригинальность и привлекательность в ряде отношений. Среди них более других заслуживают внимания: Анагатаванса (стихотворное произведение, по стилю напоминающее Буддхавансу и излагающее жизнь и деяния Меттейи), Джиначарита (поэма, посвященная жизни Будды; в формальном отношении характери-

зуется известной изощренностью — начиная от мены метров и кончая следованием санскритской традиции к а въ я), Тела-катахагатха (поэма о тщете существования), Паджаджамадху (славословие Будде на санскритизированном пали), Расавахини (собрание преданий, выдержаных в простом, но изящном стиле), Саддхаммопаяна (стихотворное произведение о пути истинной веры), Панчагатидипана (поэма, в которой, между прочим, повествуется о воздаянии за совершенные поступки) и некоторые другие.

Вполне оригинальное направление палийской литературы составляют произведения, связанные с изучением языка в разных аспектах — грамматическом, лексическом, просодическом и т. п. Лучшее из произведений этого рода — знаменитая палийская грамматика Каччаяны — Каччаянавьякарана, открывающая целый ряд более поздних грамматических трудов. Хотя этот труд сильно уступает санскритской грамматике Панини, с которым у него немало общего, он также должен быть причислен к замечательным образцам грамматических описаний, до сих пор еще сохраняющим свое значение во многих отношениях. Главное достоинство грамматики Каччаяны — в попытке объективного и точного описания языка, исходя из него самого. Направление, заложенное Каччаяной, получило продолжение в многочисленных пособиях, переработках, комментариях (ср. Суттаниддесу, Самбандхачинту, Рупасидхи, Балаватару, Каччаянабхеду, Каччаянаваннану и др.). Наряду с ними существовало направление, связанное с именем другого крупнейшего авторитета в области палийской грамматики — Моггалланы. Ему самому принадлежат две работы — грамматика (Моггаллянавьякарана), более полно учитывающая палийский материал, чем грамматика Каччаяны, и сильно отличающаяся от нее в способе изложения, и комментарий к своей грамматике (Моггаллянапанчика). Вокруг этих работ также возникла обширная литература, ср. Падасадхана, Пайогасидхи, Моггаллянапанчика падипа и др. Особо следует отметить палийскую грамматику Аггавансы Садданити, созданную в Бирме и не зависящую от традиций Каччаяны и Моггалланы. Среди лексикографической литературы на пали выделяются Абхидханападипика, ориентирующаяся на Амаракошу и рассматривающая синонимы, омонимы и несклоняемые слова; Екаккхаракоса (метрически упорядоченное собрание односложных слов), Дхатуманджуса (список корней слов), Дхатупатха и др. Из работ, посвященных анализу метрики и просодии, стоит назвать Вуттодаю, Чандовичити, Кависарапакарану и Кависаратиканиссаю. Субодхаланкара трактует вопросы риторики, а примыкающая к это-

му труду Сангхараккхиты тика комментирует это любопытное пособие.

См. «Nettipakaraṇa», ed. E. Hardy, London, 1902 (1961); «Peṭakopadesa», ed. A. Barua, London, 1949; «The Milindapañho being Dialogues between King Milinda and the Buddhist Sage Nāgasena», ed. V. Trenckner, London, 1928; «The Questions of King Milinda», transl. by T. W. Rhys Davids, — SBE, vol. XXV—XXVI, London, 1890, 1894; «The Dipavamīsa», ed. and transl. H. Oldenberg, London, 1879; «The Mahāvamīsa», ed. W. Geiger, London, 1908 (1958); «The Mahāvamīsa, or Great Chronicle of Ceylon», transl. W. Geiger, M. Bode, London, 1912; «Cūlavamīsa being the more recent part of the Mahāvamīsa», pt. 1—2, transl. by W. Geiger, Colombo, 1953; «Mahāvamīsa-ṭikā», vol. I—II, ed. G. P. Malalasekera, London, 1935—1936; «Samantapāśadikā», vol. I—VII, ed. J. Takakusu, M. Nagai, 1924—1947; «Kaṅkhāvitaraṇī», ed. D. A. L. Maskell, London, 1957; «Sumaṅgalavilāsīnī», vol. I—III, ed. T. W. Rhys Davids, J. E. Carpenter, W. Stede, London, 1886—1932; «Papañcasūdanī», vol. I—V, ed. J. H. Woods, D. Kosambi, I. B. Horner, London, 1922—1938; «Sāratthappakāsīnī», vol. I—III, ed. F. L. Woodward, London, 1929—1937; «Manorathapūraṇī», vol. I—V, ed. M. Walleser, H. Kopp, London, 1924—1959; «Paramatthajotikā», ed. Welipitiya Dewananda Thera, Colombo, 1922; «Athasālinī», ed. E. Müller, London, 1897; «The Expositor (Athasālinī)», vol. I—II, ed. P. Maung Tin, London, 1920—1921; «Sammoha-vinodanī», ed. A. P. Buddhadatta, London, 1923; «Pañcappakaraṇaṭṭhakatha», ed. Saya U Pye, Rangoon, 1902; «Visuddhimagga», vol. I—II, ed. C. A. F. Rhys Davids, London, 1920—1921; «The Path of Purity (Visuddhimagga)», vol. I—III, ed. P. Maung Tin, London, 1922—1931; «Dhammapada Commentary», vol. I—V, ed. H. C. Norman, L. S. Tailang, London, 1906—1915; «Dhammapada Commentary», vol. I, ed. H. Smith, London, 1925; E. W. Burlingame, *Buddhist Legends, translated from the original Pāli text of the Dhammapada Commentary*, Cambridge, Massachusetts, 1921 («Harvard Oriental Series», vol. 28—30); «The Jātaka together with its commentary», vol. I—VII, ed. V. Fausbøll, London, 1877—1897; «Madhuratthavilāsīnī», ed. I. B. Horner, London, 1946; «Buddhadatta's Manuals», vol. I—II, ed. A. P. Buddhadatta, London, 1915—1927; «Paramatthadīpanī», ed. E. Müller, E. Hardy, London, 1893, 1894, 1901; «Khuddasikkhā and Mūlasikkhā», ed. E. Müller, Lon-

don, 1883; «Mahābodhiavāmsa», ed. S. A. Strong, London, 1891; «Anāgatavāmsa», ed. I. Minayeff, London, 1886; «Kaccāyana et la littérature grammaticale du pāli. I-re partie. Grammaire pālie de Kaccāyana. Sūtras et commentaire publiés avec une traduction et des notes», par E. Senart, Paris, 1871; «Kaccāyana», ed. and transl. by Vidyabhusana, Calcutta, 1891; «Moggallāyana-Vyākaraṇa. Grammatik», ed. H. Devamitta, Colombo, 1890; «Saddanīti. La grammaire pālie d'Aggavāmsa», texte établi par H. Smith, pt. 1, Lund, 1949; «Abhidhānappadipikā», ed. W. Subhuti, Colombo, 1883.

В заключение — некоторые сведения о судьбах палийской литературы за пределами Цейлона — в Бирме, Камбодже, Лаосе, Таи, где и по сей день продолжают появляться тексты (как правило, догматического и узкоприкладного характера), написанные на пали.

Несмотря на существование более ранних очагов буддизма в Бирме, интенсивная литературная деятельность на пали началась гораздо позднее — примерно в XI в. Зато распространение палийской литературы и языка пали (в Бирме его обычно называли *māgadhabhāṣā* «язык Магадхи» или *mūlabhāṣā* «первоначальный язык») происходило быстро и основательно, приводя к сильному влиянию их на язык, литературу и систему представлений у бирманцев, знакомых с палийской литературой. В Бирме уже с давних пор была хорошо известна Типитака. Заслуживает внимания то, что ее объем несколько иной по сравнению с цейлонской версией Канона: в частности, бирманские палийские рукописи обычно включают в Канон Милинда-паньху, Суттасангху, Петакопадесу и Неттипакарану. Любопытно, что в Бирме (как, впрочем, и в некоторых других местах, например, в Лаосе) среди произведений, образующих Сутта-питаку, наиболее популярна Дигханикая, а Абхидхамма-питака, изучению которой посвящено большее количество трудов, пользуется большим вниманием, чем на Цейлоне. Теснейшим образом связаны с Каноном Паритта, упоминавшаяся выше, и совокупность текстов, близких к ритуальным — Каммавача. Как и на Цейлоне, в Бирме получили широкое распространение комментарии к каноническим текстам и к самим комментариям — аттхакатха и тика. Из литературы такого рода особенно известна Абхидхамматхасангаха, сыгравшая важную роль в истории развития бирманской традиции буддийской экзегезы.

Весьма большое место в палийской литературе Бирмы занимают лингвистические труды, причем значительная их часть принадлежит к числу оригинальных. Одна из первых страниц в истории бирманской учености связана с упоминавшейся

грамматикой Садданити (XII в.), собранием афоризмов о палийском языке. Труд Аггавансы не только стал классическим в Бирме (где он продолжает переиздаваться), но и произвел большое впечатление на Цейлоне. Из трудов в области грамматики, предшествовавших Садданити, заслуживают упоминания Карика, Етимасамидипани, Манохара, связываемые с именем Джаммасенапати, а из последующих — Суттаниддеса (комментарий к сутрам Каччаяны), Санкхепаваннана, Сималанкара, приписываемые Чхапате, ученику Уттарадживы, познакомившего сингальцев с грамматикой Садданти (Чхапате помимо лингвистических исследований приписывают и некоторые другие труды: по этике — Намачарадипани, по изучению важнейших текстов — Гандхисара и др.); Саддатхабедачинта (грамматика, сочетающая в себе влияния Аггавансы, Каччаяны и санскритских авторитетов; из комментариев к ней более других известен Махатика), Ньяса (комментарий к Каччаянайоге), Вачакопадеса (анализ грамматических категорий с логической точки зрения), Локуппатти, Ваччавачака, Садхамманасини и ряд других грамматик, составленных в Пагане; ср. также Саддабинду и Параматхабинду и более специальные исследования — по метрике (Чандосаратхавикасини), о просодии (Чхапаччаядипани), о падежах (Вибхаттьятха) и т. п.

Наряду с грамматической литературой в Бирме существовала значительная законодательная и юридическая литература на пали. В начале ее стоит Джамматхат, древнейший кодекс законов, составленный в XII в. Сарипуттой, называемым также Джаммавиласой, автором, работавшим и в других областях. Этот кодекс, отразивший в себе результат сложного взаимодействия буддийской религиозной и социально-политической систем, дал начало целой серии аналогичных трудов на пали и на бирманском языке. Особенно любопытно, что литература такого рода (джаммасаттха) в Бирме почти не связана с цейлонской традицией и исходит из традиций древнеиндийской дхармашастры — законы Ману, Яджнявальки, Нарады. В серии законодательных и юридических текстов наибольший интерес вызывают: Вагару Джаммасаттха, составленная в конце XIII в. в Мартабане и свидетельствующая о торжестве брахманического права над буддийским; Ману-Ин, стихотворный кодекс XVII в., во многих отношениях близкий к предыдущему; несколько кодексов XVIII в. (Ману-Ин, Ману-Къяй, известный, правда, только в бирманской версии, но опирающийся на палийские тексты, Дараджджавитарани, Мануванина, отражающая возобладание духа, свойственного буддийскому

этическому учению), наконец, знаменитая Мохавичхедани (1832 г.), комментирующая тексты Абхицхаммы и решительнее других трудов такого рода порывающая с традициями древнеиндийских кодексов в пользу буддизма. Особое место в палийской литературе Бирмы занимают два памятника, неоценимых с точки зрения источниковедения, — Гандхаванса, содержащая информацию о палийских писателях и их трудах, об истории развития палийской литературы, и Сасанаванса (1861 г.), продолжающая традицию старых палийских хроник и подробно описывающая историю буддийской сангхи (в частности, в Бирме), ее взаимоотношения с государством, дальнейшее распространение буддизма. Несмотря на позднее происхождение этих текстов, их значение для изучения палийской древности также существенно.

Если говорить об основных фигурах в развитии палийской литературы в Бирме, исключая те ее разделы, которые тесно связаны с догматикой и специальными научными дисциплинами, то следует назвать в первую очередь Медханкару, автора XIV в., написавшего известную Локадипасару (о разных стадиях существования и о многих вещах, упорядоченных в соответствии с космологической схемой); из писателей XV в. — Ариявансу (который помимо комментариев Манисараманджуса, Манидипа написал работу о джатаках — Джатакависодхана), Силавансу (автора поэмы Буддхаланкара), Раттхасару (создавшего ряд поэтических версий текстов джатак), анонимного автора Ка я ви-ратигатхи; из писателей XVII в. — Типитакаланкару, который наряду с комментаторской деятельностью трудился и в области художественной литературы (ср. Вессантара-джатаку и отчасти Ясавадханаватту); в XVIII в.—Нянабхивансу, из произведений которого более других интересны Раджадхираджавиласини, прославляющая короля Бодопая проза, использующая набор самых разнообразных приемов, заимствованных из более ранних текстов, и некоторые повествовательные произведения типа джатак (ср. Чатусманераватту, Раджовадаватту и др.). Из произведений, написанных в XIX в. на пали, обращают на себя внимание поэма, посвященная рассмотрению ряда этических проблем, — Локанити; собрание изречений на религиозные темы — Упасакавиниччая; прозаическая история о шести волосах Будды — Чхакесадхатуванса, продолжающая соответствующий жанр цейлонских произведений, и некоторые другие памятники, не говоря о многочисленных текстах религиозно-догматического и философского характера. Литературно-научная и церковная деятельность на пали продолжается и в XX в., ср. Питакаттхамайн,

Аттхасалини гантхи и др. Несомненно, что, говоря о палийской литературе Бирмы, нужно помнить и о гораздо более косвенных результатах ее влияния на создание национальной бирманской литературы и театра (что касается последнего, то уже древнейшие образцы драматического искусства связаны с темами джатак или эпизодами из жизни Будды; поэтическая обработка сюжетов бирманской легендарной истории также несет на себе следы влияния буддизма, проводником которого был пали).

Развитие палийской литературы Лаоса во многих отношениях напоминает развитие соответствующей литературы в Бирме. Лаотянская литература на пали выросла из Типитаки, которая, впрочем, по мере забвения пали, продолжала свое существование в весьма урезанном виде. Так, полностью исчезли тексты Маджджхимы-никаи. Из Самьюотта-никаи и Ангуттара-никаи сохранились лишь отдельные части. Кхуддака-никая утратила ряд важных составных частей: Ападану, Удану, Итивуттаку, Тхерагатху, Наддесу и др., зато Дхаммапада и особенно комментарий к ней пользуются исключительной популярностью, относительно большей, чем популярность этого памятника в других буддийских странах. Из всех никай лишь Дигха-никая продолжает играть в Лаосе, как и в Бирме, видную роль. Некоторые тексты уцелели благодаря более или менее случайным причинам: такова Буддхаванса, привлекающая служителей культа рядом мнемонических деталей. Напротив, Джатаки не только сохранились, но и стали центральной частью лаотянской литературы, чему способствовали вполне определенные причины (в частности, фольклорная стихия, способствовавшая пониманию и освоению этого жанра в Лаосе). В этой связи уместно обратить внимание на важность изучения вопроса о круге канонических текстов, сохранившихся в Лаосе, и о способе их объединения в сборники (включая сюда проблему «конвоя» отдельных текстов). Антология текстов, извлеченных из Сутта-питаки и составивших Суттасангху, могла бы многое объяснить в вопросе о путях и принципах усвоения канонических произведений в Лаосе. Из текстов Винаи сохранились Суттавибканга, Махавагга, Чуллавагга и Паривара, а также известный комментарий к текстам Винаи Самантапасадика, засвидетельствованный, правда, лишь в виде отдельных вкраплений в тиках. Достаточно полно представлены тексты Абхидхаммы. Тем не менее общая сохранность палийского текста Канона в Лаосе невелика: слишком многое исчезло или сохранилось исключительно в виде глосс на пали, сопровождаемых текстом на местном языке. В большей сохранности оказались тексты, используемые при ритуальных церемониях (Паритта): так, магические формулы, извлеченные из Канона, не только про-

дуктивны в их палийской форме, но и обросли новыми париттами, стихотворная форма которых облегчает их запоминание. Тема паритт — предохранение от разного рода опасностей, угрожающих жизни человека. Характерны различия в составе паритт в разных сборниках. Палийские тексты непосредственно или косвенно оказали воздействие на развитие лаотянской литературной традиции (сказанное относится не только к трудам по догматике или языкознанию, известным в Лаосе, но и к религиозной неканонической литературе, к собраниям рассказов и легенд, в которых, впрочем, обнаружаются следы и древнеиндийского влияния).

О палийской письменности в Камбодже можно судить, начиная с XIV в. (древнейшая палийская надпись в Камбодже относится к 1308 г.). Во многих отношениях о палийской литературе этой страны можно сказать то же, что было уже сказано применительно к литературе Бирмы и Лаоса. Прежде всего следует подчеркнуть популярность джатак, причем среди них фигурируют и такие, которых нет в канонических текстах. К числу подобных произведений относятся, например, 50 джатак, образующих апокрифический сборник Паннясаджатака, широко известный в Камбодже, как, впрочем, и в других странах Индокитая. Нужно заметить, что существует целый ряд текстов на пали, общих для Индокитая. Среди них заслуживают внимания Анналы Аютхьи, представляющие собой извлечение из Сангитивансы, палийского религиозного сочинения конца XVIII в. История буддийских соборов и многочисленные рассуждения в связи с ними образуют канву Сангитивансы, засвидетельствованной в Камбодже пятью рукописями. Тесно связанная с Анагатавансой Дасабодхисатта-уддеса также может считаться характерным образцом палийской литературы Индокитая, начиная от темы (будущие будды) и кончая языком (пали, подвергшийся сильному влиянию местного языка). То же относится к известной Нарададжатаке.

Среди палийских произведений, составленных в стране Таи и разделяющих многие особенности индокитайской литературы на пали, более других известны Санкхьяпакасака, Висудхимаггадипани, Мангаладипани (1524 г.), Уппатасанти (стансы во славу Будды, Джаммы и Сангхи), а также ряд сутр, апокрифических джатак, грамматических комментариев (ср., в частности, составление в 1585 г. глосс к Гантхабхаране), исторических сочинений (Садджамасангаха, излагающая историю буддийских соборов и раннего буддизма на Цейлоне; Джинакаламалини, обозревающая этапы истории буддизма от его утверждения на Цейлоне до анализа его разновидности, представленной сектой, к которой принадлежал Ратанапання,

автор этого труда; Патхамасамбодхи — изложение биографии Будды и т. п.).

К сожалению, до сих пор отсутствует синтетическое описание палийской литературы во всех перечисленных выше странах. Без него трудно определить многие конкретные детали влияния палийской литературы на местные литературные и фольклорные традиции. Отчасти то же можно сказать об отношении пали к местным языкам, хотя в последнее время и сделаны некоторые важные наблюдения (о них см. ниже).

См.: «*Suttapiṭaka*», ed. Ko Aung Min Hsayā and others, 1904; «*Cariyāpiṭaka*», with Burmese exegetical commentary, Mandalay, 1899; «*Milindapañhavatthu*», Burmese translation from the *Milinda*, Rangoon, 1882; «*Abhidhammatthasaṅgaha* of Anuruddha», followed by Sumaṅgalasāmi's *Tikā-Kyaw* or *Abhidhammattha-vibhāvanī* in elucidation thereof, and copious Burmese commentary, Rangoon, 1898; «*Abhidhammattha-Saṅgaha*», ed. T. W. Rhys Davids, JPTS, 1884; «Compendium of Philosophy (*Abhidhammattha-saṅgaha*)», S. Z. Aung, C. A. F. Rhys Davids, London, 1910 (1956); «*Maṇīmedhajotaka Kyan*. A Burmese treatise on Buddhist psychology», Maulmein, 1882; «*Saṅkhepavyākaraṇa*. Burmese epitome of Abhidhamma doctrine», Rangoon, 1899; «*Paramatthamedhanī Kyan*. Treatise on the four conditions of the absolute», Rangoon, 1895; «*Saddānīti. La grammaire pālie d'Aggavaṁsa*», texte établi par H. Smith, pt 1, Lund, 1949; «*Mahārūpasiddhi*», with Burmese interpretation, Rangoon, 1906; «*Nvādi-Moggallāna. Pāli treatise on Grammar*», by Saṅgharakkhita, based on the Grammar of Moggallāna, with Burmese *nissaya*, Rangoon, 1900; «*Navadhammasattha*, by Hsin-pyu-mya-shin. Law of Inheritance», edited with Burmese translation, Akyab, 1894; «*The Manuvaṇṇanā Dhammasattha*», ed. H. Brown, 1898; «*Mohavicchedanī Abhidhammatikatthavaṇṇanā*», ed. A. P. Buddhadatta, A. K. Warder, London, 1961; «*Gandhavaṁsa*», ed. I. Minayeff, JPTS, 1886; «*Sāsanavaṁsa*», ed. M. Bode, London, 1897; «*Cha-kesa-dhātu-varṁsa*», ed. I. Minayeff, JPTS, 1885; P. Dupont, *La version mōne du Nāradajātaka*, Saïgon, 1954; G. Terral, *Samuddaghosajātaka. Conte pāli tiré du Paññāsajātaka*, texte établi suivant les manuscrits en caractères cambodgiens et l'édition birmane (Rangoon),—BEFEO t. XLVIII, 1956; G. Cœdès *Etudes cambodgiennes*,—BEFEO, t. XXXVI, 1936; F. Martini, *Dasa-bodhisattva-uddesa*, texte pāli publié avec une traduction et un index grammatical, — BEFEO, t. XXXI, 1936; G. Cœdès, *Une recension pālie des annales d'Ayuthya*,—BEFEO, t. XIV, 1914, и др.

ГРАФИКА И ФОНЕТИКА

Исторические особенности распространения пали в Индии и особенно далеко за ее пределами объясняют отсутствие единой графической системы для письменной фиксации пали. В разных странах Юго-Восточной Азии для передачи палийских текстов использовались и используются различные местные варианты графических систем, представляющие в конечном счете результат эволюции одной общей системы, из которой в свою очередь произошли и некоторые виды алфавита, обслуживавшие санскрит.

К числу относительно простых и довольно распространенных графических систем пали принадлежит та система, которая построена на основе так называемого «квадратного» алфавита (см. табл. 1). Не менее известен сингальский вариант палийской графики, широко употребляющийся при издании текстов на Цейлоне (см. табл. 2), и весьма близкий к нему бирманский вариант (см. табл. 3). Более ограниченным является использование при издании палийских текстов алфавита, распространенного в Камбодже и Лаосе (см. табл. 4), а также в Таиланде (сиамский алфавит — см. табл. 5). Следует отметить, что в бирманском, сингальском, камбоджийском и сиамском алфавитах предусмотрено двоякое изображение каждого гласного звука в зависимости от того, выступает ли он в графически независимом начальном положении или же в комбинации с другими графемами (понятно, что во всех этих случаях речь идет о письме слогового характера); сочетания согласных звуков, крайне немногочисленные в пали, если не считать геминат, передаются с помощью лигатур, объединяющих в себе существенные дифференциальные признаки сочетающихся графем (поскольку в основном лигатуры алфавитов, используемых для фиксации палийских текстов, употребляются для передачи удвоенных согласных, каждая из таких лигатур может рассматриваться как результат удвоения различительных признаков данной графемы). Исключение из слоговых алфавитов пали составляет латинизированная графика, используемая во всех европейских и американских изданиях палийских текстов (в дальнейшем в этой книге для передачи палийских слов и текстов будет использоваться именно эта латинизированная графика).

Все указанные варианты графической фиксации палийских текстов построены по одинаковому принципу, если иметь в виду соответствия между звуками пали и графемами. Существует восемь знаков для гласных звуков (*a*, *ā*, *i*, *ī*, *u*, *ū*, *e*, *o*), причем знаки для *ā*, *ī* и *ū* в каждом из алфавитов представляют собой расширенные варианты знаков для соответствующих кратких звуков *a*, *i* и *u*; тридцать два знака

для согласных, в число которых входят две графемы для обозначения спирантов *s* и *h*, и тридцать графем, обозначающих все остальные согласные звуки. Эти последние обычно членятся двояким образом: по месту образования они разбиваются на пять групп — гуттуральные *k*, *kh*, *g*, *gh*, *ṅ*, палатальные *c*, *ch*, *j*, *jh*, *ñ*, церебральные *t*, *ṭh*, *d*, *dh*, *n*, зубные *t*, *th*, *d*, *dh*, *n* и губные *p*, *ph*, *b*, *bh*, *m* (к этим группам из соображений внешнего удобства обычно присоединяют еще группу сонантов *y*, *r*, *l*, *l̄*, *v*); по способу образования те же звуки разбиваются на пять групп — глухие *k*, *c*, *t*, *t̄*, *p*, глухие придыхательные *kh*, *ch*, *ṭh*, *th*, *ph*, звонкие *g*, *j*, *d*, *d̄*, *b*, звонкие придыхательные *gh*, *jh*, *dh*, *ṭh*, *bh*, носовые *ṅ*, *ñ*, *n*, *m* (в алфавите каждый из пяти соответствующих рядов графем продолжен обычно за счет сонанта, соответственно *y*, *r*, *l*, *l̄*, *v*, что также продиктовано соображениями внешнего удобства). Каждый из алфавитов пали обладает специальным знаком назализации кратких гласных (в транскрипции *m̄*: *am̄*, *im̄*, *um̄*), называемым ниггахита (*ṇiggahīta* 'стяженный', речь идет о стяжении ртового гласного и носового согласного).

Не лишены интереса некоторые замечания палийских грамматиков, относящиеся к характеристике отдельных звуков пали с фонетической точки зрения. Прежде всего заслуживают внимания наблюдения о двояком качестве *h* (*h* в изолированном положении и в сочетании с сонантами *y*, *r*, *l*, *v* и носовыми *n*, *m*); об *l̄*, представляющем собой видоизменение *d̄* (соответственно *lh* и *dh*), и о смешении *l̄* и *l* (Катьяяна вместо *l̄* всегда употребляет *l*); о превращении долгих *e* и *o* в соответствующие краткие перед двумя согласными и ниггахитой и т. п. Такого рода указания небезразличны и для фонологического анализа по дифференциальным признакам, не говоря уж об их значении для понимания палийской просодии и синтаксической фонетики (см. ниже).

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Удовлетворительное описание фонологической системы пали предполагает изучение фонем в их внутреннем противопоставлении по дифференциальным признакам (парадигматическая ось) и изучение дистрибуции фонологических единиц в тексте (синтагматическая ось). Статистические характеристики, относящиеся к самой фонологической системе и к распределению ее элементов в синтагматическом ряду, также могли бы оказаться весьма полезными, поскольку структуру фонологического пространства данного языка и дистрибутивные закономерности в ряде случаев удобнее всего рассматривать с точки зрения вероятностных отношений.

Фонологическая система пали состоит из 33 фонем (*a, i/y, u/v, e, o, k, kh, g, gh, c, ch, j, jh, ñ, t, th, d/l, dh/lh, n, t, th, d, dh, n, p, ph, b, bh, m, r, l, s, h*), противопоставленных на основании десяти пар дифференциальных признаков: 1) придыхательность — непридыхательность (*tense — lax*), 2) звонкость — глухость (*voiced — voiceless*), 3) носовость — ртовость (*nasal — oral*), 4) церебральность — нецеребральность (*sharp — plane*), 5) палатальность — непалатальность (*strident — mellow*), 6) периферийность — непериферийность (*grave — acute*), 7) компактность — диффузность (*compact — diffuse*), 8) непрерывность — прерывистость (*continuant — discontinuous*), 9) согласность — несогласность (*consonantal — non-consonantal*), 10) гласность — негласность (*vocalic — non-vocalic*). Описание фонологической системы пали было бы изящнее при введении нулевой фонемы (#); в таком случае, в частности, можно было бы не вводить в описание фонему *h*, интерпретируя этот звук как придыхательный нуль, что в значительной степени упростило бы правила дистрибуции. Однако соображения наглядности и требование большей соотнесенности с фонетическими фактами заставляют здесь принять вариант описания, предполагающий фонему *h*. Точно так же некоторый выигрыш в простоте описания мог бы быть достигнут при условии рассмотрения пары палатальность — непалатальность (взятой здесь как реализация ДП яркость — тусклость) как частного случая противопоставления по периферийности — непериферийности, а пары церебральность — нецеребральность как частного случая более общего противопоставления по компактности — диффузности, однако такая интерпретация не вполне удачно отражала бы фонетическую природу противопоставления велярных смычных согласных аффрикатам и дентальным — церебральным.

Следует отметить, что фонетические описания пали, принадлежащие туземным специалистам, позволяют интерпретировать приведенную здесь классификацию, опираясь прежде всего на артикуляционные данные, хотя, разумеется, наиболее обоснованная классификация предполагает учет и акустических и перцептивных свойств.

Противопоставление гласности — негласности и несогласности — согласности практически совпадает для 29 фонем: *a, e, o* являются гласными и несогласными; *k, kh, g, gh, c, ch, j, jh, ñ, t, th, d/l, dh/lh, n, t, th, d, dh, n, p, ph, b, bh, m, s, h* являются негласными и согласными. Однако отношения гласности — негласности и несогласности — согласности не могут быть признаны подобными. Целесообразность введения этих двух пар становится понятной при анализе *i/y, u/v, r, l*. С помощью указанных двух пар дифференциальных признаков можно идентифицировать «глайды» *i/y* и *u/v* как обладающие

негласностью и несогласностью, а сонорные *r*, *l* как обладающие гласностью и согласностью одновременно.

Противопоставление непрерывности и прерывности дает возможность среди шумных согласных различить *s*, *h*, с одной стороны, и гуттуральные *k*, *kh*, *g*, *gh*, палатальные *c*, *ch*, *j*, *jh*, церебральные *t*, *th*, *d/l*, *dh/lh*, дентальные *t*, *th*, *d*, *dh*, губные *p*, *ph*, *b*, *bh*, с другой стороны, а среди сонорных — прерывную *r* и непрерывную *l*.

Противопоставление компактности и диффузности, основанное на различии в объеме резонаторов, находящихся по обе стороны от места предельного сужения на пути воздушной струи, позволяет различать *a*, *k*, *kh*, *g*, *gh*, *c*, *ch*, *j*, *jh*, *ñ*, *s* (компактные), с одной стороны, и *e*, *o*, *t*, *th*, *d/l*, *dh/lh*, *n*, *t*, *th*, *d*, *dh*, *n*, *p*, *ph*, *b*, *bh*, *m*, *h* (диффузные) — с другой. Более тонкая дифференциация связана с расщеплением этого ДП на два: компактность — некомпактность, диффузность — недиффузность.

Противопоставление периферийности и непериферийности зависит от размеров и степени разделенности ротовой полости. К периферийным фонемам, характеризующимся большей по размерам и менее разделенной ротовой полостью, относятся гласные заднего ряда *o*, *u*, губные согласные *p*, *ph*, *b*, *bh*, *m*, к непериферийным фонемам (меньшая по размерам и более разделенная ротовая полость) относятся гласные переднего ряда *i*, *e*, церебральные *t*, *th*, *d/l*, *dh/lh*, *n* и дентальные *t*, *th*, *d*, *dh*, *n*. При другом подходе, исключающем ДП палатальность — непалатальность, противопоставление *k*, *kh*, *g*, *gh* — *c*, *ch*, *j*, *jh*, *ñ* можно интерпретировать как противопоставление периферийных непериферийным. Смысл введения ДП палатальность — непалатальность — в указании специфических связей с фонетическими данными.

Противопоставление палатальности и непалатальности существенно для различия аффрикат *c*, *ch*, *j*, *jh* и *ñ*, с одной стороны, и смычных шумных *k*, *kh*, *g*, *gh* — с другой.

Противопоставление церебральности и нецеребральности дает возможность для дифференциации церебральных *t*, *th*, *d/l*, *dh/lh* и нецеребральных *t*, *th*, *d*, *dh*, а также носового церебрального *n* и носового нецеребрального *n*.

Противопоставление по носовости — ртовости позволяет отличить губной носовой *m* от губных ртовых *p*, *ph*, *b*, *bh*; дентальный носовой *n* от дентальных ртовых *t*, *th*, *d*, *dh*; церебральный носовой *n* от церебральных ртовых *t*, *th*, *d/l*, *dh/lh*; палatalный носовой *ñ* от палатальных ртовых *c*, *ch*, *j*, *jh*.

Противопоставление звонкости и глухости дифференцирует шумные смычные всех способов образования и аффрикаты: *k—g*, *kh—gh*, *c—j*, *ch—jh*, *t—d*. *th—dh*, *t—d*, *th—dh*, *p—b*, *ph—bh*.

Те же согласные дифференцируются и по другому признаку придыхательности — непридыхательности: *kh*—*k*, *gh*—*g*, *ch*—*c*, *jh*—*j*, *t̥h*—*t*, *d̥h/lh*—*d/l*, *th*—*t*, *dh*—*d*, *ph*—*p*, *bh*—*b*.

Совокупность противопоставлений по дифференциальным признакам, существенных для фонологической системы пали, позволяет представить каждую фонему как пучок нескольких дифференциальных признаков; при этом каждый из дифференциальных признаков может принимать одно из трех значений: положительное (+: гласность, согласность, компактность, периферийность, носовость, прерывность, звонкость, придыхательность, палатальность и церебральность), отрицательное (—: негласность, несогласность, диффузность, непериферийность, ртовость, непрерывность, глухость, непридыхательность, непалатальность и нецеребральность), нулевое (0: в данном случае речь идет о положении, когда тот или иной признак несуществен для идентификации анализируемой фонемы). Описание фонологической системы пали, проведенное в соответствии с этими принципами, наиболее экономно может быть представлено в виде матрицы, дающей возможность отождествить и различить любую из фонем пали (см. табл. 6) или соотнесенной с ней схемы фонологического дерева (см. табл. 7).

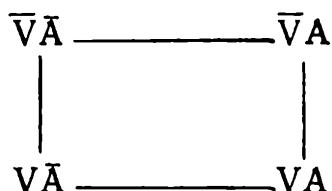
Не лишены интереса некоторые количественные показатели, конкретизирующие объем каждой пары противопоставлений по дифференциальным признакам и структуру каждой фонемы с точки зрения наличия трех видов характеристик — положительной, отрицательной и нулевой. Так, оказывается, что наибольшей мощностью среди всех десяти пар противопоставлений обладает отношение гласности — негласности и согласности — несогласности: она равна 100%, складывающаяся из отношения числа фонем, для которых противопоставление гласности — негласности и согласности — несогласности релевантно (33), к общему числу фонем в пали (33). Следующие по мощности противопоставления располагаются таким образом: компактность — диффузность = 87,9% (29 : 33), непрерывность — прерывность = 84,8% (28 : 33), носовость — ртовость, звонкость — глухость, придыхательность — непридыхательность = 60,6% (20 : 33), периферийность — непериферийность = 57,6% (19 : 33), церебральность — нецеребральность = 30,3% (10 : 33) и, наконец, палатальность — непалатальность = 27,3% (9 : 33). Естественно, что в последовательности, обратной только что приведенной, располагаются 10 пар противопоставлений, рассматриваемых с точки зрения их разрешающей силы («эффективности»). В самом деле, минимальные в пали объемы противопоставления по палатальности — непалатальности (только 9 фонем) и церебральности — нецеребральности (только 10 фонем) находятся в обратно пропорциональной

зависимости от эффективности этих отношений: с помощью ДП церебральность — нецеребральность и только с его помощью удаётся различить соответственно *t* и *t̄*, *th* и *th̄*, *d* и *d̄*, *dh* и *dh̄*, *n* и *n̄*, хотя все остальные признаки каждого члена указанных пар (а этих признаков много: *t* = 2+, 7-, *t̄* = 1+, 8-, *th* = 3+, 6-, *th̄* = 2+, 7-, *d* = 3+, 6-, *d̄* = 2+, 7-, *dh* = 4+, 5-, *dh̄* = 3+, 6-, *n* = 3+, 4-, *n̄* = 2+, 5-) совпадают полностью с признаками своего партнера по противопоставлению. Таким образом, разрешающая сила противопоставления по этому ДП столь велика, что с ее помощью можно преодолеть инерцию долгого ряда совпадающих признаков; примерно то же можно сказать о противопоставлении по палатальности — непалатальности. Напротив, эффективность противопоставления гласности — негласности или согласности — несогласности должна быть признана минимальной, поскольку эти противопоставления малоспецифичны, в силу того что они характеризуют все до одной фонемы пали; не случайно поэтому, что структура противопоставления гласных фонем согласным в пали будет достаточно прозрачной, если даже мы игнорировали бы противопоставления по гласности — негласности и согласности — несогласности, см. табл. 6 (некоторое исключение составили бы в таком случае сонорные *r*, *l*, а также *s* и *h*, структура ДП которых занимает промежуточное положение между гласными и согласными фонемами). Коэффициент эффективности в известной степени может быть понят как показатель избыточности в структуре данной пары противопоставлений (коэффициент нулевой характеристики), поскольку он определяется отношением числа нулевых показателей внутри пары к общему числу фонем. Понятно, что коэффициент избыточности может быть получен и иным образом — вычитанием из 100 % (соответственно 1) коэффициента мощности. Так, для противопоставления по палатальности — непалатальности коэффициент эффективности равен 72,7 %, поскольку он складывается из отношения 24 (число фонем, для которых это противопоставление несущественно) к 33 (соответственно: 100 % — 27,3 % коэффициент мощности этой пары противопоставлений). Для пар гласность — негласность и согласность — несогласность коэффициент избыточности принимает наименьшее из возможных значений — нулевое (0 : 33 или 100 % — 100 %), что объясняется релевантностью этих двух пар противопоставлений для всех фонем в пали.

Для определения количественных индексов структуры каждого противопоставления может оказаться полезным установление отношения числа нулевых показателей к сумме ненулевых (положительных и отрицательных) показателей (коэффициент внутренней нулевой характеристики), числа плюсовых показателей к общему количеству фонем (коэффициент положитель-

ной характеристики) и к сумме нулевых показателей (коэффициент внутренней положительной характеристики), числа минусовых показателей к общему количеству фонем (коэффициент отрицательной характеристики) и к сумме нулевых показателей (коэффициент внутренней отрицательной характеристики), отношения плюсовых показателей к минусовым и т. д. (см. табл. 8). Такие же характеристики целесообразны и для определения количественных отношений в структуре каждой отдельной фонемы (см. табл. 9).

Изложенное выше описание фонем пали по дифференциальным признакам дает возможность представить отношение фонем друг к другу и к целому, в которое они входят, в виде определенной геометрической схемы, индивидуально характеризующей фонологическую структуру пали. Высокая степень организованности фонологической системы пали достигается прежде всего за счет наличия пяти симметричных четырехугольников фонем. Внутри каждого четырехугольника все фонемы обладают совокупностью общих признаков, отличающихся их от фонем других четырехугольников (для губных — сочетание диффузности, периферийности; для церебральных — сочетание диффузности, непериферийности, церебральности; для зубных — сочетание диффузности, непериферийности, нецеребральности; для гуттуральных — сочетание компактности, непалатальности; для палатальных — сочетание компактности, палатальности). При этом любые две соседние фонемы каждого из четырехугольников отличаются друг от друга только одним признаком:

(V — звонкость, A — придыхательность, черта над знаком — противоположное значение). Фонемы, расположенные по диагонали, различаются двумя признаками, что является максимальной мерой различий между фонемами, допустимой в четырехугольниках (одним словом, организация фонем в четырехугольники приводит к образованию своего рода классов фонем, описание которых требует меньшего числа различительных признаков, чем описание каждой входящей в этот класс фонемы порознь). Следовательно, все пять четырехугольников согласных построены по принципу изоморфизма.

Фонемы, образующие пять четырехугольников, объединяются общим признаком прерывности. Как прерывным им противостоят две непрерывные фонемы *s* и *h*, отличающиеся в свою очередь как компактная (*s*) и диффузная (*h*); впрочем,

при другой интерпретации (см. табл. 7) их можно различать как непериферийную (*s*) и периферийную (*h*). Фонемы пяти четырехугольников объединяются еще и тем, что все они являются ртовыми; как таковым им противостоит цель носовых согласных фонем *m—ɳ—n—ɳ*, причем губная носовая фонема *m* связана с четырехугольником губных ртовых; церебральная носовая фонема *ɳ* связана с четырехугольником церебральных ртовых; палатальная носовая фонема *n* связана с четырехугольником палатальных ртовых.

Все перечисленные фонемы (в количестве 26) объединяются тем, что они являются согласными и негласными; как таковым им противостоят, во-первых, сонорные *r* и *l*, являющиеся и согласными и гласными (между собой *r* и *l* различаются по прерывности — непрерывности); во-вторых, гладьи *i/u* и *ii/v*, сочетающие в себе негласность и несогласность (между собой *i/u* и *ii/v* различаются как непериферийная и периферийная), и в-третьих, *a*, *e* и *o*, являющиеся гласными и несогласными. В свою очередь гласные *a*, *e* и *o* и гладьи *i/u* и *ii/v* образуют пятиугольник, который построен из двух пар изоморфных противопоставлений: *ii/v* — *o*, *i/u* — *e* (негласность, диффузность — гласность, компактность) и *i/u* — *ii/v*, *e* — *o* (периферийность — непериферийность), а также гласной фонемы *a*; последняя стоит несколько изолированно, противопоставляясь фонемам *e* и *o* тем, что для нее несущественно противопоставление периферийности — непериферийности; таким образом, фонема *a* занимает особое (наряду с сонорными *r* и *l*) место вследствие того, что характеризуется наименьшим числом дифференциальных признаков (тремя).

Геометрическую интерпретацию фонологической системы пали можно представить в виде схемы (см. табл. 10).

Не меньшее значение, чем анализ по дифференциальным признакам, имеет изучение распределения фонем пали в тексте — дистрибутивный анализ. На его основании так же можно установить алфавит фонем, как и с помощью дифференциальных признаков. Подобно тому как при описании фонологической системы на основе изучения дифференциальных признаков можно выяснить, какие ограничения накладывает система на сочетания дифференциальных признаков и, следовательно, на инвентарь фонем, — дистрибутивный анализ помогает определить, какие ограничения накладываются структурой текста на возможности комбинации фонем и целых классов фонем.

Дистрибуция фонем пали в пределах слова подчиняется ряду вполне определенных и в общем относительно простых правил. В кочечном положении допустимы только гласные фонемы (причем любые гласные), а также сочетание *a, i* и *ii* с краткими носовыми фонемами, представленной ниггахитой. Ср. *tattha*, *rājā*, *aghātayi*, *nipati*, *bahu*, *aḥī*, *ete*, *gavo*, *bhavat*,

aggim, *tarum*. Дистрибутивные ограничения, накладываемые на начало слова, напротив, минимальны: слово может начинаться любой гласной и любой согласной фонемой, исключая *t*, *dh*, *n*. Таким образом, в пали уже на этом уровне анализа можно различить гласные и согласные фонемы. Гласные представляют собой в пали класс фонем, встречающихся как в начале, так и в конце слова, тогда как согласные могут встречаться только в начале слова; (положение в середине слова в данном случае исключается, поскольку оно не позволяет дифференцировать гласные и согласные) и не могут встречаться в конце слова: исключением являются носовые фонемы *n* и *m*, которые в конце слова представлены фонетическим вариантом ниггахиты (*m̥*), не встречающимся в начале слова (отсюда — возможность фонологической интерпретации сочетания гласного с *m̥* как носовой гласной, что не противоречило бы и фонетическим данным). Иначе говоря, можно было выделить третий класс фонем — носовые *m* и *n*, которые встречаются и в конце и в начале слова, но в виде разных фонетических вариантов.

Фонемы *ā*, *ī*, *ū*, *e*, *o* обладают одинаковыми дистрибутивными свойствами в том отношении, что могут сочетаться со всеми согласными пали в качестве второго элемента и со всеми согласными, кроме *ch*, *jh*, в качестве первого элемента (следовательно, допустимы *cha*, *chi*, *chu*, *che*, *cho*, *jha*, *jhi*, *jhu*, *jhe*, *jho*, но не допустимы *ach*, *ich*, *uch*, *ech*, *och*, *ajh*, *ijh*, *ujh*, *ejh*, *ojh*). Фонемы, обладающие признаками гласности и несогласности, не вступают в сочетание друг с другом (*aa*, *ae*, *ao*, *ea*, *ee*, *eo*, *oa*, *oe*, *oo* запрещены), но вступают в сочетание с гайдами в качестве предшествующего и последующего элементов (в таком случае гайды выступают в фонетическом варианте *u* и *v*), например: *ay*, *ua*, *av*, *va*, *ey*, *ue*, *ev*, *ve*, *ou*, *uo*, *ov*, *vo*.

Из сказанного следует, что все согласные фонемы составляют единый класс на основании сочетания их в качестве первого члена с любой гласной, но образуют два класса в зависимости от возможностей их сочетания в качестве второго члена с гласными. К первому классу относятся все согласные, кроме *ch*, *jh*, обладающие способностью образовывать комбинации типа С + В и В + С; ко второму классу относятся *ch*, *jh*, которые не могут вступать в сочетания типа В + *ch*, В + *jh* (допустимы только В + *cch* и В + *jjh*); следует отметить, что эту особенность дистрибуции нельзя считать случайной, поскольку она относится не к отдельной фонеме, а к целым группам (все гласные, придыхательные палатальные), которые порознь встречаются очень часто (иное дело, случайное отсутствие сочетания *eph* в пали при наличии *aph*, *iph*, *uph*, *oph* и *abh*, *ibh*, *ubh*, *ebh*, *obh*).

Сочетания согласных фонем в пали допустимы только в середине слова; в начале слова и, естественно, в конце слова они запрещены. Разрешаются сочетания не более чем двух согласных. В соответствии с принятой процедурой можно обозначить предшествующий элемент сочетания символом α , а последующий — символом β . Таким образом, вся совокупность фонем, выступающих в качестве предшествующего элемента, по отношению к последующей фонеме является полем α , а вся совокупность последующих фонем по отношению к предшествующей — полем β . С помощью этих понятий можно весьма просто описать дистрибуцию фонем вообще и в сочетаниях согласных в частности. Фонема r не встречается ни в α -, ни в β -позиции; следовательно, это единственная фонема пали, не вступающая в сочетание с другими согласными фонемами. Фонема l может быть в α -позиции только в том случае, если и в β -позиции выступает l , и, наоборот, l может быть в β -позиции при условии, что оно находится и в α -позиции; иначе говоря, из всех согласных фонем l вступает в сочетание только сама с собой. Таким образом, r и l , сочетающие в себе признаки гласности и согласности, характеризуются минимальной валентностью в плане дистрибутивных возможностей.

Все придыхательные (kh , gh , ch , jh , th , dh , th , ph , bh) и h в позиции α (в сочетаниях согласных) не встречаются, однако поля α для придыхательных и для h различны: для первых полем α могут быть только смычные непридыхательные того же места образования (kkh , ggh , cch , jjh , tth , dth , tth , ddh , pph , bbh), для h полем α могут быть носовые (\tilde{nh} , \tilde{th} , nh , mh) и гладьи (uh , vh). Все остальные фонемы (k , g , c , j , \tilde{n} , t , d , \tilde{n} , t , d , n , p , b , m , l , s) могут быть и в позиции α , и в позиции β .

Для s полем α является s и m , а полем β — только s (ss , ms).

Для смычных неносовых фонем полем α может быть только та же самая смычная неносовая фонема (kk , gg , cc , jj , tt , dd , tt , dd , pp , bb) или же соответствующая носовая фонема (nk , nkh , ng , ngh , \tilde{nc} , \tilde{nch} , \tilde{nj} , \tilde{njh} , \tilde{nt} , \tilde{nth} , \tilde{nd} , ndh , mp , mph , mb , mbh ; сочетание \tilde{njh} не отмечено).

Для непридыхательных смычных, как следует из сказанного выше, поле β может быть представлено только придыхательной фонемой того же места образования (kkh , ggh и т. д.).

Для носовых фонем поле α может быть представлено той же носовой фонемой (\tilde{nl} , \tilde{nn} , np , tm), а поле β — соответствующими смычными непридыхательными и придыхательными, h (\tilde{nh} , \tilde{th} , nh , mh) и s (в случае s носовая фонема представлена вариантом ниггахита).

Таким образом, наибольшими дистрибутивными возможностями в пределах сочетаний согласных обладают носовые фонемы. Каждая из них может сочетаться по крайней мере с пятью фонемами в поле α и в поле β ; иными словами, минимальная мощность τ -поля для носовых равна 5. Для h τ -поле представлено четырьмя фонемами (не считая согласных вариантов глейдов u и v), для смычных непридыхательных, для s и для придыхательных — двумя фонемами, для l — одной фонемой, для r — нулем.

Все согласные фонемы, кроме r и h , как видно из предыдущего описания, могут удваиваться, т. е. обладать свойством рефлексивности. Рефлексивным может быть также согласный вариант u фонемы i/u (в отличие от нерефлексивного v). Все фонемы пали, обладающие гласностью и несогласностью, нерефлексивны.

Дальнейшее более детальное изучение дистрибутивных особенностей фонем пали может быть связано с определением классов симметричных, несимметричных, транзитивных и т. д. фонем и установлением степени проявления соответствующих свойств. Все это нетрудно вывести, используя табл. 11 (см.), которая отражает дистрибуцию фонем пали.

В таблице дистрибуции фонем учитываются сочетания, возможные в словах пали. В ней не отражены некоторые сочетания фонем, встречающиеся в текстах на языке пали, но в словах санскритского происхождения. Поскольку таких слов довольно много, можно говорить о существовании в этих текстах двух дистрибутивных структур — палийской и санскритской. Разумеется, что санскритская модель дистрибуции фонем является неполной и в целом ряде случаев факультативной. Это, в частности, подтверждается наличием наряду с санскритскими формами слов со свойственными им сочетаниями согласных фонем палийских дублетов тех же слов, в которых особенности санскритской дистрибуции упраздняются различными путями (элентеза гласного или упрощение группы согласных с помощью ассимиляции); ср. *kriyā/kiriyā*, *klesa/kilesa*, *plava/pilava*, *sneha/sineha*, *uklāpa/ukkalāpa*, *padma/paduma*, с одной стороны, и *bhadra/bhadda*, *utrāsa/uttāsa*, *kalyāṇa/kallāṇa*, *visat्यога/visāññoga* — с другой (и первый и второй из указанных способов представлены в таких формах, как *tulya/tuliya/tulla*). Более сложную категорию случаев образуют немногочисленные примеры, сочетающие с общим палийским обликом некоторые особенности дистрибуции фонем, характерной для санскрита. Например, отдельные слова с начальной группой *br-* (*brūti*, *brūheti*) представляют собой отклонение от норм дистрибуции фонем пали, не являясь в то же время грамматическими санскритизмами. Любопытно, что сочетание *br-*, видимо, упрощалось

даже в чисто санскритских словах в языке пали, о чем говорит, например, ложная этимология слова *brāhmaṇa*, связывающая его с корнем *bāh-* (ср. Дхаммап. 388). Влиянием санскритской местоименной парадигмы следует, вероятно, объяснять сохранение обычно отсутствующей в пали группы *-sm-* в ряде гибридных образований наряду с палийскими дублетами без этой группы; ср. *atūsmā/atūthā*, *atūsmīt/atūthī*, *taṃsmā/tamthā*, *taṃsmīt/tamthī*, *imasmā/imamthā*, *imasmīt/imamthī*, *asmākāṭ/amtākāṭ*, *asme/amhe* и т. д.; ср. также дублеты среди существительных: *rāsmī/rāmsī*, *bhēsma/bhīmsa* и др. Поэтому в таблице дистрибуции фонем пали сочетания *br-* и *-sm-* не отмечены.

Некоторых пояснений требует распределение *ɖ* и *ɻ*, *ɖh* и *ɻh*, представленных в таблице как варианты соответственно двух фонем. Основанием для того чтобы считать *ɖ* и *ɻ* аллофонами одной фонемы, является факт их дополнительного распределения: *ɖ* не встречается в интервокальном положении, *ɻ* встречается только в интервокальном положении (например: *tālēti*, *tālīta* от корня *taɖ*, но *taɖḍamāna*; ср. также *nīla* и *nīḍha*, оба со значением «гнездо»). Правда, картина осложняется тем обстоятельством, что аллофон *ɻ* фонемы *d/l* в ряде примеров выступает и как факультативный вариант фонемы *l* (ср. *nala/naɻa* ‘тростник’, *māla/mā'la* ‘павильон’, *beluva/beɻuva* название дерева, *kākola/kākoɻa* ‘ворон’, *uppa-la/uppaɻa* ‘дерзкий’ и др.), хотя наряду с этим существуют и случаи четкого фонологического противопоставления *l* и *ɻ* (например: *tāla* ‘пальма’ — *tāɻa* ‘удар’, *nīla* ‘синий’ — *nīɻa* ‘гнездо’, *ela* ‘соль’?, ‘вода’? — *eɻa* ‘глухой’).

Примерно такие же основания позволяют объединить аллофоны *ɖh* и *ɻh* в одну фонему (*ɖh* не встречается в интервокальном положении, тогда как *ɻh* встречается только в этом положении).

Особо следует остановиться на соотношении аллофонов *i*—*u* и *ii*—*v*, определяемом их позицией в слоге (о слоге см. ниже). Варианты *i* и *ii* являются слогообразующими и в качестве таковых могут встречаться непосредственно перед фонемами, характеризуемыми согласностью и негласностью. Варианты *u* и *v* являются неслогообразующими и не встречаются в только что указанной позиции. В таком смысле они находятся в отношении дополнительного распределения, что, может быть, полнее всего проявляется при наличии пар алломорфов, подобных *iṭṭha/yiṭṭha* (причастие от *uaṭati*) или *issati/vuccati* (пассив от *vatti*). Лишь мнимым исключением следует считать случаи вроде *ati-ambila*, *ati-arahāṭ*, *ati-issara*, *ati-eti*, поскольку в рукописях, которые отражают такое написание, *ati* фактически трактуется как самостоятельное слово, а излагаемые здесь правила дистрибуции действитель-

ны в пределах лишь одного слова. Показательны пары типа *ati-iṇha/acciṇha*, где особенности дистрибуции фонем определяются в зависимости от того, как интерпретируются члены этой пары (как два слова или как одно). Единственной теоретически мыслимой позицией, в которой могло бы осуществляться противопоставление *i* — *u*, *u* — *v*, является положение в начале слова перед гладдами и сонорными. Из всех возможностей сочетаний этого рода в пали практически реализуется лишь одна: *iu-/vu-*. Тем не менее и такие примеры не нарушают принципа дополнительного распределения, так как для определения дистрибутивного окружения *u*- и *v*- недостаточно лишь одной последующей фонемы, а необходимо учитывать и вторую последующую фонему. В таком случае оказывается, что после *u*- встречается только удвоенная фонема *-uu-*, а после *v*- только одинарная фонема, ср. *iuuāta*, но *vuāta*. Таким образом, в пали нет такой позиции, где осуществлялось бы противопоставление *i* — *u*, *u* — *v*. В частности, поэтому целесообразно объединить аллофоны *i*, *u* в фонему *i/u*, а аллофоны *u*, *v* — в фонему *u/v*.

При анализе дистрибуции фонем пали следует считаться с явлением сандхи, которое, ограничивая независимость двух смежных фонем на стыке морфем или слов, указывает тем самым границы морфем и слов (по крайней мере в ряде случаев). При описании сандхи применительно к пали целесообразно исходить из двух положений, позволяющих наиболее экономно представить особенности сандхи в этом языке.

Во-первых, в пали практически отсутствуют сандхи согласных, поскольку сочетания согласных на стыке морфем крайне ограничены, а на стыке слов вовсе недопустимы. Что касается этих ограниченных сочетаний согласных, то в части их сандхи отсутствует (в случае, когда исход одной морфемы и начало другой представлены одинаковыми фонемами, ср. *ud-disati = ud-disati*), а в остальных сочетаниях говорить о сандхи нецелесообразно ввиду обычно неясного морфологического членения слова (ср. *nibbāna* — *vāna* и *nibbāna* — *niraya*; *ubbega* — *vega* и *ubbega* — *udaya*; *duratta* — *ratta*, но *dukkara* — *kara*, *dujjaha* — *jaha*, *dunpaya* — *naya* и т. д.). Разумеется, подобные случаи можно было бы описать и с помощью понятия сандхи, однако такое описание было бы неоправданно сложным и связанным с диахроническими импликациями.

Во-вторых, если исходить из первого положения, то в пали сандхи на стыке морфем принципиально не отличаются от сандхи на стыке слов, что позволяет дать единое описание тех и других.

Следовательно, применительно к пали речь может идти или о сандхи двух гласных или о сандхи ниггахиты с после-

дующей фонемой (гласной или согласной). Заслуживают внимания еще две особенности сандхи в палийских текстах: факультативность сандхи (на стыке слов в одинаковых условиях сандхи то реализуется, то отсутствует; что касается сандхи на стыке морфем, то они отличаются большей регулярностью) и вариативность сандхи (последняя заключается в том, что к одному результату могут привести разные исходные элементы и, наоборот, одинаковые исходные элементы могут дать разные результаты: $e = a + i$, или $a + e$, или $i - e$; $a + i = e$, $a + i = \bar{a}$, $a + i = a + i$ и т. п.).

Указывая на границы морфем и слов (по крайней мере в определенных пределах), сандхи вместе с тем позволяет включить изолированные словоформы в поток речи. При этом благодаря сандхи дистрибутивные отношения, характеризующие последовательность фонем внутри слова, оказываются распространенным (насколько это допускает ограниченный инвентарь фонем в конце слова) на отрезки, большие, чем слово. Так, существует тенденция избегать сочетания гласных фонем на стыке двух слов (запрет, автоматически действующий внутри слова), хотя именно здесь эти сочетания особенно часты в связи с особенностями конца слова в пали. Эта тенденция находит выражение в стяжении двух гласных фонем в одну, в элизии одной из двух гласных, в замене одной из гласных глайдом, во вставке согласной фонемы между двумя гласными.

Можно сформулировать некоторые правила сандхи, обладающие потенциально высокой степенью статистической вероятности (очередность правил имеет существенное значение).

1. Две гласные фонемы или два глайда, обладающие одинаковым набором дифференциальных признаков, перекодируются в одну фонему с тем же набором признаков, просодически характеризуемую долготой в открытом слоге и краткостью в закрытом слоге. Следовательно, $a+a>a$, $i+i>i$, $u+u>u$, $e+e>e$, $o+o>o$ (два последних случая практически встречаются очень редко из-за меньшей употребительности этих фонем). Менее убедительна интерпретация, при которой считается, что в данном случае имеет место элизия одной из гласных фонем. Предлагаемое здесь описание позволяет одинаково объяснить как те случаи, когда сандхированная гласная находится в закрытом слоге, не допускающем долгой гласной, так и те случаи, когда она находится в открытом слоге, где допустимы и долгая и краткая гласная. Например, $a + a$: $na + atthi > n'atthi$ (согласно принятой графической традиции, оказавшей неправомерно большое влияние на фонетическую интерпретацию, сандхи часто обозначается апострофом в закрытом слоге и долгой гласной в открытом слоге), $ca + akkhāhi > c'akkhāhi$, $ca + aññe > c'aññe$, $ca +$

+ *aḥam* > *cāḥam*, *na* + *abhvadati* > *nābhivadati*, *kamma* + *adhikatena* > *kammādhikatena*; *āgata* + *āgama* > *āgatāgama*, *ākula* + *ākulākula* > *ākulākula*, *tena* + *ākārena* > *ten'ākārena*; *raññā* + *adhipateyya* > *raññādhipateyya*, *rājā* + *aḥam* > *rājāḥam*; *i* + *i*: *gacchanti* + *iti* > *gacchantīti*, *itthi* + *indriya* > *itthindriya*; *devī* + *iti* > *devīti* (впрочем, последние примеры можно объяснить и иначе ввиду наличия дублетов *iti* – *ti*); *u* + *u*: *bahu* + *udaka* > *bahūdaka*; *e* + *e*: *me* + *etaṁ* > *m'etam* и т. п.

2. Гласная фонема *a* в сочетании с гайдами *i* и *u* перекодируется соответственно в *e* и *o*. При этом набор признаков результирующей фонемы определяется следующими правилами: а) если *a* и гайд имеют общий дифференциальный признак с одинаковым знаком, то он переносится в результирующую фонему с тем же знаком; б) если одна из взаимодействующих фонем имеет какой-либо дифференциальный признак, отсутствующий у другой фонемы, то он переносится в результирующую фонему с тем же знаком, который был у фонемы, обладающей данным признаком; в) если дифференциальный признак выражен у фонемы *a* положительно, а у гайда отрицательно, то в результирующую фонему переносится дифференциальный признак фонемы *a*. К последнему правилу следует сделать примечание. С известным основанием можно было бы говорить о перенесении в результирующую фонему дифференциального признака с положительным знаком. Однако точнее говорить о переносе признака фонемы *a*, так как в обратной последовательности – гайд + *a* – перекодирования фонем не происходит. Изложенные здесь правила (а, б, в) можно проиллюстрировать схемой:

<i>a + i > e</i>	<i>a + u > o</i>
<i>+</i> – > +	<i>+</i> – > +
– – > –	– – > –
– + > +	– + > +
0 – > –	0 + > +

Ср. *mahā* + *isi* > *mahesi*, *upa* + *ikkhati* > *upekkhati*, *upa* + *ita* > *upeta* и т. п., с одной стороны, и *mahā* + *uraga* > *mahoraga*, *yathā* + *udake* > *yathodake* и т. п. – с другой.

3. Гайды *i*, *u* в положении перед последующими гласными выступают в виде аллофонов *u*, *v*. Ср. *ti* + *attu* > *tyattu*, *sotthi* + *attu* > *sotthyattu*, *tu* + *eva* > *tveva*, *su* + *āgatam* > *svāgatam*, *su* + *ākāra* > *svākāra*. Иногда сочетание гайда с последующей гласной фонемой перекодируется в фонетическую последовательность, состоящую из согласного варианта гайда и долгого гласного (в открытом слоге): *iti* + *asi* > *ity* + *asi* > *iccāsi* (случаи типа *su* + *akkhāta* >

svākkhāta, где гласный удлиняется в закрытом слоге, противоречат только что сделанному наблюдению и, видимо, представляют собой «ученое» написание).

Гласные фонемы *e* и *o* в положении перед последующими гласными могут в некоторых точно не определенных случаях перекодироваться в фонетическую последовательность, состоящую из согласного варианта соответствующего глейда (*e* > *y*, *o* > *v*) и долгого гласного: *te + ahaṭ* > *tyāhaṭ*, *te + auhaṭ* > *tuāyaṭ*, *so + ahaṭ* > *svāhaṭ*, *so + assu* > *svässu* (см. сказанное о *svākkhāta*) и т. п. Однаковые результаты сандхи при разных первых исходных элементах (*i*, *e* > *y*; *u*, *o* > *v*) можно объяснить одинаковым отношением этих элементов к различию по периферийности — непериферийности: *i* и *e* являются непериферийными, а *u* и *o* — периферийными. Характерно, что гласная фонема *a*, для которой эти признаки несущественны, не участвует в сандхи такого рода.

4. Две гласные фонемы или глейды, обладающие неодинаковым набором дифференциальных признаков, могут перекодироваться в одну из исходных фонем (иначе говоря, речь идет об элизии одной из фонем), которая в открытом слоге может приобретать долготу. Нет общего правила для предсказания того, которая из исходных фонем остается. Можно лишь отметить, что в сочетании с другими гласными фонемами и глейдами фонемы *e* и *o* чаще всего сохраняются. Вот некоторые из примеров: *madhu + attika* > *madhutthika*, *sādhū + iti* > *sādhūti*, *domanassa + upāyāsā* > *domanassupāyāsā*, *passāmi + ahaṭ* > *passām'ahaṭ*, *tēna + upasatkāmi* > *ten'upasatkāmi*, *appa + eva* > *appeva*, *pi + etāṭ* > *p'etāṭ*, *taratha + etāṭ* > *tarath'etāṭ*, *kayirātha + enāṭ* > *kayirāth'enāṭ*, *kallo + asi* > *kallo'si*, *patto + asi* > *patto'si*, *pabbajito + aṭhi* > *pabbajito'mhi* и т. д.

Легко заметить, что настоящее правило применимо к тем же случаям сочетания гласных фонем и глейдов, которые рассматривались уже в предыдущих правилах, а также к некоторым новым случаям (*e + a*, *e + i*, *e + u*, *e + o*; *o + a*, *o + i*, *o + u*, *o + e*). Однако это правило не является излишним даже в той его части, которая отражена предыдущими правилами, поскольку оно предусматривает новые разновидности сандхи.

5. Две гласные фонемы или глейды могут перекодироваться в такую последовательность, где они будут разделены согласным звуком, указывающим на границу слов (иначе говоря, речь идет об эпентезе). В качестве таких пограничных знаков могут выступать: *y*, *r*, *v*, *m*, *n*, *d*, *t*. Ср. *ta + idaṭ* > *ta-y-idaṭ*, *yathā + idaṭ* > *yathā-y-idaṭ*, *na + imāṭ* > *na-y-imāṭ*, *sāsapo + iva* > *sāsapo-r-iva*, *āragge + iva* > *āragge-r-iva*; *ti + angulaṭ* > *ti-v-angulaṭ*, *ti + angika* > *ti-v-angika*;

oka + *okato* > *oka-m-okato*, *hitvā* + *aññāt* > *hitva-m-aññāt*; *ito* + *āyati* > *ito-n-āyati*; *samma* + *aññāya* > *samma-d-aññāya*, *puna* + *eva* > *puna-d-eva* (но и: *puna-r-eva*); *ajja* + *agge* > *ajja-t-agge* и др.

Хотя все перечисленные правила имеют целью предотвратить соположение двух гласных фонем или гайдов, последовательности такого рода в сегментах, больших, чем слово, встречаются достаточно часто; ср. *na akkīhi*, *rājā āha*, *raññena āgatāt*, *sutvā attamano*, *sakkoti issariyat*, *sotesu ugghātitesu*, *so oghat*, *yattha edisakat*, *coro eso*, *bhante īte*, *te idha*, *kāye āñā*, *eko ahat* и т. п.

Тот факт, что одни и те же исходные элементы могут давать разные результаты в сандхи, в сочетании с высокой степенью факультативности этого явления, заставляет считать, что описание сандхи имеет преимущественное значение для построения модели распознающего типа, позволяющей перейти от текста к фонологической системе; что же касается моделей порождающего типа, то для их построения описание сандхи в пали представляет относительно небольшую ценность.

Сказанное отчасти подтверждается и результатами взаимодействия ниггахиты с последующими фонемами. Наряду с серией вполне определенных закономерностей, когда ниггахита перед согласными перекодируется в аллофон носовой фонемы одного места образования с последующей согласной (ср. *sutañ ca*, *suduttaran ti*, *mayat pi*, *samsāram mohaṭ*), а перед гласными представлена основным вариантом *t* (*etam ādīnavat*, *sukham edhittha*, *brāhmaṇat uttamāt* и т. д.), — хорошо известны случаи сохранения ниггахиты независимо от качества последующей фонемы, ср. *mat icchati*, *mayat ubho*, *khippat pattat*, *lingat jātimayat tesat* и др., или даже ее перекодирования по правилу 4 (ср. *labheyuṭ + ahat* > *labheyyāhat*).

Из сказанного следует, что сандхи может служить приметой для распознавания границ слов (или морфем) и слов. В этом смысле сандхи является пограничным сигналом (Grenzsignal); собственно говоря, этим и исчерпываются функции сандхи в пали. Помимо указанных выше частных разновидностей сандхи, являющихся индивидуальными пограничными сигналами (ниггахита, выступающая в качестве архифонемы *t* и *n*, эпентеза, элизия, долгота гласной фонемы, наличие *e* и *o* и т. д. [разумеется, сигнальная природа некоторых из этих явлений не исключает их появления и в несигнальной функции]), в качестве пограничных сигналов могут выступать и некоторые особенности дистрибуции фонем. Понятно, что часто эти особенности могут указывать границу слова лишь с известной вероятностью, хотя относительно четкие правила

организации конца слова в пали существенно облегчают распознавание границ слова при наличии определенных последовательностей фонем. Специальным знаком, указывающим на границу двух слогов или морфем (но не слов), может быть удвоение начальной согласной фонемы второй из сочетающихся слогов или морфем (практически речь идет о сочетании приставки с корнем): *pa + khandati* > *pakkhandati*, *pa + gañhāti* > *paggañhāti*, *pañi + khipati* > *pañikkhipati*, *pañi + gañhāti* > *pañiggañhāti*, *abhi + pasādeti* > *abhippasādeti*, *anu + chavi + ka* > *anuccchavika*, *vi + kaya* > *vikkaya* и т. п.

До сих пор речь шла о фонологических элементах, противопоставление которых осуществлялось в пределах одной фонемы. Однако в пали существуют и такие фонологически релевантные элементы, для реализации которых требуется отрезок, больший, чем фонема, — слог. Они образуют особый класс присодических признаков (присодем). К их числу в пали относится противопоставление слогообразующих фонем по долготе и краткости. Ср. *a:ā* — *pati* 'господин', 'муж':*rāti* 'чаша', *sama* 'подобный':*sāma* 'напев', *vihara* — 2-е л. ед. ч. повел. накл. от *viharati* 'проживает': *vihāra* 'обитель монаха'; *u: ī* — *bhūja* 'рука': *bhūja* 'род ивы': *i : ī* — *iti* 'так': *īti* 'бедствие' и др. В пали существуют ограничения двух родов для проявления противопоставления по долготе — краткости. Во-первых, оно не распространяется на гласные фонемы *e* и *o*. Во-вторых, для тех фонем, для которых это противопоставление действительно (*a*, *i*, *u*), оно осуществляется только в открытом слоге.

Что касается ударения, то на основании палийских текстов трудно сказать что-либо определенное о его фонологическом значении, так как дошедшие до нас тексты не акцентированы. Можно лишь ограничиться некоторыми предположениями, основанными преимущественно на диахронических данных. В частности, разумно считать, что пали, утратив систему тонов, свойственную древнеиндийскому языку, сохранил в принципе старое место ударения. Об этом (как и об экспираторном характере ударения в пали) часто свидетельствует изменение вокализма безударных (с древнеиндийской точки зрения) слогов в пали.

В связи с анализом просодических элементов заслуживает внимания описание структуры слога в пали. Максимальной моделью слога является последовательность, состоящая из согласной, гласной и согласной фонем (С — В + С). Слог такой структуры следует считать маркированным: он встречается относительно редко и при этом не появляется в конце слова (если не считать варианта слога, оканчивающегося на ниггахиту). Особенность слога типа С + В + С заключается, в частности, в том, что гласная фонема в нем

может быть только краткой — С + V + С. Все остальные немногочисленные разновидности слогов в пали могут быть описаны как редуцированные варианты идеальной модели: С + V, V, V + С. Первые две разновидности (так называемые открытые слоги), являющиеся немаркированными, могут быть в начале, в середине и в конце слова в отличие от разновидности V + С, которая обычно не встречается в конце слова (если только в качестве С не выступает ниггахита). Статистически преобладающими слогами являются открытые. Если судить по концу слова (единственное положение, в котором слог вполне точно определим), то около трех четвертей случаев представлено открытymi слогами. Количество закрытых слогов (во всех положениях) относится к общему количеству слогов примерно как один к четырем. Резко выраженное в пали преобладание открытых слогов над закрытыми представляет значительный теоретический интерес, открывая возможность для различных интерпретаций структуры слога в этом языке. Интерпретация, данная здесь, является наиболее принятой, из нее, в частности, следует, что в случае сочетания двух согласных фонем внутри слова слогораздел проходит между ними, а во всех остальных случаях — после гласного. Таким образом, зная правило слогоделения, можно автоматически получить все типы слогов и все конкретные слоги пали.

В связи со слогом упомянем о так называемом законе двух мор, налагающем определенные ограничения на возможности осуществления противопоставления слогообразующих фонем по долготе и краткости. Суть его (в традиционной формулировке) сводится к тому, что в пали слог не может содержать более двух мор. В соответствии с этим предусматриваются три категории случаев: 1) открытый слог с краткой гласной содержит одну мору (*a-pi*); 2) открытый слог с долгой гласной содержит две моры (*rā-jā*); 3) закрытый слог с краткой гласной содержит две моры (*khip-rat̥*). Эти закономерности можно было выразить более конструктивно без введения понятия открытого и закрытого слога следующим образом: если имеет место долгая гласная фонема или если за краткой гласной фонемой следуют две согласные, слог содержит две моры; во всех остальных случаях слог содержит одну мору. Иначе говоря, противопоставление долготы и краткости нейтрализуется в последовательности фонем, состоящей из гласной плюс две согласных.

Если правила построения слога в пали весьма просты, то сдавали ли вообще можно говорить о правилах, по которым слоги сочетаются в слова. Можно ограничиться лишь отдельными наблюдениями, приобретающими значение в связи с историческим анализом. Так, например, в пали даже в пределах

одной морфемы возможно наличие двух придыхательных согласных в соседних слогах, ср. *kho-bha*, *tham-bha*, *chud-dha* и т. п. Другое наблюдение связано с намечающейся в ряде случаев тенденцией к организации вокализма соседних слогов по принципу сингармонизма, ср. *usu* при др.-инд. *iṣu*, *ucchi* при др.-инд. *ikṣu*, *kukku* при др.-инд. *kiṣku*, *susu* при др.-инд. *śiśu*, *sumugga* при др.-инд. *samudga*, *usūyā* при др.-инд. *asūyā*, *sirimsara* при др.-инд. *sarīsrpa*, *timissā* при др.-инд. *tamisrā*, *kappara* при др.-инд. *kūrpara*, *uṇika* при др.-инд. *undaṇka*, *āyastant* при др.-инд. *āyuṣtant* и др.

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Структура слога (и, в частности, правила распределения долгот и краткостей) имеет непосредственное отношение к принципам палийской версификации.

Система стихосложения палийских поэтических текстов в своей основе восходит к соответствующей санскритской системе, но отличается от нее гораздо более ограниченным репертуаром стихотворных размеров. Основным принципом стихосложения в пали является метрико-силлабический, основанный на закономерном чередовании так называемых тяжелых (*gari*) и легких (*lahu*) слогов (правда, в ряде текстов при фиксированном числе слогов чередование тяжелых и легких слогов оказывается не вполне строго выдержаным, ср. отдельные части Сутта-нипаты; с другой стороны, известны случаи нарушений в числе слогов, ср. некоторые места в Итивуттаке). К тяжелым слогам относятся не только те, которые содержат долгий гласный, но и такие, в которых за кратким гласным следуют два согласных (важно отметить, что сам гласный остается кратким, речь идет о приравнении его к долгому только в данной позиции и притом в плане версификации); отсюда становится понятным употребление в палийских стихотворных текстах таких форм, как *rajṣappat* вместо ожидаемого *rajṣāpāt* (здесь устанавливается эквивалентность *-app-* и *-āp-*); более того, есть некоторые основания говорить о свойственной палийскому стихосложению тенденции к удвоению согласных за счет упразднения старых долгот гласных. Характерно, что и дифтонги подчиняются общему правилу; любопытно, что отмечены случаи, когда они сокращаются даже перед одним согласным и при скандировании трактуются как краткие; правда, такие примеры следует рассматривать как редкие случайности. Несколько иной характер носят довольно хорошо известные изменения количества гласного под влиянием метрических схем (удлинение краткого гласного, ср. *i* в 3-м л. ед. ч. презенса вм. *i*: *ramati*, или сокращение долгого гласного, ср. *a* вм. *ā* в абсолютиве:

chetva); число таких отклонений от количества гласного в нестихотворном тексте может служить мерой несовершенства в преобразовании неметрической последовательности в метрическую.

Совокупность долгих и кратких слогов, упорядоченных определенным образом, составляет *pāda*, равную обычно одной четвертой части стиха (изредка — одной шестой). Собственно говоря, *pāda* и является основной единицей метрической системы в пали, поскольку именно ее особенности позволяют дифференцировать стихотворные размеры; в известной степени *pāda* в стихосложении может рассматриваться как аналог фонемы в фонологии. Для *pāda* существенны следующие различительные признаки: общее число слогов, число долгих и кратких слогов порознь, места, занимаемые долгими и краткими слогами порознь. Различия в указанных признаках образуют инвентарь поэтических размеров пали (ниже они даются в одном из характерных своих вариантах). Основными среди них следует считать шлоку (*sīloka*, ср. также *vattā*), один из самых распространенных размеров в индийской эпической традиции: $\text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$ (с некоторыми частными вариантами); ануштубх (*apuṭṭhubha*):

$\text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$, генетически связанный с предыдущим размером; триштубх (*tuṭṭhubha*):

$\text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$, с цезурой после 4-го или 5-го слога; джагати (*jagatī*): $\text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$, с цезурой также после 4-го или 5-го слога; последние два размера могут регулярно сочетаться, образуя смешанный метр — *tuṭṭhubha-jagatī* (см. табл. 11). Остальные размеры менее популярны. Обычное сочетание четырех *pāda* данного размера, членимых цезурами, образует строфу. По существу строфа данного размера — последняя метрическая единица высшего уровня, хотя при более строгом подходе ее можно рассматривать как механическое учетверение метрической единицы предыдущего уровня — *pāda*. Говорить о каких-либо метрических закономерностях на уровне, высшем, чем строфа данного размера, едва ли целесообразно. Тем не менее любопытно отметить, что весьма многие тексты пали характеризуются сочетанием различных метрических структур, включая и метрически неупорядоченную прозу. Так, в Сутта-ниннате представлены ануштубх, триштубх и джагати; в Удане — шлока, триштубх и джагати; в Дхамманаде — триштубх и ануштубх и т. п.

Следует подчеркнуть, что уже за несколько веков до нашей эры в индийской метрической традиции появился так называемый «музыкальный» стиль, заимствовавший свои ритмы из музыки. Единицей счета в нем является mattā, равная количеству одного краткого слога. Число же слогов в размерах «музыкального» стиля может варьироваться. Основные его размеры маттачхандас (mattāchandas) в разновидностях *vetāliya*

(˘ ˘ ˘ ˘ - ˘ - ˘ ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ - ˘ - ˘ ˘ ;

схема повторяется дважды) и *opacchandasaka*, отличающаяся от *vetāliya* более длительной каденцией

(˘ ˘ ˘ ˘ - ˘ - ˘ - ˘ | ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ - ˘ - ˘ - ˘ ;

эта схема, содержащая два лишних mattā, также повторяется дважды), и ганачхандас (*gaṇacchandas*) в разновидностях *gīti* (два или три стиха, каждый из которых состоит из 8 *gaṇa* по 4 mattā в каждой [2 mattā в конце — в остатке] с характерным ритмом: |˘ - | ˘ - ˘ |) и *ariyā* (соединение стиха *gīti* со стихом из 27 mattā с синкопированной каденцией).

Известным компромиссом между двумя названными метрическими системами является третья система, размеры которой, как правило, характеризуются фиксированным количеством и числом слогов (это особенно характерно для позднейшей индийской традиции). Эта система реализуется в аккхарачхандас (*akkharacchandas*), разновидностями которого являются *samavutta* (*upajāti*: ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ ; rathoddhatā:

- ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ ;

vamsatthā: ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ ;

pamitakkharā: ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ ;

rucirā: ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ ; каждая из этих схем повторяется четырехкратно); *adḍhasamavutta* (*pupphitaggā*:

˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ | ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ ;

svāgatā: - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ | - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ обе эти схемы повторяются дважды); *visamavutta* (*upaṭṭhitappacupita*:

- ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ | ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ ;

- ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ | - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ - ˘ ,

uggatā:

,υ—υ—υυυ—υ| υ υυ υυ—υ—υ—|
υ υ υ υ υυ—υ—|,υ—υ—υ υυ—υ—υ—υ).

Легко заметить связь этих размеров с двумя предыдущими системами (ср. upajāti и tuṭṭhubha, rathoddhatā и vetalīya, vam-saṭṭhā и jagatī, uggatā и gaṇacchandas, pupphitaggā и opacchandasaka и т. д.).

Ниже следуют образцы некоторых палийских стихотворных размеров, заимствованные в значительной степени из книги Уордера:

vatta:

*yam me atthi kataṭ puññam/arahantesu tādisu,||
tam me sabbaṅgakalyāṇi/tayā saddhiṃ vipaccataṃ||*

aṇuṭṭhubha:

jigacchā paramā rogā/saṅkhārā paramā dukhā||

tuṭṭhubha:

*yass'indriyāni/samathaṃ gatāni,||
assā yathā/sārathinā sudanta||*

jagatī:

*ye pāpasīlā/inaghāta-sūcakā||
vōhārakūṭā/idha pāṭirūpikā||
narādhamā ye/ 'dha karonti kibbisam||*

vetalīya:

*iti Buddho abhiññāya/dhammam akkhāsi bhikkhunam,||
dukkhass'antakaro satthā/ cakkhumā parinibbuto ti||*

opacchandasaka:

*khanti paramam tapo titikkhā,/nibbānam paramam
vadanti Buddhā;||
na hi pabbajito parūpaghātī/samaṇo hoti param
viheṭhayanto||*

upajāti:

ekūnatimso vayasā Subhadda||

rathoddhatā:

Jambudīpam abhibhuyya iriyati||

vam-saṭṭhā:

daṭham samādāya samattam ācari||

pamitakkharā:

anvāyiko bahujan'assa ahu//

rucirā:

na pāṇinā na ca pana dañdaleddunā//

pupphitaggā:

*caviya punar idhāgato samāno/
karacaraṇāmudutañ ca jālino ca,/
atirucirasuvaggudassaneyyam/
paṭilabhatī daharo susūkumārō//*

svāgatā:

*chetvā khīlām chetvā paligham/indakhīlam
ūhaccamanejā/
te caranti suddhā vimalā/cakkhumatā dantā susunāgā//*

upaṭṭhitappacupita:

*akkodhañ ca adhiṭṭhahī adāsi ca dānam/
vatthāni ca sukhumāni succhavīnī/
purimatarabhavaṭhitō/
abhivisaji mahim iva suro abhivassam/*

uggatā:

*piyadassano gihī pi santo/
bhavati bahīnām piyāyito/
yadi ca na bhavati gihī, samaño/
bhavatī piyo bahīnām sokanāsano//*

* * *

Как известно, палийское стихосложение является результатом перенесения санскритской системы версификации с минимальным приспособлением ее к изменениям фонетического характера, приведшим к расхождению между санскритом и пали. Поэтому представляется естественным и тот факт, что палийские трактаты по стихосложению почти целиком основаны на соответствующих работах древнеиндийских специалистов по поэтике. Влияние санскритских трактатов сказывается не только в общем плане работ, их композиции и аргументации, но и в заимствовании многочисленных технических терминов и даже целых отрывков текста. В частности, это относится к наиболее известному трактату по палийскому стихосложению — «Вуттодайя», написанному в XII в. на Цейлоне Сангхаракхита Тхера, широко использовавшим санскритский труд по стихосложению Пингалы (впоследствии «Вуттодайя» стала предметом ряда комментариев и глосс,

среди которых заслуживают внимания бирманская «Вуттодайя-панчика» Саддхамманы и *ṭīkā* Вепуллабудхи). Из других работ по палийской метрике можно назвать «Камандаки» и «Чхандовичити», а позднее — «Кависарапакаранам» и «Кависаратиканиссайя», представляющие собой полезные руководства по палийской просодии.

МОРФОНОЛОГИЯ

Для анализа и особенно синтеза конкретных морфологических форм пали необходимо знать, каким образом используются фонологические средства применительно к морфологии; иначе говоря, в ряде случаев возникает потребность в установлении инвентаря фонологических средств, поступающих в распоряжение морфологии, и в определении особенностей распределения этих средств внутри морфологических категорий и сочетаний граммем. Отношение количества форм, в которых фонологические средства используются с морфологическими целями, к общему количеству форм морфологии пали определяет степень связи между фонологией и морфологией этого языка. Для наиболее продвинутой и регулярной модели морфологической структуры пали (видимо, ближе всего стоящей к живому разговорному языку) это отношение минимально, поскольку, — правда, с некоторым упрощением, — можно сказать, что такая модель почти полностью свободна от использования фонологических различительных средств с морфологическими целями. Наиболее архаичный и приближенный к санскриту вариант морфологической модели пали, напротив, относительно богат случаями такого использования фонологических средств (впрочем, и здесь указанное отношение значительно меньше, чем в санскрите). В этом последнем случае используются следующие виды фонологических различительных средств: чередование гласной с ее отсутствием, т. е. с нулем ($V//\#$), чередование гласной с глайдом ($V//Y$), чередование краткой гласной с долгой гласной (\bar{V}/V), чередование сонантов с их отсутствием, т. е. с нулем ($R//\#$), чередование согласной с согласной (C'/C''). Каждое из этих средств связывает или различает две группы морфологических форм. Иногда не две, а три группы морфологических форм связываются с помощью комбинации двух из перечисленных фонологических средств (например, могут сочетаться чередование краткой и долгой гласной с чередованием гласной и глайда или с чередованием сонанта и нуля). Не исключено использование ударения в морфологических целях, однако конкретные наблюдения затруднены из-за отсутствия акцентуированных текстов.

В более архаичном варианте пали существенное значение имеют чередования $V//\#$, $V//Y$, $\breve{V}//\bar{V}$, $R//\#$, в совокупности образующие своего рода систему, обнаруживающуюся и в поздних вариантах пали (хотя и с меньшей регулярностью), см. табл. 12. Несколько комментариев к таблице. Устройство схемы можно представить таким образом, что к каждому из исходных элементов i , u (оба они могут выступать также и в виде долгих фонем) на каждой последующей ступени прибавляется a ; если исходить из сильной ступени, то связь между ступенями можно объяснить последовательным вычитанием a (при этом следует помнить, что количественные чередования регулируются законом двух мор). Таким образом, любой элемент схемы легко синтезируется и анализируется с одним ограничением: анализ a однозначен лишь в том случае, когда за a не следует r , n , m , в пределах той же самой морфемы. Если игнорировать этот случай, то возникает омонимия a как полной ступени нуля и a как слабой ступени сонантов. Окончательная морфонологическая реализация схемы зависит от того, следует ли за данным элементом фонема с признаком гласности или признаком согласности. В первом случае выбирается ay , av , во втором — e , o , ср. *sayati* — *seti*, *bhavati* — *h̥oti*. Своебразие правой части схемы, относящейся к сонантам, заключается в том, что при чрезвычайной простоте анализа и синтеза элементов полной и сильной ступеней анализ элементов слабой ступени весьма затруднен и во всяком случае не может быть однозначным. Элементы полной ступени ar , an , am и сильной ступени $\bar{a}r$, $\bar{a}n$, $\bar{a}m$ можно было бы рассматривать как разновидность чередования $a//\bar{a}$, если бы не было различий в слабой ступени, где для $a//\bar{a}$ выступает $\#$, а для сочетаний с сонантами — a (практически единственный случай, где и для сочетаний с сонантами можно было бы предположить $\#$ в слабой ступени, встречается в G и Abl sg от *rājan* — *raññō*, *raññā*).

Чередования, предусмотренные этой схемой, используются прежде всего в глаголе и лишь в незначительной степени в имени. В имени эти чередования выступают в склонении непродуктивных типов основ на *-ar*, *-an* и *-ant*, обычно имеющих продуктивные дублеты без всяких чередований. Ср. *sathāram* (A sg) — сильная ступень, *sathari* (L sg) — полная ступень, *sathā* (Voc sg) — слабая ступень; *attānam* (A sg) — сильная ступень, *attani* (L sg) — полная ступень; *attā* (N sg) — слабая ступень; *silavantam* (A sg) — полная ступень; *silavā* (N sg), *silavata* (I sg) — слабая ступень (естественно, с синхронической точки зрения). Таким образом, там, где в принципе используется чередование в склонении, в A sg и N, A, Voc pl всегда выбирается наиболее полная из отмеченных в данной парадигме ступеней, тогда как в I и G sg нередко

обнаруживается стремление к выбору наименее полной ступени чередования. Следы использования чередований сохраняются в парадигме слова *go*, однако непродуктивность этого средства столь велика, что парадигма расслоилась на две: в первой обобщена сильная ступень корневой гласной (*gāvāt*, *gāvena*, *gāvā* и т. д.), а во второй—полная ступень (*gavāt*, *gavena*, *gavā* и т. д.).

Чередования этих же типов гораздо шире представлены в глаголе и глагольном словообразовании. Здесь они более регулярны как в отношении использования всех трех ступеней, так и в отношении связи данной ступени с соответствующими граммемами глагола. Ср. слабую ступень в причастиях на *ta-*, *-na*, абсолютиве, пассиве при полной ступени в презенсе и будущем времени и сильной ступени в каузативе, иногда в претерите и отглагольных именах:

<i>hutvā</i>	<i>bhūta</i>	<i>hureyya</i>	— <i>hoti</i>	<i>bhavati</i>	— <i>bhāveti</i>
<i>nīta</i>	<i>nīyati</i>		— <i>neti</i>	<i>nayati</i>	— <i>nāyaka</i>
				<i>nadati</i>	— <i>anādisum</i>
				<i>patati</i>	— <i>pāteti</i>
<i>gata</i>			— <i>gamissati</i>		— <i>gāmika</i>
<i>kata</i>			— <i>karoti</i>		— <i>kāreti</i>
<i>mata</i>			— <i>taññati</i>		— <i>māneti</i>

Особый случай того же типа чередований представлен примерами с корневым гайдом, когда закономерные элементы полной (*ay*, *av*) и сильной (*āy*, *āv*) ступеней перекодируются таким образом, что составляющие их элементы меняются местами: *ua*, *va* в полной ступени и *uā*, *vā* в сильной ступени (так называемая самprasарана):

<i>udita</i>	— <i>vadati</i>	— <i>vādeti</i>
<i>yittha</i>	— <i>ya jati</i>	— <i>yājeti</i>

Иногда *u-* и *v-* появляются перед корневой гласной и в слабой ступени (*yittha*; *vutta*, *vuppati* при *vapati* и *vāpeti*; *vuttha*, *vusita*, *vussati* при *vasati* и *vāseti*) в соответствии с описанными выше правилами сандхи.

Иногда чередование используется для различения граммем лица и числа в пределах одной и той же парадигмы (сохранение граммемы времени), ср. *akāsim* (1. sg), *akāsi* (2. и 3. sg), *akāsum* (3. pl), но *akamha* (1. pl), *akattha* (2. pl) — все в претерите; *assosim*, *assosi*, *assosum*, но *assumha*, *assuttha*. Наконец, в нескольких случаях чередование не имеет морфологического значения, ср. свободное чередование корневой гласной в *suppati* — *soppati*.

Продуктивные типы глагольного формо- и словообразования обычно не знают чередований (ср. каузатив на *-āpeti*,

пассив на *-tyati*, причастия на *-ita*, будущее время на *-issati*).

Чередование согласных с морфологическими целями используется лишь изредка. Более или менее регулярно оно только в активе и пассиве: *bandhati* — *bajjhati*, *vadati* — *vajjati*, *vindati* — *vijjati*, *hanati* — *haññati*, причем иногда противопоставление актива пассиву представимо в виде чередования отдельной согласной с геминированной (ср. *pacati* — *raccati*, *vapati* — *vuppati*, *labhati* — *labbhati*).

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПАЛИ

Особенности морфологической структуры пали с типологической точки зрения определяются набором граммем и принципами, в соответствии с которыми они сочетаются друг с другом. Именно таким образом обрисовывается морфологическое пространство пали. Помимо этого представляется целесообразным и несколько иной подход к определению морфологического типа пали, основанный на установлении разных видов отношений между морфемами в пределах слова. Описание типологической принадлежности морфологии пали в терминах граммем будет дано ниже. Здесь же уместно определить типологические особенности пали с точки зрения возможных сочетаний морфем в слове и установить количественные показатели, которые характеризовали бы степень распространенности каждого из этих сочетаний.

Принципы количественного подхода к морфологической типологии языков были разработаны Дж. Гринбергом (см. J. H. Greenberg, *A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Language*, — «Method and Perspective in Anthropology», University of Minnesota, 1954, pp. 192—220; перепечатано в «International Journal of American Linguistics», vol. 26, 1960, pp. 178—194), основавшим свою классификацию на теоретических взглядах Э. Сепира. В настоящей работе приведены данные, относящиеся к количественной интерпретации ряда типологических особенностей пали (см. табл. 13).

Эта таблица нуждается в ряде пояснений. В качестве материала для подсчетов были выбраны отрывки по 100 слов из пяти палийских текстов разных жанров; три текста представлены прозой, два — стихами. В отличие от Гринберга в этой работе сочтено необходимым не ограничиваться лишь установлением средних количественных показателей и дать результаты ряда выборок по разным текстам. Дело в том, что значительная часть индексов не может считаться вполне независимой от стилистических (а через них — и от жанровых) особенностей текста. Как легко заметить, в ряде случаев

разница между соответствующими показателями разных текстов одного языка оказывается большей, чем разница между аналогичными средними индексами разных языков. Любопытно, что сложности подобного рода возникают не только в связи с определением индексов изоляции, несогласования флексии и согласования, которые по существу скорее относятся к характеристике синтаксиса, а не морфологии, но и к некоторым собственно морфологическим индексам.

Под индексом синтеза здесь понимается отношение числа морфем (M) к числу слов (W), содержащих эти морфемы. Поскольку обычный метод выделения морфем в пали, основанный на этимологическом соотношении с древнеиндийскими фактами, не представляется оправданным, здесь использовался дистрибутивный метод членения слова на морфемы, частным случаем которого можно считать построение так называемого «квадрата». Так, например, выделение морфемы *-ha* в *āruyha* оправдано квадратом *ā-ruy-ha: ā-dā-ya = ā-roh-atī: ā-dā-atī*. Особой морфемой признается тематическое *-a-*, поскольку с ним связывается ряд грамматических противопоставлений (например: *vadasi* — презенс, *vadesi* — аорист).

Под индексом агглютинации понимается отношение числа агглютинативных конструкций (A) к числу соединений морфов (J). Понятию агглютинативной конструкции целесообразно придавать значение, в котором оно использовалось Э. Сепирем. Под ним следует подразумевать сочетание таких двух морфем, у которых нет вариации среди составляющих их морфов или у которых все эти вариации могут быть автоматически выведены из основной формы с помощью ряда правил комбинаций. В этом смысле личные окончания глагола в пали, присоединяясь к тематической основе, входят в состав агглютинативных конструкций, так как они или не имеют морфов (например, в 1-м л. ед. ч. наст. вр.), или (при наличии морфов) их распределение регулируется вполне определенными правилами (например, *bhavati*, но *atthi*). Напротив, морфема причастия прошедшего времени не входит в состав агглютинативных конструкций, поскольку распределение ее морфов *-ta*, *-ita*, *-na* не регулируется определенными правилами (например, *vid-* : *vidita*, но *chid-* : *chinna*, с одной стороны, и *rud-* : *ruṇṇa*, но и *rud-* : *rudita*, с другой стороны).

Индекс сложения определяется отношением числа корневых морфем (R) к числу слов (W), в которых эти морфемы встречаются. Следует отметить, что в индексе агглютинации не учитываются сочетания двух корневых морфем или даже двух слов, образующих одно сложное слово, хотя такие сочетания в принципе отвечают требованиям, предъявляемым к агглютинативным конструкциям. Морфемы *su-* и *dus-* приравниваются в составе сложных слов к корневым (в отличие от прива-

тивного *a-*, которое вместе с аугментом *a-* рассматривается как префикс).

Индексы деривационной и грамматической суффиксации предполагают определение отношения числа соответствующих морфем (D или S) к числу слов (W) взятого текста. В обоих случаях практически речь идет о суффиксах. Разница между ними заключается в том, что индекс деривационной суффиксации учитывает словообразовательные суффиксы, видоизменяющие лексическое значение слова, а индекс грамматической суффиксации отражает лишь те суффиксы, которые изменяют грамматическое значение слова, не затрагивая его лексического значения. По принятому здесь определению деривационные суффиксы характеризуются двумя признаками. Во-первых, при данном корне R недопустима последовательность суффиксов этого класса ($R + D + D$ запрещается). Во-вторых, при данном корне R замена одного деривационного суффикса другим не меняет набора граммем ($R + D_1 [\Sigma (g_1, g_2, \dots g_n)]$ и $R + D_2 [\Sigma (g_1, g_2, \dots g_n)]$). В отличие от деривационных суффиксов грамматические суффиксы могут существовать в последовательности суффиксов при данном корне ($R + S + S$ разрешено); кроме того, замена одного грамматического суффикса другим приводит к изменению набора граммем при сохранении их общего числа или даже к количественному изменению числа граммем ($R + S_1 [\Sigma (g_1, g_2, \dots g_n)]$, но $R + S_2 [\Sigma (g_2, g_3, \dots g_n, g_{n+1})]$ или же $R + S_3 [\Sigma_x (g_1, g_2, \dots g_{n-1})]$). Из встретившихся в обследованных текстах морфем к деривационным суффиксам относятся только именные *-ka* и *-tar* (*nomina agentis*), *-ana* (*nomina actionis*), *-tā*, *-ti*, *-tu* (*nomina abstracta*), *-vant*, *-mant*, *-in* (*nomina adjectiva*). К грамматическим суффиксам относятся только именные: *-ā*, *-ī*, *-ikā* (для обозначения женского рода), *-tara* (для обозначения сравнительной степени), *-tama* (для обозначения превосходной степени) и глагольные: *-nā-*, *-o-*, *-ya-*, *-a-* (презенс), *-issa-* (футурум), *-e-*, *-aya*, *-ape* (каузатив), *-e-* (оптатив), *-ya*, *-tvā* (абсолютив), *-tum* (инфinitив), *-ta*, *-na*, *-ant*, *-abba*, *-anīya-* (причастия).

Под индексом флексивности понимается отношение числа флексивных морфем (J) к числу слов (W), содержащих эти морфемы. Фактически речь идет здесь об именной и глагольной флексии. Следует лишь пояснить, что, поскольку одна морфема часто выражает несколько значений, приходится в таких случаях учитывать ее в целом ряде индексов. Так, например, морфема *-to* в *gato* рассматривается как грамматический суффикс (ср. *ga-to*, *ga-tvā*) и как флексия (ср. *ga-to*, *ga-tam*, *ga-tena* и т. д.).

Индекс префиксации предполагает определение отноше-

ния числа префиксов (P) к числу выбранных д.ля обследования слов (W).

С индексом изоляции связано выяснение отношения числа изолирующих слов (O) к общему числу слов (W). К изолирующим словам относятся те, которые совпадают с морфемой и грамматически не изменяются, ср. *ca*, *na*, *ni*, *kho*, *api/pi*, *iti/ti* и т. п. Этот индекс имеет прямое отношение к порядку слов и в более общем виде, как и два последующих индекса, — к характеристике средств связи слов в предложении (*pexus*).

Индекс несогласования флексии (или чистой флексии) объясняет отношение числа несогласующихся между собой флексивных слов (P_1) к общему числу слов (W).

Наконец, под индексом согласования разумеется отношение количества согласующихся слов (C_0) к общему числу слов (W).

Последние два индекса особенно сильно зависят от стиля текста. Характерно, что при предпочтении к именному строю индекс согласования существенно увеличивается, тогда как индекс несогласования флексии уменьшается, ср. данные по отрывку из Дхаммапады — соответственно 0,65 и 0,25 при показателях 0,18 и 0,67 в отрывке из джатак, мало связанном с именным стилем.

В отличие от Гринберга здесь сочтено возможным в применении к трем последним индексам вычислять отношения, имея в виду не общее количество нексусов, а общее количество слов, так как и в этом случае достаточно четко обрисовывается взаимное отношение разных видов связи между словами друг к другу. Естественно, что сумма числовых показателей в трех последних графах всегда равна 1.

Разумеется, что значение установленных здесь индексов будет тем надежнее и важнее, чем более полно будут обследованы с этой точки зрения самые различные палийские тексты. С другой стороны, говорить о специфиности пали в плане морфологической типологии можно будет с достаточным основанием лишь в том случае, если в распоряжении исследователей окажутся соответствующие индексы по возможно большему количеству языков.

КЛАСС ИМЕНИ

Все слова, входящие в класс имени, объединяются на морфологическом уровне наличием трех пересекающихся грамматических категорий: рода, числа, падежа. Правда, следует заметить, что обязательное наличие всех трех категорий характеризует лишь основную группу подклассов внутри класса имени. Наряду с ней есть отдельные подклассы имени, опи-

сываемые пересечением лишь двух категорий или даже характеризуемые наличием лишь одной из трех категорий. Уже этот факт дает основания для постановки вопроса о иерархии этих категорий. Различный объем каждой категории (экстенсивность категории) и различная степень выраженности категорий (интенсивность категории) в пали делает возможной предварительную стратиграфию категорий рода, числа и падежа.

Категория рода занимает несколько особое положение по сравнению с категориями числа и падежа. Ограничиваясь исключительно классом имен (в отличие от категории числа) и охватывая в нем все подклассы слов, исключая личные местоимения и ряд числительных (*dve*, *ubho/ubhe*, *raῆsa*, *cha*, *satta*, *aṭṭha*, *nava*, *dasa* и т. п.), категория рода относится к числу формально наиболее слабо выраженных категорий. Специфика категории рода заключается, между прочим, в том, что разные подклассы имени неодинаково связаны с этой категорией. Одни из них характеризуются тем, что каждое входящее в них слово жестко связано с одним, и только одним, из родов (иначе говоря, для данного слова не существует противопоставления родов и отсутствует возможность выбора), ср. подкласс существительных. Другие подклассы, напротив, характеризуются тем, что каждое входящее в них слово не связано жестко с одним определенным родом и допускает возможность изменения по родам, ср. подкласс прилагательных, указательных местоимений и некоторых числительных (например, *eka*, *paṭhama* и т. п.). Любопытно, что там, где категория рода формально выражена наиболее четко, она является зависимой (синтаксической); там же, где она выражена в формальном отношении слабее всего, она независима от других слов в предложении, но в значительной степени связана с лексической характеристикой слова и — далее — с соответствующим референтом.

Категория рода в пали образуется противопоставлением трех граммем мужского, женского и среднего рода. Допустимо считать, что эти три граммемы в максимуме условий противопоставляются друг другу по двум дифференциальным признакам: феминальности — нефеминальности и одушевленности — неодушевленности. Граммема мужского рода объединяется по признаку одушевленности с граммемой женского рода (вернее, по признаку потенциальной возможности выражать одушевленность), и они обе противостоят граммеме среднего рода, не обладающей этой возможностью. Граммема мужского рода объединяется по признаку нефеминальности с граммемой среднего рода, и они обе противопоставлены в этом отношении граммеме женского рода, характеризуемой феминальностью. Таким образом, для соотношения граммем

рода в пали существенно наличие двух прямых противопоставлений: мужского рода женскому роду (причем маркированной является граммема женского рода как содержащая положительный признак) и мужского рода среднему роду (причем маркированной является граммема мужского рода, поскольку она — в отличие от граммемы среднего рода — является потенциально признаком). Эти отношения могут быть выражены в виде таблицы (см. табл. 14; символ ± обозначает возможность наличия и отсутствия соответствующего признака). Следует подчеркнуть, что в силу отмеченных выше особенностей категории рода в пали предлагаемая таблица имеет более условный характер, чем таблицы, изображающие отношение граммем числа и падежа. В известной степени эта условность связана с не вполне четким различием родов в целом ряде случаев, что проявляется в колебаниях в выборе родовых флексий у одного и того же слова (например, *puttāni* и *putte* вин. пад. мн. ч.) и в нередких примерах колебания в согласовании по роду между существительными и прилагательными (например, *attā jitāt*. Дхаммап. 104, вм. *attā jito*; *tapo sukho*. Там же, 194, вм. *tapo sukhat* и др.).

Формально граммемы рода выражаются отчасти противопоставлением типа основ, отчасти противопоставлением типа флексий. Говоря в общем, основы, оканчивающиеся на долгую гласную (-ā, -ī, -ū), характеризуют женский род; основы, оканчивающиеся на -a и -an, выражают мужской и средний род, что касается остальных типов основ (-i, -u, -tar), то они не могут служить формальным признаком для различения граммем рода, так как в принципе способны относиться ко всем трем родам. Эти наблюдения действительны для подавляющего большинства имен пали. Исключение составляют периферийные случаи, которые, будучи элементами более старой системы, лишь слабо связаны с системой имени пали (ср. муж. р. *gātanī*, *senanī*, *abhibhū* и пр., а также дефектную парадигму немногочисленных основ среднего рода на -o/-as, лишенных форм множественного числа и чередующихся с продуктивным типом основ на -a, например: *manas-*, *vacas-* и др.).

Противопоставление граммем рода может быть также формально выражено особым типом флексии. Маркированная граммема женского рода имеет обычно во всех типах склонения самостоятельные формальные признаки, позволяющие ее отличать от граммем мужского и среднего рода в соответствующих падежах. Формальное различие во флексии между граммемами мужского и среднего рода содержится только в именительном и винительном падежах или в одном из этих падежей. Формальным признаком граммемы среднего рода, характеризуемой двумя минусами, может также служить не-

различение флексии в именительном и винительном падежах. Если же подобное неразличение встречается и в парадигме имен мужского рода (обычно во множественном числе), то разница между мужским и средним родом всегда будет выражена различным видом совпадающих флексий (например, в основах на *-i*, *-u*: муж. р. мн. ч. им.-вин. пад. *aggayo*, *tagavo*, но те же формы среднего рода — *akkhini*, *assipi*).

Наконец, заслуживает упоминания факт равномерного распределения средств формального различия граммем рода в единственном и во множественном числе в пределах парадигмы соответствующего типа. Таким образом, разница в грамматическом числе не отражается на степени проявления формальных признаков родовых граммем.

Нейтрализация противопоставлений граммем рода в различных падежах именной парадигмы может быть изображена на особой таблице (см. табл. 15).

Категория числа является самой экстенсивной из категорий, характеризующих класс имени в пали. Тем не менее даже в пределах всего класса имени она не может считаться абсолютно обязательной, так как некоторые подклассы класса имени по тем или иным причинам не обладают способностью выражать противопоставление граммем числа (ср. количественные числительные и в некотором смысле личные местоимения). В противопоставлении единственного и множественного числа маркированным членом следует считать граммему множественного числа, поскольку при попытке описания граммем числа в терминах дифференциальных признаков граммема множественного числа характеризуется одним лишним признаком. Помимо этого следует иметь в виду и то, что сфера употребления граммемы единственного числа шире, чем граммемы множественного числа (ср. метонимическое употребление ед. числа в значении мн. числа и некоторые другие специфические случаи употребления ед. числа). Степень четкости формальной выраженности противопоставления граммем числа определяется обязательным различием соответствующих падежных форм в зависимости от числа (этому не противоречит тот факт, что принципы разбиения на падежи во мн. числе обычно иные, чем в ед. числе).

Категория падежа может быть представлена в виде шести противопоставленных друг другу граммем (именительный N, винительный A, творительный I, родительный G, отложительный Abl и местный L). Противопоставление осуществляется по трем парам дифференциальных признаков: направленности — ненаправленности, объемности — необъемности, периферийности — непериферийности. По признаку направленности — ненаправленности различаются A, Abl, L, с одной стороны, и N, I, G, — с другой. По признаку объемности — необъемно-

сти отличаются G, Abl, L от N, A, I. Наконец, признак периферийности — непериферийности позволяет отделить I, L от N, A и G (для идентификации Abl этот признак несуществен).

Таким образом, N образуется пересечением трех дифференциальных признаков, взятых с отрицательным значением (ненаправленность, необъемность, непериферийность). Напротив, L образуется пересечением тех же трех дифференциальных признаков, но взятых с положительным значением (направленность, объемность, периферийность). Все остальные падежи с этой точки зрения являются промежуточными между N и L; иначе говоря, они могут рассматриваться как разные результаты взаимодействия дифференциальных признаков этих двух падежей. Тем самым определяется особое место N и L в иерархии падежей в пали: они являются крайними полюсами падежной системы (N — полностью беспризнаковый падеж, L — максимально признаковый падеж). С этим их положением связан, между прочим, тот факт, что применительно к падежной системе пали вопрос о маркированности — немаркированности целесообразно решать следующим образом: L маркирован по отношению к любому из других падежей, N же, напротив, не является маркированным по отношению ко всем другим падежам.

Три падежа (A, I, G) образуются пересечением одного положительного и двух отрицательных признаков: A — направленный, необъемный, непериферийный, I — ненаправленный, необъемный, периферийный, G — ненаправленный, объемный, непериферийный. Abl является единственным падежом, для описания которого достаточно двух дифференциальных признаков (оба положительные): направленность и объемность. Все эти падежи выступают как маркированные в отношении N и немаркованные в отношении L; что же касается вопроса о взаимной маркированности — немаркированности трех трехпризнаковых падежей (A, I, G), то структура падежных противопоставлений в пали делает его неактуальным. Значения грамматем падежа, указанные здесь, инвариантны по отношению к преобразованиям в тексте. Тем не менее описание нельзя считать полным без указания основных вариантов падежных значений, обусловленных контекстом.

Так, для N следует отметить два основных варианта общего его значения: субъект (*Gotamo āgacchati*. Махавагга 1, 6, 10 'Готама приближается') и именная часть предиката (*aggo ahaṭṭi asmi lokassa*. Дигха-ник. II, 12, 10 'я — главный в мире'). К числу семантических идиоматизмов N принадлежит оборот с *nāma* (*kā nāma tvat?* Джат. VI, 364 'как твое имя?', букв. 'какая ты по имени?').

Основными вариантами значения A являются: прямой объект

(*so dhammat deseti*. Сутта-нип. Махавагга 7 'он объясняет дхамму'; сюда включаются случаи с глаголами неполной проприации, ср. *manussabhiito kālam kareyya*. Дигха-ник. XVI, 2, 8 'человек должен умереть' и случаи внутреннего объекта, ср. *pabbajat pabbajati*. Петав.-Ангутт. 12 'он уходит из мира ради святой жизни', букв. 'он отшельничает отшельничество', *kiriyāni karoti*. Мил.-паньха 112 'он совершает действия'), непрямой объект (*Kokāliyo bhikkhu Bhagavantaṁ etad avoca*. Сутта-нип. Махавагга 10 'Бхикшу Кокалия сказал это Благословенному'), цель (*āgañchit tass' upatthānaṁ*). Сутта-нип. 138 'они пришли для его почитания'), направление (цель движения: *ītāt lēkāt āgantvā*. Дигха-ник. XVI, 2, 7 'придя в этот мир'), место (*ekamantaṁ nisidi*. Сутта-нип. Махавагга 7 'он сел в стороне'), время (*so cattāro māse parivasati*. Дигха-ник. II, 152, 17 'он живет в послушничестве четыре месяца', *rattim divat* 'ночью и днем'), ср. также наречное употребление А: *khīrāt* 'быстро', *sukhaṁ* 'счастливо', *eka-divasāt* 'однажды', *ekāt samayaat* — то же, и т. п.

Для I характерны следующие варианты основного значения: действующее лицо при пассивном причастии (*attāna va kātaṁ rāpaṁ*. Дхаммап. 161 'самим ведь сделано зло'), орудие действия или средство (*ubhōhi pāṇitalehi jannukāni parimasati*. Махаваданасутта I, 32, 9 'обеими ладонями он похлопывает по коленям'; *Bhagavā ītāhi gāthāhi anumodi*. Дигха-ник. II, 88, 27 'Благословенный отблагодарил этими гатхами'), социативность (*atha kō Bhagavā mahatā bhikkhusaṁghena saddhiṁ yena ambalaṭṭhikā tad avasari*. Дигха-ник. XVI, 1, 13 'однажды Благословенный с большой монашеской общиной отправился в Амбалатхику'), причина (*kena kāraṇena mahārājāti?* Мил.-паньха 112 'по какой причине, о маҳараджа?'), место (*kena padena nessatha?* Дхаммап. 179 'какой тропой поведете вы?'), время (*tena kō rāpa samayena*. Сутта-нип. Чулавагга 12 'в это самое время'), ограничительность (*manasā susaṁvuto*. Дхаммап. 281 'мыслью смиренный', *khattiyo jātiyā ahosi*. Дигха-ник. II, 3, 1 'он был кшатрия по рождению'), цена (*dehi etāt bhattāt sata-sahassena*. Дигха-ник. II, 96, 19 'дай эту еду за сто тысяч'), сравнение (*nassu idha kōci āyasmata Vidhurena samasamo hoti*. Маджджх-ник. I, 333, 14 'ведь нет здесь кого-либо, равного почтенному Видхуре'), ср. также наречное употребление *yena... tena* (*yena Bhagavā ten' upasamākami*. Сутта-нип. Чулавагга 12 'он подошел к Благословенному', букв. 'где Благословенный, туда он подошел').

Основные варианты значения G таковы: посессивность (*Bhagavā... viharati... Anāthapiṇḍikassa ārame*. Сутта-нип. Махавагга 10 'Благословенный... живет... в роще Анатхапиндики'), субъектность (*tesaṁ ko doso?* Мил.-паньха 92 'в чем

их вина)?', объектность (*sādhū dassanam ariyānam*. Дхаммап. 206 'приятно видение благородных'), партитивность (*te-siṭṭi jettabhaṭṭā*. Джат. II, 101 'из них старший брат'), действующее лицо при пассивном причастии (*tasmā tassa kato ad-hikāro vañjho bhavati aphalo*. Мил.-паньха 95 'поэтому услуга, оказанная им, бесплодна, безрезультатна'), косвенный объект при ряде глаголов (*dadāti, uprajati, āharati, āroce-ti, bhavati* и др., ср. *atha kho Bhagavato etad ahosi* 'затем с Благословенным случилось следующее' — традиционная формула; *ko tumhākaṭ... parikkhāraṭ deti?* Мил.-паньха 25 'кто дает тебе... необходимые вещи?'), лицо, в интересах ('или вопреки интересам) которого совершается действие (*vihesā v'esa ānanda tathāgatassa*. Дигха-ник. XVI, 2, 8 'ведь это неприятность для Совершенного, о Ананда'), времяя в абсолютных конструкциях (*ath' assa vayappattassa Bāraṇasito kuladhitaram ānesum*. Джат. II, 121 'и когда он достиг брачного возраста, [ему] привезли знатную невесту из Бенареса'); именные непарадигматические образования на *-āya*, которые традиционно рассматриваются как D и исторически восходят к нему, в более архаичной модели склонения пали имеют в качестве основного варианта значения: цель действия (*kiṭṭi atthāya?* Джат. I, 279; II, 133; III, 54; Петаваттху-Ангутт. 55, 75, 78; Дхаммап.-Аттхак. II, 82 'с какой целью, зачем?'; *labhatā Ānanda Subhaddo tathāgataṭ dessanāya*. Дигха-ник. XVI, 5, 25 'пусть Субхадда получит возможность, о Ананда, увидеть Совершенного'), не говоря о гораздо более редких локальном и временном значениях (*aṭṭro saggāya gacchati*. Дхаммап. 174 'немногие достигают небес'; *svāta-nāya* 'на следующий день', *ajjatanāya* 'сегодня').

Инвариантное значение Abl реализуется в ряде вариантов значения, обусловленного контекстом: исходная точка в пространстве (*bhojaniyena sahatthā santappesi*. Мил.-паньха 15 'он угощал пищей из собственной руки'), исходная точка во времени (*kāyassa bhedā param maraṇā*. Дигха-ник. XVI, 5, 8 'после распада тела и после смерти'), разъединенность (*rāra cittāt nivāraye*. Дхаммап. 116 'пусть он удерживает ум от зла'), причина (*pemato jāyāti soko*. Дхаммап. 213 'от склонности рождается печаль'), сравнение (*rajjato me sussitvā maraṇam eva seyyo*. Джат. IV, 4 'мне лучше умереть, засохнув, чем [иметь] царство'); именные непарадигматические образования на *-to*, обычно интерпретируемые как Abl, нередко выступают в ограничительном значении (*yo sabbam sabbato ṇatvā sabbatthesu na rajjati*. Итивутт. 4, 4 'познавший все относительно всего не привязывается ни к каким вещам') или в наречном употреблении (*ito, tato, purato* и т. п.).

Основные варианты значения L возникают в ситуациях, обозначающих: место (*bhariyā mahārāja loke bandhanam*.

Мил.-паньха 287 'жена, о махараджа, оковы [в этом] мире'), направление (*evam gāte tūpi care*. Дхаммап. 49 'так пусть живет мудрец в деревне'), те же значения в переносном смысле (*natthi bāle sahāyatā*. Дхаммап. 61 'нет помощи в дуряке', *atthi me kūtāre apukātprā*. Маджджх.-ник. I, 395, 7 'у меня есть сострадание к ребенку' и т. д.), время (*ekasmiṁ samaye* 'однажды' — традиционная формула; *māse māse* 'из месяца в месяц' и т. д.). Следует подчеркнуть весьма любопытный факт, особенно показательный в связи с тем, что L не нейтрализуется (в отличие от всех других падежей) ни в одной из парадигм. Речь идет о поразительном многообразии вариантов значений L (помимо указанных ср. L в значении посессивности, партитивности, цели, причины, сравнения, субъектности, орудия действия, изъяснительности и т. п.), которые фактически дублируют почти все варианты значений других падежей — вплоть до N, ср. абсолютный локатив типа, излюбленного в Джатаках: *Bārāṇasiyāt Brahmādatte rājāt kārente...* '...когда Брахмадатта правил в Бенаресе...' (*Brahmādatte kārente* — L).

Особенности организации падежной системы пали можно наглядно изобразить в виде двух схем; первая из них (см. табл. 16) ориентирована на состав дифференциальных признаков падежей и типы их сочетаний, вторая (см. табл. 17) — на взаимоотношение самих падежей с указанием маркированных членов системы (стрелки обращены от маркированного члена к немаркированному).

Особое положение по отношению к граммемам падежей занимает звательная форма (V). В отличие от собственно падежей она является единицей языка, взятого в его «конативной» функции, когда предполагается ориентация на адресата. В этом смысле звательная форма, будучи pragматической по своему характеру, непосредственно связана с указанием на условия акта коммуникации. Естественно, что в силу этих своих особенностей она принадлежит к иной плоскости, чем перечисленная выше система падежей, которой звательная форма противостоит в целом. В пали звательная форма употребительна лишь в подклассе имен существительных (разумеется, в единственном числе). При этом, строго говоря, она последовательно выражена только у имен с основой на -*a* и на -*ā*, ср. *puriso* (N) — *purisa* (V) и *sālā* (N) — *sāle* (V). Существует возможность выражения звательной формы у разных видов основ на -*n* (N *rājā* — V *rāja*, N *attā* — V *atta*, N *hatthī* — V *hatthī*) и у основ на -*r* (речь идет исключительно об именах деятеля на -*ar*), ср. N *satthā* — V *sattha*, *satthe*. Однако в этих же самых основах в функции вокатива может выступать форма, совпадающая с N, ср. *rājā* 'о царь!', *attā* 'о душа!', *hatthī* 'о слон!', *satthā* 'о учитель!'. Таким

образом, в указанных основах на *-n* и *-r* звательная форма может быть формально описана через N, флексия которого лишена просодического признака долготы. В основах на *-a* звательная форма совпадает с чистой основой. И лишь в именах с основой на *-ā* и отчасти на *-r* (V *sattē*) можно говорить об особой флексии V.

Выше была приведена максимальная для пали шестипадежная схема. Практически она оказывается реализованной только для основ на *-a* мужского рода единственного числа (правда, это наиболее продуктивный тип основ в пали) и для изолированного корневого существительного *go* 'корова' в единственном числе; зато эта схема реализуется в единственном числе у целого ряда указательных местоимений мужского рода: *so*, *yo*, *ko*, *ayat̄*, *asu* (см. табл. 18,1). Все остальные парадигмы склонения можно изобразить как разные типы редукции этой максимальной схемы.

Один из вариантов редуцированной схемы предполагает одновременную нейтрализацию всех возможных противопоставлений (по направленности, объемности и периферийности), что приводит к неразличению двух предельно различных по составу дифференциальных признаков падежей (I и Abl). Такой вариант схемы характерен для большинства типов именных основ на согласный (*-an*, *-in*, *-ar*, *-nt*) в единственном числе, для имен с основой на *-a* мужского рода и существительного *go* во множественном числе (т. е. как раз для тех типов, которые в единственном числе имеют шестипадежную парадигму) и для ряда личных (*ahaṭ*, *tvaṭ*, *tauyat̄*) и указательных (*ayat̄*, *uā*, *asu* в женском роде и *idaṭ*, *aduṭ* в среднем роде) местоимений в единственном числе (см. табл. 18,2).

Другой вариант редукции шестипадежной системы представляет пятичленная парадигма, в которой снято противопоставление по направленности между N и A (см. табл. 18,3). Этот вариант представлен склонением имен с основой на *-a* среднего рода в единственном числе (*rūpa-*).

В пали существуют два варианта четырехпадежной схемы. В одном из них снимается противопоставление по направленности между N и A и все те противопоставления, которые различают I и Abl (как в предыдущей схеме), см. табл. 18,4. Иначе говоря, этот тип парадигм совмещает в себе нейтрализацию падежей, свойственную типу 18,2 и типу 18,3 порознь. Этот вариант редукции осуществляется в склонении имен существительных всех основ (кроме основ на *-a* мужского рода) во множественном числе; в склонении основ на *-as* (существует только единственное число); в склонении указательного местоимения женского рода *sā* в единственном числе и у всех указательных местоимений во множественном числе (*te*, *tā*, *ime*, *itā*, *atā*, *ue*, *uā*); у личного местоимения

tumhe во множественном числе и у числительных *dve, ubho, tayo, cattaro, raiṣa*.

Другой вариант четырехчленной парадигмы предполагает такую нейтрализацию признаков, при которой совпадают G, I и Abl (см. табл. 18,5). Такая парадигма характеризует имена с основами на гласный (исключая имена с основой на *-a*) в единственном числе (основы на *-ā, -i, -u, -ī, -ū*).

Последний вариант редукции максимальной схемы продолжает только что описанный тип в том смысле, что к неразличению G, I и Abl добавляется неразличение L; иными словами, снимаются противопоставления между всеми косвенными падежами (см. табл. 18,6). К этому типу принадлежат парадигмы имен с теми же самыми основами, что и в предыдущем типе (*-ā, -i, -u, -ī, -ū*) в дублетном варианте, объясняемом возможностью разного выбора флексий в L.

От перечисленных здесь вариантов редукции общей схемы существенно отличаются парадигмы, представляющие собой супплетивное сочетание энклитических форм с полными. Что касается энклитических местоимений, то их парадигма не столько редуцирована, сколько дефектна. О снятии противопоставлений можно говорить только в применении к отдельным граммемам падежей, ср. *te* — I, G от личного местоимения 1-го лица, *te* — I, G от личного местоимения 2-го лица (обе энклитики в единственном числе), *no* — A, I, G от личного местоимения 1-го лица и *vo* — A, I, G от личного местоимения 2-го лица (обе формы во множественном числе).

На основании разных типов редукции максимальной падежной схемы можно сделать ряд замечаний относительно иерархии граммем падежей, поскольку она отражается в различных видах совпадения падежей. Наиболее устойчив в этом отношении L: он совпадает с другим падежом лишь в одном из типов парадигм (18,6). Меньшей степенью устойчивости характеризуются N, A и G, каждый из них совпадает с каким-либо другим падежом лишь в двух типах парадигм (N — A в 18,3 и 18,4, G — I — Abl в 18,5 и G — I — Abl — L в 18,6). Минимальная степень устойчивости присуща I и Abl: они совпадают в четырех (18, 2, 4, 5, 6) из шести возможных типов редукции парадигм. Любопытно, что нет ни одного падежа, который не совпал бы с каким-либо другим падежом в одном из типов парадигм. Поскольку каждый падеж может совпадать лишь с определенными падежами, намечается возможность разбиения всех падежей на два непересекающихся класса. К первому классу относятся N и A, ко второму — Abl, I, G и L. Во втором классе существен порядок следования падежей, так как каждый последующий падеж может совпадать лишь с совокупностью предыдущих: I с Abl, G с I — Abl, L с G — I, Abl. Таким образом, L не имеет самостоятельно-

го выражения только в том случае, когда все остальные косвенные падежи уже совпали.

Шестичленная падежная система при трех родах и двух числах образует 36 различных сочетаний граммем, для выражения которых используется 27 флексий. При этом одна флексия может выражать несколько сочетаний граммем и, наоборот, одно сочетание граммем может передаваться несколькими флексиями (см. табл. 19).

Для выражения сочетания граммем I флексия № 1 выбирается для основ на *-a* (*purisa* + *o* по правилам сандхи дает *puriso*), во всех остальных случаях выбирается флексия № 2: у основ на *-i* и *-u* она представлена основой без морфонологических изменений (*aggi*, *taru*), тогда как у основ на согласный основа подвергается морфонологическим изменениям (у основ на *-an*, *-r* конечная согласная основы исчезает, а предшествующая ей гласная выступает как долгая: *rājan* — *rājā*, *pitar* — *pitā*). Для выражения сочетания граммем III флексия № 3 используется в основах на *-a*, флексия № 2 — в основах на согласную; в основах на *-i* и на *-u* выбор флексий № 3 и № 2 факультативен. Для сочетаний граммем IV и V флексия № 3 употребляется в основах на гласную, а флексия № 4 — в основах на согласную. В сочетании граммем VI выбор флексий осуществляется по тем же правилам, что и для сочетания граммем III. Для выражения сочетания граммем VII флексия № 5 выбирается для основ на *-a*, флексия № 6 — для основ на *-i* и на *-u*, флексия № 7 — для основ на согласную. То же относится к сочетанию граммем IX. В сочетании граммем VIII флексия № 8 выбирается для основ на *-ā*, флексия № 9 — для основ на *-i* и *-ī*, на *-u* и *-ū*, флексия № 7 — для основ на *-r*. Те же правила действительны для выражения сочетания граммем XI. Для сочетания граммем X флексия № 10 используется в основах на *-a* и на согласную, флексия № 6 — в основах на *-i* и на *-u*, а флексия № 11 — для всех гласных основ (следовательно, для этих основ она является факультативной). Для сочетания граммем XII распределение флексии такое же, как для сочетания граммем X. Для сочетания граммем XIII флексия № 12 выбирается для основ на *-a*, № 13 — для основ на *-i* и на *-u*, № 14 — для основ на *-s* и *-n*, № 2 — для основ на *-r* с особым морфонологическим изменением основы (*pitar* — *pitu*, *satthar* — *sathu*). Для сочетания граммем XIV флексия № 8 употребляется в основах на *-ā*, флексия № 9 — в основах на *-i*, *-ī* и на *-u*, *-ū*, флексия № 2 — в основах на *-r* с теми же изменениями, что и в предыдущем случае. Для сочетания граммем XV действительны правила, описанные для сочетания граммем XII (с той разницей, что в них не используется флексия № 2, поскольку в среднем роде нет основ на *-r*). Для сочетания

граммем XVI и XVIII правила выбора флексий общие: флексия № 15 — в основах на *-a* (где по правилам сандхи *a + i* дает *e*, *purisa + i > purise*) и в основах на согласную; флексия № 16 — в основах на *-i* и на *-u* (факультативно и в основах на *-a*). Для сочетания граммем XVII флексия № 17 выбирается как главный вариант для всех гласных основ; флексия № 8 является факультативной для основ на *-ā*, а флексия № 9 — для основ на *-i*, *-ī* и на *-u*, *-ū*; флексия № 15 выбирается для основ на *-r*. Для сочетания граммем XIX флексия № 2 используется применительно ко всем гласным основам, где выступает морфонологическое удлинение конечной гласной (*purisa — purisā* — основной вариант, *aggi — aggi*, *taru — tarū* — факультативные варианты); флексия № 18 используется в основах на *-i* и на *-u* как главный вариант (причем конечная гласная представлена ступенью *guṇa*, ср. *aggi — aggayo*, *taru — taravo*) и в основах на гласную как единственно возможный вариант. Для сочетаний граммем XX и XXIII флексия № 19 выбирается как главный вариант для всех гласных основ; факультативным вариантом является для них флексия № 2; флексия № 18 выбирается для основ на *-r*. Для сочетаний граммем XXI и XXIV флексия № 20 используется как главный вариант для всех гласных основ (причем конечная гласная основы является в таком случае долгой: *rūpa — rūpāni*, *akkhi — akkhīni*, *assu — assūni*), а флексия № 2 как факультативный вариант тех же основ (конечная гласная основы перед этой флексией выступает в виде долгой). Для сочетания граммем XXII флексия № 21 выбирается у основ на *-a* (*purisa + e > purise*); распределение флексий № 18 и № 2 то же, что и в случае сочетания граммем XIX. Для сочетаний граммем XXV, XXVII, XXVIII и XXX флексия № 22 выбирается для основ на *-a* (*purisa + ihi > purisehi*); в остальных случаях используется флексия № 23 (при этом основа всегда представлена долгой гласной: *hathīhi*, *rājūhi*, *pītūhi*). Для сочетаний граммем XXXI и XXXIII флексия № 25 употребляется в некоторых основах на согласную (*-nt-*: *sīlavatam*; *-n-*: *raññat* как вариант при *rājūnat*); во всех остальных случаях выбирается флексия № 24 (гласная, предшествующая этой флексии, является непременно долгой). Для сочетаний граммем XXXIV и XXXVI флексия № 26 выбирается для основ на *-a*; во всех остальных случаях используется флексия № 27 (гласная, предшествующая этой флексии, всегда удлиняется).

Таким образом, для синтезирования всех членов парадигмы именного склонения необходимо знать: 1) тип основы (непременно), 2) род существительного (в тех случаях, когда сведения о типе основы двусмысленны с точки зрения родовой идентификации; например, основы на *-a* могут быть муж.

и ср. рода, основы на *-i* и на *-u* — муж., ср. и жен. рода, основы на *-r* — муж. и жен. рода и т. д.) и 3) морфонологические правила присоединения флексии к основе и выбора вида основы (в тех случаях, где существуют морфонологические изменения), о последних см. в разделе морфонологии. Следовательно, для автоматического порождения именной парадигмы каждое существительное должно быть снабжено максимум тремя пометами (основа, род, морфонологические особенности). Например, форма, выражающая сочетание граммем XIX (N m pl), для существительного *bhikkhu* синтезируется, если известен тип основы (на *-u*), так как другие основы выражают это сочетание граммем иначе; род (m), так как основы на *-u* могут быть любого рода и иначе передают это же сочетание граммем; морфонологические особенности (основа перед флексией выступает в ступени *guna*). Только обладая всеми этими сведениями, можно синтезировать форму *bhikkhavo* для сочетания граммем XIX; следует отметить, что для данного типа изложенная здесь процедура является кратчайшей. Для других типов описанная процедура может быть значительно упрощена. Например, форма, выражающая сочетание граммем XVII (L f sg.), для существительного *sāla* синтезируется при условии, что известен только тип основы (на *-ā*); отсюда автоматически следует *sālāyat* (XVII).

Наконец, при построении конкретной парадигмы нужно помнить, что у существительных с основой на согласную часто отмечаются дублетные формы, образованные по типу имен с основой на гласную. Парадигма существительных с основой на согласную может быть также дефектной и восполняющей недостающие формы за счет флексий основ на гласную. Например, существительные на *-as* по типу основ на согласную склоняются только в единственном числе, зато они обладают полной парадигмой для обоих чисел, построенной по образцу тематических основ. Или же основа *rājan* в единственном числе может иметь дублетные формы от основ *rāji-* (*rājinā*, *rājino*, *rājini*), *rāja-* (*rājam*, *rājena*, *rājasmā*, *rājassa*, *rājasmiṁ*) и *rañña-* (*raññā*, *raññassa*, *raññe*). Помимо этого в таблице VII не отражены некоторые непарадигматические образования (например: *-aya* в основах на *-a* в D sg в отличие от флексии G sg, ср. *dassanāya* ‘чтобы видеть’; эти случаи можно трактовать особо) или редкие инодиалектные флексии (ср. *-e* и *-āse* в N pl основ на *-a*: *pāṇdite*, *pāṇditāse* вм. *pāṇditā*; первые две формы суть магадхизмы).

В табл. 19 парадигма именного склонения отражена через совокупность способов выражения всех возможных сочетаний граммем. С таким представлением связано устранение омонимии флексий и наличие алломорфов. Однако возможны и другие способы изображения и описания той же парадигмы.

В частности, с точки зрения грамматики распознающего типа целесообразно исходить из набора флексий, каждая из которых определяется на основе фонологического тождества. При таком подходе устраняется сложная проблема объединения алломорфов в морфемы, неразрешимая без обращения к плану содержания. См. табл. 20 (в ней знаком + отмечаются случаи употребления данной флексии).

Звательная форма, принадлежащая иному плану, нежели перечисленные выше граммы падежей, в большинстве случаев (например, всегда во множественном числе) не имеет особых флексий и передается формами именительного падежа соответствующего числа. Самостоятельная флексия звательной формы отмечается для существительных с основой на *-a* (*purisa*), *-ā* (*sāle*, но и: *atmā*, *ambā*, *annā*, *tāta*, обращения к матери), *-in-*, *-n-* (*hatthi*, *rāja*) и в некоторых других случаях. Использование просодического противопоставления долготы и краткости для различия именительного падежа и звательной формы встречается у имен с основой на *-ī* и на *-ī* (ср. *nadi* N — *nadi* V, *sassū* N — *sassu* V), а иногда и у имен с основой на *-a* (удлинение основообразующей гласной в звательной форме) и на согласную (*sattā* N — *sattha* V; *attā* N — *atta* V и др.). Из других особенностей образования вокатива следует упомянуть формы на *-e*, в которых можно видеть магадхизмы (ср. *Bhesike* Дигха-ник. I, 225, 226; *Takkāriye* Джат. IV, 247; *bhikkhave* V pl и др.; впрочем, для многих случаев такого рода лучше говорить о вокативном употреблении именительного падежа), и отдельные формы вроде *auyo*, которые, употребляясь при почтительном обращении, не меняются в зависимости от числа и рода, ср. Винайпитака I, 75 (*auyo* вм. V pl m).

Подкласс прилагательных в принципе описывается так же, как подкласс существительных. При этом, однако, следует помнить о некоторых особенностях подкласса прилагательных, в силу которых общие принципы склонения имени модифицируются применительно к прилагательным. Речь идет прежде всего о том, что оба упомянутых подкласса в словообразовательном отношении могут быть представлены как два пересекающихся множества с большой общей частью, в предельном случае (когда существительное выступает в качестве последнего члена в определенном типе сложных слов) множество словообразовательных формантов подкласса прилагательных включает в себя подмножество формантов подкласса существительных (подробнее см. об этом в разделе словообразования); это происходит при помощи нейтрализации некоторых словообразующих элементов имени. Помимо этого, подкласс прилагательных отличается от подкласса существительных тем, что каждый из составляющих его элементов обладает

свободой выбора рода, числа и падежа в зависимости от соответствующих категорий связанного с этими элементами существительного; с другой стороны, для каждого элемента подкласса прилагательных существует противопоставление граммем рода, что применительно к существительным осуществляется лишь при условии выхода за пределы отдельных элементов этого подкласса. Наконец, существует особая грамматическая категория, присущая прилагательным (хотя и не всем) в отличие от существительных — категория градуальности. Она образуется пересечением трех граммем: положительной, сравнительной и превосходной степени. Можно считать, что эти три граммемы противопоставляются по двум дифференциальным признакам, один из которых характеризуется обязательным наличием термина сравнения (*terminus comparationis*), а другой — позитивной выраженной градуальности (*grad.*). См. табл. 21.

Формально граммемы градуальности выражаются противопоставлением суффиксов *(-tara)-iya* для сравнительной степени, *(-tama)-iṭṭha* для превосходной степени, присоединяемые обычно к основе или к корню положительной степени, являющейся исходной, ср. *piya* 'дорогой' — *piyatara* — *piyatama*, *guṇavant* — *guṇiya* — *guṇiṭṭha*; возможно и совмещение разных способов образования степеней сравнения: *pāra* 'злой' — *pā-piya*, *pāpatara* — *pāpiṭṭha*, *pāpatama*, а иногда и совмещение формантов разных граммем: *pāpiṭṭhatara* от *pāra* или одной и той же граммемы: *seyyatara* [в случае забвения значения] или даже лексем (ср. супплетивные пары: *santa* 'хороший' — *seyyya*, *seṭṭha*, *uuvā* 'молодой' — *kaṇiya*, *kaṇiṭṭha*, *vuddha* 'старый' — *jeyya*, *jeṭṭha*, *bahu* 'многий' — *bhiyyo*). Существительные в положении, где особенности, связанные с их принадлежностью к подклассу существительных, нейтрализуются (последний член особого типа сложных слов), также могут изменяться по градуальности: *sappurisa* ' тот, кто связан с хорошим человеком': *sappurisatara*, *mahānubhāva* ' тот, кто обладает большим блеском': *mahānubhāvatara* и т. п.

В качестве особого подкласса класса имени можно рассматривать количественные числительные (порядковые числительные принадлежат к подклассу прилагательных, не обладающих категорией градуальности). Основанием для выделения этого подкласса, помимо семантических особенностей, служат: во-первых, отсутствие грамматической категории числа и, во-вторых, дефектность категории рода для подавляющего большинства числительных (противопоставление граммем рода существует лишь в ряде форм числительных: *ti* 'три' и *catu* 'четыре'; числительные *dvi* 'два', *ubhe* 'оба', *pañca* 'пять', *cha* 'шесть', *satta* 'семь', *aṭṭha* 'восемь', *nava* 'девять', *dasa* 'десять' не выражают рода; числительные на

ti: vīsati ‘двадцать’, *navuti* ‘девяносто’ и т. п. и на *-ā*: *vīsa* ‘двадцать’ обычно трактуются как имена женского рода, а слова на *-am* [*sataṁ* ‘сто’, *sahassam* ‘тысяча’] — как имена среднего рода). Некоторые особенности склонения числительных также отличают их от других именных подклассов (см. парадигмы). Если настаивать на самостоятельности подкласса числительных, то все-таки приходится признать его промежуточный (между подклассами существительных и прилагательных) характер и относить к нему лишь те числительные, которые обладают хотя бы одной из указанных выше особенностей, отличающих числительные от существительных и прилагательных. На этом основании *sataṁ* и *sahassam* следует считать принадлежащими к подклассу существительных (ср. *sataṁ* N, *satassa* G, *satāni* N pl и т. д., как *phalam*), а *eka* — к подклассу неличных местоимений (ср. *eko* m — *ekā* f — *ekat* p; *eko* sg — *eke* pl, хотя *eke* является множественным числом от *eko* лишь в том случае, когда последнее употребляется в роли неопределенного артикля, ср. *ekat satayaṁ* ‘однажды’, *ekena ipāyena* ‘каким-либо способом’, *ekasmiṁ gāme* ‘в одной деревне’ и т. д.).

Местоимения образуют два самостоятельных подкласса — личных и неличных местоимений.

Личные местоимения в отличие от других подклассов характеризуются: отсутствием категории рода и — с известной точки зрения — числа; чередованием основ по падежам и по числам (если принимать эту категорию) — супплетивизм (наряду с этим у личных местоимений во множественном числе обнаруживается тенденция к унификации основы); существованием параллельных форм (полных и энклитических); наличием особых флексий, не известных за пределами этого подкласса.

Подкласс неличных местоимений характеризуется наличием особых флексий в некоторых падежах (например, *-sm-/mh-*), обязательным различением в единственном числе мужского и среднего рода I и Abl, наличием супплетивных образований и, наконец, характером категорий числа, падежа и прежде всего рода (в этом отношении подкласс неличных местоимений аналогичен прилагательным, ср. также наличие граммем градуальности в ряде неличных местоимений *ka* — *katara* — *katama* ‘который’, *añña* — *añnatara* — *añnatama* ‘другой’).

Парадигмы склонения подклассов класса имени

Основы на *-a*: *purisa* ‘человек’ (masc.)

I <i>puriso</i>	XIX <i>purisā</i>
IV <i>purisam</i>	XXII <i>purise</i>
VII <i>purisena</i>	XXV <i>purisehi</i>
X <i>purisā</i> , <i>purisasmā</i> , <i>purisamhā</i>	XXVIII <i>purisehi</i>

XIII	<i>purisassa</i>	XXXI	<i>purisānam</i>
XVI	<i>purise, purisasmīm, purisamhi</i>	XXXIV	<i>purisesu</i>
Voc.	<i>purisa</i>		

rūpa 'форма' (neutr.)

III	<i>rūpam</i>	XXI	<i>rūpāni, rūpā</i>
VI	<i>rūpam</i>	XXIV	<i>rūpāni, rūpe</i>

Остальные сочетания граммем, как в masc.

Основы на *-ā*: *sālā* 'зал' (fem.)

II	<i>sālā</i>	XX	<i>sālāyo, sālā</i>
V	<i>sālam</i>	XXIII	<i>sālāyo, sālā</i>
VIII	<i>sālāya</i>	XXVI	<i>sālāhi</i>
XI	<i>sālāya</i>	XXIX	<i>sālāhi</i>
XIV	<i>sālāya</i>	XXXII	<i>sālānam</i>
XVII	<i>sālāyam, sālāya</i>	XXXV	<i>sālāsu</i>
Voc.	<i>sāle</i>		

Основы на *-i*: *aggi* 'огонь' (masc.)

I	<i>aggi</i>	XIX	<i>aggayo, aggī</i>
IV	<i>aggim</i>	XXII	<i>aggayo, aggī</i>
VII	<i>aggind</i>	XXV	<i>aggīhi</i>
X	<i>aggind, aggismā, ag-</i> <i>gimhā</i>	XXVIII	<i>aggīhi</i>
XIII	<i>agginā, aggissa</i>	XXI	<i>aggīnam</i>
XVI	<i>aggismīm, aggimhi</i>	XXXIV	<i>aggīsu</i>
Voc.	<i>aggi</i>		

Основы на *-ī*: *nadi* 'река' (fem.)

II	<i>nadi</i>	XX	<i>nadiyo,</i> <i>nadī</i>
V	<i>nadīm</i>	XXIII	<i>nadiyo,</i> <i>nadī</i>
VIII	<i>nadiyā</i>	XXVI	<i>nadīhi</i>
XI	<i>nadiyā</i>	XXIX	<i>nadīhi</i>
XIV	<i>nadiyā</i>	XXXII	<i>nadīnam</i>
XVII	<i>nadiyam,</i> <i>nadiyā</i>	XXXV	<i>nadīsu</i>
Voc.	<i>nadi</i>		

akkhi 'глаз' (neutr.)

III	<i>akkhi, akkhit</i>	XXI	<i>akkhīni, akkhi</i>
VI	<i>akkhi, akkhit</i>	XXIV	<i>akkhīni, akkhi</i>

Остальные сочетания граммем, как в masc.

Основы на *-u*: *bhikkhu* 'буддийский монах' (masc.)

I	<i>bhikkhu</i>	XIX	<i>bhikkhavo, bhikkhū</i>
IV	<i>bhikkhum</i>	XXII	<i>bhikkhavo, bhikkhū</i>
VII	<i>bhikkhunā</i>	XXV	<i>bhikkhūhi</i>
X	<i>bhikkhunā, bhikkhusmā, bhikkhumhā</i>	XXVIII	<i>bhikkhūhi</i>
XIII	<i>bhikkhuno, bhikkhussa</i>	XXXI	<i>bhikkhūnam</i>
XVI	<i>bhikkhusmīm, bhikkhumhi</i>	XXXIV	<i>bhikkhūsu</i>
Voc.	<i>bhikkhu</i>		

vadhū 'невестка' (fem.)

II	<i>vadhū</i>	XX	<i>vadhuyo, vadhu</i>
V	<i>vadhum</i>	XXIII	<i>vadhuyo, vadhu</i>
VIII	<i>vadhuyā</i>	XXVI	<i>vadhuhi</i>
XI	<i>vadhuyā</i>	XXIX	<i>vadhuhi</i>
XIV	<i>vadhuyā</i>	XXXII	<i>vadhuñam</i>
XVII	<i>vadhuym, vadhuyā</i>	XXXV	<i>vadhuñsu</i>
Voc.	<i>vadhu</i>		

assu 'слеза' (neutr.)

III	<i>assu, assum</i>	XXI	<i>assūni, assū</i>
VI	<i>assu, assum</i>	XXIV	<i>assūni, assū</i>

Остальные сочетания граммем, как в masc.

Основы на *-n*: *rājan* 'царь' (masc.)

I	<i>rājā</i>	XIX	<i>rājāno</i>
IV	<i>rājānam</i>	XXII	<i>rājāno</i>
VII	<i>raññā</i>	XXV	<i>rājūhi</i>
X	<i>raññā</i>	XXVIII	<i>rājūhi</i>
XIII	<i>rañño</i>	XXXI	<i>rājūñam</i>
XVI	<i>rājini</i>	XXXIV	<i>rājūsu</i>
Voc.	<i>rāja</i>		

Основы на *-r*: *pitar* 'отец' (masc.)

I	<i>pitā</i>	XIX	<i>pitaro</i>
IV	<i>pitaram</i>	XXII	<i>pitaro, pitare</i>
VII	<i>pitarā</i>	XXV	<i>pitūhi, pitarehi</i>
X	<i>pitarā</i>	XXVIII	<i>pitūhi, pitarehi</i>
XIII	<i>pitu, pituno, pitussa</i>	XXXI	<i>pitūñam, pitarāñam</i>
XVI	<i>pitari</i>	XXXIV	<i>pitūsu, pitaresu</i>
Voc.	<i>pitā</i>		

Основы на *-ant*: *arahant* 'достойный, арахант'

I	<i>araham, arahā</i>	XIX	<i>arahanto, arahantā</i>
IV	<i>arahantam</i>	XXII	<i>arahanto, arahante</i>

VII	<i>arahatā, arahantena</i>	XXV	<i>arahantehi</i>
X	<i>arahatā, arahantasmā</i>	XXVIII	<i>arahantehi</i>
XIII	<i>arahato, arahantassa</i>	XXXI	<i>arahatam, arahantānam</i>
XVI	<i>arahati, arahantamhi</i>	XXXIV	<i>arahantesu</i>
Voc.	<i>arahā</i>		

Числительные: *dve* 'два'

XIX—XXI	<i>dve, duve</i>	XXII—XXIV	<i>dve, duve</i>
XXVIII—XXX	<i>dvīhi</i>	XXXI—XXXIII	<i>dvīṇam</i>
		XXV—XXVII	<i>dvīhi</i>
		XXXIV—XXXVI	<i>dvīsu</i>

ti 'три'

XIX	<i>tayo</i>	XX	<i>tisso</i>	XXI	<i>tīni</i>
XXII	<i>tayo</i>	XXIII	<i>tisso</i>	XXIV	<i>tīni</i>
XXV	<i>tīhi</i>	XXVI	<i>tīhi</i>	XXVII	<i>tīhi</i>
XXVIII	<i>tīhi</i>	XXIX	<i>tīhi</i>	XXX	<i>tīhi</i>
		XXXII	<i>tissannam</i>	XXXIII	<i>tinnam</i>
XXXIV	<i>tīsu</i>	XXXV	<i>tīsu</i>	XXXVI	<i>tīsu</i>

catu 'четыре'

XIX	<i>cattāro, caturo</i>	XX	<i>catasso</i>	XXI	<i>cattāri</i>
XXII	<i>cattāro, caturo</i>	XXIII	<i>catasso</i>	XXIV	<i>cattāri</i>
XXV	<i>catūhi</i>	XXVI	<i>catūhi</i>	XXVII	<i>catūhi</i>
XXVIII	<i>catūhi</i>	XXIX	<i>catūhi</i>	XXX	<i>catūhi</i>
		XXXII	<i>catassannam</i>	XXXIII	<i>catunnam</i>
XXXIV	<i>catūsu</i>	XXXV	<i>catūsu</i>	XXXVI	<i>catūsu</i>

pañca 'пять'

XIX—XXI	<i>pañca</i>	XXII—XXIV	<i>pañca</i>
XXVIII—XXX	<i>pañcahi</i>	XXXI—XXXIII	<i>pañcannam</i>
		XXV—XXVII	<i>pañcahi</i>
		XXXIV—XXXVI	<i>pañcasu</i>

Личные местоимения: *aham* 'я', *mayam* 'мы'

I, II	<i>aham</i>	XIX, XX	<i>mayam, amhe, asme</i>
IV, V	<i>mayam, mama</i>	XXII, XXIII	<i>amhe, asme, amhākam, asmākam</i>
VII, VIII	<i>mayā</i>	XXV, XXVI	<i>amhehi</i>
X, XI	<i>mayā</i>	XXVIII, XXIX	<i>amhehi</i>
XIII, XIV	<i>mama, mayham, mama</i>	XXXI, XXXII	<i>amhākam, asmākam, amham</i>
XVI, XVII	<i>mayi</i>	XXXIV, XXXV	<i>amhesu</i>

Энклит. VII, VIII, XIII, XIV *me*

Энклит. XXII, XXIII, XXV, XXVI, XXXI, XXXII *no*

tvam 'ты', *tumhe* 'вы'

I, II <i>tvam</i> , <i>tuvaṁ</i>	XIX, XX <i>tumhe</i>
IV, V <i>tam</i> , <i>tvam</i> , <i>tu-</i> <i>vam</i>	XXII, XXIII <i>tumhe</i> , <i>tumhā-</i> <i>kam</i>
VII, VIII <i>tayā</i> , <i>tvayā</i>	XXV, XXVI <i>tumhehi</i>
X, XI <i>tayā</i> , <i>tvayā</i>	XXVIII, XXIX <i>tumhehi</i>
XIII, XIV <i>tava</i> , <i>tuyham</i> , <i>tavam</i> , <i>tum-</i> <i>ham</i>	XXXI, XXXII <i>tumhākam</i> , <i>tum-</i> <i>ham</i>
XVI, XVII <i>tayi</i> , <i>tvayi</i>	XXXIV, XXXV <i>tumhesu</i>

Энклит. VII, VIII, XIII, XIV *te*

Энклит. XXII, XXIII, XXV, XXVI, XXXI, XXXII *vo*

Неличные местоимения: *so* 'он', 'тот', *ayam* 'этот'

I <i>so</i>	XIX <i>te</i>	II <i>sā</i>	XX <i>tā</i> , <i>tāyo</i>
IV <i>tam</i>	XXII <i>te</i>	V <i>tam</i>	XXIII <i>tā</i> , <i>tāyo</i>
VII <i>tena</i>	XXV <i>tehi</i>	VIII <i>tāya</i>	XXVI <i>tāhi</i>
X <i>tamhā</i> <i>tasma</i>	XXVIII <i>tehi</i>	XI <i>tāya</i>	XXIX <i>tāhi</i>
XIII <i>tassa</i>	XXXI <i>tesam</i> , <i>tesānam</i>	XIV <i>tassā</i> , <i>tissā</i> , <i>tissāya</i> , <i>tāya</i>	XXXII <i>tāsam</i> , <i>tāsānam</i>
XVI <i>tamhi</i> , <i>tasmiṁ</i>	XXXIV <i>tesu</i>	XVII <i>tassam</i> , <i>tāsam</i> , <i>tissam</i> , <i>tāyam</i>	XXXV <i>tāsu</i>
III <i>tam</i>	XXI <i>tāni</i>		
	XXIV <i>tāni</i>		

Остальные сочетания граммем, как в masc.

I <i>ayam</i>	XIX <i>ime</i>
IV <i>imat</i>	XXII <i>ime</i>
VII <i>iminā</i> , <i>anena</i>	XXV <i>imehi</i> , <i>ehi</i>
X <i>imasmā</i> , <i>imamhā</i> , <i>asmā</i>	XXVIII <i>imehi</i> , <i>ehi</i>
XIII <i>imassa</i> , <i>assa</i>	XXXI <i>imesam</i> , <i>imesānam</i> ,
XVI <i>imasmiṁ</i> , <i>imamhi</i> , <i>asmiṁ</i>	<i>esam</i> , <i>esānam</i>
III <i>idam</i> , <i>imat</i>	XXXIV <i>imesu</i> , <i>esu</i>
VI <i>idam</i> , <i>imat</i>	XXI <i>imāni</i>
	XXIV <i>imāni</i>
II <i>ayam</i>	XX <i>imā</i> , <i>imāyo</i>
V <i>imat</i>	XXIII <i>imā</i> , <i>imāyo</i>
VIII <i>imāya</i>	XXVI <i>imāhi</i>
XI <i>imāya</i>	XXIX <i>imāhi</i>

XIV *imissā*, *imissāya*,
ītāya, *assā*, *as-*
sāya

XVII *ītāyat*, *imissat*,
imissā, *assat*

XXXII *ītāsat*, *ītāsāpat*,
āsat

XXXV *ītāsi*

КЛАСС ГЛАГОЛА

Класс глагола в пали состоит из двух подклассов — подкласса личных форм и подкласса неличных форм, объединяемых друг с другом, если говорить только о морфологическом уровне, наличием общих корневых морфем и общим (хотя и скользящим) набором грамматических категорий, характеризующим оба эти подкласса в отличие от любого другого грамматического класса.

Для класса глагола в целом существенны грамматические категории числа, рода, лица, времени, вида, наклонения, залога, «производности».

Категория числа в глаголе относится к разряду наименее специфических, поскольку она характеризует и класс имени. Как и в имени, категория числа в глаголе образуется противопоставлением граммем единственного и множественного числа по тем же самым дифференциальным признакам. Отличие заключается в том, что категория числа в глаголе предполагает непременное указание на участника события; с другой стороны, категория числа не может считаться универсальной для всего класса глагола: она не существенна для абсолютива и инфинитива (несмотря на то что некоторые флексии этих разрядов слов могут быть соотнесены по формальным признакам с соответствующими флексиями единственного числа в классе имени).

Категория рода в глаголе обладает той же структурой, что и в имени. Тем не менее она заслуживает нескольких частных замечаний. Во-первых, категория рода выступает только в причастиях и содержит ссылку на участника события. Во-вторых, она оказывается в известном отношении существенной для глагола в целом, поскольку она выражается и в предикативных конструкциях, где причастие выступает в функции личных форм, ср. *puriso āgato* ‘человек пришел’, но: *itthi āgata* ‘женщина пришла’; в этом, в частности, заключается очевидное отличие от категории падежа в причастиях, несущественной для предикативных конструкций.

Категория лица образуется противопоставлением трех граммем (1-го, 2-го и 3-го лица) по двум дифференциальным признакам: совпадение — несовпадение участника события с автором речи и участие — неучастие в акте речи (см. табл. 22 а). Категория лица присуща исключительно подклассу личных

форм. Формально различия граммем лица выражаются во флексии. Следует, однако, заметить, что формальные различия глаголов во 2-м и 3-м лице единственного числа в прошедшем времени и отчасти в оптативе упразднены, ср. *agatā* 'ты пошел' и 'он пошел', *agati* 'ты пошел' и 'он пошел', *cintesi* 'ты подумал' и 'он подумал', *rakkheyya* 'да охраняй' и 'да охраняет он'. Исключения крайне редки, ср. 2-е л. ед. ч. *ado* (но и: *adā*) 'ты дал', 3-е л. ед. ч. *adā* 'он дал'. Наконец, в некоторых оптативных парадигмах вообще упраздняются различия флексий по лицам: *labhe* 'пусть я получу', 'пусть ты получишь', 'пусть он получит'. Некоторые особенности в использовании граммем лица связаны с обстоятельствами, в которых возникает несоответствие между внеязыковой ситуацией и способами языкового выражения их. Такой сдвиг фиксируется в пали при трансформации прямого обращения в вежливое косвенное обращение: ...*arahanto...* *āyasmato Nāgasenassa santike dūtam pāhesum*: *āgacchatu Nāgaseno, dassanakāta mayat Nāgasenāti*. Мил.-паньха 18 'арахаты направили гонца к почтенному Нагасене: приходи, Нагасена! Мы хотим тебя видеть (букв. пусть придет Нагасена, мы хотим видеть Нагасену)'. Аналогично этому употребление *bhavant* 'господин', 'уважаемый' при обращении ко 2-му лицу (глагол, естественно, употребляется в 3-м лице). Особое положение 3-го лица и в связи с ним недифференцированной формы 2-го и 3-го лица проявляется еще, между прочим, и в том, что они нередко выступают в обобщенно-личном значении (например, в оптативе), ср. в предписаниях: *vacīrakorat rakkheyya, vācāya satvito siyā*. Дхаммап. 232 'надо остерегаться грехов слова, надо быть сдержанным в отношении слова'.

Категория времени в палийском глаголе до сих пор не описана сколько-нибудь удовлетворительным образом. Во всяком случае даже лучшие из предлагавшихся вариантов описания этой категории оказывались действительными лишь в части случаев. Объяснение этому следует искать в игнорировании сложного сочетания д в у х моделей, описывающих глагол пали.

Первая из этих моделей предполагает наличие трехчленной временной системы, единицы которой — настоящее, прошедшее и будущее время — образуются разным набором дифференциальных признаков, выбранных из двух пар их — претеритальность — непретеритальность и гипотетичность — негипотетичность. Таким образом, граммема настоящего времени описывается сочетанием непретеритальности и негипотетичности; граммема прошедшего времени — сочетанием претеритальности и негипотетичности; граммема будущего времени — наличием гипотетичности (признак претеритальности — непретеритальности несуществен). См. табл. 22в.

Значения граммем времени, описанные таким образом, являются инвариантными по отношению к преобразованиям. Для решения ряда задач небесполезно знать конкретные наборы вариантов, отражающих в тексте инвариантные значения каждой граммемы времени. Так, непретеритальность настоящего времени представлена следующими вариантами: совпадение момента действия и момента речи (*uṭṭhehi brāhmaṇo āgacchatī*. Джат. II 168 'вставай, брахман подходит'); исключение временной ориентации (вневременное употребление презенса: *santi loke tinaayo*. Сутта-нип. 207 'существуют в мире мудрецы'; *na hi... sotthikāmo tāni kiriyāni karoti*. Мил.-паньха 112 'стремящийся к благословению не совершает таких поступков'); указание на действие, которое следует за моментом речи (непосредственно: *kathemi te pañhan' ti*. Джат. II, 210 'я задам тебе вопрос' [далее следует вопрос] или через неопределенный промежуток времени: *purāṇaī ca vedanāt pañhañkhami, navaī ca vedanāt na uppādēssāmi*. Маджджх.-ник. III, 1, 2, 107 'я разрушу старое чувство и не создам нового чувства'; в этих случаях настоящее время отличается от будущего отсутствием гипотетичности); указание на действие, которое предшествует моменту речи (*ekaṭ samayat Bhagavā Sāvatthiyat viharati Jetavane Anātha-piñḍikassa ārāme*. Сутта-нип. 66 'некогда Благословенный жил [собств.—живет] в Саватхи в Джетаване, в роще Анатхапиндика'; *tena samayena Ujjeniyat Mūsilo nāma jetṭhagandhabbo hoti*. Джат. II, 248 'в то время был [собств.—есть] в Удджеши лучший музыкант по имени Мусила'; в этих случаях настоящее время отличается от прошедшего отсутствием претеритальности — коллизия между объективным и языковым временем, используемая в особых целях).

Относительно прошедшего времени следует заметить, что для всех частных вариантов его существенно лишь указание на действие, которое предшествует моменту речи. В силу этого прошедшее время в пали обозначает и действие, совершенное в недавнем прошлом, и действие, имевшее место в отдаленном прошлом, и действие, предшествующее другому действию (если последнее в свою очередь предшествует моменту речи), ср. *na bhikkhave so bhikkhu idān' eva tam tīlhena āsādesi, pubbe pi āsādesi*. Джат. II, 210 'о монахи, этот бхикку не сейчас испачкал его нечистотами, еще прежде испачкал'; *pubbe 'pi pañditā etam pañhat kathayimtsu*. Джат. II, 137 'и раньше пандиты задавали этот вопрос'. Идиоматическим вариантом прошедшего времени являются случаи императивного употребления форм прошедшего времени, ср. *atma tā rodi*. Джат. II, 279 'не плачь, мама!'; *tā patādo*. Тхерагатха I, 119, Дхаммап. 371 'не утомляйся' и др.; претеритальный характер глагола в этих и подобных им при-

мерах мог бы быть реконструирован лишь при обращении к истории.

Гипотетичность будущего времени представлена целой серией вариантов — от варианта, где гипотетичность обусловлена исключительно природой будущего времени (*tena hi brāhmaṇa sunātha sādhukat manasikarotha, bhāsissāmi*. Сутта-нип. 50 ‘тогда, о брахманы, слушайте [и] хорошо продумайте, я буду рассказывать’), до вариантов, где гипотетичность усиливается условиями контекста (*ettha dāni mayat there bhikkhū kiṭ vakkhāta, yatra hi nām’ evaṭ navo bhikkhu Satthāram parirakkhitabbat taññissati?* Маджджх.-ник. III, 2, 207, 136 ‘что сказать нам тут, о старшие бхиккху, если даже младший бхиккху считает Учителя достойным поддержки?; *sace attano dhamme ḫassati pubbe sadisā va bhavissati*. Джат. II, 309 ‘если останется верным своей дхарме, то она станет такой, как прежде’ и др.). Крайний случай представлен примерами, где различия между будущим временем и оптативом оказываются по существу устранимыми, ср. *yathā po samāṇo Gotamo vyākarissati, tathā pat dhāressātā ti*. Сутта-нип. 116 ‘как, о монахи, объяснит нам Гаутама, так мы это и будем понимать’ при: *yathā vō Bhagavā vyākareyya, tathā pat dhāreyyathāti*. Маджджх.-ник. III, 2, 195, 133 ‘как вам объяснит Благословенный, так вы это и понимайте’ (где вместо будущего времени предыдущего примера выступают оптативные формы).

В плане выражения различие граммем времени достигается противопоставлением типов основ и флексий.

С помощью противопоставления типов основ удается различить, как правило, все три граммемы времени. Основы будущего времени характеризуются наличием морфемы *-ssa-/iSSa-*, следующей за корнем. Иногда *-ssa-* представлено алломорфом в виде геминированной придыхательной согласной. Распределение алломорфов будущего времени поддается описанию лишь в общих чертах: *-issa-* и геминированная придыхательная согласная выступают обычно после согласных (*gammisati, karissati, patissati, vasissati*), *-ssa-* — после гласных (*dassati, ḫassati, jessati, sossati*); удовлетворительный критерий для выбора *-issa-* или геминаты указать трудно (тем не менее небесполезно указать, что образование основ будущего времени с помощью *-issa-* является регулярным, ср. такие гиперграмматизмы, как *dakkhissati* при *dakkhati* или *sakkhissati* при *sakkhati*, где сосуществуют два алломорфа будущего времени: геминированная придыхательная согласная и *-issa-*), наконец, следует отметить наличие аномальных основ будущего времени: *kāha-ti* (презенс *karoti*), *hohi-ti* (презенс *hoti, bhavati*).

Основы настоящего времени характеризуются (в подав-

ляющем большинстве) наличием элементов *-a-* и *-e-*: *vasa-ti*, *bhava-ti*, *labbhe-ti*, *cinte-ti*. Теоретически от каждого глагольного корня возможно образование двух основ настоящего времени (на *-a-* и на *-e-*) с разницей в грамматическом значении (об этом см. ниже): *pata-ti* — *pāte-ti* *raja-ti* — *rajā-pe-ti* и т. п. Существует небольшое число глаголов, у которых основы настоящего времени образуются иначе: с помощью *-o-*: *karo-ti*, *sakko-ti*, *rappo-ti*, *suṇo-ti*, *ho-ti* (наряду с *bhava-ti*); с помощью *-nā-*: *jānā-ti*, *minā-ti*, *cinā-ti*, *suṇā-ti*, *hinā-ti*, *dhunā-ti*; с помощью *-ā-*: *gaṇhā-ti*, *dadā-ti*, *jahā-ti* (два последних примера — с редупликацией корня). Изолированно стоят презентные основы в глаголах *atthi* и в разрозненных формах вроде *dammi* (1-е л. ед. ч. от *dadāti*), *hanti* (3-е л. ед. ч. от *hanati*).

Основы прошедшего времени удобнее всего характеризовать негативно: к ним относятся, как правило, те основы, которые не обладают однозначной и четко выраженной формальной характеристикой; иначе говоря, основы прошедшего времени проще всего выделить, установив, что они не относятся к настоящему и будущему времени или к косвенным наклонениям. Попытка положительной характеристики основ прошедшего времени оказывается целесообразной лишь применительно к части случаев: при наличии аугмента *-a-* или флексии, начинающейся с фонемы *-s-*. Учитывая ряд соображений и прежде всего нужды синтеза глагольных форм, допустимо отказаться от традиционных описаний типов основ прошедшего времени и исходить из наличия трех разновидностей этих основ. Первая из них характеризуется сочетанием аугмента (иногда, впрочем, опускаемого у более чем односложных форм) с корнем; внутри этой разновидности полезно различать две группы случаев в зависимости от типа флексии, с которой сочетаются эти основы, ср. Ia. *adā-* и Ib. *(a)sso-* [1-е л. ед. ч. прош. вр. *ada-m*, но *(a)sso-sim*]. Вторая разновидность основ прошедшего времени характеризуется возможным наличием аугмента, присоединяемого к корню, расширенному тематической гласной *-a-*, ср. II *(a)gama-*; этот тип основ не вступает в соединение с флексией, содержащей *-s-*. Третья разновидность основ прошедшего времени предполагает возможное наличие аугмента и корень, расширенный элементом *-i-*, ср. III *(a)gami-*; этот тип основ может соединяться с флексией, содержащей *-s-*. Две разновидности не знают чередования гласных в корне, тогда как оба типа случаев первой разновидности характеризуются как раз чередованием корневой гласной. Такое описание типов основ прошедшего времени дает наибольший выигрыш в простоте анализа и гарантирует от привнесения схем описания, действительных для предыдущих периодов.

Весьма важно подчеркнуть, что предложенное выделение временных основ остается действительным и в довольно многочисленных случаях, когда проявляется влиятельная тенденция к обобщению презентной основы во всех граммемах времени (и не только времени), ср. *gaccha-ti* (наст. вр.), *agacchi* (прош. вр.), *gacchissa-ti* (буд. вр.) наряду с *gaccha-ti* (наст. вр.), *agati*, *agata*, *aga* (прош. вр.), *gatissa-ti* (буд. вр.).

С помощью флексии можно различить настоящее и будущее время, с одной стороны, и прошедшее время, с другой стороны. Флексии, выступающие в настоящем и будущем времени, принято называть первичными, флексии прошедшего времени — вторичными. Граммема 1-го лица единственного числа будущего времени может выражаться не только первичной флексией, но и вторичной, ср. *labhissam* наряду с *labhissāmi*.

Оба типа флексий будут перечислены ниже. Здесь же целесообразно указать на существование двух вариантов вторичной флексии: с элементом *-s-*, начинающим флексию в ряде форм, и без элемента *-s-* во всей парадигме форм прошедшего времени. В первом варианте *-s-* может появляться или во всех лицах единственного числа и в 3-м лице множественного числа (*akā-sim*, *akā-si*, *akā-si*, *akā-sum*), или в 1-м лице единственного числа и 3-м лице множественного числа (*agami-sam*, *agami-sum*). Следовательно, в 1-м и 2-м лице множественного числа противопоставление двух вариантов вторичной флексии устранено.

Различные возможные в пали сочетания трех типов основ прошедшего времени с тремя типами вторичной флексии дают четыре парадигмы прошедшего времени (см. табл. 23 и парадигмы глагола).

Вторая модель, приложимая к описанию глагола в пали, предполагает наличие двучленной видовой системы, единицами которой являются совершенный и несовершенный вид. В плане выражения различие видов достигается с помощью противопоставления причастий двух типов: на *-ta-* и *-na-* — совершенный вид (*āgata-*, *dinna-*) и на *-nt(a)-* и *-tāna-* — несовершенный вид (*āgacchant-*, *dadant-*, *dadātāna-*), о причастиях см. ниже. Кроме того, для второй модели характерно использование именных (а не глагольных) форм и, следовательно, ей чуждо противопоставление граммем лица, но зато известно противопоставление граммем рода.

Взаимодействие этих двух моделей позволяет объяснить факты двух родов. Во-первых, им объясняется наличие именных форм претерита (*ahāt gato* 'я ушел', *tvāt gato* 'ты ушел', *so gato* 'он ушел', *tauāt gatā* 'мы ушли', *tumhe gatā* 'вы ушли', *te gatā* 'они ушли'; в женском роде соответственно: *ahāt*, *tvāt*, *sā... gatā* 'я, ты, она... ушла'; в среднем

роде: *idañ gatāñ* 'это ушло', *imāni gatāni* 'они ушли'), противопоставленных, с одной стороны, глагольным формам претерита (*gato*:*agatā*) в том плане, что последние нейтральны в отношении видовой дифференциации, и, с другой стороны, глагольным формам настоящего и будущего времени (скрещенная глагольно-именная система: *gacchatī* 'он идет', *gato* 'он ушел', *gamissati* 'он пойдет') по признакам претеритальности и негипотетичности.

Во-вторых, взаимодействие двух описанных выше моделей объясняет наличие в пали целого ряда перифрастических видо-временных форм, конкурирующих с простыми глагольными формами времени. Перифрастические формы образуются сочетанием причастий с личными формами вспомогательных глаголов *attī*, *hotī/bhavati*, *tiṭṭhatī*. Среди подобных видо-временных образований следует прежде всего отметить регулярные формы перфекта (причастие совершенного вида в сочетании с презенсом вспомогательного глагола): *tamhā kūlā rabbajito 'mhi rāja*. Сутта-нип. 74 'я покинул эту семью, о царь!' (букв. 'покинувший есмь'); *so imāñ eva kāyañ parisuddhena cetasā pariyoñatena pharitvā nisinno hotī, nāssa kiñci sabbāvato kāyassa parisuddhena cetasā pariyoñatena apphutāt hotī*. Маджджх.-ник. III, 1, 94 'сидит он, пронизав все свое существо самыми чистыми мыслями, [и] нет во всем его существе ничего такого, что не было бы пронизано очень чистыми мыслями'; *ti vuttāt hotī*. Висуддхи-магга 506 'так сказано' и т. п.

Значительно менее регулярны в канонических текстах другие перифрастические видо-временные образования — презенс несовершенного вида (сочетание причастия несовершенного вида с презенсом вспомогательного глагола): *cattāro 'me, Ānanda, puggalā santo samvijjatāna lokasmīt*. Маджджх.-ник. III, 2, 209 'эти четыре характера существуют в мире, о Ананда!'; плюсквамперфект образований, которые с формальной точки зрения можно было бы отнести к совершенному виду (сочетание причастия совершенного вида с претеритом вспомогательного глагола): *so evam paññajito samāno bhikkhūnat sikkhāsājīvasatāranno rāññatipātāt pahāya rāññatipātā paññivirato ahosīt*. Маджджх.-ник. III, 33, 18 'когда этот монах, отрекшийся таким образом [от мира], следуя системе обучения бхикшу, отказался от убийства живых существ, я отвратился от убийства живых существ' (букв. 'стал отвратившимся'); различные образования будущего времени (сочетание вспомогательного глагола в будущем времени с причастием, выражающим необходимость, или с причастием совершенного вида): *ito me anāgatāni satta divasāni aṭṭha gūne samādiyitvā tapo caritabbo bhavissati*. Мил.-паньха 90 'ближайшие семь дней я буду совершать покаяние, исполнив-

шись восемью добродетелями'; *evaāyat bhūtippadeso dvīhi arahantehi paribhutto bhavissati*. Маджджх.-ник. II, 45 'таким образом это место будет использовано двумя арахатами'; не говоря о других еще более редких случаях комбинации форм вспомогательного глагола с различными типами причастий (ср. *atha kha āyastā Ānando... rodamāno aṭṭhāsi*. Дигха-ник. II, 143 'тогда почтенный Ананда... разрыдался', букв. 'стал рыдающий'; сочетание причастия несовершенного вида с вспомогательным глаголом в претерите). Следует, однако, подчеркнуть, что перифрастические образования перечисленных типов являются в пали эвентуальными и не входят в парадигму.

Категория наклонения в пали принадлежит к числу наиболее экстенсивных; она существенна для всех без исключения личных форм глагола, тогда как категория времени не проявляется за пределами лишь одной из граммем (изъявительное наклонение). Категория наклонения образуется противопоставлением четырех граммем — изъявительное (индиктив), повелительное (императив), желательное (оптатив) и ирреальное (кондиционалис) наклонения. Для различения их между собой целесообразно ввести три пары дифференциальных признаков: направленность — ненаправленность, условность — безусловность, неосуществимость — осуществимость. В таком случае с помощью пары признаков направленность — ненаправленность различаются направленное повелительное наклонение и ненаправленные изъявительное, желательное и ирреальное наклонения. Пара условность — безусловность помогает различить безусловное изъявительное наклонение и условные желательное и ирреальное наклонения. По признаку неосуществимость — осуществимость различаются осуществимое изъявительное и неосуществимое ирреальное наклонения. Следовательно, изъявительное наклонение, описываемое с помощью трех минусов, противопоставлено как немаркированное трем косвенным наклонениям. В противопоставлении желательного и ирреального наклонений маркированным следует считать ирреальное наклонение, характеризуемое одним лишним дополнительным признаком (такой интерпретации до известной степени могли бы соответствовать статистические сведения, относящиеся к числу ситуаций, в которых могут выступать граммы этих двух наклонений). Структура граммем наклонения отражена в табл. 22с.

Инвариантное значение повелительного наклонения отчетливее всего выражено в случае непосредственного приказа, обращенного к участнику (или участникам) акта коммуникации; поэтому именно 2-е лицо является наиболее характерной и частой формой императива. Ср. *rūpa Bodhisatto attano hatthim vilomat kāresi*, со «*gacchā*» '*ti vutte osakki*, «*osakkā*»

'ti vutte purato dñāvi, «tiṭṭhā» 'ti vutte nipajji, «nipajja» 'ti vutte tiṭṭhati, «gaṇhā» 'ti vutte nikkipi, «nikkipā» 'ti vutte gaṇhi. Джат. II, 223 'затем Бодхисаттва заставил своего слона делать [все] наоборот: сказав «иди!», отступил назад, сказав «отступи назад!», побежал вперед, сказав «стой!», лег, сказав «ляг!», встал, сказав «возьми», бросил, сказав «брось!», взял'; *adhimanasā bhavatha*. Сутта-нип. 692 'будьте сосредоточенными!'. В 3-м лице, напротив, нередки примеры наибольшего отклонения значений форм повелительного наклонения от основного под влиянием контекста. В таких случаях значение императива предельно сближается с инвариантным значением оптатива, ср. употребление в повелительном наклонении при вежливом обращении формы 3-го лица вместо 2-го (об этом см. выше) или другие случаи употребления формы 3-го лица императива для выражения пожелания: *etenā saccena suvatthi hōtu*. Сутта-нип. 224 'да будет он благословен этой истиной!'.

Инвариантное значение желательного наклонения — условный характер при отсутствии направленности и несущественности того, насколько реально выполнение этого действия, — реализуется в следующих наиболее употребительных контекстуальных вариантах значения оптатива: пожелание (*adassena bālānam niccaṭ eva sukhi siyā*. Джаммап. 206 'да будет он постоянно счастлив, не видя дураков'), вежливое побуждение к действию (*gaccheyāsi pana tvam mārisa tassa Bhagavato upatthānam arahanto sammāsambuddhassā ti*. Самьютта-ник. I, 147 'шел бы ты, почтенный, посетить этого Совершенного, достойного, полностью просветленного'), долженствование (*tattha kiṭ kāraṇan ti rājānam pucchitvā mayham kattheyyasīti āha*. Джат. II, 303 'тогда, спросив царя, в чем дело, ты должен рассказать мне'), разные виды условно-следственной связи (*sace pana tvam Aṅgulimālam passeyyāsi... kin ti kareyyāsi ti?* Маджджх.-ник. II, 101, 12 'если ты увидишь Ангулималу, как ты поступиш, с ним?'; *yathā hi jāneyya, tathā vadeyya*. Сутта-нип. 781 'как он знает, так пусть и говорит'), неопределенность, сомнение (*abhiññaya kām uddiseyyuam?* Джаммап. 353 'познав [сам], кого буду я учить?'), сравнение (*seyyathāpi maharājā puriso andhakārā vā andhakāram gaccheya*. Самьютта-ник. I, 94 'точно так же, о великий царь, человек идет из тьмы во тьму'). Частым формальным показателем оптатива за пределами самой глагольной формы являются союзы со значением «если», «как», «когда» и т. п. (*yadi, sace, yam, seyyathāpi, yathā... tatha*).

Инвариантное значение ирреального наклонения — неосуществимость действия (это значение часто присутствует в обеих частях условного предложения): *sace tvam gūṭha-*

makkhito nābhavissa idh'eva tam jīvitakkhayat apāpessat.
Джат. II, 11 'не будь ты обмазан навозом, я бы тут же тебя прикончил'; *sace hi imassa nāhā, vitassa iminā upāsakena saddhiṃ samsaggo na bhavissa samiddamajjhe yeva nanassissatīti.*
Джат. II, 112 'если бы не произошло встречи этого брадобрея с этим учеником, погиб бы он как раз посреди моря'. Неосуществимость действия может выражаться также будущим временем и оптативом в частных вариантах их основных значений. Это обстоятельство в сочетании с крайней редкостью форм ирреального наклонения в большей части палийских текстов объясняет периферийное положение кондиционалиса среди наклонений глагола пали. При исключении кондиционалиса из числа граммем наклонения табл. 22с приобрела бы значительно более простой вид, что связано с устранием пары неосуществимость — осуществимость, нужной по существу лишь для идентификации ирреального наклонения.

В плане выражения различие граммем наклонения осуществляется противопоставлением типов основ и флексий.

Основа изъявительного наклонения практически совпадает с основами временных граммем — настоящего, прошедшего и будущего времени.

Основа желательного наклонения характеризуется элементами *-e-* или *-eyyā-*, присоединяемыми к презентной основе без последней гласной фонемы. Выбор между *-e-* и *-eyyā-* в принципе безразличен, хотя *-e-* преобладает в оптативе в языке канонической поэзии, тогда как *-eyyā-* характеризует более продуктивные образования желательного наклонения в прозе и в поэзии более позднего времени. Таким образом, основы оптатива достаточно четко противопоставлены формально основам индикатива; исключение составляют случаи, когда в изъявительном наклонении и в оптативе появляются одни и те же основы на *-e-* (ср. *dese-ti* 'он учит', *dese-si* 'он учил' — основа индикатива, но *dese-yy-a* 'пусть он учит!' — основа оптатива; *-yy-* морфологически иррелевантный элемент, обвязанный своим происхождением сандхи, — случай сочетания двух гласных фонем). В этих условиях различие граммем изъявительного и желательного наклонений происходит с помощью окончаний. В ряде изолированных случаев оптативная основа невыводима из основы презенса, ср. основы желательного наклонения от *atthi* — *assa/siyā*, от *hoti* — *huveyya*, *hureyya* (наряду с *bhave/bhaveyya*; правда, *huveyya* можно было связывать с презенсом *huvati*), от *jānati* — *jāñā* (наряду с *jāneyya*), от *vadati* — *vajjā* (наряду с *vadeyya*), от *karoti* — *kuriyā*, *kayirā* (наряду с *kareyya*; ср. также *kubbeyya* от нерегулярного презентного образования *kubbati*, параллельного регулярному *karoti*).

Основа ирреального наклонения характеризуется аугментом *-a-*, присоединяемым к основе будущего времени. Основа императива совпадает с основой презенса.

С помощью флексий можно различить следующие граммы наклонений. Повелительное наклонение в формах 2-го и 3-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа в активном и медиальном залогах четко противопоставлено формам других наклонений (в остальных случаях оно совпадает с формами индикатива, прежде всего — с презентными). Желательное наклонение на *-e-* противопоставляется формам других наклонений, не использующих вторичные окончания (кроме того, следует иметь в виду, что оптатив на *-e-* имеет еще серию особых флексий, позволяющих отличить формы желательного наклонения от форм других наклонений с вторичной флексией, ср. *labhe* — # 1-е л. ед. ч., *labhe-uu-a* — 2-е л. ед. ч., *labhe-uu-a* — 3-е л. ед. ч., *labhe-mi* — 1-е л. мн. ч., *labhe-uu-i* — 3-е л. мн. ч.), а оптатив на *-euuā-*, характеризующийся первичными окончаниями, противопоставляется всем формам других наклонений, использующим вторичные окончания. Ирреальное наклонение характеризуется вторичными окончаниями и, следовательно, на уровне флексий противопоставлено изъявительному наклонению (настоящее и будущее время) и оптативу на *-euuā-*. Изъявительное наклонение обладает как первичными, так и вторичными окончаниями и поэтому отчетливо противопоставляется лишь императиву в тех случаях, где он характеризуется самостоятельной флексией; применительно к остальным случаям нецелесообразно конструировать правила распознавания индикативных форм на основании анализа флексии. Следует подчеркнуть, что хотя граммы наклонений нередко используют те же формальные элементы, что и граммы времени, правила комбинации этих элементов остаются специфическими, схематическое изображение их см. на табл. 24.

Категория залога в пали характеризует личные формы глагола и некоторые безличные формы — причастия. Следовательно, она более экстенсивна, чем категория времени. Категорию залога в палийском глаголе удобно описывать с помощью двух моделей. Первая из них предполагает наличие двух граммем — активный и медиальный залоги, противопоставленных друг другу в зависимости от наличия дифференциального признака обращенности на субъект действия (медиальный залог) или необращенности на субъект действия (активный залог), см. табл. 22d (первая модель). Эта идеальная схема полнее всего реализуется в самом древнем слое канонических текстов; в более поздних текстах она соответствует сравнительно небольшому числу случаев; не случайно, что в плане содержания противопоставление активных и ме-

диальных залогов часто оказывается устранимым, несмотря на то что план выражения дает основания для различия двух серий форм. Отсюда — значительная степень факультативности в выборе активных и медиальных форм, особенно отчетливо проявляющаяся в поэзии, где выбор часто определяется исключительно метрическими требованиями. Тем не менее принятие противопоставления граммем активного и медиального залогов необходимо для описания существенной части палийских текстов, в которых медиальные формы, действительно, связаны с основным значением этого залога, ср. *kathat su labhate raiplāt*, *kathat su vindate dhanat*. Сутта-нип. 185 'как добыть себе мудрость, как найти себе богатство'.

Формально противопоставление граммем активного и медиального залогов осуществляется с помощью флексии, см. табл. 5 (активные окончания) и табл. 6 (медиальные окончания); следует, однако, помнить, что медиальные окончания встречаются несравненно реже активных, а в некоторых граммемах вообще малоупотребительны (прошедшее время, кроме 3-го лица ед. ч., оптатив, кроме 3-го лица ед. ч. и 1-го лица мн. ч., императив, кроме 2-го лица ед. ч.).

Вторая модель, описывающая залоговые отношения палийского глагола, строится на противопоставлении тоже двух граммем — на этот раз активного и пассивного залогов, различающихся в зависимости от наличия дифференциального признака обращенности на объект действия (активный залог) или необращенности на объект действия (пассивный залог), см. табл. 22d (вторая модель). Эта схема, по сути дела, соответствует тому, что наблюдается во всех палийских текстах — и ранних и поздних. Однако если для поздних текстов она является единственной возможной при описании залоговых отношений и выступает в частом виде, то применительно к более ранним текстам эта схема выступает в усложненном виде (активный — пассивный — медиальный залоги): собственно говоря, комбинация первой и второй моделей и описывает взаимное отношение граммем залогов в ранних палийских текстах. Различие активного и пассивного залогов полнее всего выражено в настоящем времени и в причастиях несовершенного вида, менее полно в формах будущего времени (например, *raiplāyissati* 'он будет познан' в презенсе *raiplāyuati*) и, наконец, лишь в редких формах прошедшего времени (ср. *vittissi* 'он был освобожден', *chijji* 'он был сломан'); о характере противопоставления граммем этих двух залогов в причастиях совершенного вида см. ниже.

Весьма важно подчеркнуть, что противопоставление активного и пассивного залогов в плане содержания (применительно к личным формам) должно интерпретироваться не как

«деятель совершает действие» (актив); «действие совершается деятелем» (тассив), а непременно как «деятель совершает действие» (актив); «действие совершается без участия деятеля, само по себе» (пассив). Поэтому при упоминании деятеля, как правило, оказывается предпочтение активному залогу. Следовательно, противопоставление активного и пассивного залогов допустимо интерпретировать и несколько иначе — как противопоставление переходно-личного действия непереходно-безличному действию (о целесообразности такой интерпретации будет сказано особо). Ср. *kumārikā rāṇasālāya nisiditvā kandamūlādīni pacati*. Джат. 329 'сидя в лиственной хижине, девица варит разные клубни и корни', но там же: *atha naṭ sā «nisida yāva pacati»*. Джат. 329 'она ему тогда [говорит]: «посиди, пока варится»'; *devassa kho dānaṭ dīyati amhākaṭ dānaṭ na dīyati. Sādhū mayaṭ pi devaṭ nissāya dānāni dadeyyāta, rūḍhāni kareyyāta ti*. Самьютта-ник. I, 58 'только богу дается дар, нам дар не дается. Так дадим же дары для бøга, окажем [ему] почести!' С такой интерпретацией согласуется, в частности, положение вешней, наблюдаемое в причастиях совершенного вида, когда они выступают в предикативной функции. Различий по залогу между причастиями совершенного вида, строго говоря, не существует, поскольку для каждого данного глагола в этой форме нет выбора между граммемами залога; в отличие от причастий несовершенного вида (где этот выбор возможен, ср. от глагола *dā-* 'давать' — *dadant-* 'дающий' — активный залог, *dīyatāna* 'даваемый' — пассивный залог) здесь все подчинено отношению переходности — непереходности, которое автоматически определяет активное (у непереходных глаголов: *gacchati-* 'идти' — *gata-* 'ушедший') или — хотя это не обязательно — пассивное (у переходных глаголов: *dadāti-* 'давать' — *dinna-* 'данный') значение причастий; следовательно, о залоговых отношениях у причастий совершенного вида можно было бы говорить лишь в том смысле, что они проявляются не в пределах парадигмы данного глагола, а в пределах всего класса причастий совершенного вида на основе принципа дополнительной распределительности. В свете сказанного разницу между *rūpa ca bhaṇitāt*. Мил.-паньха 177 'и далее (соств. — снова) сказано'; *aparabhāge tassa bhikkhuno sā kiriyā bhikkhusatghe pākaṭā jātā*. Джат. II, 210 'в дальнейшем поступок этого бхикшу был обнаружен в монашеской общине', с одной стороны, и *bhāsitāt p' etam mahārāja Bhagavatā*. Мил.-паньха 243 'ведь это сказал Благословенный, о великий царь' (букв. 'сказано Благословенным'); *Sariputta kiṭ te laddhan' ti. Āharo, bhante' ti*. Дхаммап.-Аттак. II, 145 'Сарипутта, что ты получил? Еду, о господин' (букв. 'что тобой получено?'), с другой стороны, можно

трактовать как различие между пассивными и активными формами (хотя формально они одинаковы), поскольку оно по-коится на противопоставлении непереходно-безличного и переходно-личного действия (случаи, являющиеся формулами вроде *evaṭ te sutāṭ* 'так я слышал', букв. 'так мной услышано', представляют собой пример редукции полной конструкции с переходно-личным действием).

Выдвинутое здесь предположение подтверждается в пределах данного состояния языка и разницей в трансформационных возможностях. Так, вышеупомянутая фраза *bhāṣītaṭ p' etam mahārāja Bhagavatā* преобразуется в следующую: *Bhagavāt mahārāja etam abhāsi* с тем же значением (иначе говоря, прач. сов. вида + вин. пад. + твр. пад. → им. пад. + лично. форма глагола + вч. пад.), тогда как *rūpa ca bhanītaṭ* не подвержено такой трансформации.

В плане выражения противопоставлению граммем активного и пассивного залогов соответствуют различия в структуре основ. Основа форм пассивного залога характеризуется суффиксом *-ya-/i-ya-*; алломорф *-i-ya-* выбирается при образовании пассивного залога у производных и каузативных глаголов (*māriyati* 'он убиваем' пассив от каузатива *māreti* 'он убивает' при *marati* 'он умирает', актив); во всех остальных случаях выбирается алломорф *-ya-*. После гласной он выступает в чистом виде (*ñāyati* 'он известен' при *jānāti* 'он знает', *sūyati*, *suuyati* 'он слышен' при *sunāti* 'он слышит'), а после согласной в виде *-a-* с предшествующей геминированной согласной (*paccati* 'он печется' при *pacati* 'он печет', *bajjhati* 'он привязывается' при *bandhati* 'он привязывает'). Наконец, в глаголах, корень которых оканчивается согласной *-h-*, алломорф *-ya-* выступает в прерывистом виде (ср. *gayhati* 'он охватывается' при *gañhati* 'он хватает', *uuuhati* 'он увозится' при *vahati* 'он везет'); особая форма пассивного залога у глагола *karoti* 'он делает' — *kayirati* 'он делается'.

В отдельных случаях (особенно в причастиях на *-tāna-*) различие между граммемами залогов осуществляется с помощью флексий, ср. использование медиальных окончаний в формах пассивного залога.

Особо следует сказать о категории, условно называемой «производностью» (глагольного действия). Под нею разумеется такая категория, которая указывает, предполагает ли данное действие это же самое действие в качестве исходного или не предполагает его. Иначе говоря, эта категория указывает на степень производности данного действия от тождественного ему по значению действия (два действия считаются тождественными, если выражают ими глаголами при исключении грамматических характеристик соответствует одна семема; «пить» и «поить», «есть» и «кормить» выражают

соответственно тождественные по значению действия, поскольку «поить»=«пить»+каузативность, а «кормить»=«есть»+каузативность [корм- аллосем *ед-* от *есть*]).

Категория производности глагольного действия в пали принадлежит к числу самых экстенсивных: она существенна в принципе для всех личных и всех неличных глагольных форм. Эта категория образуется наличием двух граммем — каузативности и некаузативности, противопоставленных друг другу в зависимости от значения дифференциального признака обращенности действия на него самого (т. е. на тождественное ему по значению действие), см. табл. 22е. Граммема каузативности характеризуется положительным значением признака обращенности действия на него самого, а граммема некаузативности — отрицательным значением этого признака, т. е. необращенностью действия на него самого.

Из сказанного видно, что категория производности глагольного действия во многих отношениях близка к категории залога, поскольку граммемы этих двух категорий предполагают всегда обращенность действия на субъект-объект (категория залога) или на само действие (категория производности). Поэтому все отношения, описываемые в пали с помощью этих двух категорий, могли бы получить отражение в единой модели, включающей пять элементов, дифференцируемых в зависимости от значения трех признаков (обращенность действия на субъект, объект и на само это действие). Реальная картина, наблюдаемая в пали, делает закономерным построение такой единой модели.

В плане содержания противопоставление некаузативности и каузативности целесообразно интерпретировать как различие между «делать что-либо» и «вызывать это действие», «заставлять совершать его», «быть его причиной». Ср. *idha mahārāja kocid-eva puriso mahāpaṭhaviyā tūle vā khāṇike vā pāsāṇe vā kaṭhale vā visame vā bhūtibhāge khalitvā patati; api ni kho mahārāja mahāpaṭhavī kūpitā tam pātetīti*. Мил.-паньха 187 'тут один человек, о великий царь, спотыкаясь на земле о корни и пни, о камни и гальку, о шероховатости, падает; а ведь это земля, разгневавшись, заставляет падать его'; *samsāra na bhavanti tādino*. Дхаммап. 95 'для такого [человека] не бывает сансар' при: *cittam bhāvehi ekaggat susamāhitam*. Сутта-нип. 341 'развивай мысль спокойную, сосредоточенную'. (букв. 'сделай, чтобы мысль была спокойной, сосредоточенной') В ряде примеров содержание противопоставления каузативности—некаузативности существенно осложняется (в крайних случаях — до появления разных семем), примеры см. далее. Характер указанного противопоставления определяется в зависимости от того, является ли некаузативный глагол переходным или непереходным; от этого зависит структура цепочки глаголов от

одного и того же корня, рассматриваемых с точки зрения их отношения к объекту и субъекту (см. табл. 25). Таким образом, переходность некаузативного глагола вызывает подключение к противопоставлению каузативности — некаузативности еще пассивной формы глагола, тогда как непереходность некаузативного глагола определяет исходное положение данной глагольной формы и отсутствие переходных некаузативных глаголов от соответствующего корня. Реальность цепочек такого рода станет еще более очевидной, если добавить, что в пали можно в ряде случаев образовать каузатив от другого каузатива (соответственно — каузатив II и каузатив I) и пассив от каузатива, за счет чего цепочка увеличивает число членов. Вот две цепочки, проиллюстрированные примерами: *vindati* 'он знает': *attho mayhaṭ na vijjati*. Сутта-нип. 431 'смысл мне неизвестен' (пассив); *pubbenivāsaṭ sō vedī... taṭ ahaṭ brūmi brāhmaṇaṭ*. Джаммап. 423 'кто знает [свое] прежнее обиталище... того я называю брахманом' (переходный некаузативный); *taṭ vāpi dhīrā tūniṭ vedayanti*. Сутта-нип. 212 'именно его мудрецы называют брахманом (каузатив); *na 'tthi bhante vinā kammaṇa vedayitaṭ, sabba i-taṭ vedayitaṭ kamma-mūlaṭaṭ, kammaṇe*'eva *vediyati*. Мил.-паньха 134 'не может быть, о почтенные, [ничто] испытано без кармы; все, что испытывается, имеет корни в карме; только благодаря карме все испытывается' (пассив каузатива). *Tiṭṭhati* 'он стоит': *uuyogatukhe ca tiṭṭhasi*. Джаммап. 235 'ты стоишь перед лицом смерти' (непереходный некаузативный глагол); *sō kira ekadivasaṭ... amitavīhirāsito vīhiṭ gaheṭvā lakkhaṭ ṭhapesi*. Джат. II, 378 'он однажды... взял рису из кучи, поставил метку' (каузатив I); *ti vatvā tassa ābharaṇāni omīṣcapetvā ekamante ṭhapāpetvā taṭ pabbājetvā therassa sāsanāṭ rahiṇītsu*. Джаммап.-Атхак. II, 191 'так сказав, приказав снять с него украшения, поставить его в стороне [и] сослать его, они отправили приказ монаху' (каузатив II).

В плане выражения противопоставление некаузативности — каузативности реализуется благодаря различию в строении соответствующих основ. Каузативные глаголы характеризуются основами с элементами *-e-/aya-* и *-āpe-*. Что касается основ на *-āpe-*, то они образуются от ряда глаголов с исходом корня *-ā* (ср. *dā — dāpeti*, *ñā — ñāpeti* и т. п.) и от различных производных основ, не говоря уж об основах презенса (ср. *pacati*—*pacāpeti*, *pucchati*—*pucchāpeti*, *jānāti*—*jānāpeti* от основы презенса; *ṭhāpeti*—*ṭhapāpeti*, *kāreti*—*kārāpeti*, *māreti*—*mārāpeti* от основы каузатива I и т. п.). Основы на *-e-/aya-* (выбор между этими алломорфами факультативен) характеризуются долготой или полной звуковой ступенью гласной фонемы корня в тех случаях, когда корень

подвержен чередованию; ср. *deseti* 'он показывает', *bhāyayati* 'он пугает', *sodheti* 'он очищает', *sāveti* 'он сообщает', *tāpeti* 'он сжигает', *māreti* 'он убивает', *gāmeti* 'он отправляет' и др.

Выше указывалось, что в палийском глаголе с помощью флексий различаются граммемы лица, числа, времени и наклонения (о медиальных флексиях, позволяющих в ряде случаев говорить о различении залогов, будет сказано особо). Наличие трех граммем лица, двух граммем числа, трех граммем времени, а также четырех граммем наклонения, из которых три косвенных наклонения не знают времен, объясняет существование 36 различных сочетаний граммем, различаемых с помощью флексии (любопытно, что 36 граммем характеризуют и именное склонение в пали). Для различения 36 граммем в глаголе используется 20 флексий, см. табл. 26. При этом девять флексий обслуживают более чем одно сочетание граммем (так, флексия № 10 используется для характеристики восьми сочетаний граммем, флексии № 2, № 4 и № 5 относятся к пяти сочетаниям граммем каждая, флексия № 1 — к четырем сочетаниям граммем, флексии № 3 и № 7 — к трем сочетаниям граммем каждая, а флексии № 6, № 13, № 14 и № 19 — к двум сочетаниям граммем каждая). Поэтому табл. 5 требует некоторых дополнительных разъяснений.

Во всех сочетаниях граммем, обслуживаемых флексиями № 1, № 4 и № 15, гласная фонема, предшествующая флексиям, продлевается. Для выражения сочетания граммем VII флексия № 7 выбирается при основе Ia, II и в качестве варианта при основе III; флексия № 8 — при основе Ib, флексия № 9 — при основе III. В сочетании граммем VIII флексия № 10 выбирается при основе Ia (нулевая флексия в этом случае может реализоваться двояко, ср. *ad* и *adā*), II (с удлинением тематической гласной, ср. *agatā*) и III; флексия № 2 выбирается при основе Ib. Для выражения сочетания граммем IX используется то же распределение флексий, что и в сочетании граммем VIII (разница лишь в том, что при основе Ia возможен лишь один вариант реализации флексии — *adā*). В сочетании граммем XI флексия № 5 используется при основе II; в остальных случаях употребительна флексия № 12. В сочетании граммем XII флексия № 13 характеризует основу Ia (в обоих вариантах) и II (речь идет только о варианте *-it*); в остальных случаях выбирается флексия № 14. Для выражения сочетания граммем XXV и XXVI используются соответственно флексии № 18 и № 19, причем между исходом основы *-e-* и флексией выступает геминированная фонема *-y- — -yy-*. Для выражения сочетания граммем XXV, XXVI и XXVII флексии (соответственно) № 1, № 2 и № 3 выбираются при основе на *-eyyā-*. В сочетании граммем XXVIII флекс-

сия № 20 используется при основе на *-e-*. Для выражения сочетания граммем XXXVI используется лишь вариант *-tsi*.

Как видно, табл. 26 предполагает ориентацию на вторую модель залоговых отношений, которая, собственно говоря, не различает активного и медиального залогов. Если исходить из первой модели залоговых отношений, характеризующейся противопоставлением этих двух залогов (см. выше), то приходится принять еще 30 различных сочетаний граммем, различаемых с помощью 18 флексий (из них 17 присущи исключительно тем сочетаниям граммем, которые включают граммему медиального залога), см. табл. 27. При этом семь флексий обслуживают более чем одно сочетание граммем (так, следующие флексии используются соответственно для характеристики двух сочетаний граммем: № 5—XLV, LXIII, № 21—XXXVII, LV; № 29—XLIV, XLII; № 32—XLVI, LXIV; № 34—XLVIII, LXVI; флексия № 25 обслуживает три разных сочетания граммем — XL, LVIII, LXIV; флексия № 33 — также три сочетания граммем — XLVII, LIX, LXV).

В сочетаниях граммем, обслуживаемых флексией № 25, гласная фонема, предшествующая флексии, пропадает в XL и в LVIII. Для выражения сочетания граммем XL обычно выбирается флексия № 24; флексия № 25 употребляется крайне редко. Для выражения сочетания граммем XLIV флексия № 29 выбирается при основах претерита типа I и II, а флексия № 30 — при основах претерита типа III. Для выражения сочетания граммем XLV флексия № 5 выбирается при основах претерита типа I и II, а флексия № 31 — при основах претерита типа III. Для выбора флексии (№ 27 или № 28), выражающей сочетание граммем XLII, трудно сформулировать сколько-нибудь определенное правило. Сочетания граммем LXIII и LXI не имеют для своего выражения флексий, отличных от активных (см. флексии для VII); в таблице же 27 указаны лишь те флексии, которые имеют противопоставленные им соответствующие флексии в табл. 26.

Таким образом, для синтезирования всех членов парадигмы спряжения необходимо знать следующее: 1) тип основы (непременно) и 2) морфонологические правила присоединения заданных списком флексий (см. табл. 26 и 27) к основе. Последние правила просты и не нуждаются в пояснении, по крайней мере в этом месте. Зато необходимы некоторые разъяснения в связи с информацией о типе основы при каждом глаголе в словаре, исходном при синтезе. В простейшем случае (у глаголов так называемого продуктивного спряжения) достаточно знать лишь одну основу — презентную, а также автоматически действующие правила перехода: к основе претерита (прибавление слева аугмента *a-*), к основе будущего времени (прибавление справа *-issa* к основе презенса без

последней гласной), к основе ирреального наклонения (комбинация двух предыдущих случаев *a... -issa-*, иначе говоря, прибавление слева *a-* к основе будущего времени), к основе оптатива (прибавление справа *-e-* или *-euuā-* к основе презенса без последней гласной); что касается основ, выражающих противопоставления по залогу и по «производности», то их целесообразно рассматривать как отдельные элементы словаря, предназначенного для синтеза. Так, например, любая форма от глагола *gacchati* в продуктивном спряжении может быть образована при знании презентной основы *gaccha-* и автоматически порождаемых из нее основ *agacch-, gacchissa-, agacchissa-, gacche-*. В наиболее сложных случаях для синтеза нужно знать три основы (в редчайших случаях — четыре), не выводимых одна из другой: основу презенса, основу претерита, основу будущего времени (и для нескольких глаголов — основу оптатива); основы ирреального наклонения автоматически выводятся из основ будущего времени прибавлением слева аугмента *a-*, а основы оптатива, кроме минимального числа нерегулярных образований, — прибавлением *-e-* или *-euuā-* к презентной основе без последней гласной. Например, для синтеза форм глагола *karoti* необходимо знать основу презенса *karoti*, основу претерита *akā-si*, основу будущего времени *kāhā-mi*, основу оптатива *kayirā-* (или *kuriyā-*). Если знания основы в указанном общем виде недостаточно для синтеза данного сочетания граммем (случай, когда этому сочетанию граммем соответствуют в табл. 26 и 27 несколько флексий), то следует осуществить проверку основ с точки зрения более конкретного анализа. Например, для синтеза сочетания граммем VII (1-е л. ед. ч. прош. вр. изъяв. накл.) нужно знать не только то, что используется основа претерита, но и то, какая из претеритальных основ: флексия № 7 выбирается при основах Ia, II (изредка при основе III), флексия № 8 — при основе Ib, флексия № 9 — при основе III. При синтезировании сочетания граммем XXV (1-е л. ед. ч. оптатив) выбор флексии (№ 1, № 10 или № 18) возможен при более точном знании основы (например, флексия № 1 выбирается лишь при основе на *-euuā* и т. п.). Эти и подобные им случаи противостоят более простым. Так, для синтеза сочетания граммем III (3-е л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл.) достаточно знать лишь основу презенса.

Из сказанного выше видно, что для японского языка характерна высокая степень предсказуемости типа флексий в зависимости от структуры основы: первичная флексия, как правило, выступает после презентных основ, основ будущего времени, основ оптатива на *-euuā-*; вторичная флексия обычно выступает при основах претерита, при основах оптатива не на *-euuā* и при основах ирреального наклонения. Лишь относительно неболь-

шое число форм нарушает эту закономерность (так, при основах презенса могут выступать и не-первичные окончания, ср. формы повелительного наклонения: в 1-м лице ед. ч. буд. вр. при основах будущего времени допустима и вторичная флексия и т. п.).

Подкласс причастий, входящий наряду с подклассом личных глагольных форм в класс глагола, может быть описан как результат взаимодействия класса глагола с классом имени (точнее с подклассом прилагательных). С классом имени подкласс причастий объединяется наличием категорий рода, числа и падежа. При этом уместны два замечания: во-первых, каждый из составляющих этот подкласс элементов обладает свободой выбора рода, числа и падежа, определяемого в зависимости от соответствующих граммем связанного с этими элементами слова (при этом, естественно, категория числа у причастий аналогична этой категории у прилагательных, а не у глагола, где она предполагает указание на участника события); во-вторых, из всего класса глагола только для подкласса причастий характерны категории рода и падежа. С классом глагола подкласс причастий объединяется наличием категорий вида, залога и «производности». Если противопоставление «именных» граммем подкласса причастий выражается с помощью флексий, то противопоставление «глагольных» граммем (различия по виду, залогу и производности) выражается с помощью основ.

Противопоставление граммем совершенного и несовершенного вида в подклассе причастий выражается с помощью различия основ на *-ta-*, *-pa-* (совершенный вид), с одной стороны, и основ на *-nt(a)*, *-tāna-* (несовершенный вид) — с другой. Противопоставление граммем активного и медиального и активного и пассивного залогов осуществляется лишь у причастий несовершенного вида и выражается разницей основ: презентная активная основа на *-nt(a)-* (активный залог) — презентная основа на *-tāna-* (медиальный залог); *passant* — 'смотрящий' — *labhamāna* — 'получающий себе' или *carant* — *caramāna-*, *gacchant* — *gacchatāna-*, *tiṭṭhant* — *tiṭṭhamāna-* и др. со стершейся разницей в значении; презентная активная основа на *-nt(a)-* (активный залог) — презентная пассивная основа на *-tāna-* (пассивный залог); ср. *dadant(a)-* 'дающий' — *dīyatāna-(diyyatāna-)* 'даемый', *jayant(a)-* 'побеждающий' — *jīyyatāna-* 'побеждаемый'. Противопоставление граммем каузативности — некаузативности, образующих категорию производности глагольного действия, выражается во всех формах причастий благодаря различию основ: некаузативная основа — каузативная основа, ср. *tiṭṭhant(a)-* 'стоящий' — *ṭhāreuyant(a)-* 'ставящий', *ṭhita-* 'стоявший' — *ṭhapita-* 'поставленный'.

Формы причастий на *-tabba-*, *ānīya-*, *-apeyya-*, *-ya-*, *-tāya-* (*-tayya-*), *-teyya-*, обычно трактуемые как пассивные причастия будущего времени, не знают различий по виду; что касается залоговых различий, то они полностью определяются переходностью или непереходностью глагола и таким образом связаны с его лексическим значением. Ср. *gahetabba*- 'долженствующий быть взятым' (пассивное значение) — *vattabba*- 'могущий существовать' (активное значение). Причастия этого типа целесообразно рассматривать как особую словообразовательную категорию причастий со значением долженствования. В разделе словообразования объясняются и некоторые эвентуальные причастные образования [на *-vant(a)-*, *-āvin-* и др.].

Особый подкласс глагола образуют инфинитив, выражающий идею глагольного действия в чистом виде, и абсолютив, обозначающий побочное глагольное действие. Они объединяются тем, что в них из всех грамматических категорий, свойственных глаголу, выражена лишь одна — категория производности глагольного действия. Ср. *thatum* 'стоять' — *thapetum* 'ставить', *thatvā* 'став' — *thapetvā* 'поставив'. Обычно инфинитив выражается присоединением к корню или к основе презенса элемента *-tum* (непосредственно или с помощью *-i-*), ср. *gam-* — *gantum* 'идти', *gacch(a)-* — *gacchitum* 'идти'. В более старых текстах отмечены инфинитивы на *-tave* (*s̄tave* 'слышать', *netave* 'вести'), *-tāye* (*pucchitāye* 'спрашивать'), *-tuye* (*marituye* 'умирать', *hetuye* 'быть'); наконец, иногда выступают инфинитивные образования на *-(a)nāya*, совпадающие с формой дательного падежа отглагольных имен; ср. *sa-vanāya* 'слышать', *dassanāya* 'видеть'. Абсолютив выражается присоединением к корню или к основе презенса элемента *-tvā* (в поэзии встречается его вариант *-tvāna* непосредственно или с помощью *-i-*, ср. *gam-* — *gantvā* 'пойдя', 'пошли', *nī-* — *netvā* 'поведя', 'поведши', *rāriṇ-* — *rāriṇitvā* 'достигая', 'достигнув'), элемента *-ya* от глаголов, снабженных префиксом (ср. *abhi-bhū-* — *abhibhūya*, *abhibhuuya* 'превзойдя', *ā-dā-* — *ādāya* 'взяв', *nī-sīd-* — *nīsīdiya* 'садясь', 'сев'). Гораздо реже выступают абсолютивы на *-tūna* (*gam-* — *gantūna* 'пойдя', *kar-* — *kātūna* 'делая', 'сделав') и на *-yāna* (*ud-tar-* — *uttariyāna* 'покрыв', *o-vad-* — *ovadiyāna* 'убедив', 'увещевав').

Парадигмы спряжения класса глагола:

I <i>labhāmi</i>	IV <i>labhāma</i>	VII <i>ahum</i> , <i>agamat</i> , <i>ahosim</i> , <i>agamisaṁ</i> , <i>agamit</i>
II <i>labhasi</i>	V <i>labhatha</i>	VIII <i>ahū</i> , <i>agatā</i> , <i>ahosi</i> , <i>agami</i>
III <i>labhati</i>	VI <i>labhanti</i>	IX <i>ahū</i> , <i>agatā</i> , <i>ahosi</i> , <i>agami</i>

X	<i>ahumha, agamāma, ahumha, ahesumha, agamimha</i>	XIII	<i>bhavissāmi, bhavissam</i>
XI	<i>(ahuttha), agamatha, (ahuttha) agamittha</i>	XIV	<i>bhavissasi</i>
XII	<i>ahū, ahum, agamum, ahesum, agamimsu</i>	XV	<i>bhavissati</i>
XVI	<i>bhavissāma</i>	XIX	<i>labhāmi</i>
XVII	<i>bhavissatha</i>	XX	<i>labha, labhāhi</i>
XVIII	<i>bhavissanti</i>	XXI	<i>labhatu</i>
XXII	<i>labhāma</i>	XXIII	<i>labhattha</i>
XXIV	<i>labhantu</i>		
XXV	<i>labheyyam, labhe, labheyyāmi</i>	XXVIII	<i>labhema, labhemu, labheyyāma</i>
XXVI	<i>labheyya, labhe, labheyyāsi</i>	XXIX	<i>labhetha, labheyyātha</i>
XXVII	<i>labheyya, labhe, labheyyāti</i>	XXX	<i>labheyyum, labheyyu</i>
XXXI	<i>abhavissam</i>	XXXIV	<i>abhavissāma</i>
XXXII	<i>abhavissa</i>	XXXV	<i>abhavissatha</i>
XXXIII	<i>abhavissa</i>	XXXVI	<i>abhavissamsu</i>
XXXVII	<i>labhe</i>		
XXXVIII	<i>labhase</i>		
XXXIX	<i>labhate</i>		
XL	<i>(labhamhe)</i>	XLIII	<i>(agamaṁ)</i>
XLI	<i>(labhavhe)</i>	XLIV	<i>pucchittho</i>
XLII	<i>labhante, labhare</i>	XLV	<i>abhāsatha</i>
XLVI	<i>akaramhase</i>		
XLVII	<i>(agamivho)</i>		
XLVIII	<i>amaññarum</i>		
XLIX	<i>bhavisse</i>	LII	<i>bhavissamhe</i>
L	<i>bhavissase</i>	LIII	<i>bhavissavhe</i>
LI	<i>bhavissate</i>	LIV	<i>bhavissante</i>
LV	<i>labhe</i>		
LVII	<i>labhassu</i>		
LVIII	<i>labhāmase</i>	LXI	<i>(labheyyam)</i>
LX		LXIV	<i>labhemase</i> <i>(labheyyamhe)</i>
LIX	<i>labhavho</i>	LXII	<i>labhetho</i>
LX	<i>labhantam</i>	LXIII	<i>labhetha</i>
LXV	<i>(labheyyavho)</i>		
LXVI	<i>(labheram)</i>		

gacchant(a) — прич. несов. вида акт. зал.

labhamāna — прич. несов. вида мед. зал.

gata- — прич. сов. вида

gantabba- — прич. долженств.

gantum — инфинитив

gantvā — абсолютив

Примечание. В скобках даны теоретически конструируемые формы. Там, где от глагола *labh-* формы не засвидетельствованы или строятся не вполне наглядно, приведены соответствующие формы от других глаголов.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Разрешающая способность синтаксического уровня в пали зависит от инвентаря элементарных синтаксических конструкций и правил построения из них предложений.

Под элементарными синтаксическими конструкциями (ЭСК) понимаются минимальные сегменты текста, в пределах которых реализуются все известные типы связей между словами в простом предложении. ЭСК, как правило, сводимы к двучленным конструкциям. В зависимости от характера отношений между членами ЭСК различаются случаи подчинительной и сочинительной связи. Подчинительная связь выражается в виде управления, согласования или примыкания; различия между ними — в распределении грамматической информации между членами конструкции: при согласовании один и тот же набор граммем характеризует все члены данной конструкции и, следовательно, допускается скобочная запись с вынесением за скобки общей грамматической информации, например: *Adj N sg masc + Nom N sg masc = N sg masc (Adj + Nom)*; при управлении каждый член конструкции характеризуется собственным сочетанием граммем, что делает невозможной скобочную запись (при этом набор граммем одного члена определяет выбор по крайней мере одной граммемы в другом члене); при примыкании один из членов конструкции или вообще не характеризуется набором граммем, или обладает минимальным набором граммем, связанных друг с другом столь жестко, что никакая замена граммем с сохранением грамматической осмыслинности невозможна (иначе говоря, один из членов конструкции является неизменяемым словом).

Далее используются следующие символы: *Adj* — прилагательное, *Adv* — наречие, *C* — классы полнозначных слов, *Союз*, *Nom* — имя, *Part* — причастие, *Pcl* — частица, *Praep* — предлог, *Subst* — существительное, *Vb* — глагол, *absol* — абсолютив, *fin* — личная форма глагола, *inf* — инфинитив, *nominat* — им. пад., *acc* — вин. пад., *instr* — твор. пад., *gen* — род. пад., *abl* — отлож. пад., *loc* — местн. пад., *obliq* — косв. пад., *-āya* — непарадигматическое образование со значением цели.

I. Подчинительная связь

А. Управление

а) имя в качестве определяющего элемента.

↓ |
1. *Nom_{acc} + Nom*

(*Asādhusannivāso nāta* ‘По имени Асадхусанниваса’, *mātā-pitaro daṭṭhukāmo* ‘желающий видеть родителей’, *nagarat*

pavīṭṭhakāle 'во время въезда в город'; эта ЭСК реализуется или в идиоматизмах, подобных первому примеру, или в случаях, когда в состав определяющего члена входит глагольный элемент, ср. выше *daṭṭhi*, *pavīṭṭha*, поскольку отношения такого рода более характерны для глагола, а не для имени).

↓ |
2. Nom_{instr} + Nom

(*kena attho?* 'в чем нужда?', *aggina attho* 'в огне нужда', *Sujātā nāmena* 'по имени Суджаты', *ākāsenā caritukāmo* 'желающий идти по небу', как и в 1, эта ЭСК предпочтительно употребляется в случаях, когда в состав определяющего члена входит глагольный элемент, ср. *caritu*).

↓ |
3. Nom_{gen} + Nom

(*dukkhassa sambhāvo* 'природа горя', *ambassa sakkāro* 'почтание дерева манго', *tesam jettebhātā* 'из них старший брат', [*catu*] *pañhassa kusalō* 'искусный в [четырех] вопросах'; *vedānam pāragū* 'овладевший ведами').

↓ |
4. Nom_{at1} + Nom

(*rajjato seyyo* 'лучшее, чем царство'; следует заметить, что в качестве Nom здесь обычно выступает прилагательное).

↓ |
5. Nom_{loc} + Nom

(*bale sahāyatā* 'помощь у глупца', *dhammesu ācariyamūṭhi* 'зажим в отношении дхамм', *seṭṭho manussesu* 'лучший среди людей').

↓ |
6. Vb_{inf} + Nom

(*dātum samattho* 'подходящий для давания'; в этой ЭСК в качестве Nom обычно выступает прилагательное).

b) Глагол в качестве определяющего элемента.

↓ |
7. Nom_{acc} + Vb

(*atītam āhari* '[он] рассказал прошлое', *Bhagavantam ajjhabhāsi* 'он обратился к Благословенному', *vīthim gacchanto* 'идущий по улице'; в этой ЭСК в качестве Vb могут выступать как личные, так и неличные формы).

↓ |
8. Nom_{instr} + Vb

(*hatthena pahamsitvā* 'ударив рукой', *gathāyo ajjhabhāsi*

'он обратился со стиком', *dakkhiṇadvārena nikkhamaṇpesum*
 'они вывели через юные ворота', *tassānubhāvēna uppatitvā*
 'подпрыгнув от его великолепия', *Bhagavatā bhaṇitam* 'сказано Благословенным', *mayā [gantum] vatṭati* 'мне надо идти').

↓
9. Nom_{gen}+Vb

(*tassa [ratanāni] bhaṇīti* 'у него есть [сокровища]', *hat-thinam* [*dikkham*] *upajati* 'у слонов возникает [неприятность]', [*taṇikkhandham*] *te āhara* 'принеси мне [драгоценность]', *bhāyanti maccū* '[они] боятся смерти', *tassa datvā* 'дав ему', *tassa katto* 'сделанное им', *tassa kīlātassa...* '...когда он играл...' [в конструкциях genitivus absolutus]).

↓
10. Nom.-āya+Vb

(*vadhāya parisakkati* '[он] пытается убить', *attaghaññāya phallati* 'приносит плоды для собственного уничтожения'; в этих случаях речь идет об управлении со стороны глагола именем на -āya, рассматриваемым здесь как непарадигматическое образование со значением цели).

↓
11. Nom_{abl}+Vb

(*nagarā nikkhamaṇpesum* 'вывели из города', *danṭabhayā tasati* '[он] трясется от страха [перед наказанием]').

↓
12. Nom_{loc}+Vb

(*Bārāṇasiyat ahosi* '[он] был в Бенаресе', *purāṇagāmat-ṭhāne caranto* 'идущий в разрушенную деревню', *atite ahosi* 'был в прошлые времена', *vanacārake pucchitvā* 'спросив у садовника', *evarūpe patiṭṭhahāmi* '[я] нахожу опору в такой добродетели').

с) предлог или послелог в качестве определяющего элемента (в данном случае имеются в виду не только первообразные предлоги и послелоги, но и слова других классов, обладающие способностью выступать в функции предлогов и послелогов; и те и другие рассматриваются вместе в 13–17 условно [Praep], так как для ЭСК как таковых порядок элементов признается несущественным).

↓
13. Praep + Nom_{acc}

(в качестве предлога [или иногда послелога] могут выступать: *adhi* 'до', 'к', *api* 'через', 'в течение', *paṭi* 'к', 'по направлению', 'против', 'вблизи'; слова, которые в других контекстах могут быть наречиями: *antarā* 'в', 'внутри', *pacchā*

‘позади’, ‘после’, *yathā* ‘в соответствии с’, *yāva* ‘до’, ‘вплоть до’, *vinā* ‘без’, *samantā* ‘повсюду в’; слова, совпадающие по форме с абсолютивами: *anvāya*, *āgatma*, *upadāya*, *paṭicca* ‘из-за’, ‘по причине’, *tiñcītvā*, *tiñcīyā*, *thapetvā* ‘исключая’, ‘кроме’, *ārabbha* ‘начиная с’, ‘принимая во внимание’, ‘в отношении’, *sandhāya*, *abhisandhāya* ‘в отношении’, ‘касаюсь’, ‘вблизи’, ‘на’, *nissāya*, *upanissāya* ‘посредством’, ‘из-за’, *uddissa* ‘в отношении’, ‘ради’, *ādāya*, *gaheṭvā* ‘с’, ‘вместе с’ и т. д.; ср. *anu vassat* ‘в течение года’, *paṭi vātāt* ‘против ветра’, *antarā ca Rājagahaṭ antarā ca Nālandāt* ‘между Раджагахой и Наландой’, *yathā rucīt* ‘в соответствии со склонностью’, *samantā Vesālim* ‘повсюду в Весали’, *tāt ādāya* ‘с ним’, *upekham ārabbha* ‘в отношении беспристрастности’, *nissāya dhanat* ‘из-за богатства’ и т. д.).

14. Praep + Nom_{instr}

(в качестве Praep могут выступать предлоги *vinā* ‘без’, *sahā* ‘с’, а также некоторые другие слова: *saddhim* ‘с’, ‘вместе с’, *aññatra* ‘исключая’, ‘кроме’, *alam* ‘довольно’, ‘хватит’, *kim* ‘что’, ‘зачем’, ср.: *purisehi vinā* ‘без людей’, *duti-yena saha* ‘вместе со спутником’, *bhikkhusaṭghena saddhim* ‘с монашеской общиной’, *kim [me dāni] gharāvāsena?* ‘зачем [мне теперь] жизнь домохозяина?’, *alam ettakena* ‘довольно этого’).

15. Praep + Nom_{gen}

(в качестве Praep отмечены: *purato* ‘перед’, *pacchato* ‘позади’, *antarena* ‘между’, *accayena* ‘в конце’, *upari* ‘на’, *satiре*, *santike* ‘вблизи’, ‘рядом’, *sammukhā* ‘перед’ и др., ср. *yānakassa purato* ‘перед телегой’, *yānakassa pacchato* ‘позади телеги’, *tassa satiре* ‘рядом с ним’, *nibbānass* [eva] *santike* ‘[совсем] близко к нирване’).

16. Praep -! Nom_{abs}

(управляющим членом может быть абсолютив *paṭṭhāya* ‘начиная с’ и слова *yāva* ‘вплоть до’, *pacchā* ‘позади’, ‘после’, *bahiddhā* ‘вне’, *aññatra* ‘кроме’, ‘исключая’, *aññattha* ‘иначе, чем’, *ārā* ‘вдали от’, *param* ‘вне’, ‘по ту сторону’, *oram* ‘по эту сторону’, ‘вниз’, *uddham* ‘наверху’, ‘на’, *pūbbat* ‘перед’, *purā* ‘перед’ и др., ср. *ajjato paṭṭhāya* ‘с сегодняшнего дня’, *yāva brahmaṭokā* ‘вплоть до неба Брахмы’, *ārā pāṭam-damhā* ‘далеко от нерадивости’, *uddham pāṭatalā* ‘над ступней’ и др.).

17. Praep + Nom_{loc}

(кроме *anu* 'вдоль', 'по', 'на' и *adhi* 'на', 'наверху' в качестве Praep выступают *yathā* 'в соответствии с', *upari* 'на', ср. *anu tīre* 'на берегу', *yathā padese* 'в соответствии с [правильным] местом' и др.).

В. Согласование

а) имя существительное в качестве определяющего элемента.

18. Adj + Nom = Subst

(место управляемого элемента наряду с собственно прилагательными могут занимать указательные и некоторые другие местоимения, порядковые числительные, иначе говоря, слова, располагающие тем же набором граммем, что и прилагательное; место управляющего элемента может занимать и местоимение, заменяющее имя существительное; ср. *jaro puriso* 'старый человек', *itam lokaṁ* 'этот мир', *sabbesu dhammesu* 'во всех дхаммах', *tatiye saṁvacchare* 'на третий год', *[etaṁ] taṅgalam uttamam* '[это] предназначение — лучшее', *ko... [taṁ] cāvetukāto* 'кто [меня] желающий отвлечь?' и др.).

19. Part + Nom = Subst

(в качестве управляющего элемента может выступать и местоимение, см. 18; ср. *Satthā [Veḷuvane] viharanto* 'Учитель, проживающий [в Велуване]', *so [hatthīhi] upadduto* 'он, раздраженный [слонами]', *tume icchatānā* 'вы, желающие', *sūkarāt niddāyantam (disvā)* '[увидев] свинью спящей'; *vacanāt bhaṇitaṁ* 'речь произнесена', *rañho vibhatto* 'вопрос разрешен', *so mato* 'он подумал' [букв. 'он подумавший'], *Brahmadatte [rajjaṁ] kārente* 'когда Брахмадатта правил', *[imasmiṁ] tale pahāte* 'когда по [этой] поверхности будут ударять' [locativus absolutus в двух последних примерах]).

20. Nom + Nom

(элементами этой ЭСК могут быть и некоторые местоименные слова, хотя обычно оба элемента выражаются существительными, ср. *kassakā-bhātaro* 'землепашцы-братья', *Kokāliyo bhikkhu* 'Кокалия бхикшу'; *taŋam sabbe* 'мы — все'; *rājā mukham [manussānam]*, *[nadīnam] sāgaro mukham* 'царь — глава [людей], океан — глава [рек]' и т. д.; определяющим элементом здесь разумно считать тот, который харак-

теризуется большим набором граммем, ср. *mayat bhikkhavo* 'мы — бхикшу', где считается, что *bhikkhavo* определяет *mayat*, поскольку оно имеет граммему рода, отсутствующую в *mayat*).

б) Глагол в качестве определяющего элемента.

21. \downarrow
Nom_{nominat} + Vb_{fin}

(*Sattā āhari* 'Учитель сказал', *pare [ca] na vijānanti* '[ведь] некоторые не знают', *[jālam] ukkhipantā... adaṭsu* 'вытаскивающие [сеть]... отдали').

С. Примыкание

а) Глагол в качестве определяющего элемента.

22. \downarrow
Adv + Vb

(*atha āha* 'тогда [он] сказал', *evaṭ [me] sutat* 'так [мною] услышано', *idha socati* 'здесь [он] сетует', *tena [hi] gaccha* 'туда [и] иди', *ti vatvā* 'так说了', *bhiyyo tappati* [он] страдает еще больше').

23. \downarrow
Nom_{nominat} + Vb_{absol}

(*Sattā vatvā* 'Учитель,说了', *mahanadī hutvā* 'став большей рекой', *so [rājā] hutvā* 'он, став [царем]'; как видно, в качестве управляемого члена может быть и местоимение).

24. \downarrow
Vb_{inf} + Vb_{fin}

([*mayā*] *gahetum vat̄tati* '[мне] придется взять', *nikkhamitum nāsakkhi* 'не мог выйти', [*mayat*] *aññātum icchāta* '[мы] хотим узнать').

б) В качестве определяющего элемента выступает любой класс полнозначных слов.

25. C (Nom ∨ Vb ∨ Adv) + Pcl

(*Sattā rāpa* 'Учитель же', *dutiyat ri* 'во-вторых же', *ambarukkho ri* 'ведь манговое дерево', *handa dema* 'ну дадим', *accagā vata* 'ведь [он] преодолел', *pubbe rāpa* 'еще раньше' и др.).

II. Сочинительная связь

26. C+C

(*mittātassā nātisālohitā* 'друзья [и] родные', [*lokat*] *sadevakat samārakat* '[мир] божественный [и] человеческий',

nadati ravati '[он] шумит [и] ревет', *[so]... gaheṭvā cintetvā*, '[он]... взяв [и] подумав').

27. С_{Со}+С_(Со)

([*santā*] *vācā ca kamma ca* '[спокойно] и слово и деянье', *attham dhammat ca* [*dīpeti*] '[объясняет] значение и дхамму', *hitam ca sādhūt ca* 'и благотворно и хорошо', *pabbajjati vā parinibbāyati vā* 'уходит из мира или освобождается от желаний', *dhammassa vā sanghassa vā* 'доктрины или сангхи', *kusalam pi akusalam pi* 'и достойные и недостойные', *tathāt udāhu vitathāt* 'правдиво или неправдиво'; следовательно, в качестве Со могут выступать *ca... ca*, *vā... vā*, *pi... pi*, *api... api*, *tathāpi*, *atha*, *va*, *udāhu* и под.).

Из перечисленных здесь ЭСК строится предложение (пока речь будет идти о простом предложении). Девять из приведенных здесь ЭСК могут совпадать с элементарными предложениями; при этом только ЭСК 21, независимо от примеров, относящихся к ней, всегда может быть предложением; что касается других ЭСК, то они могут становиться предложениями лишь в части составляющих их примеров: 2 (*kena attho?* 'в чем нужда?'), 7 (*atītam āhari* '[он] рассказал прошлое'), 8 (*Bhagavatā bhanitam* 'сказано Благословенным'), 9 (*bhāyanti maccino* '[они] боятся смерти'), 14 (*alam ettake-na* 'довольно этого', *kim [me] gharāvāsenā?* 'зачем [мне] жизнь домохозяина?'), 18 (*[etam] taṅgalam uttamam* '[это] предзнаменование — лучшее'), 19 (*rañho vibhatto* 'вопрос разрешен', *so mato* 'он подумал'), 20 (*rājā mukkham [manussānam]* 'царь — глава [людей]'). Учитывая эту особенность, как и то, что некоторые из случаев превращения указанных ЭСК в предложение редки или даже связаны с идиоматическими предложениями, удобно исходить из ЭСК 21 как из минимальной модели предложения, а все другие ЭСК, обнаруживающие способность становиться предложением, и все реально засвидетельствованные в палийских текстах предложения считать результатом развертывания или свертывания (или того и другого вместе) предложения, совпадающего с ЭСК 21.

Предложение, равное ЭСК 21, состоит из группы Nom_{nominat} и группы Vb_{fin}. Неполные предложения, как правило, возможные лишь в условиях особого окружения, получаются из ЭСК 21 путем свертывания первого или второго элемента в 0. В первом случае получаются предложения типа *pabbajissāta* 'пойдем в отшельники' или с последующим минимальным развертыванием предложения вроде *ti vuccati*. Мил.-паньха 218 'так называется', *āta gaṇheyyaṭ*. Джат. III, 202 'конечно, я возьму' и др. (безличных предложений типа *dojedit* или *swerkaet* [молния] в пали нет, ср. соответственно *devo vas-sati*, *vijjutā nicchārati* и др., хотя известны довольно ред-

кие безличные конструкции, как-то: *paṭibhātu bhikkhūnaṭ dhammatṭaṭ bhāsiṭum*. Удана, 59, 21 'да будет угодно изложить дхамму для бхикшу'). Во втором случае получаются именные предложения — одночленные (*sādhu* 'хорошо', *āta* 'да') или минимально развернутые (*na hi mahārāja*. Мил.-паньха 295 'о нет, махараджа', *Buddho vā no vā*. Сутта-нип. Махавагга 7 'Будда это или нет?', *idam'eva kuhakat* 'ведь тут обман' и др.).

В ЭСК 21 имя может развертываться в группу имени 14 способами, предусмотренными в ЭСК 1, 2, 3, 4, 5, 6, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26 и 27. Следовательно, на первом шаге развертывания разрешается:

1. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Nom}$ (I — 21 —→ 1)
Anom 'Анома' → *Anom nāma* 'по имени Анома'.
2. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Nom}$ (I — 21 —→ 2)
Sujātā 'Суджата' → *Sujātā nāmena* 'по имени Суджата'.
3. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Nom}$ (I — 21 —→ 3)
Mettā 'любовь' → *puttassa mettā* 'любовь сына'.
4. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Nom}_{\text{a'ī}} + \text{Nom}$ (I — 21 —→ 4)
rāpiṭṭho 'наихудший' → *purisehi rāpiṭṭho* 'наихудший из людей'.
5. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Nom}$ (I — 21 —→ 5)
setṭho 'лучший' → *setṭho manusseśu* 'лучший из людей'.
6. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Nom} + \text{Vb}_{\text{inf}}$ (I — 21 —→ 6)
samattho 'подходящий' → *dātum samattho* 'подходящий для давания'.
7. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Adj} + \text{Nom} - \text{Subst}$ (I — 21 —→ 18)
jīvitam 'жизнь' → *dīgham jīvitam* 'долгая жизнь'.
8. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Part} + \text{Nom} - \text{Subst}$ (I — 21 —→ 19)
vacanam 'слово' → *bhaṇitam vacanam* 'произнесенное слово'.
9. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Nom} + \text{Nom}$ (I — 21 —→ 20)
bhikkhu 'бхикшу' → *Kokāliyo bhikkhu* 'Кокалия бхикшу'.
10. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}_{\text{fin}}$ (I — 21 —→ 21)
bālā 'глупцы' —→ *bālā caranti* 'глупцы бродят'.
11. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}_{\text{absol}}$ (I — 21 —→ 23)
Buddha 'Будда' —→ *Buddha vatvā* 'Будда, сказав'.
12. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{C} + \text{Pcl}$ (I — 21 —→ 25)
Satthā 'Учитель' —→ *Satthā pana* 'Учитель же'.
13. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{C} + \text{C}$ (I — 21 —→ 26)
mittāmaccā 'друзья' —→ *mittāmaccā nātisālohitā* 'друзья [и] родные'.
14. $\text{Nom}_{\text{no.ninat}} \rightarrow \text{C}_{\text{co}} + \text{C}_{\text{co}}$ (I — 21 —→ 27)
vācā 'слово' —→ *vācā ca kamta ca*, 'и слово и дело'.

В свою очередь на втором шаге могут быть далее развернуты элементы полученных в результате первого развертывания ЭСК:

$$\text{Nom}_{\text{acc}} \longrightarrow \text{Praep} + \text{Nom}_{\text{acc}} \quad (13)$$

$$\text{Nom}_{\text{instr}} \longrightarrow \text{Praep} \vdash \text{Nom}_{\text{instr}} \quad (14)$$

$$\text{Nom}_{\text{gen}} \longrightarrow \text{Praep} + \text{Nom}_{\text{gen}} \quad (15)$$

$$\text{Nom}_{\text{abl}} \longrightarrow \text{Praep} + \text{Nom}_{\text{abl}} \quad (16)$$

$$\text{Nom}_{\text{loc}} \longrightarrow \text{Praep} + \text{Nom}_{\text{loc}} \quad (17)$$

$\text{Nom} \longrightarrow$ ЭСК 1—21, 23, 25—27, т. е. имя может быть развернуто в любую другую ЭСК, в состав которой входит имя.

$$\text{Adj} \longrightarrow \text{Adj} + \text{Pcl} \quad (25)$$

$$\text{Adj} \longrightarrow \text{Adj} + \text{Adj} \quad (26)$$

$$\text{Adj} \longrightarrow \text{Adj}_{\text{Co}} + \text{Adj}_{\text{Co}} \quad (27)$$

$$\text{Part} \longrightarrow \text{Part} + \text{Pcl} \quad (25)$$

$$\text{Part} \longrightarrow \text{Part} + \text{Part} \quad (26)$$

$$\text{Part} \longrightarrow \text{Part}_{\text{Co}} \vdash \text{Part}_{\text{Co}} \quad (27)$$

$$\text{Vb}_{\text{ab: o.}} \longrightarrow \text{Vb}_{\text{absol}} + \text{Pcl} \quad (25)$$

$$\text{Vb}_{\text{ab: o.}} \longrightarrow \text{Vb}_{\text{absol}} \vdash \text{Vb}_{\text{absol}} \quad (26)$$

$$\text{Vb}_{\text{ab: o.}} \longrightarrow \text{Vb}_{\text{absol Co}} + \text{Vb}_{\text{absol Co}} \quad (27)$$

$$\text{C} \longrightarrow \text{C} + \text{Pcl} \quad (25)$$

$$\text{C} \longrightarrow \text{C} + \text{C} \quad (26)$$

$$\text{C} \longrightarrow \text{C}_{\text{Co}} + \text{C}_{\text{Co}} \quad (27)$$

Следует заметить, что любой полнозначный элемент С в ЭСК может развертываться сам в себя, т. е. дерево предложения в каждом узле ветвления допускает циклы, ограниченные в количественном отношении (следует различать циклы обычного типа, строящиеся по принципу конъюнкции, и циклы, образующие единство на семантическом уровне, ср. *māse māse* 'из месяца в месяц' == 'каждый месяц', *khaṇe khaṇe* 'от времени до времени', *tasmiṁ tasmiṁ thāne* 'в любом месте', *gāyitvā gāyitvā* 'под непрекращающееся пение' и т. п.).

В ЭСК 21 глагол может развертываться в группу глагола 12 способами, предусмотренными в ЭСК 7, 8, 9, 10, 11, 12, 21, 22, 24, 25, 26, 27. Следовательно, на первом шаге развертывания разрешается:

$$15. \text{ Vb}_{\text{fin}} \longrightarrow \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \quad (\text{II} - 21 \longrightarrow 7)$$

karoti 'делает' \longrightarrow *sukkham karoti* 'добро делает'.

$$16. \text{ Vb}_{\text{fin}} \longrightarrow \text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb} \quad (\text{II} - 21 \longrightarrow 8)$$

sammanti 'прекращаются' \longrightarrow *averena sammanti* 'отсутствием ненависти прекращаются'.

$$17. \text{ Vb}_{\text{fin}} \longrightarrow \text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Vb} \quad (\text{II} - 21 \longrightarrow 9)$$

- bhāyanti* 'боятся' —→ *bhāyanti maccuno* 'боятся смерти'.
18. $Vb_{fin} \rightarrow Nom_{aya} + Vb$ (II—21 —→ 10)
parisakkati 'пытается' —→ *vadhāya parisakkati* 'убить пытается'.
19. $Vb_{in} \rightarrow Nom_{abl} + Vb$ (II—21 —→ 11)
nikkhamanti 'выходят' —→ *nagarā nikkhamanti* 'из города выходят'.
20. $Vb_{in} \rightarrow Nom_{loc} + Vb$ (II—21 —→ 12)
vijjati 'найдется' —→ *lōkasmiṃ vijjati* 'в мире найдется'.
21. $Vb_{in} \rightarrow Nom_{nominat} + Vb_{fin}$ (II—21 —→ 21)
karoti 'делает' —→ *puriso karoti* 'человек делает'.
22. $Vb_{in} \rightarrow Adv + Vb$ (II—21 —→ 22)
gacchati 'идет' —→ *khinnat gacchati* 'быстро идет'.
23. $Vb_{in} \rightarrow Vb_{inf} + Vb_{fin}$ (II—21 —→ 24)
icchāmi 'хочу' —→ *aññātum icchāmi* 'хочу узнать'.
24. $Vb_{in} \rightarrow C + Pcl$ (II—21 —→ 25)
accagā 'преодолел' —→ *accagā vata* 'преодолел ведь'.
25. $Vb_{in} \rightarrow C + C$ (II—21 —→ 26)
carati 'бродит' —→ *carati socati* 'бродит, страдает'.
26. $Vb_{fin} \rightarrow C_{Co} + C_{Co}$ (II—21 —→ 27)
pabbajjati 'уходит из мира' —→ *pabbajjati vā pari-n'bāyāti vā* 'или уходит из мира или освобождается от желаний'.

В свою очередь на втором шаге могут быть далее развернуты элементы полученных в результате первого развертывания глагола ЭСК:

- $Nom_{acc} \rightarrow Praep + Nom_{acc}$ (13)
 $Nom_{instr} \rightarrow Praep + Nom_{instr}$ (14)
 $Nom_{gen} \rightarrow Praep + Nom_{gen}$ (15)
 $Nom_{abl} \rightarrow Praep + Nom_{abl}$ (16)
 $Nom_{loc} \rightarrow Praep + Nom_{loc}$ (17)

Vb —→ ЭСК 6—12, 21—27, т. е. глагол может быть развернут в любую другую ЭСК, в состав которой входит глагол.

- $Adv \rightarrow Adv + Pcl$ (25)
 $Adv \rightarrow Adv + Adv$ (26)
 $Adv \rightarrow Adv_{Co} + Adv_{Co}$ (27)
 $Vb_{inf} \rightarrow Vb_{inf} + Pcl$ (25)
 $Vb_{inf} \rightarrow Vb_{inf} + Vb_{inf}$ (26)
 $Vb_{inf} \rightarrow Vb_{inf Co} + Vb_{inf Co}$ (27)
 $C \rightarrow C + Pcl$ (25)

$S \longrightarrow S + S$ (26)

$S \longrightarrow S_{co} + S_{co}$ (27) и т. д.

И здесь каждый полнозначный элемент С может еще развертываться сам в себя, образуя циклы.

Таким образом, если отбросить циклические ветвления, то в пали схема почти любого простого предложения обычно может быть построена в три этапа последовательным переписыванием символа предложения S в символы элементарной модели простого предложения $Nom_{nominal}$ и Vb_{fin} (нулевой шаг), этих последних в символы ЭСК 1—12, 18—27 (первый шаг) и, наконец, символов ЭСК 1—12, 18—27 — в символы ЭСК 13—17, 25—27 (второй шаг). Следовательно, глубина палийского простого предложения в подавляющем большинстве случаев не превышает 3; иначе говоря, в предложении обычно нет элемента, от которого нельзя бы было прийти к полностью независимому элементу в три шага. Нужно думать, что незначительность глубины палийского предложения находится в зависимости от наличия значительного числа сложных слов. Схему дерева простого предложения, позволяющую судить о том, как оно развертывается (или синтезируется из ЭСК в S — предложение) и свертывается (или анализируется S — предложение на ЭСК), см. на табл. 33.

Разумеется, для построения реального предложения нужно знать, до какой степени может усложняться предложение за счет введения циклов или разных ЭСК при одной данной ЭСК, а также правила, по которым описанное выше дерево предложения проецируется на прямую, т. е. превращается в линейную последовательность слов (естественно, что дерево строится безотносительно к порядку слов в предложении).

Что касается количества циклов в данном узле ветвления дерева предложения, то теоретически их количество не ограничено, хотя практически наблюдается тенденция к замене их сложными словами. Лишь некоторые классы слов образуют в реальных предложениях целую серию циклов (Adj в ЭСК 18, Nom_{cc} в ЭСК 7, ср. *nibbāpat na atītam na anāgata pat na рассиррапат, na иrrappat na аниррапат na uppādaniyan*. Мил.-паньха 323 ‘нирвана ни прошлая, ни будущая, ни настоящая, ни возникшая, ни невозникшая, ни произведенная на свет’); но особенно показателен в этом отношении Vb_{avsp} , обладающий способностью образовывать наиболее длинные серии циклов, ср. *so pi migapotako pāse baddha avipphan-ditvā yeva bhūtiyam mahāphāsukavassena pāde pasāreitvā pi ranno pādīnat āsannaṭhāne khureh 'eva paharitvā ram-su ca tiṇḍī ca iḍḍātētvauccārapassāvam vissajjetvā s̄sām pātētva jivha pat nināmetvā sarīrāt kheṭakilinna pat katvā vātaggañepa udara pat uddhumātakat katvā akkhīni pari-*

vattetvā hetṭhanāsikasotena vātam sañcarāpento uparimana-sikasotena vātam sannirumhitvā sakalasarīram thaddhabhāvāt gāhāpetvā matakākāram dassesi. Джат. I, 164 'Молодая антилопа, связанная силком, не вырываясь, лежащая на боку на земле, вытянув ноги, была вокруг себя копытами, утаптывая пыль и сорную траву, испражняясь, опустив голову, высунув язык, покрывшись потом, раздув живот, проливая слезы, испускающая дыхание через нижнюю ноздрю и задерживающая его верхней ноздрей, затвердев всем телом, притворилась мертвой' (следует заметить, что циклы, образуемые Vb_{fin} , не только уступают циклам Vb_{absol} в количественном отношении, но и нередко употребляются в несколько иных условиях, а именно тогда, когда при Vb_{fin} нет элементов ЭСК, зависящих от них, или есть один и тот же элемент, управляемый всеми глаголами, образующими циклы, ср. *Keṇiyat jaṭilat Bhagavā dhammiyā kathāya sandassesi samādaṭesi samuttejesi sampaham̄sesi*. Сутта-нип. Махавагга 7 'Благословенный благочестивым рассказом наставил, поощрил, вдохновил, обрадовал лохматого Кению').

Поскольку циклизация такого рода в пали получила весьма широкое распространение, можно сказать, что общая длина предложения зависит (исключительно или в первую очередь) от количества циклов с Vb_{absol} (тем более, что прямая речь часто включается в предложение с помощью ЭСК 22, где Vb выражен через $Vb_{inf}-ti\;vatvā\dots$ 'так сказав', ср. *s>tāt pakkositvā tvāt kira tāta atiuccāt gacchasi, atiuccāt gacchanto jīvitakkhayat rāpiṇissasāti vatvā tiss> gāthā abhāsi*. Джат. III, 255 'он, позвав его: «ты ведь, отче, слишком высоко летаешь, слишком высоко летая, уничтожения жизни достигнешь», — так сказав, спел три стиха').

В отношении количества элементов ЭСК (или синтаксических классов слов), выступающих при данном элементе ЭСК более высокого уровня (управляющей), также существуют количественные ограничения. Наиболее показательно то, какие элементы ЭСК 1—5 и 10 могут выступать при глагольном элементе ЭСК 21. В принципе допустимы сочетания Vb с каждым из этих элементов вместе и порознь ($Vb+Nom_{acc}+Nom_{instr}+Nom_{gen}+Nom_{abl}+Nom_{loc}+Nom_{āya}$), однако практически на эту возможность накладываются ограничения качественного характера, зависящие прежде всего от грамматических или лексических особенностей глагола (переходный или непереходный, активный или пассивный, глагол движения или состояния и т.п.), или ограничения стилистического характера. В результате при Vb в палийских текстах очень редко встречается более трех разных падежных словоформ, отличных от $Nom_{nominal}$. Зато сочетания Vb с тремя разными словоформами, представляющими имя в косвенных падежах, весьма разнообразны:

set̄hino ca kālena kālam ḡorasat̄ āharati. Джат. I, 388
 'у торговца время от времени коровы продукты забирает он', *yass' atthāya kulaŋuttā samma-d-eva agārasmā ana-*
gāriyam pabbajanti. Сутта-нип. Махавагга 7 'с этой целью сыновья из знатной семьи должным образом уходят из домашней жизни в отшельничество', *idhaloke garahabhayā khaṇat̄ na passi.* Мил.-паньха 206 'из страха перед виной он не увидел в этом мире нужного мгновения' и т. д.

Превращение дерева предложения в реальное предложение осуществляется с учетом ряда правил, относящихся к порядку слов в предложении. Их можно сформулировать в терминах запретов (например, запрещаются последовательности: Nom-Subst + Adv, Adv + Nom-Subst, Adj + Adj + Vb, Vb + Adj, Praep + Adv, Praep + Praep и т. д., если каждые из двух элементов входят в одну и ту же ЭСК) и в терминах разрешений или даже предписаний. Последний способ следует признать более сильным. Прежде чем перейти к описанию линейной последовательности элементов в каждой из 27 ЭСК, следует остановиться на том, как выражаются в пали предикативные отношения. Выше были перечислены 9 ЭСК, которые могут быть простыми предложениями. В них предикативность выражается с помощью *Vb_{fin}*, Part, Adj, Nom-Subst, особых слов (*kiṭṭi*, *kena*, *alam* и др.) в сочетании с определенной формой имени при отсутствии глагола. Кроме того, предикативность может передаваться сочетанием двух ЭСК: ЭСК 21, где *Vb_{fin}* выражен лексемами со значением «быть», «становиться» (*hoti*, *atthi*, *titthati*) и,

↓ | ↓ | ↓ |
 следовательно, выступает как связка, и ЭСК 18, сп. *sā piyā ahosi*

'она была милой', *tvaŋt̄ anuttaro si* 'ты — несравненный',

udakat̄ acalam hoti 'вода бывает неподвижной'; ЭСК 21 и

ЭСК 19, сп. *tapassi... pabbajito hoti* 'отшельник ушел из

мира' (собств. — 'есть ушедший'), *tāpaso... āgato bhavissati*

'аскет будет пришедшим'; ЭСК 9 и ЭСК 19, сп. *mayhaŋt...*

tava pučchitabbaŋt̄ atthi 'я должен тебя спросить' (букв. 'мне тебя должно быть спрошенным есть'); ЭСК 21 и ЭСК 20, сп.

Bodhisatto Buddho ahosi 'Бодхисаттва стал Буддой'; ЭСК

21 и ЭСК 23, ср. *Sattha ārabha kathesi* 'Учитель начал рассказывать' (букв. 'начав, рассказал'); ЭСК 18 и ЭСК 19, ср. *ambarukkho... tittako jāto* 'манговое дерево стало горьким'.

Для простого предложения нейтрального типа (повествовательное, полное, неэмфатизированное) в связи с порядком слов можно сформулировать следующие предписания, обладающие в одних случаях абсолютным значением, а в других случаях — большой степенью вероятности их осуществления:

1. В ЭСК 21 Nom_{particinat} предшествует Vb_{fin} (*therā adhivāsesum* 'монахи согласились'). В ЭСК 19 Nom-Subst предшествует Part в подавляющем большинстве случаев, однако здесь необходимы дальнейшие разъяснения: если в ЭСК 19 элемент Part управляет каким-либо другим элементом, входя в ичую

ЭСК, то Part всегда стоит после Nom-Subst (ср. *s... aggim*

visīvento... nisidi. Джат. II, 63 'он, у огня греющийся, сидел'); если Part той же ЭСК не управляет никаким элементом из другой ЭСК, то Part обычно стоит после Nom-Subst (осо-

бенно в случае переходных глаголов, ср. *Bodhisatto... olōken-to... āha*. Джат. II, 69 'Бодхисаттва, всматривающийся, сказал'); в случае, когда причастие образуется от непереходного глагола, разрешается его предшествование имени (см.

ekamantam nisinnam kha Kēniyat... Bhagavā saidassesi. Сутта-нип. Махавагга 7 'в стороне сидящего Кению... Благословенный поощрл'); наконец, Part в ЭСК 19 занимает не только конечное место в ЭСК, но и во всем предложении,

если Part выражает предикативное отношение [*ahaṭ ca brāhmaṇesu abhiprasanno*. Сутта-нип. Махавагга 7 'и я среди брахманов нашел (букв. нашедший) успокоение']. В ЭСК 18 Adj всегда предшествует Nom-Subst, если имеется атрибутивная связь (*balavaṭ puriso* 'сильный человек'), и обычно

следует за ним в случае предикативной связи (ср. *dhammā*

aniccā. Самьюотта-ник. IV, 145 'дхаммы непостоянны'). В ЭСК 20, когда речь идет о предикативном отношении, имя, выражают-

щее его, стоит на втором месте (*rājā mukhaṭ* ‘царь — глава’, *tuvaṭ Buddho* ‘ты — Будда’).

2. В ЭСК 7—12 Nom_{обыч} чаще всего предшествует Vb, ср. *buddhaṭ saraṇaṭ gacchāmi* ‘к Будде под защиту иду’, *averena sammanti* ‘отсутствием ненависти прекращаются’, *tassa dadāti* ‘ему он дает’, *dassanāya āgañchit* ‘чтобы увидеть, они пришли’, *nagarā nikkhamanti* ‘из города они выходят’, *Jetavane viharati* ‘в Джетаване он живет’.

3. В ЭСК 1—5 обнаруживается отчетливая тенденция к тому, чтобы Nom_{обыч} предшествовал Nom, ср. *nagaraṭ pavīṭṭhakāle* ‘во время въезда в город’, *kena attho?* ‘в чем нужда?’, *tassa dhammo* ‘его дхамма’, *rajjato seyyo* ‘лучше, чем царство’, *bāle sahāyatā* ‘помощь у глупца’. Исключения относятся главным образом к периферийным случаям, ср. употребление *nāma*, *nātēna* на втором месте в ЭСК 1, 2.

В ЭСК 6 Vb_{inf} выступает непременно перед Nom, ср. *dā-tum* *samattho* ‘подходящий для давания’; в ЭСК 24 Vb_{inf} перед Vb_{fin}, ср. *gantuṭ vatṭati* ‘идти надо’.

4. В ЭСК 22 Adv предшествует Vb, ср. *iḍha socati* ‘здесь он сетует’.

5. В ЭСК 23 Nom_{номинат} предшествует Vb_{абсол}, ср. *Satthā vatvā* ‘Учитель, сказав’.

6. В ЭСК 13—17 Praep *adhi*, *anu*, *paṭi*, *yathā*, *yāva*, *uddhaṭ* и некоторые другие предшествуют Nom; Praep, совпадающие с Vb_{абсол}, обычно следуют за Nom; некоторые Praep употребляются и в препозиции и в постпозиции к имени, ср. *vinā*, *saha*, *upari* и др.

7. В ЭСК 25 С всегда предшествует Pcl, ср. *atha kho* ‘и тогда’, *dutiyāṭ pi* ‘во-вторых же’ и т. д.

8. В ЭСК 26 и 27 последовательность элементов не имеет значения.

Некоторые закономерности в отношении порядка слов в пределах целого предложения (а не ЭСК) могут быть сформулированы лишь в самом общем виде и никак не претендуют на обязательность их проявления; естественно, что из этих закономерностей исключаются те, которые совпадают с предписаниями, действительными в пределах ЭСК.

В предложениях нейтрального типа элементы, выражающие предикативность, тяготеют не только к тому, чтобы занимать место после имени, входящего в ту же самую ЭСК, но и к тому, чтобы занимать конечное место во всем предложении (ср. *nīnāhaṭ samāṇaṭ Gotamaṭ upasamkamitvā imē pañhe russcheuuat*. Сутта-нип. Махавагга 6 ‘сейчас я, к почтенному Готаме подойдя, эти вопросы задам’). Если предикативность выражается сочетанием двух ЭСК (см. выше), то глагольный элемент обычно занимает последнее место; это относится и к Vb_{fin} и к Part (ср. *rājā... saggaparāyano ahosi*. Джат. III,

321 'царь... имеющим [следующее] рождение на небесах стал'). Разумеется, нередки случаи, когда предикативные элементы не занимают конечного положения: так, глагол в повелительном наклонении часто стоит в начале предложения, независимо от того, есть ли при нем Nom_{acc}, входящий в ту же ЭСК, или его нет, или в середине предложения после Nom_{acc}, связанного с ним (ср. *gacchatha* 'идите'; *ta* 'ु́са *pharusat̄ kāñci*. Дхаммап. 133 'не говори грубо ни с кем', но *ta* *ratādam apuuijetha*. Дхаммап. 27 'не связывайтесь с легко-мыслием'); то же нередко присуще глаголу в оптативе (ср. нередкие предложения с оптативом *siyā* 'да будет' в начале или примеры *kodhaṭ jahe*, *vippa jaheyya tāpat̄*. Дхаммап. 221 'от гнева пусть он откажется, пусть он оставит самодовольство'). Наконец, в метрических текстах глагол нередко помещается не на последнем месте в предложении.

Если при глаголе стоят два или несколько Nom, один из которых Nom_{acc}, то он стоит ближе к глаголу, чем Nom_{objiq} (ср. *Keniyō... Bhagavantam etad avasa*. Сутта-нип. Махавагга 7 'Кения... Благословенному это сказал'); это положение связано с более общей тенденцией к контактному расположению элементов в ЭСК 7 и — шире — во всей группе ЭСК 7—12; из сказанного выше следует, что Nom_{acc} — Nom_{loc} в этих ЭСК предшествуют в предложении глагольному элементу.

Периферийные элементы (например, Nom_{loc} в значении места или времени, или соответствующие наречия) тяготеют к началу предложения, ср. характерные в зacinе фразы типа: *atīte Bārāṇasiyam Brahmādatte rajjam kārente* 'в прошлом в Бенаресе Брахмадатта царством правил'. Nom_{instr} и Nom_{ab} нередко занимают в предложении место после Nom_{loc}, но перед Nom_{acc} в значении прямого объекта (ср. *inhaloke gara-habhayā khaṇat̄ na passi*. Мил.-паньха 206 'в этом мире из страха перед виной нужного мгновения не увидел от'). При отсутствии Nom_{acc} в качестве прямого объекта ближе всего к глаголу обычно стоит Nom_{instr}. Если нет периферийных элементов, указанных выше, то на первом месте в предложении часто оказывается Nom_{ominat}, который характеризуется способностью к наибольшей из всех других падежей удаленности от глагола, входящего в ту же ЭСК. В случае максимальной дистанции Nom_{co.ninat} и Vb_{fin} могут образовать нечто вроде рамочной конструкции. В вопросительном предложении на первом месте обычно находится вопросительное слово (*ko*, *ka*, *kiṭ*, *katamo*, *kathat̄*, *kadā*, *kuto*, *kivanto* и др.) или вопросительная частица (*api*, *api ni*, *ni ko*, *pana*, *ni* и др.); *kiṭ karosi?* Дхаммап.-Атхак. II, 232 'что ты делаешь?', *api kiñci labhātase?* Джаг. III, 26 'получим ли мы что-нибудь?'. Если в предложении есть и вопросительное слово и (вопросительная) частица, то последняя следует за первой: ср. *ka-*

dā pan' assa tumhehi dhammo kathito? Дхаммап.-Аттхак. II, 216 'Когда ему вами рассказана дхамма?'. Следует заметить, что в любых предложениях, где есть частицы, они стремятся занимать второе место в предложении, ср. *Satthā pana...* 'Учитель же...', *atha kহ...* 'тогда ведь...', *yo ca...* 'который же...', *dutiyat pi...* 'во второй же раз...', *tvaṭ hi* 'ты же' и т. п.

В случаях эмфазы порядок слов в предложении и даже в пределах ЭСК меняется (ср. *parinibbuto ni kহ te ipa jjhāyo udāhu no parinibbuto*. Сутта-нип. Чулавагга 12, 'достиг ли освобождения [от страстей] мой учитель или не достиг?'), что, конечно, связано со значительной синтаксической гибкостью пали в отношении возможностей проецирования дерева предложения на прямую.

Зная правила, по которым строится дерево простого предложения и по которым оно реализуется в линейной последовательности, не трудно описать и способы построения более сложных синтаксических структур.

Одна из них — простое предложение, включающее зватительную форму. Схема дерева такого предложения должна содержать указание на адресата, а правила превращения дерева в реальную последовательность слов — указание на место (или места) в предложении, в которых может появляться зватительная форма. Что касается последнего, то его легче всего сформулировать в виде двух запретов, нарушаемых редко или даже вовсе не нарушаемых. Первый из них состоит в том, что подавляющее большинство ЭСК (исключения — ЭСК рамочного типа Subject... Praedicat, например, ЭСК 21 или сильно эмфатизированные предложения) не разрывается введением зватительной формы. Второй заключается в том, что зватительная форма не может занимать первое место в предложении, ср. *abhikkantaṭ bho Gotama*. Сутта-нип. Урагавагга 7 'прекрасно, господин Готама', *sādhu bhante Nāgasena, evam—etam*. Мил.-паньха 207 'хорошо, почтенный Нагасена, так это'. Тем не менее, вопреки мнению некоторых специалистов, первое место в предложении для зватительной формы не исключено полностью: *bhante Nāgasena bhāsitam-p' etam Bhagavatā*. Мил.-паньха 207 'почтенный Нагасена, ведь сказано это Благословенным'. С синтаксическими построениями этого типа близко связаны простые предложения, включающие в свой состав междометия, которые иногда эквивалентны зватительной форме или указывают на высокую вероятность ее появления в том же предложении, причем в непосредственном контакте с ней (*handā...* 'ну', 'давай', *je* 'о!', 'а!', *dhi* 'фу!', *he* 'эй!', 'эх!', *sādhu* 'ладно', *vata* 'конечно', 'увы!', *ambho* 'эй!', 'послушай!', *ahe* 'ах!', 'увы!', *taggha* 'конечно', 'да', *pīpa* со значением утверждения или сомнения, *aho* со значением удив-

ления, *re*, выражающее презрение, и т. д. и сочетания некоторых из этих междометий друг с другом: *aho nū ia*, *aho vata*, *sādha vata*, *aho vata re* и т. п.), ср. *nassati vata bho loko*. Джат. I, 81 'разрушается мир, увы, господин', *handadema* 'ну, дадим!', *aho acchariyat̄ aho abbhutat̄* 'вот странно, вот удивительно!'. Иногда в функции междометия употребляются *taññe* 'думаю' и *bhañe* 'говорю'.

Более разветвленные синтаксические структуры представлены сложными предложениями разных типов. Простейшие из них (сложносочиненные) получаются путем циклического соединения двух или нескольких простых предложений, синтаксические структуры которых полностью независимы друг от друга. Это соединение предложений (циклизация) осуществляется, как и цилизация внутри простого предложения, с помощью весьма распространенного чистого сочинения (беспредложного) или (нечасто) с помощью одинарных сочинительных союзов и функционально приравненных к ним частиц (*ca* 'и', *vā* 'или', *atha* 'и', 'и также', 'или', *tathāpi* 'также и'), ср., с одной стороны, *porāṇat etam*, *atula*, *n'etam ajjatānam iva*. Джаммап. 227 'старо это, о Атула, не сегодняшнее оно', *attā hi attano nātho ko hi nātho paro siyā*. Джаммап. 160 'ведь свое я — господин себе, кто же еще может быть господином?', *attanā va kataṭ attanā saṅkilissati*. Джаммап. 165 'сам ведь человек совершает зло, сам оскверняет себя' и т. п., и, с другой стороны, *macchā calissanti*, *atha vo nāvā bhijjissati*. Джат. III, 188 'рыбы запляшут и ваш корабль разобьется', *Mahāsatto... dhammat̄ deseti*, *Buddhāpat̄ dhammakathāsadisā c'assa kathā hoti*. Джат. III, 342 'Махасатта... излагает дхамму, и его беседы подобны беседам Будд о дхамме' и т. д. Гораздо чаще сочинение простых предложений производится с помощью парных союзов (*ca... ca*, *vā... vā* и др.; иногда они употребляются и более двух раз), ср. *uuyogat̄ikhe ca tiṭṭhasi*, *pātheyyat̄ ri ca te na vijjati*. Джаммап. 235 'и ты стоишь у порога смерти, и у тебя нет даже запаса на дорогу'.

К числу наиболее сложных синтаксических структур относятся предложения, поставленные в отношения зависимости друг от друга (преобладает связь управления, несколько реже — связь согласования). Соединение таких предложений осуществляется с помощью подчинительных союзов (*se* 'если', *sace* 'если', *yadi* 'если', 'когда', *yadā* 'когда', *yathā* 'как', *yat̄* 'что', 'чтобы', 'когда', 'погому что', *seyyathājī* 'подобно тому как' и др.) или относительных местоимений (уо 'который' и его падежные формы); нередко эти средства построения сложных синтаксических единств подкрепляются соотносительными элементами наречного, местоименного или частичного характера (*yathā... tathā*, *yathā... evat̄*, *yadā... tadā*, *yo... so*, *upe...*

tena и др.). В зависимости от сочетающихся предложений и соединительных средств конструируются синтаксические структуры, выражающие отношения объективности, места, времени, причины, цели, условности, сравнения, уступительности, релятивности и т. д. Вот несколько примеров построения сложноподчиненных предложений: *yadā ca so mato seti... anaprekha honti nātayā*. Сутта-нип. 200 'когда он лежит мертвый,... равнодушными бывают родственники', *sace me bhante deso atthi khamatha me*. Джаммап.-Атхак. II, 248 'если, господа, есть моя вина, простите меня', *yadi dve sammāsambuddhā ekakkhaṇe uprajjeyūyit, tesam parisāya vivādo uprajjeyua*. Мил.-паньха 238 'если двое просветленных рождаются в один и тот же момент, в их окружении возникает спор', *majjhimajaparado suññā bhavissati raccanto ghanavāso seyyathāpi pokkharaṇiyā majjhe udakāt āvilaṭ pariyante viupasannat*. Джат. I, 339 'центральная часть провинции будет пустой, соседняя — густонаселенной, подобно тому как посреди лотосового пруда вода — грязная, с краю — чистая', *yathā te khatteyya tathā pat vyākareyyāsi*. Самъютта-ник. IV, 312 'как тебе [это] будет приятно, так и объясни это', *yo ca vātakasāv'assa silesā susamāhito... sa ve kāsāvam arahati*. Джаммап. 10 'кто же избавился от грязи, кто стоек в добродетелях, ...именно тот достоин желтого одеяния', *ye ṭa Bhagavāten'upasam̄kati* 'он подошел туда, где Благословенный' (частая формула), *n'esa dhammo uat tam jahe*. Джат. V, 339 'нет такого закона, чтобы я тебя бросил' и т. д. Следует заметить, что употребление времен в глаголах в обеих частях сложноподчиненного предложения определяется обычно общим смыслом высказывания, а иногда и союзом (ср., например, употребление оптativa при *seyyathāpi* или в случае, когда условная и результирующая части предложения выражают гипотетичность, и т. д.). Относительно порядка элементов в сложноподчиненных предложениях можно сказать, что зависимое предложение предшествует независимому (следовательно, и здесь соблюдается более общая тенденция к расположению синтаксических элементов в последовательности: управляемое — управляющее). Инерсия отмечается в случаях эмфазы и в вопросительных предложениях. При соединении этих и подобных им синтаксических структур в еще более сложные какие-либо специальные синтаксические средства практически не используются. Тем не менее иногда есть смысл говорить об этих еще более сложных синтаксических единствах и средствах их формального выделения (использование изоморфных конструкций, общие анафорические элементы, повторение сходных блоков и т. п.).

Все, что говорилось до сих пор об ЭСК и конструировании из них более сложных синтаксических структур, позволяет

осуществить построение формальных грамматически правильных последовательностей классов слов. Однако отсутствие описания смысловых синтаксических отношений внутри ЭСК между элементами, составляющими их, приводит к синтаксической (точнее — конструкционной) омонимии, когда одна и та же ЭСК передает разные смыслы. Разрешение этой омонимии на уровне анализа по НС практически невозможно. Лишь указание допустимых трансформаций (с сохранением заданного смысла) для каждой последовательности элементов внутри данной ЭСК помогает размежевать внешне сходные сочетания классов слов. Далее перечисляются основные типы трансформаций (иногда минимально достаточные для идентификации конструкций) для примеров конструкций, содержащихся в перечне ЭСК (исключая идиоматизмы), данном выше (далее вводится знак эквивалентности, связывающий конструкции, находящиеся в отношении трансформации):

1. a) *Kenijo nāma* ≡ *Kenijo nāmena*
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Nom} \equiv \text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Nom})$
- b) *mātāpitaro datthukāmo* ≡ *mātāpitaro datthum (kāmeti)*
 ‘[он хочет] видеть родителей’ ≡ *mātāpitūnam dassano*
 ‘видение родителей’.
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Nom}' \equiv \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb}'_{\text{inf}} \equiv \text{Nom}_{\text{gen}} \dashv \text{Nom}')$
- c) *nagaram paviṭṭhakāle* ≡ *nagaram pavisati* ‘входить в город’ ≡ *nagare paviṭṭhakāle*
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Nom}' \equiv \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb}' \equiv \text{Nom}_{\text{loc}} \dashv \text{Nom}')$
2. a) *kena attho* ≡ *ko attho*
 $(\text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Nom} \equiv \text{Nom}_{\text{nominat}} \dashv \text{Nom})$
- b) *Kenijo nāmena* ≡ *Kenijo nāma*
 $(\text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Nom} \equiv \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Nom})$
- c) *ākāsenā caritukāmo* ≡ *ākāsenā caritum (kāmeti)* ‘он желает идти небом’ ≡ *ākāsaṁ caritukāmo*
 $(\text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Nom}' \equiv \text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb}' \equiv \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Nom}')$
3. a) *purisassa kāmo* ‘любовь человека’ ≡ *puriso kāmeti* ‘человек любит’.
 $(\text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Nom}' \equiv \text{Nom}_{\text{nominat}} \dashv \text{Vb}')$
- b) *purisassa kāmo* ‘любовь человека’ ≡ *purisaṁ kāmeti* ‘он любит человека’.
 $(\text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Nom}' \equiv \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb}')$
- c) *tesam jetṭhabhātā* ≡ *tesu jetṭhabhātā*
 $(\text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Nom} \equiv \text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Nom})$
4. $\text{Nom}_{\text{abl}} \dashv \text{Nom}$ (*rajjato seyyo*) в трансформации не нуждается ввиду однозначности этой конструкции.
5. a) *bāle sahāyatā* ≡ *bālassa sahāyatā*
 $(\text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Nom} \equiv \text{Nom}_{\text{gen}} \dashv \text{Nom})$
- b) *mayi kañkham* ‘сомнения относительно меня’ ≡ *aññat kañkham uppādemi*
 $(\text{Nom}'_{\text{loc}} + \text{Nom}'' \equiv \text{Nom}'_{\text{nominat}} \dashv \text{Nom}'' + \text{Vb})$

- c) *set̄ho manus̄esu* \equiv *set̄ho manussānaṭ*
 $(\text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Nom} \equiv \text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Nom})$
6. *Vb_{inf} + Nom (dātuṭ samat̄ho)* в трансформации не нуждается ввиду однозначности этой конструкции.
7. a) *dhammadesanāṭ āharati* 'он читает проповедь'
 $\equiv dhammadesanāṭ āhaṭā$ 'проповедь прочтена'
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{nomirat}} + \text{Vb})$
- b) *nagaraṭ gacchanto* 'идущий в город' \equiv *nagare gacchanto*
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Vb})$
- c) *vīthiṭ gacchanto* \equiv *vīthiyāṭ gacchanto* 'идущий улицей'
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb})$
8. a) *hatthena paham̄sitvā* \equiv *hattho paham̄sati* 'рука ударяет'
 $(\text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb})$
- b) *gāthāyo ajjhabhāsi* \equiv *gāthāṭ vatvā ajjhabhāsi* 'сказав стих, обратился'.
 $\downarrow \quad \downarrow$
 $(\text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb}' \equiv \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb}_{\text{dicendi absol}} + \text{Vb}')$
- c) *dakkhiṇadvārena nikkhamaṭpesum* \equiv *dakkhiṇadvārā nikkhamaṭpesum*
 $\equiv dakkhiṇadvārassa nikkhamaṭ$
 $(\text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb}' \equiv \text{Nom}_{\text{abl}} + \text{Vb}' \equiv \text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Nom}')$
- d) *tassānubhāvena uppatisvā* \equiv *tassānubhāvā uppatisvā* \equiv
tassānubhāvassa kāraṇena uppatisvā 'подпрыгнув по причине его величия'.
 $(\text{Nom}'_{\text{instr}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}'_{\text{abl}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}'_{\text{gen}} + \text{Nom}_{\text{praepl}} + \text{Vb})$
- e) *Bhagavatā bhaṇitam* \equiv *Bhagavā bhaṇati* 'Благословенный говорит'.
 $(\text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}_{\text{fin}})$
- f) *mayā (gantum) vaṭṭati* \equiv *ahāṭ arahāmi (gantum)*
 $(\text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb}' \equiv \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}'')$
9. a) *tassa (ratanāni) bhavanti* 'у него есть [сокровища]'
 $\equiv so (ratana)xfati$ 'он — хозяин [сокровищ]'
 $(\text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Nom})$
- b) *purisassa dadāti* 'он дает человеку' \equiv *puriso ādadāti* 'человек берет'.
 $(\text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}')$
- c) *bhāyanti maccuno* \equiv *maccu bhāyāpeti* 'смерть страшит'
 $(\text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}_{\text{caus}})$
- d) *tassa kato* \equiv *tena kato* \equiv *so akāsi* 'он сделал'.
 $(\text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}_{\text{fin}})$
- e) *tassa kīlantassa* \equiv *yadā so kīlati* 'когда он играет'
 $(\text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Vb} \equiv [\text{yadā}] + \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}_{\text{fin}})$
10. *Nom-āya + Vb* в трансформациях не нуждается (хотя они и возможны, ср. *vadhāya parisakkati* \equiv *vaddhitum parisakkati* 'он стремится убить') ввиду однозначности конструкций с *Nom-āya*.

11. a) *nagarā nikhamāpesum* ≡ *nagarato bahiddhā nikhamāpesum* 'они вывели за пределы города'.
 (*Nom_{a₁}+Vb* ≡ *Nom_{a₁ adv}+Praep+Vb*)
- b) *dañ labhayā tasati* ≡ *dañ labhaya_{na} tasati* ≡ *dandabhayassa kāraṇena tasati* 'он тряется по причине страха перед наказанием'.
 (*Nom'_{a₁}+Vb* ≡ *Nom'_{instr}+Vb* ≡ *Nom'_{gen}+Nom_{praep}+Vb*)
12. a) *Bīrāṇasiyam ahosi* ≡ *tattha (yattha) ahosi* 'там (где) был'.
 (*Nom_{loc}+Vb* ≡ *Adv+Vb*)
- b) *purāṇagāmaṭṭhāne caranto* ≡ *purāṇagāmaṭṭhānam caranto*
 (*Nom_{loc}+Vb* ≡ *Nom_{acc}=Vb*)
- c) *atīte ahosi* ≡ *tadā (kadā) ahosi* 'тогда (когда) был'.
 (*Nom_{loc}+Vb* ≡ *Adv_{tempor}+Vb*)
- d) *vaṇacārake pucchitvā* ≡ *vanacārakat sandhāya pucchitvā* 'спросив относительно лесника'.
 (*Nom'_{loc}+Vb* ≡ *Nom'_{acc}+Nom_{praep}+Vb*)
- e) *evarūḍe patiṭṭhahāmi* ≡ *evarūḍassa patiṭṭhānam* 'поддержка этой формы'.
 (*Nom_{loc}+Vb'* ≡ *Nom_{gen} + Nom'*)
- 13–17. Эта ЭСК (как и 21–27) в трансформации не нуждаются ввиду их однозначности или налачия элемента, идентифицирующего их конкретные предлоги.
18. a) *balavā puriso* 'сильный человек' ≡ *purisassa balo hoti* 'у человека есть сила' ≡ *balasampanno puriso* 'человек, обладающий силой'.
 (*Adj"+Nom-Subst'* ≡ *Nom-Subst'_{gen}*+*Nom"_{nominat}*+
Vb_{copul} ≡ *Adj_{compos}+Nom-Subst*)
- b) *puriso balavā* 'человек силен' ≡ *puriso balavā hoti* 'человек сильный есть'.
 (*Adj +Nom-Subst* ≡ *Nom-Subst_{nominat}*+*Adj*+*Vb_{copul}*)
- Следует подчеркнуть, что в тексте случаи *a* и *b* различаются уже благодаря порядку слов и поэтому не нуждаются в трансформации; иное дело — эти случаи в схеме дерева предложения.
19. a) *nisinno puriso* 'сидящий человек' ≡ *evarūḍo puriso* 'такого рода человек'.
 (*Part +Nom-Subst* ≡ *Adj +Nom-Subst*).
- Более сложные случаи, когда не только 19b, но и 19a выражены последовательностью *Nom-Subst+Part*, различаются с помощью критерев, описанных выше.
- b) *puriso nisinno* 'человек сидящий' ≡ *puriso nisinno hoti* 'человек сидящий есть'.
 (*Part+Nom-Subst* ≡ *Nom-Subst_{nominat}*+*Part+Vb_{copul}*)
- c) *imasmin sati* 'когда это есть' ≡ *yadā ayat hoti*
 (*Nom_{loc}+Vb* ≡ *[yadā] + Nom_{nominat}+Vb*)

20. а) *Kokāliyo bhikkhu* ≡ *Kokāliyo nāma bkhikhu*
 (Nom+Nom ≡ Nom+nāma+Nom)
 б) *rājā mukhaṭ [manussānaṭ]* ≡ *rājā mukhaṭ [manussānaṭ] hoti* 'царь — глава [людей] есть'.
 (Nom+Nom ≡ Nom+Nom+Vb_{copul})

21—27. Эти ЭСК в трансформации не нуждаются ввиду их однозначности. Следует особо подчеркнуть, что при большем списке трансформаций отчетливее выявляется почти универсальная роль Nom_{icc}.

Набор ЭСК со всеми возможными их трансформациями с сохранением смысла определяет разнообразие минимальных синтаксических конструкций и синтаксическую гибкость языка в выражении одного и того же смысла. Вместе с тем синтаксические трансформации задают набор основных синтаксических отношений (в следующем перечне не отражены предложные ЭСК):

1. Отношение предикативности.
 $(\text{Nom}_{\text{romirat}} + \text{Vb}_{\text{fin}} \equiv \text{Adj} + \text{Nom} - \text{Subst} \equiv \text{Part} + \text{Nom} - \text{Subst} \equiv \text{Nom} + \text{Nom}$; ЭСК 21, 18b, 19b, c; 20b).
2. Отношение объектности.
 - а) Первый объект.
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Nom} \equiv \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Nom}$; ЭСК 1b, 7a, 3b).
 - б) Второй объект.
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Vb}$; ЭСК 7, ср. *brāhmaṇo Bhagavantam etad avoca* 'брахман сказал это Благословенному', 9b, 12d)
3. Отношение направленности.
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Vb}$; ЭСК 7b, 12b)
4. Отношение места.
 $(\text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Nom} \equiv \text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{abl}} + \text{Vb}$; ЭСК 5a, 12a, 8c, 7c, 11a)
5. Отношение времени.
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{gen}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Vb}$; ЭСК 7, ср. *ekaṭ samayaṭ ahosi* 'однажды было', 12c, 8, ср. *tena kho rana samayena ahosi* 'в это время случилось', 9e, 12f)
6. Отношение причины.
 $(\text{Nom}_{\text{abl}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{instr}} + \text{Vb}$; ЭСК 11b, 8, ср. *tena hi ahosi* 'поэтому-то случилось')
7. Отношение цели.
 $(\text{Nom}_{\text{acc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{loc}} + \text{Vb} \equiv \text{Nom}_{\text{-āya}} + \text{Vb} \equiv \text{Vb}_{\text{inf}} + \text{Nom} \equiv \text{Vb}_{\text{inf}} + \text{Vb}_{\text{fin}}$; ЭСК 7, ср. *vissati samvaratthaṭ* 'живет себе для самоограничения', 12, ср. *dhāvati kāmesu* 'стремится к наслаждениям', 10, 6, 24)
8. Отношение сравнительности.

- (Nom_{абл}+Nom ≡ Nom_{instr}+Nom; ЭСК 4, 2, ср. *Vidhurena samasamo* ‘подобный Видхуре’)
9. Отношение партитивности.
(Nom_{gen}+Nom ≡ Nom_{loc}+Nom; ЭСК 3с, 5с)
10. Отношение притяжательности.
(Nom_{gen}+Nom ≡ Adj+Nom-Subst; ЭСК 3, ср. *purisassa dhammo* ‘дхамма человека’, 18, ср. *tātako ācariyo* ‘мой учитель’)
11. Отношение инструментальности.
(Nom_{instr}+Vb ≡ Nom_{loc}+Vb; ЭСК 8а, 12, ср. *jano janamhi sambaddho* ‘народ народом связывается’)
12. Отношение субъектности.
(Nom_{nominat}+Vb_{fin} ≡ Nom_{gen}+Nom ≡ Nom_{gen}+Vb ≡ Nom_{loc}+Vb ≡ Nom+Nom ≡ Adj+Nom-Subst ≡ Part+Nom-Subst ≡ Nom_{instr}+Vb ≡ Nom_{nominat}+Vb_{absol}; ЭСК 21, 3а, 9д, е, 20б, 18б, 19б, с; 8е, ф, 23)
13. Отношение атрибутивности.
(Adj+Nom-Subst ≡ Part+Nom-Subst, Nom+Nom ≡ Adv+Vb; ЭСК 18а, 19а, 20, ср. *kassakā-bhātaro* ‘землепашцы-братья’, 22) и т. д.

Другие отношения такого рода задаются или трансформациями с участием предлогов, или редко встречающимися трансформациями, или, наконец, конструкциями, не имеющими соответствующих трансформов. Поэтому такие отношения не нашли отражения в приведенном перечне (это же касается отношений, задаваемых не только синтаксическими, но и лексическими трансформациями).

Введение трансформационного уровня помогает решить все существенные вопросы анализа и синтеза синтаксических структур в пали (если, конечно, не считать лексических ограничений, существующих при наполнении конкретными лексемами данной ЭСК и ее трансформационных вариантов).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

Самодовлеющий характер слова (*pada-*) в пали и степень его независимости на синтаксическом и на морфологическом уровнях зависит, во-первых, от допускаемых в этом языке синтаксических связей слова и вероятности, с которой определяется наличие именно данной связи, и, во-вторых, от морфемной расчлененности слова, помогающей изнутри установить его форму, и вероятности, с которой эта форма устанавливается (проблема снятия омонимии). Обозначая префикс через Pr, суффикс через Sf, корень через R, можно описать структуру палийского слова с помощью максимальной модели вида Pr+...+Pr+R+...+R+Sf+...+Sf. В этой модели каждый из элементов может повторяться более чем раз, допуская разверты-

вание $\text{Pr} \rightarrow \text{Pr}_1 + \text{Pr}_2 + \text{Pr}_3 \dots$, $\text{R} \rightarrow \text{R}_1 + \text{R}_2 + \text{R}_3 \dots$, $\text{Sf} \rightarrow \text{Sf}_1 + \text{Sf}_2 + \text{Sf}_3 \dots$. При этом нужно помнить, что префиксы и суффиксы составляют закрытые классы, члены которых легко перечислимы, тогда как корни образуют практически открытый класс элементов.

К классу префиксов относятся собственно префиксы (*ati* ‘вне’, ‘сверх’, ‘через’, *adhi* ‘на’, ‘к’, *anu* ‘вслед за’, ‘в соответствии с’, *apa* ‘прочь’, ‘от’, *api* ‘на’, *abhi* ‘против’, ‘по направлению к’, ‘вокруг’, *ava* или *o* ‘вниз’, *ā* ‘вблизи’, ‘к’, ‘по’, *ud* ‘из’, ‘вверх’, *upa* ‘на’, ‘вплоть до’, ‘вблизи’, *ni* ‘вниз’, *nir/nis* ‘из’, *ra* ‘вперед’, ‘вы-’, ‘про-’, *paṭi* ‘против’, ‘в направлении к’, ‘назад’, *parā* ‘через’, *pari* ‘вокруг’, ‘целиком’, *vi* ‘от’, ‘раз-’, *sam* ‘вместе’, ‘с’, ‘полностью’), адъективные префиксы (*su* ‘хороший’, *du(r)* ‘плохой’, *ku* — с отрицательным значением), наречные префиксы (*antara*, *anto*, *alam* со значением, в слишком большой степени приспособляющимся к значению корня), привативная частица *a* (*an*, *ana*), аугмент *a-*. Ни один из одинаковых элементов, входящих в этот класс, не может повторяться в слове дважды. Относительно порядка элементов следует заметить, что привативная частица занимает всегда первое место, аугмент — всегда последнее место; что касается собственно префиксов, то среди них отмечены случаи разного порядка следования одних и тех же элементов (хотя есть немало пар и троек префиксов, выступающих в строго фиксированной очередности элементов), ср. *ati+-abhi* (*accābhikkhaṇa* ‘слишком часто’), *ati+-ā* (*accāraddha* ‘слишком напряженный’), *ati+-ni* (*atiniggañhāti* ‘чрезмерно упрекает’), *ati+-ra* (*atipadāna* ‘излишнее подаяние’), *ati+pari* (*atiparicchāga* ‘излишняя щедрость’), *ati+vi* (*ativissuta* ‘очень известный’), *ati+sam* (*atisambādha* ‘слишком тесный’); *adhi+-ra* (*adhippagharati* ‘сочится’), *adhi+vi* (*adhivimuttatta* ‘склонность’); *anu+-ā* (*anvāgacchatī* ‘следует’), *anu+-pa* (*anupagacchatī* ‘направляется’, ‘возвращается’), *anu+paṭi* (*anupaṭipāti* ‘последовательность’), *anu+vi* (*anuvicinteti* ‘размышляет’), *anu+sam* (*anusandahati* ‘направляет’, ‘обращается’); *apa+ni* (*apanidahati* ‘прячет’); *abhi+ati* (*abbhatikkanta* ‘оставленный позади’), *abhi+ava* (*abbhokirati* ‘кропит’), *abhi+-ā* (*abbhakkhāti* ‘обвиняет’, ‘говорит против’), *abhi+ud* (*abhukkiraṇa* ‘вытаскивание’), *abhi+ud+-ā* (*abhudāharati* ‘приводит’), *abhi+-ni* (*abhinikūjita* ‘полный звуков’), *abhi+nis* (*abhinikkhamati* ‘выходит’), *abhi+pa* (*abhippakirati* ‘разбрасывает’), *abhi+vi* (*abhivihacca* ‘разрушив’), *abhi+sam* (*abhisamkharoti* ‘приготавляет’, ‘делает’); *ā+ni* (*ānisamsa* ‘хвала’, ‘добродетель’); *ā+vi* (*āvilati* ‘вертится’); *ud+-ā* (*udāharati* ‘произносит’); *upa+ni* (*upanighaṭsati* ‘втирает’), *upa+nis* (*upanikkhamati* ‘выходит’), *upa+pa* (*upapacciyati* ‘он выварен’), *upa+pari* (*upaparikkhati* ‘исследует’), *upa+vi* (*upavijaññā* ‘жен-

щина, готовая родить'); *upa+sam* (*upasamharati* 'собирает'); *ni+sam* (*nisañkhitti* 'накопление [кармы]'); *nis- ā* (*nirāhāra* 'лишенный еды'), *nis- upa* (*nirupaghāta* 'неповрежденный'), *nis+px* (*nippabha* 'лишенный блеска'), *nis- pari* (*nipariyāya* 'лишенный отличий'), *nis- vi* (*nibbisevana* 'неснисходительный к себе'); *va+vi* (*pavibhajati* 'распределяет'); *paṭi- āva* (*paṭi-orohati* 'спускается'); *paṭi- ā* (*paṭi-āneti* 'приводит обратно'), *paṭi+ni* (*paṭinivattati* 'поворачивает назад'); *paṭi- pa* (*paṭipaññāmeti* 'посыпает назад'), *paṭi- pari* (*paṭiparivatteti* 'поворачивает назад'); *paṭi- vi* (*paṭivigacchati* 'расходитя'), *paṭi+vi+nis* (*paṭivinicchinati* 'пересматривает [дело]'), *paṭi+sam* (*paṭisamyujati* 'связывает'); *pari- ni* (*parinītthāpeti* 'кончает', 'достигает'), *pari- sam* (*parisaṅgāhāpeti* 'заставляет рассказывать'); *vi+ati* (*vyatireka* 'остаток'), *vi- āpa* (*vyavagacchati* 'уходит'), *vi- āva* (*vyavasita* 'решенный', *vobhindati* 'раскалывает'), *vi- ā* (*vyākaroti* 'объясняет'), *vi+ud* (*vacchijjati* 'он отрезан'), *vi+upa* (*vūpasammati* 'он успокоен'), *vi+ni* (*vinipāteti* 'разрушает'), *vi+nis* (*vinimoceti* 'освобождает'), *vi+paṭi* (*vippaṭipajjati* 'заблуждается'), *vi+parā* (*visarāvatta* 'перевернутый', 'измененный'), *vi+pari* (*viparibhinna* 'отломанный'), *vi+sam* (*visaññutta* 'изолированный [от мира]'); *sam+adhi* (*samadhigacchati* 'достигает'), *sam+anu* (*samanukkamati* 'вместе следует'), *sam+abhi* (*samabhijānāti* 'вспоминает', 'знает'), *sam+ava* (*samavekkhati* 'рассматривает'), *sam- ā* (*samāgacchati* 'встречается'), *sam+ud* (*samuttejeti* 'волнует', 'радует'), *sam+ud+ ā* (*samudācarati* 'используется'), *sam+upa* (*samupagacchati* 'приближается'), *sam+upa+ ā* (*samupāgacchati* 'приходит'), *sam+ca* (*sampaggāñhāti* 'напрягает [силы]'), *sam+paṭi* (*sampaṭivijjhāti* 'проникает'), *sam+parā* (*samparāya* 'будущее состояние'), *sam+pari* (*samparivajjeti* 'избегает'), *sam+vi* (*samvibhajati* 'делит'), *sam+vi+ava* (*samvāhārati* 'торгует'). Таким образом, разные последовательности одних и тех же префиксов наблюдаются в случаях: *ati+abhi* и *abhi+ati*, *ati+vi* и *vi+ati*, *anu+sam* и *sam+anu*, *abhi+sam* и *sam+abhi*, *ā+vi* и *vi+ ā*, *upa+nis* и *nis+upa*, *upa+vi* и *vi+upa*, *upa+sam* и *sam+upa*, *nis+vi* и *vi+nis*, *paṭi+vi* и *vi+paṭi*, *paṭi+sam* и *sam+paṭi*, *pari+sam* и *sam+pari*, *vi+sam* и *sam+vi* (примеры см. выше). Обычно глубина последовательности префиксов не превышает трех, но и она встречается довольно редко, ср. *abhi+ud+ ā* (*abbhudāharati*), *paṭi+vi+nis* (*paṭivinicchinati*), *sam+ud+ ā* (*samudācarati*), *sam+upa+ ā* (*samupāgacchati*), *sam+vi+ava* (*samvāhārati*).

Семантика префиксов с наибольшей очевидностью выступает в тех случаях, когда корень обладает максимальной валентностью в отношении присоединения префиксов, например, при глаголах движения, ср. при *gacchati* 'идет' префиксы

ati, adhi, anu, apa, ava, ā, ud, ipa, ni, paṭi, vi, sam; sam+ud+ā, sam+ipa+ā (соответственно: «преодолевает», «достигает», «следует», «ходит», «приближается», «приходит», «поднимается», «подходит», «спускается», «входит», «оставляет», «исчезает», «встречается», «возникает [в результате]», «приходит»), а также при том же корне *gam-* (*antara-* 'проникает между', 'препятствует'), *du(r)-* (*duggata* 'несчастный'), *su-* (*sugata* 'счастливый'), *a-* (*agata* 'неушедший'), *a-* (*agatā* 'ушел') и др.

К классу суффиксов относятся основообразующие элементы (-#, -*a*, -*an*, -*ar*, -*as*, -*ā*, -*i*, -*ī*, -*u*, -*ū*, -*e*, -*o*, -*nā*, -*no*, -*ya*), собственно суффиксы (-#, -*a*, -*aka*, -*atta*, -*attha*, -*ana*, -*anā*, -*ā*, -*āya*, -*āvīn*, -*ika*, -*ikā*, -*in*, -*iya*, -*isa*, -*ī*, -*īya*, -*e*, -*ka*, -*tar*, -*tā*, -*ti*, -*tu*, -*tta*, -*ttha*, -*thā*, -*dā*, -*dhā*, -*mant*, -*ya*, -*lla*, -*vant*, -*vin*), суффиксальные детерминативы (-*gāma*, -*viṭṭhi*/-*viṭṭhika*/-*viṭṭha*, -*piṭṭhi*/-*piṭṭhika*/-*piṭṭha*/-*piṭṭha* и др. в названиях деревень; -*nagara*, -*pura* в названиях городов; -*raṭṭha*, -*desa*, -*janapada*, -*dīpa* в названиях стран, царств, островов; -*vana*, -*ārañña*, -*arāma*, -*uuāna* в названиях лесов, рощ, садов; -*pabbata*, -*giri*, -*kūṭa*, -*gabbha*, -*selā* в названиях гор, холмов, скал; -*guhā*, -*lena*, -*kandara* в названиях пещер; -*magga*, -*vīṭhi* в названиях дорог и улиц; -*tittha* в названиях бродов; -*nadī*, -*gaṅgā* в названиях рек; -*vāpi*, -*pokkharanī* в названиях прудов и водоемов; -*samudda* в названиях морей; -*pāsāda*, -*ghara*, -*pariveṇa*, -*maṇḍapa*, -*mandira*, -*vāsa*, -*sālā*, -*vihāra*, -*thūpa*, -*cetiya*, -*dvāra* и т. д. в названиях сооружений разного рода, жилых помещений, вихар, ступ, мест захоронений, ворот и т. п.; -*piṭaka*, -*nikāya*, -*pāṭha*, -*vagga*, -*sutta*, -*gathā*, -*kathā*, -*khaṇḍa*, -*tiṭṭā*, -*vāda*, -*uccha*, -*pañha* и др. в названиях видов текстов и их частей, жанров, доктрин и т. п.; подробнее о всех этих и некоторых других детерминативах см. в приложении). Деление класса суффиксов на три подкласса оправдано с формальной и содержательной точки зрения. Основообразующие элементы формально теснее всего спаяны с корнем, который часто без них вообще не существует; независимое употребление этих элементов невозможно и они не обладают каким-либо значением. Собственно суффиксы соединяются с корнем или с основой менее тесным образом; независимое употребление суффиксов невозможно, но они обладают самостоятельным деривационным значением. Суффиксальные детерминативы связаны с основой самым свободным образом вплоть до того, что могут отсутствовать (ср. частые случаи типа *Jambugāma*—*Jambu*, *Amarapura*—*Amara*, *Candagabbha*—*Canda*) или даже изредка употребляться плеонастически (ср. *Ākāsacetiya*-*cetiya*); каждый из них может употребляться и независимо, обладая самостоятельным и полноценным лексическим значением (в связи с этим не всегда яс-

на граница между словом с суффиксальным детерминативом и сложным словом, последний элемент которого совпадает с соответствующим детерминативом).

Если класс суффиксов представлен в слове только одним элементом, то им может быть или основообразующий элемент S_r (ср. *nagar-a*), или собственно суффикс S_s (ср. *agār-aka*, *agār-ika*), или суффиксальный детерминатив S_d (ср. *Mallagiri*). Если класс суффиксов представлен в слове более чем одним элементом, то возможны следующие случаи: $S_r + S_s$ (*nagar-a-ka*), $S_r + S_d$ (*nagar-a-galla*), $S_r + S_s + S_d$ (*Miss-a-ka-vana*, ср. *miss-ī-bhāva*), $S_s + S_s$ (*āyut-ta-ka* 'преданный', 'агент' от *āyutta* 'преданный'; *adhikar-aṇ-ika* 'судья', ср. *adhi-karaṇa* 'судебное разбирательство'; *dhi-ti-mant* 'смелый', ср. *dhitī* 'смелость'; *car-aṇa-vant* 'имеющий хорошее поведение' от *caraṇa* 'хорошее поведение'; *ka-ta-āvin* 'сделавший', ср. *kata* 'сделанный'; *ājān-īya-tā* 'хорошая порода' от *ājānīya* 'имеющий хорошую породу'; *upaci-ta-tta* 'собранность', 'состояние сложенности' от *upacita* 'сложенный'), $S_s + S_d$ (*Jan-tu-gāma*), $S_d + S_s$ (*Dhavala-viṭṭhi-ka*), $S_d^1 + \dots + S_d^n$ (*Bodhi-sena-pabbata-gāma*, *Nandi-vāpi-gāma*, *Hattī-giri-pura*).

Иначе говоря, класс суффиксов в слове многоместен и может реализоваться в ряде деривационных морфем, число которых практически не превышает четырех; основообразующий элемент всегда один; собственно суффиксы и суффиксальные детерминативы могут присутствовать в слове в количестве больше одного; основообразующий элемент всегда предшествует собственно суффиксу и суффиксальному детерминативу (тот факт, что сам детерминатив может содержать основообразующий элемент или суффикс, в данном случае не существен); запрещается следование двух суффиксов или суффиксальных детерминативов одного вида (случаи типа *Ākāsa-cetiya-cetiya* относятся к числу исключений, число которых крайне невелико); в цепочке суффиксов *-tā* и *-tta* всегда занимают последнее место; *-mant*, *-vant*, *-āvin*, *-ka* также замыкают цепочку суффиксов, если не считать окказиональных образований, в которые входят *-tā* и *-tta* (ср: *dassāvin* 'видящий', но *dassāvi-tā*). Следует заметить, что в зависимости от того, присоединяется ли суффикс непосредственно к корню или нет, обычно отделяют первичные суффиксы от вторичных.

Семантическая интерпретация подклассов класса суффиксов существенно различна. Подкласс основообразующих элементов семантически пуст; функция этих элементов — в образовании основы, конечный сегмент которой указывает правила выбора (если есть более чем одна возможность выбора) следующего сегмента в данной форме (например, для выражения сочетания граммем I в имени S_r-a- влечет за собой

флексию *-o*: *puris-a+o>puriso*, а *S_r-i-* влечет за собой нулевую флексию: *agg-i-+#+>aggi*). Поэтому, строго говоря, значения морфем, образующих *S_r*, должны рассматриваться в морфологии. Значения элементов, входящих в подкласс *S_d*, должны содержаться в словаре (в настоящей книге они указаны в приложении II). Поэтому здесь необходимо рассмотреть с семантической точки зрения только подкласс собственно суффиксов. Для образования слов с конкретным значением (исключая названия лиц) используются следующие суффиксы: -# (ср. *agāra* 'дом', *jāla* 'сеть', *pāda* 'нога', *rūpa* 'пирожок', *aggi* 'огонь', *vīthi* 'улица', *vīci* 'волна', *yat-thi* 'палка', *madhu* 'мед', *leḍḍu* 'ком земли', *rāṭsu* 'пыль', 'грязь', *bāhu* 'рука', *latā* 'лиана', *racchā* 'проехавшая дорога', *lākha* 'лак', *rambhā* 'банановое дерево', *nadī* 'река', *paṭhavī* 'земля', *bimbī* 'золото', *pokkharaṇī* 'пруд' и др.); -*ana* (ср. *āsana* 'ложе', *lavāṇa* 'соль', *savana* 'ухо', *bhājana* 'посуда', *maṇḍana* 'украшение' и др.), -*anī* (ср. *lekhanī* 'инструмент для начертания букв', *esani* 'хирургический зонд' и др.); -*tu* (ср. *dhātu* 'элемент', *tantu* 'шнур', *setu* 'мост' и др.); -*ka*, -*iķā/-aķā* (ср. *phalaka* 'доска', *esika* 'колонна', 'столб', *udaka* 'вода', *isikā* 'камыш', *itthakā* 'кирпич', *paṇḍikā* 'зеленые листья, овощи', *paṭikā* 'шерстяная ткань' и др.).

Для образования слов со значением имени деятеля используются суффиксы: -*tar*, присоединяемый к любому глагольному корню или основе в полной или долгой ступени (ср. *bodhetar* 'пробудитель', *hātar* 'убийца', *dātar* 'дающий', *dīṣitar* 'зажигающий', *pucchitar* 'вопрошающий', а также слова, относящиеся к более специализированной группе имен рода: *pitar*, *mātar*, *bhātar* и т. д.); -*ka*, -*aķā*, -*ika*, присоединяемые к именной основе без каких-либо морфонологических изменений (ср. *ājīvaka* 'аскет' при *ājīva* 'способ жизни', *ukkam-saka* 'возбуждающий [себя]' при *ukkamsa* 'возбуждение', *sāketaka* 'житель Сакеты' при *Sāketa*, *maggika* 'путник' при *magga* 'путь', *rūvika* 'продавец пирожков' при *rūva* 'пирожок' и т. д.); -*ana*, присоединяемый к глагольному корню в полной ступени (ср. *caraṇa* 'бродящий', *karaṇa* 'делающий', *janana* 'порождающий' и т. д.); -*a* (ср. *deva* 'бог', *vīra* 'герой', *para* 'мужчина' и др.); -# (ср. *abhibhū* 'победитель', 'бог', *se-nāpī* 'полководец' и т. д.); следует отметить, что при ином подходе -*a* и -# могут трактоваться как словообразующие элементы.

Для образования слов, обозначающих лиц женского пола, от соответствующих слов, обозначающих лиц мужского пола, используются суффиксы: -*ī*, если в слове со значением лица мужского пола основа оканчивается на -*a* или на согласный (ср. *devī* 'богиня' при *deva* 'бог', *corī* 'воровка' при *cora* 'вор', *therī* 'старшая монахиня' при *thera* 'старший монах',

dāsi 'рабыня' при *dāsa* 'раб', *dīpiṇī* 'пантера-самка' при *dī-piṇī* 'пантера-самец', *hatthīnī* 'слониха' при *hatthinī* 'слон', *gacchāntī* 'идущая' при *gacchant* 'идущий' и др.); *-nī* в случае, если слово со значением лица мужского пола имеет в исходе основы *-u* (ср. *bhikkhūnī* 'бхикшу-женщина' при *bhikkhu* 'бхикшу-мужчина', *abhijjālūnī* 'жадная' при *abhijjālu* 'жадный' и т. д.); *-inī*, если основа слов со значением лиц мужского пола оканчивается на *-a*, *-an* (ср. *yakkhīnī* 'якши-ни' наряду с *yakkhī* при *yakkha* 'якши'); *-ānī* (ср. *mātulānī* 'тетка' при *mātula* 'дядя', *gahapatānī* 'домохозяйка' при *gahapatī* 'домохозяин' и др.); *-ikā* при *-(a)ka* в словах, обозначающих лиц мужского пола (ср. *dārikā* 'девочка' при *dāraka* 'мальчик', *kumārīkā* 'принцесса' при *kumāraka* 'принц' и др.). В подклассе прилагательных, как известно, при согласовании с именами существительными значение лиц женского пола выражается суффиксом *-ā* при *-a* в словах, относящихся к лицам мужского пола (ср. *dīghā* 'длинная' при *dīgha* 'длинный', *gata* 'ушедшая' при *gata* 'ушедший').

Для образования слов с абстрактным значением используются суффиксы: *-tā*, *-tta*, чаще всего присоединяемые к именной (включая сюда и причастные) основе и в совокупности с основой придающие слову обычно значение состояния (ср. *ātaratā* 'пребывание в состоянии жара' при *ātara* 'жар', *aggatā* 'преимущество', 'первенство' при *agga* 'первый', *upā-sakatta* 'состояние верующего мирянина' при *upāsaka* 'верующий мирянин', *amaratta* 'бессмертие' при *amara* 'бессмертный'; в ряде случаев *-tā* и *-tta* появляются при одной и той же основе, ср. *thitata* 'нахождение на чём-либо' и *thitatta* 'состояние помешанности' при *thita* 'находящийся', *suññatā* и *suññatta* 'пустота', 'отсутствие' при *suñña* 'пустой' и т. д.; наконец, изредка эти суффиксы присоединяются и к неименной основе: *tathatā* 'состояние подобия' при *tathā* 'так' и даже *natthitā* 'нигилизм', ср. *n'atthi* 'не есть', 'нет' и т. п.; иногда *-tā* образует слова с собирательным значением: *gā-matā* 'ряд деревень' при *gāma* 'деревня', *janatā* 'собрание людей', 'народ' при *jana* 'человек'); *-ti*, присоединяемый к корню в слабом звуковом виде (ср. *suti* 'традиция', *jāti* 'рождение', *buddhi* 'разум' и др.; в чистом виде *-ti* выступает лишь после корней с исходом на гласную; этот словообразовательный тип принадлежит к числу утративших продуктивность); *-ana* и гораздо более редкий *-anā*, присоединяемые к глагольному корню обычно в полной ступени, если только для этого корня отмечены алломорфы с разными ступенями огласовки (ср. *gatana* 'движение' от *gam-* 'идти', *vahana* 'увоз' от *vah-* 'увозить', *uācana* и *uācanā* 'прошение' от *uā-* 'просить' и др.); *-ya/-iya*, присоединяемый обычно к именной основе без основообразующего элемента, причем сочетание по-

леднего согласного элемента основы с -у- в -уа перекодируется в геминированный палатальный согласный, если только данный согласный элемент имеет палатального партнера (ср. *v̥riya* 'героизм' при *v̥ra* герой', *l̥olu*ра 'жадность' от *l̥upa* 'жадный', *pañdicca* 'эрудиция' от *pañita* 'умный'; изредка -уа присоединяется и к неименным основам, ср. *akiñcañña* 'ничто' при *kiñcana* 'что-нибудь' и др.); -ā, присоединяемый к глагольному корню (ср. *lajjā* 'стыд' при *lajjati* 'стыдиться', *jārā* 'старость' при *jarati* 'стареть', *kāñkha* 'сомнение' при *kāñkhati* 'сомневаться'); -a, вступающей в связь с глагольным корнем в полной или сильной звуковой ступени (ср. *yoga* 'связь', 'йога' при *uuj-* 'запрягать', *nivāsa* 'жилье' при *nivas-* 'жить', *sañgāta* 'битва' при *sañgam-* 'сходиться' и др.); -᳚, представленный редкими примерами (ср. *sañgha* 'сангха' и др.).

Для образования имен с уменьшительным и/или уничижительным значением используется суффикс *-ka* (ср. *nagaraka* 'городок' при *nagara* 'город', *pañlitaka* 'педант' при *pañita* 'умный', 'образованный', *agāraka* 'домишко' при *agāra* 'дом' и т. п.).

Для образования прилагательных используются суффиксы: *-ka*, *-ika* (ср. *ākāsaka* 'небесный' при *ākāsa* 'небо', *kañcīsika* 'сделанный из хлопка' при *kañcīsa* 'хлопок', *lōkika* 'мировой' при *lōka* 'мир' и др.); *-iya*, *-euya* (ср. *kantāriya* 'связанный с пустыней' при *kantāra* 'пустыня', *vaggiya* 'групповой' при *vagga* 'группа', *dassaneyyua* 'красивый' при *dassata* 'вид' и др.); *-ila* (ср. *jañila* 'имеющий спутанные волосы' при *jañā* 'спутанные волосы'), если не считать совсем редких образований. Для образования прилагательных, в которых подчеркивается наделенность каким-нибудь качеством, используются суффиксы *-mant*, *-vant*, *-in*, *-vin*, *-āvin*, присоединяемые к именной основе, а в случае *-in* — и к глагольной (ср. *iddhimant* 'исполненный успеха' при *iddhi* 'проявление', *vasumant* 'богатый' при *vasu* 'богатство'; *phalavant* 'плодоносный' при *phala* 'плод'; *vajjavant* 'грешный' при *vajja* 'грех'; *jālin* 'имеющий сеть', 'обманывающий' при *jāla* 'сеть'; *padumīn* 'лотосовый' при *paduma* 'лотос'; *esīn* 'стремящийся' при *esa-ti* 'стремится'; *alīyūāyin* 'следующий' при *alīyūāti* 'следует'; *aghavin* 'страдающий от боли' при *agha* 'боль'; *māyāvī* 'обманчивый' при *māyā* 'майя', 'иллюзия'; *kītāvin*, см. выше). Суффикс *-ka* может образовывать прилагательные от прилагательных без изменения значения (ср. *pacchimaka* 'последний' при *pacchima* с тем же значением, *rāyaka* 'плохой' при *rāya* то же и т. п.).

В пределах подкласса числительных для образования порядковых числительных используются суффиксы *-ta* и гораздо реже *-tama*, присоединяемые (за небольшим исключением,

ср. *paṭhama* 'первый' — *eka* 'один') к основе количественных числительных (ср. *pañcama* 'пятый' — *pañca* 'пять', *sattama* 'седьмой' — *satta* 'семь', *aṭṭhama* 'восьмой' — *aṭṭha* 'восемь', *navaṭama* 'девятый' — *nava* 'девять', *dasama* 'десятый' — *dasa* 'десять', *ekādasama* 'одиннадцатый' — *ekādasa* 'одиннадцать' и 'одиннадцатый' и т. д.; *saṭṭhitama* 'шестидесятый', *asītita-ma* 'восьмидесятый', *sataṭama* 'сотый', *sahassatama* 'тысячный' при соответственно — *saṭṭhi*, *asīti*, *sata*, *sahassa*); порядковые числительные «второй», «третий» и «четвертый» (соответственно — *dutiya*, *tatiya* и *catuttha*) образуются иначе — с помощью непродуктивных суффиксов *-tiya* и *-ttha*. Собирательные числительные образуются прибавлением суффикса *-ka* (ср. *catukka* 'четверо', *sataka* 'сотня'), а для «двоен» и «трое» — суффиксов *-ka* и *-ua*, закрепляемых за соответствующими алломорфами (ср. *duka*, *tika*, но *dvaya*, *taya*).

В подклассе местоимений суффикс *-aka* используется для образования прилагательных от местоименных основ (ср. *mataka* 'мой' от *mat*, *atika* 'такой-то' от *ati*, *saka* 'собственный' от *sa* и др.), с помощью суффикса *-isa* образуются от местоименных основ прилагательные со значением подобия (ср. *mādisa* 'подобный мне' от *mad-*, *amhādisa* 'подобный нам' от *amhad*, *yādisa* 'подобный чему' от *yad-* и т. д.); заслуживает внимания частое использование долгой ступени корня при прибавлении *-aka* и *-isa*. Что касается некоторых других местоименных суффиксов, поддающихся выделению, то их перечисление едва ли необходимо в силу их единичности.

Среди наречий существует относительно небольшое число словообразовательных типов: *-ttha* (*tattha* 'там', *sabbattha* 'повсюду'), *-thā* (*tathā* 'так', *yathā* 'как', *aṭṭhathā* 'иначе'), *-dā* (*yadā* 'когда', *tadā* 'тогда', *ekadā* 'однажды'), *-dhā* (*ekadhā* 'одним способом', *sattadhā* 'семью способами') и некоторые другие (крайне непродуктивные).

В классе глагола с помощью суффикса *-ua* от именных основ образуются деноминативные глаголы (ср. *niddāyati* 'спит' от *niddā* 'сон', *cirāyati* 'медлит' от *cira* 'долгий', *taṇhāyati* 'жаждет' от *taṇhā* 'жажды'; следует отметить, что во всех случаях суффиксу *-ua* предшествует долгий гласный сегмент, которым может быть или *-ā-* или *-ī-*; иногда последовательность, состоящая из сегмента *-ā* и следующего за ним суффикса *-ua*, перекодируется в один гласный сегмент *-e-*, ср. *kāmeti* 'желает', 'любит' от *kāma* 'желание', 'любовь', *piṇḍeti* 'скатывать в комок' от *piṇḍa* 'ком', *rūpeti* 'придает форму' от *rūpa* 'форма' и др.). Иногда деноминативные глаголы образуются с помощью нулевого суффикса *-#* (ср. *mag-gati* 'следует', 'выслеживает' от *magga* 'дорога', *saṭvōhāra-ti* 'торгует' от *saṭvōhāra* 'торговля', 'дело', *sajjhāyati* 'повторяет' от *sajjhāya* 'повторение' и др.).

Следует помнить, что наряду с перечисленными суффиксами более или менее широко употребляются слова с санскритскими суффиксами или — чаще — слова с суффиксами, имеющими санскритскую (а не палийскую) форму.

Табл. 28 показывает словообразовательные возможности пали с точки зрения исходных элементов и с точки зрения семантики образующихся слов.

Из этой таблицы видно, что синонимия суффиксов сильнее всего развита в словах, образованных от глагольных корней или основ, ср. *-ti*, *-ana*, *-anā*, *-ā*, *-#* в словах с абстрактным значением, *-tar*, *-in*, *-a*, *-ī*, *-#*, *-ana* в словах, обозначающих деятеля, *-ana*, *-anī*, *-tu*, *-ka*, *-aka* в словах с конкретным значением. Такая картина в принципе полностью согласуется с особой продуктивностью отглагольного словообразования в пали. С другой стороны, с помощью таблицы легко установить случаи суффиксальной омонимии. Так, первое место вне всякой конкуренции занимает суффикс *-ka/-aka*, который может выступать: в словах, обозначающих вещи и образованных от глагольного корня или основы; в словах, обозначающих лиц и образованных от имен, непосредственно связанных с глагольными элементами; в словах, образованных от существительных и обозначающих лиц; в словах, образованных от прилагательных и обозначающих лиц; в словах с эмоциональной оценкой, обозначающих вещи, и в словах с эмоциональной оценкой, обозначающих лиц (ср. соответственно *phala-ka*, *ājīvaka*, *rūvika*, *āyuttaka*, *nagaraka*, *pañditaka*). Достойны внимания близкие друг к другу по значению суффиксы *-tā* и *-tta*, выступающие в словах с абстрактным значением, независимо от исходных элементов (правда, от глагола такие слова могут образовываться только опосредственно, ср. *thitata* и *thitatta* — оба от *thā* через *thita*). Понятно, что практическое отсутствие примеров словообразовательных типов со значением вещи, образованных от прилагательных и существительных, объясняется отсутствием сколько-нибудь четкого формального противопоставления существительных и прилагательных для многих типов парадигмы в пали.

Три основных семантических класса, существенных с точки зрения словообразования в пали (вещный, абстрактный, личный), могут быть легко разграничены при принятии двух различительных признаков — 1) лицо — не-лицо, 2) вещь — не-вещь, см. табл. 29. Оба эти признака абсолютно необходимы и достаточны для описания указанных трех классов. Следует, однако, помнить и о более частных и факультативных случаях; ср. возможность образования слов с эмоциональной оценкой в классе вещей и лиц при отсутствии подобных образований в классе слов с абстрактным значением.

Для характеристики словообразования в пали существенны

также сведения о структуре словообразовательных семейств, изображаемых в виде деревьев, точнее, о таких вещах, как максимальное число узлов в наиболее разветвленных деревьях, максимальное число ветвей, исходящих из одного узла, глубина словообразования, определяемая количеством узлов в дереве от исходного элемента до производного слова, помещающегося в конце наиболее удаленной ветви, и т. п. Обычно число узлов в словообразовательных деревьях не превышает 10—15, и лишь в наиболее разветвленных деревьях оно достигает двух десятков, а иногда (очень редко) и несколько более. Число ветвей, исходящих из одного узла, едва ли может превышать десяток. Максимальная глубина словообразования, как правило, не превышает четырех. Примеры словообразовательных деревьев, близких к максимальным характеристикам, см. на табл. 30 и 31 (для лучшего их понимания полезно помнить, что в ряде случаев отношения производности могут устанавливаться по-разному: например, в табл. 30, в варианте а, слова II⁽⁴⁾, 1—II⁽⁴⁾, 6 связываются с I, 4 *bodheti*, а в варианте б ряд этих слов прямо выводится из *budh-/bodh-*; в варианте а определяющим было стремление сохранить аналогию между словообразовательными возможностями I, 1 *bijjhati* и I, 4 *bodheti*, а в варианте б — принцип простейшей связи возможно большего количества производных слов непосредственно с исходным элементом, данным в обобщенном морфонологическом виде).

Класс корней, как указывалось выше, не является закрытым, и поэтому практически любая лексема словаря (а иногда даже и целое слово в определенной форме или фраза) может выступать в виде корня. Далее существенно указать, какого рода элементы могут появляться в корне, какие сочетания (формально и содержательно) они образуют, каковы максимальные модели корня в пали.

Класс корней может быть представлен собственно корнем или основой и грамматической формой. Сказанное нуждается в пояснении. Условия появления в классе корней собственно корня сводятся к тому, что собственно корень может появляться здесь или если кроме него в классе корней в данном слове нет больше ни одного элемента, или если кроме него в этом классе в данном слове уже есть основа или сочетание основ. Иначе говоря, в слове класс корней не может быть представлен более чем одним собственно корнем; с другой стороны, класс корней может состоять из ряда основ, заканчивающихся, однако, собственно корнем (если только не считать случаев типа *dhammānudhamma* 'дхамма и то, что связано с нею' = *dhamma-ani-dhamm-a*, где последний член, рассматриваемый как корень *anudhamm-*, тем не менее снабжен префиксом).

Собственно корень может быть простым (ср. *vac-ā* 'словом', *vac-anā* 'слово', 'речь', *sam-vac-anā* 'предложение', *abhi-bhū* 'повелитель', 'победитель') и удвоенным. Удвоение корня выступает: 1) в единичных и довольно завуалированных примерах грамматических фэрм (ср. *tiṭṭhati* 'он стоит' при *ṭhita* 'находящийся', *pipati* 'он пьет', диалектная форма от *pivati*, *pibati* при *pīta* 'выпитый' или *āha* 'он сказал'); 2) в ряде грамматических форм, где оно имеет лексическое значение (ср. дезидеративные образования: *jighacch-ati* 'он хочет есть' при *ghas-ati* 'он ест', ср. *jighacchā* 'голод', *jigims-ati* 'он стремится получить' при *jayati* 'он побеждает', *pipās-ati* 'он хочет пить' при *pipati/pivati/pibati* 'он пьет', ср. *pipāsa* 'жажды', *tikicch-ati* 'он стремится мыслью', 'он лечит' при *cinteti* и *ceteti* 'он знает', ср. *tikicchaka* 'врач', *vavakkh-ati* 'он желает говорить' при **vatti* 'он говорит' и др.; интенсивные образования: *dhamadhama-yati* 'он сильно дует' при *dhamati* 'он дует', *raccācikkh-ati* 'он решительно отвергает' при *raccakkhāti* 'он отвергает', *caṅkam-ati* 'он ходит туда и сюда' при *kamati* 'он ступает', *lālap-pati* 'он много говорит' при *lapati* 'он разговаривает' и др.); 3) в разнообразных случаях усиления, повторения, уточнения [ср. *udagg-udagga*, 'очень ликующий', *iprakk-iprakka* 'сильно опухший', *thoka-thokāt* 'мало-помалу', *ek-ek'āha* 'каждодневно' и т. д., причем не всегда очевидна разница между повторяющимися элементами сложного слова и повторяющимися словами, о них см. выше; *cakkāticakkāt* 'масса колес', *padānupadāt* 'шаг за шагом', *mangalāvamangala* 'всякие (хорошие и плохие) предзнаменования', *haṭṭapahaṭṭha* 'рад-радехонек', *aṅgaraccāṅga* 'все члены (большие и малые)', *cipiṇa vicipiṇa* 'размолотый на кусочки', *cirācirāt* 'долго-долго'; образования такого рода характерны прежде всего для языка, близкого к просторечью, чем и объясняется обилие подобных примеров в джатаках]; 4) в ономатопейических образованиях (ср. *gaṭagal-āyati* 'он ревет', 'он шумит', *murumur-āyati* 'он хрустит', ср. *murumurā*, *ciṭicit-āyati*, *cicciṭ-āyati* 'он шипит' и др.).

Таким образом, собственно корню в слове могут предшествовать любые элементы класса префиксов, а за ним могут следовать элементы класса суффиксов.

Класс корней может быть представлен основой или сочетанием основ, завершающихся собственно корнем (*St+...+R*, где *St* — основа). Простейшие примеры состоят из основы и собственно корня, ср. *ekanta-sukh-in* 'абсолютно счастливый', *mahā-puris-a* 'великий человек', *canda-sur-iyā* 'луна и солнце'; наиболее громоздкие случаи сложных слов представляют собой длинные цепи основ (замыкаемыи корнем), иногда привиняемые к целым предложениям; число элементов, входящих в сложное слово, принципиально можно считать неогра-

ниченным или ограниченным длиной предложения в словах; особенно велики эти цепи элементов в несколько искусственном языке научных и философских трактатов (ср. обилие многочисленных сложных слов в Милинда-паньхе), ср. *sattha-gahaṇa-chedana-lekhana-vedhana-sall-uddharaṇa-vaṇa-dhova-na-sosana-bhesajja-anulimpana-vatana - virecana-anuvāsana-kiriyam* (*anusikkhitvā*). Мил.-паньха 353 '[перенявшi] владение ножом (операцию), извлечение копья, разрезавшего, позарапавшего, пронзившего [тело], промывание и подсушивание ран, намазывание целебными мазями, действие рвотного, слабительного, клизмы'; такие и еще более длинные сложные слова (далеко за два десятка членов) нередки в целом ряде палийских текстов.

Элементы, входящие в состав сложного слова, могут образовывать, соединяясь друг с другом, разные сочетания, эквивалентные по значению ЭСК или их отдельным членам. Целесообразно выделить два больших класса сложных слов в зависимости от того, существенно ли для их структуры определенное соотношение внутренних элементов (I класс) или не существенно (зато существенно соотношение с другими элементами ЭСК; II класс). К классу I относятся три типа сложных слов:

1. *dvanda* — сочетание двух или нескольких элементов в пределах класса корней, находящихся в отношении сочинительной связи (таким образом, этот тип словосложения может рассматриваться как результат трансформации ЭСК 26: С+-С или ЭСК 27: С_{co}+С_{co} при условии, что получаемый трансформ должен быть одним словом); чаще всего слова типа *dvanda* выступают в форме множественного числа, хотя — в случае, когда речь идет о собирательном значении, — слова этого типа могут выступать в единственном числе и среднем роде; следует также заметить, что простая схема порождения слов типа *dvanda* последовательным нанизыванием элементов обеспечивает возможность чрезвычайно длинных цепей элементов в словах этого типа. Примеры сложных слов *dvanda*: *mittā-tassā* 'друзья и советчики', *dhammacariyāsamatacariyā* 'благочестивая жизнь и спокойная жизнь', *aṇikathūla* 'маленький и большой', *dhammānudhamma* (sg) 'дхамма со всем, что к ней относится', *jātijarābyādhimaraṇa* (sg) 'рождение, старость, болезнь, смерть' и др.

2. *tappurisa* — сочетание элементов (обычно двух) в пределах класса корней, находящихся в отношении подчинительной связи типа управления (таким образом, этот тип словосложения может рассматриваться как результат трансформации ЭСК 1—12 при условии, что получаемый трансформ должен быть одним словом); определяющим элементом в словах типа *tappurisa* следует считать последний член сложного слова.

Примеры слов типа *tappurusa*: *bhikkhusaṅgha* ‘община монахов (бхикушу)’, *kittisaddo* ‘слово хвалы’ (примеры такого рода,

↓ |

эквивалентные ЭСК 3: *Nom_{gen}*+*Nom*, принадлежат к числу наиболее распространенных среди слов этого типа), *pādapiṭha* ‘скамейка для ног’, *agatigatana* ‘ведение неправильного образа жизни’ (ср. ЭСК 1 и ЭСК 7), *rāṇipreta* ‘наделенный жизнью’ (ср. ЭСК 2 и ЭСК 8), *rāṇasama* ‘равный жизни (дорогой, как жизнь)’ (ср. ЭСК 4 и ЭСК 11), *rañcaseṭṭha* ‘лучший в пяти [отношениях]’ (ср. ЭСК 5) и др.

3. *kammadhāraya* — сочетание элементов (обычно двух) в пределах класса корней, находящихся в отношении подчинительной связи типа согласования (таким образом, этот тип словосложения может рассматриваться как результат трансформации ЭСК 18—20 при условии, что получаемый трансформ должен быть одним словом); определяющим элементом в словах типа *kammadhāraya* обычно является последний, хотя известны и исключения (ср. *gāmavara* ‘лучшая деревня’, *dumuttama* ‘прекрасное дерево’, *purisuttama* ‘благородный человек’ при *uttamapurisa* то же самое, *vānarajetṭha* ‘старшая обезьяна’ при *jetṭhavānara* то же самое; *kinkārapaṭissāvin* ‘послушный слуга’; впрочем, подобные случаи могли бы объясняться и как *tappurisa* со значением «лучший из...», «благородный среди...» и т. д.). Примеры слов типа *kammadhāraya*: *sītūdaka* ‘холодная вода’, *ariyamagga* ‘благородный путь’, *rāprakamma* ‘злое дело’, *Asokarājā* ‘царь Ашока’ (ср. ЭСК 20); особую разновидность этого типа представляют сложные слова *digu*, где первым элементом (определяемым) является числительное: *rañcanikāyā* ‘пять никай’, *tiloka* ‘трехчленный мир’ и т. п. Обычно к словам типа *kammadhāraya* относят и такие, в которых первым членом является неизменяемое слово (или даже элемент, не выступающий в языке независимо); в таких случаях речь идет об эквивалентности ЭСК 22, ср. *sammādiṭṭhi* ‘правильный взгляд’ (*sammā* — неизменяемое слово), *micchācāra* ‘неверное поведение’ (*micchā* — Adv), *musāvāda* ‘ложь’ (собств. — ‘говорение лживо’); *ahimsā* ‘ненасилие’ и др. (естественно, что примеры, подобные последнему, строго говоря, вообще нельзя считать сложными словами).

К классу II относится лишь один тип сложных слов *bañubbīhi*, который практически всегда может быть приравнен (в смысловом отношении) к конструкциям со значением «который чем-то обладает», «который с чем-то связан» и под., с од-

↓ |

ной стороны, и к Adj в ЭСК 18: Adj+Nom-Subst, с другой стороны (последнее, в частности, подкрепляется возможностью оформления слов типа *bañubbīhi* по образцу прилагательных — с помощью суффиксов *-ka*, *-ika* или *-in*). Примеры сложных

слов типа bahubbihi: (*ye kesi...*) *tōhamaggā* '(некоторые...), обладающие (связанные с) путем, ведущим к заблуждению', *appasaddā (bhonto)* '(господа), связанные с немногими словами (немногостовные)', (*Buddho*) *antimasarīro* '(Будда), имеющий последнее тело' (т. е. обладающий последним рождением), *caritukāta* 'желающий идти', *caturāmsa* 'имеющий четыре угла', (*loke*) *samāraķe sabrahmake* '(в мире), связанном с Марой и Брахмой' и др.

Обычно к сложным словам относят образования типа avyayibhāva, представляющие собой сочетание элементов (обычно двух), в котором — в отличие от tappurisa и kammadhāraya — определяющим является первый член и которое может рассматриваться как результат трансформации ЭСК 13 или ЭСК 17 при условии, что получаемый трансформ должен быть одним словом. Однако в соответствии с изложенным выше образования avyayibhāva не могут считаться сложными словами: их первый член всегда принадлежит классу префиксов (*adhi*, *ati*, *api*, *paṭi*, *tiro*, *pacchā*, *yathā*, *yatna* и под.), ср. *apivassat* 'в течение сезона дождей' *atibālhaṭ* 'слишком много' *pacattat* 'отдельно' 'сам по себе', *yathābhūtāt* 'как это есть' и т. д. Понятно, что в смысловом отношении образования avyayibhāva эквивалентны указанным выше ЭСК, Adv в ЭСК 22 или даже целым придаточным предложениям.

Перечисленные модели сложных слов разных типов могут соединяться друг с другом, образуя новые сложные слова смешанного типа, ср. *Buddha-dhamma-saṅgha-saraṇagataṭā* 'состояние ухода к Будде, к дхамме, к сангхе как к прибежищу' (tappurisa с dvanda внутри), *mahāpurisalakkhaṇa* 'признак великого человека' (tappurisa с kammadhāraya внутри), *brahmaśkūra* 'достигающий мира Брахмы' (tappurisa с tappurisa внутри), *acatasaddha (bhikkhu)* '(бхикшу), имеющий непоколебимую веру' (bahubbihi с kammadhāraya внутри), (*itthiy*-*yo*) *dīṭṭhakataphala* '(женщины), имеющие результаты [своих] действий увиденными' (bahubbihi с kammadhāraya внутри; внутри kammadhāraya — tappurisa), *samaṇa-brāhmaṇa-sabbapāsaṇḍagāḍ* 'аскеты, брахманы и собрание всех сект' (dvanda tappurisa внутри; внутри tappurisa — kammadhāraya) и другие, еще более сложные, примеры. Легкость, с которой различные типы сложных слов вступают в сочетание друг с другом, еще более увеличивает возможности их функционирования в качестве образований, эквивалентных целым предложениям.

Среди сложных слов следует указать одну категорию случаев, связанных с образованием ряда слов в подклассе числительных. Это — единственный, грамматический подкласс, внутри которого часть единиц образуется непременно с помощью словосложения. Речь идет о числительных с 1 до 9 в каждом десятке, начиная со второго (ср. *ekādasa* '11', *dvā-*

dasa '12', *catuddasa* '14', *pāṇcadassa* '15', *ekūnavīsati* '19', *ekūnatimsati* '29', *ekavīsati* '21', *sattavīsati* '27', *dvicattālīsati* '42' и т. д.), о числительных более ста (ср. *ekādhika satam* '101', *tisatam* '300', *dasalakkhaṭ* '1 000 000', *satalakkhaṭ* '10 000 000' и т. д.), о дробных числительных (ср. принятый способ выражения целых чисел с помощью дробных *dasaddha* '5', т. е. 'половина от десяти', *tiyaddha sataṭ* '250', т. е. 'три без половины сотни'; ср. собственно дробные числительные *adḍhatelasa* '12 $\frac{1}{2}$ ', т. е. 'тринадцать без половины' и другие примеры с использованием *adḍha* 'половина', *pāda* 'четверть' и т. д.).

Наконец, нужно упомянуть еще об одной группе случаев, допускающей в принципе двоякую интерпретацию, — как сложные слова типа *tappurisa* или как простые слова с особым суффиксальным подклассом (-*kāra*, -*vādin*, -*vāda*, -*bhāva* и т. д.), ср. *pāpakara* 'злодей', *divākara* 'солнце', т. е. 'делающее день', *kumbhakāra* 'гончар', т. е. 'делающий горшки', *musāvādin* 'лжец', т. е. 'говорящий лживо', *musāvāda* 'ложь', *jātivāda* 'генеалогия' и другие случаи использования -*vāda* в названиях научных или религиозных течений; *ekibhāva* 'одиночество', *tuṇhībhāva* 'молчание' (с использованием неизменяемой формы на -*i*), *attikabhāva* 'полезность', *attabhāva* 'самость' и т. д.

И последнее. Помимо собственно корня или основы класс корней в пали может быть представлен словами в определенной грамматической форме или даже целым предложением. Ср. *kinnara* 'киннара' (букв. 'что-человек'), *kimpurisa* 'дикий человек' (букв. 'что-человек'), *pubbaṅgama* 'предшествующий' (т. е. 'идущий ранее'), *vacanaṅkara* 'слуга' (т. е. 'исполняющий слово'), *ekamantam* 'в стороне' 'отдельно' (во всех этих примерах в первом члене — форма на -*m*, совпадающая с N-A n sg или с A m sg), *ahosi-kamma* 'действие, карма которого не имеет больше потенциальной силы' (букв. 'была-карма'; *ahosi*—3. sg praet от *atti*), *asmimāno* 'гордость' (т. е. 'я — есмь — мысль'; *asmi* — 1. sg praes от *atti*), *na-hoti-Tathāgata-sutta* (букв. 'нет-Татхагаты-сутта', *hoti* — 3. sg praes), *ehibhikkhu-abbajjā* 'посвящение, достигаемое с помощью слов: «приди, о монах!»' (т. е. «приди-о-монах!» — посвящение'; *ehi* — 2. sg imper от *eti*, *bhikkhu* — Voc от *bhikkhu*) и еще более сложные примеры. Способность к образованию таких примеров, когда, в частности, грамматическая форма трактуется как корень или основа, а целая фраза — как сочетание их, свидетельствует об известном влиянии модели, характерной для языков изолирующего типа.

ЛЕКСИКА, СЕМАНТИКА, ТЕКСТ (ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

В этом разделе придется ограничиться лишь довольно общими рассуждениями, которые, однако, должны помочь в предварительной ориентации при анализе плана содержания.

С самого начала важно подчеркнуть, что пали прежде всего язык буддийского Канона, который и задает общий концептуальный каркас (*conceptual framework*), семантическое членение («картирование»), набор десигнаторов (означаемых), их иерархию и тем самым некоторые правила размещения соответствующих лексем (десигнаторов) в тексте. Все не-канонические тексты имеют с некоторой внутренней точки зрения исключительно вспомогательное значение — как комментарий к частям Канона. Поэтому и Канон и не-каноническая литература могут рассматриваться (опять-таки под определенным углом зрения) как серия определений основных понятий буддийской системы, т.е. как метаязыковое описание. Вместе с тем следует помнить, что наши представления о лексике и семантике пали, строго говоря, строятся только на основании письменных текстов, которые образуют хотя и обширный, но закрытый общий текст. Следовательно, в принципе исследователь может перечислить все данные элементы и полно описать их, помня, однако, при этом, что он дает описание специализированного языка закрытого текста, лишь относительно адекватно отражающего лежащий за ним язык. Зато именно специализированный характер языка определяет достаточно надежно иерархическое соотношение между разными семантическими сферами, во-первых, и степень сакрализации десигнаторов и тем самым место в системе соответствующих десигнаторов, во-вторых.

Из общих характеристик, относящихся к лексике и семантике пали, важно остановиться на двух противопоставленных один другому показателях. Один из них определяет степень дву- или многосмысленности и связан с омонимией; другой определяет степень гибкости языка и связан с разными лексическими возможностями передачи одного и того же в заданном отношении содержания, т.е. с синонимией.

Омонимия составляет особую проблему для пали, поскольку в ходе эволюции фонологической системы (см. об этом ниже) многие прежде различавшиеся фонемы или их сочетания слились или упростились в существенно меньшее число фонем или их сочетаний. Отсюда — обилие омонимов и перенесение проблемы снятия омонимии на более обширные последовательности слов в тексте, чему в принципе соответствует установка на высокую степень автоматизма при анализе текста, обусловленная детерминированностью одних элементов текста другими.

Из примеров наиболее богатой омонимии ср.: *sattha* ‘оружие’; ‘наука’; ‘караван’; ‘сказанный’; ‘способный’; ‘выдохнутый’ (шесть различных семантических комплексов; для простоты указываются лишь первые значения из каждого комплекса по словарю Т.В.Рис Дэвидс и В.Стеде); по пять различных семантических комплексов объединяется в словах: *assa* ‘плечо’; ‘угол’; ‘конь’; род.-дат. пад. ед.ч. от *ayat* ‘этот’; 3 л. ед.ч. опт. от *atthi* ‘быть’; *sara* — ‘тростник’; ‘движущийся’; ‘озеро’; ‘помнящий’; ‘звук’; *sita* — ‘острый’; ‘вставленный’; ‘связанный’; ‘белый’; ‘улыбка’

По четыре различных семантических комплекса: *a* — предлог *ā*, сокращенный перед двойным согласным; отрицательная частица; аугмент; звук *a* (*akāra*); *accha* — ‘ясный’; ‘медведь’; = *akkha* ‘игральная кость’; ‘вредный’; *asana* — ‘камень’; ‘еда’; ‘дерево Pentaptera Tomentosa’; ‘стрела’; *assu* — ‘слеза’; 3 л. мн.ч. опт. от *atthi* ‘быть’; эксплеливная частица; вопросительная частица (= *su*); *ādiya* — ‘съедобный’; ‘сплетня’; (в *“mikha”*); = *ādika* ‘начальный’; абсол. от *ādiyati* ‘взяв’; *āsa* — стяженная форма от *āmsa* ‘плечо’ в сложных словах; ‘пища’; ‘желающий’; архаичная форма 3 л. ед.ч. перф. от *atthi* ‘быть’; *kūṭa* — ‘капкан’; ‘вершина’; ‘молот’; ‘безрогий’; *patta* — ‘крыло птицы’; ‘перо’; ‘чаша’; ‘полученный’; ‘пехотинец’; *va* — буква *va* (*va-kāra*); сокращенная форма от *iva* ‘как’; ‘даже’; метрическое сокращение от *vā* ‘или’; *vatta* — ‘сделанный’, т.е. ‘служба’; ‘рот’; ‘широко раскрытый’; искаженная форма от *vāṇṭha* ‘увечный’; *sa* — буква *sa* (*sa-kāra*); им. пад. указат. местоимения 3-го лица; префикс; ‘свой’; *satta* — ‘приникший’; ‘живое существо’; ‘проклятый’; ‘семь’; *samita* — ‘собравшийся’; ‘равный’; ‘спокойный’; ‘приведенный в порядок’

По три различных семантических комплекса: *akkha* — ‘ось колеса’; ‘игральная кость’; ‘имеющий глаза’; *attā* — ‘высокая площадка для наблюдения’; ‘судебное разбирательство’; ‘угнетенный’; *atta* — ‘принятый’; ‘душа’; ‘обмазанный’ (в *upatta*); *attha* — ‘интерес’; ‘дом’; 2 л. мн.ч. наст. вр. от *atthi* ‘быть’; *adda* — ‘имбирь’; 3 л. ед.ч. аор. от *dassati* ‘видеть’; ‘мокрый’; *anta* — ‘конец’; ‘имеющий конец’; ‘кишечник’; *kaṭa* — ‘циновка’; = *kaṭi* ‘бедро’ в сложных словах; ‘хороший’; *kaṭṭha* — ‘вспаханный’; ‘плохой’; ‘кусок дерева’; *koṭṭha* — ‘живот’; ‘птица’; название растения; *guṇa* — ‘веревка’; ‘шар’; ‘древесный червь’; *guṇa* — ‘шар’; ‘сахар’; ‘пучок’; *citta* — ‘пестрый’; ‘сердце’; название месяца чайтра; *danta* — ‘зуб’; ‘сделанный из слоновой кости’; ‘прирученный’; *dīpa* — ‘лампа’; ‘остров’; ‘повозка, покрытая шкурой пантеры’; *nivutta* — ‘обозначенный’; ‘бритый’; ‘посеянный’; *no* — утвердительная и эмфатическая частица; отрицательная и противительная частица; энклитическая форма дат.-род.-вин. пад. мн.ч. местоимения 1 лица; *pakkha* — ‘бок’; ‘видимый’; ‘калека’; *patti* — ‘пеший’; ‘пехотинец’; ‘получение’;

‘лист’; *pattika* — ‘пеший’, ‘пехотинец’; ‘имеющий выгоду’; ‘снабженный чашей’ (в сложном слове); *padaka* — ‘знающий пады’ (т.е. слова или стихи); ‘основа’, ‘принцип’; ‘имеющий ноги или части’ (в сложных словах); *pavana* — ‘просеивание зерна’; ‘склон горы’; ‘петля’ (в сложном слове); *pāsaka* — ‘бант’; ‘бросок’; ‘игральная кость’; ‘перемычка (окна или двери)’; *puṭṭha* — ‘некормленый’; ‘спрошенный’; = *phuṭṭha*; ‘затронутый’; *rūga* — ‘куча’; ‘объединение’; ‘дерево бетель’; *phala* — ‘плод’; = *pala*; ‘мера веса’; ‘острие копья’; *phāla* — ‘лемех плуга’; ‘металлическая дощечка’; ‘связка’ (в сложном слове); *phusita* — ‘капля дождя’; ‘пятнистый’; ‘касающийся’; *phussa* — название месяца; ‘касающийся’; ‘пятнистый’; *bahati* — ‘выдергивать’; ‘усиливать’; ‘держать за пределами’; *bila* — ‘отверстие’; ‘часть’; ‘род соли’; *bhaṭṭha* — ‘упавший’; ‘сказанный’; ‘плата’; *bhinkāra* — ‘кувшин для воды’; ‘приветственное восклицание’; ‘название птицы’; *bhuja* — ‘рука’; ‘чистый’; ‘изогнутый’; *majjati* — ‘погружать’; ‘полировать’; ‘опьяниться’; *māsa* — ‘месяц’; ‘фасоль’; ‘мелкая монета’; *yata* — ‘обузданье’; ‘имя собств. царя умерших’; ‘близнец’; *vasati* — ‘надевать’; ‘жить’; ‘жилье’; *vāla* — ‘волосы’; ‘зловредный’; ‘вода’; *vitta* — ‘собственность’; ‘обрадованный’; ‘просеянный’; *vutta* — ‘сказанный’; ‘посеянный’; ‘бритый’; *sama* — ‘спокойствие’; ‘усталость’; ‘даже’; *samma* — ‘термин фамильярного обращения’; = *sammā* ‘должным образом’; ‘цимбалы’; *saraṇa* — ‘прибежище’; ‘сопутствующий войне’; ‘воспоминание’; *susu* ‘мальчик’; ‘шипение’; ‘название водяного животного’

По два семантических комплекса объединяется в нескольких сотнях слов: Ср.: *amṣa, agga, agha, anka, angaṇa, accharā, ajeyya, ajjhāpana, añjati, aññāta, aññātaka, aṭṭha, aṭṭhi, aṭṭhika, aṭṭhita, addha, aṇḍaka, addha, adhicca, adhipāta, anu, anupasankamati, anuprahata, anuvāta, anussuta, antarāya, appamatta, abbhuta, abhikkhana, abhiññā, abhida, amata, ambaka, ambara, aya, arahatta, ariṭṭha, ala, avasesa, avyāpajjha, asama, asita, asoka, assaka, assattha, aha;*

ākāsa, ākotana, ādahati; āma, ārabhati, ārā, ālimpeti, āluka, āvuta, āsatta, āsita, āhacca;

icchatī, itara, itthatta, iddhā, iddhika, issā;

ugga, uggirati, ud̄deti, uttara, uttāseti, uda, udapatta, udita, udda, uddaya, usabha, ussakkati, ussāreti, ussāva;

ūhacca, ūhata, ūhanati;

ekamṣa, eraka, elaka, esa, esikā;

ogādha, oṭṭha, obhāsatī, omāna;

kakka, kaccha, kacchatī, kacchā, kaṭṭhaka, kaṇṭhaka, kandu, kadalī, kanta, kantati, kantika, kalla, kasiṇa, kāca, kāsa, kiṇṇa, kutṭa, kuṭṭha, kuṇḍalin, kulla, keli, kesara, koka, koccha, koṇca, koṭṭhaka, kosa;

khaṇa, khata, khara, khalita, khura;

gaṇikā, gaṇin, gaha, gādha, gedha, goṇa, goṇaka, godhā;
ghamsati, ghaṭa, ghaṭikā, ghana, ghara, ghāyati;
catukka, calaka, cittaka, cetasa;
chatta, channa;
janati, jalla, jātaka, jāni, jāla, jīraka, jīva;
jhāna, jhāyati, jhāyana;
takka, takkara, taccha, tatta, tattaka, tappati, tarati, tasita,
tādisa, tāreti, tāla;
thala, thāvara;
dakkha, datta, daddara, daddula, dabba, dayati, dava, dasa,
dasika, dassati, dassita, dahati, dāya, diṭṭha, ditta, disatā, dussa,
dūta, dūbhaka, dūhana, donī, dosa, doha;
dhañña, dhava;
nandi, nava, nigha, nijjhāyati, niṭṭhā, nittharāṇa, nimmāna,
niyāmaka, niratta, nirabbuda, nivāta, nivāsana, netta;
pakkhalati, pajja, paññatta, paṭisarati, pati, pattiya, pattha,
padosa, paddha, pabālha, pamajjati, pamukhā, parikantati,
parikkhata, paricita, paritta, paribhaṭṭha, pariyatta, palāpa,
palāpeti, palāsa, pavutta, pasata, passa, paha, pahamsati,
pahamsita, pahaṭṭha, pācana, pātipada, pimsati, picu, piṭṭha, piya,
pīta, puppha, pubba, pura, pekkha, peyya, poṇa, pota, pottha,
potthaka, porissa, posa;
phalika, phalita, phassa, phulla, phusati;
baddha, bala, balya, bāla, biṭṭala, buddha, bodhi, brāhmaṇa;
bhagga, bhanga, bhājana, bhāṇaka, bhāsati, bhisi, bhuñjati,
bhummi, bhusa, bhū, bhūri, bhenduka, bhoga, bhogin, bhogga;
makkha, mata, matta, maru, māna, mālika, mināti, mutta,
muddikā, muddha, mokkha, moca;
yatati, yogga;
ranga, ratana, ratta, ratha, rathaka, randha, rava, rasa, rāji,
rādheti, rūḍha, rūhati, rodha, ropeti;
lāpa, locana;
vaka, vakka, vagga, vaccha, vajira, vajja, vaṭṭa, vata, vati, vattha,
vatthu, vaddha, vana, vapati, vappa, vaya, vara, varaka, vasana,
vasā, vassati, vassana, vassita, vāḍika, vāṇa, vāpita, vāyati, vārāṇa,
vāla, vāsa, vāsana, vāsin, vāseti, vitthata, viddha, vidha, vimāna,
virājita, vividha, vissa, vihata, viheti, vīta, vuttha, venayika, vyādhi;
samvijjati, samsita, samhata, sakāṭa, sakkhi, sankara, sankha,
sankhāna, sangaha, sanghaṭṭa, sacitta, sajati, sajjana, saññatta,
sata, satti, sattu, satthaka, satthi, saddha, san, santa, santaka,
santatta, sanda, sandana, sanna, sabhoga, samatta, samāna,
sampahaṭṭha, sammati, sammatta, sammā, sayati, salakkhana,
savana, sasati, saha, sādeti, sāma, sāmañña, sāmaññatā, sāyana,
sārambha, simṣati, singa, siddha, sināti, sippikā, sīna, sīsa, sukka,
suta, sutta, sutti, suna, sūra, sena, senaka, sona, sonḍī, sota,
sotthiya, sobhaṇa;
hamṣa, haṭa, hanati, halāhala, hāpeti, hāyana.

В связи с проблемой омонимии был поднят вопрос о последовательностях языковых (уже — лексико-семантических) элементов, которые следуют друг за другом с высокой условной вероятностью и тем самым становятся автоматическими симптомами состояния того, кто кодирует, и того, кто декодирует текст. Иначе говоря, в этих случаях имеется в виду ситуация ослабленной семантизации вплоть до десемантизации в ряде текстов, где, например, выступает на первое место «фатическая» функция. Проблема синонимии, напротив, часто возвращает нас к ситуации усиленной семантизации, гиперсемантизации отдельных элементов текста и словаря, хотя эта ситуация и не исчерпывается тем, что связано с синонимией (ср. всю сферу звукоизобразительного символизма, синэстетических комплексов и т.п.). В связи с синонимией речь идет скорее о том, что в ряде текстов отдельным словам приписываются более богатые значения, чем значения этих же слов вне данных текстов. Ср. случаи терминологизации, когда одно общее значение, свойственное ряду слов, перестраивается под углом сильной специализации вплоть до того, что первоначальная синонимия в данных текстах снимается. Так, например, слова, объединенные общим значением ‘знание’, получают дальнейшую специализацию, часто связанную именно с гиперсемантизацией, ср.: *ñāṇa* ‘знание, ум, проницательность, убежденность, осознание’;

raijñā ‘ум, включающий все высшие познавательные способности’, ‘интеллект как способность заниматься общими истинами’, ‘разум, мудрость, проницательность, знание, осознание’;

vijjā ‘откровение; высшее знание; знание, которое можно применять и использовать как искусство’; ‘практическое знание’; также ‘мистическое знание’;

bodhi ‘высшее знание, просветление, знание, которое свойственно Будде’;

abhiññā ‘знание, приводящее к ясности и спокойствию и в конечном счете к нирване’;

dassana ‘видение, (способность) восприятия, способность к самосознанию, взгляд, теория (ср. *ñāṇa-dassana* ‘знание и видение’);

cakkhu ‘глаз как наиболее важный канал для ментального усвоения, как способность восприятия и постижения; прозорливость, знание’ (при основном значении — ‘глаз как орган зрения’);

paṭisambhidā букв. ‘необходимость постоянного разбиения’, т.е. ‘анализ’, ‘аналитическое видение’, ‘дискриминирующее знание’;

sambodha, sambodhi ‘просветление; высшая мудрость, пробуждение; прозрение, свойственное трем высшим ступеням Пути’ и т.д.

Заслуживают внимания и другие примеры, типичные для буддийской модели мира. Ср. обозначения двух противоположных операций, связываемых с началом и концом, — ‘возникать’ и ‘прекращаться’. С одной стороны, *jāyati* ‘рождаться’; *pabhavati* ‘происходить’, ‘исходить’, ‘брать начало’, *nibbattati* ‘возникать из’, ‘появляться’, ‘становиться’, ‘происходить в результате чего-либо’, *irrajjat* ‘получаться’, ‘возникать из’, ‘создаваться’, ‘рождаться’, *samutthati* ‘возникать’, ‘происходить’ и т.д., и с другой стороны, *viramati* ‘прекращаться’, ‘воздерживаться’, ‘удерживаться’, *uparamati* ‘прекращаться’, ‘переставать’, ‘успокаиваться’, *vigacchati* ‘отправляться’, ‘исчезать’, ‘убывать’ (*vigata* ‘умерший’); *nivattati* ‘исчезать’, ‘пропадать’ (ср. основные значения — ‘повернуть назад’, ‘вернуться’, ‘отвернуться’, ‘убежать’), *nirujjhati* ‘быть разрушенным’, ‘прекращаться’, ‘умирать’ (ср. основное значение — ‘отломиться’, ‘раствориться’), *nibbāyati* ‘перестать существовать’ (основное значение — ‘охлаждаться’ (об огне), ‘прекращаться’), *marati* ‘умирать’ и т.д. Ср. ‘разрушать’: *vināseti*, *vidhameti*, *viddhamañseti*, *vighāteti*, *uccindati* и т.д.

Ср. также столь часто встречающееся в буддийских текстах понятие ‘причины’, реализуемое в целом ряде слов: *kāraṇa* ‘действие как (материальная) причина’ (основное значение — ‘действие’, ‘действие’), *nidāna* ‘основа, основание, случай; источник, происхождение, причина; мотивировка, ссылка, тема’, *thāna* ‘(позиция=) основание (для предположения), мотивировка, предположение, принцип (основное значение — ‘место’), *hetu* ‘причина, мотивировка, условие’, *rassaya* ‘мотивировка, причина, основа, средство’ (основное значение — ‘поддержка, необходимая вещь, средство’) и т.д.

Обилием синонимов характеризуется противопоставление двух сфер — добра и зла. Ср.: *sundara*, *bhadda*, *subha*, *kalyāṇa*, *sobhaṇa*, *susila*, *adūsita*, *dhammika* etc. — *pāpa*, *anattha*, *adhamma*, *vipatti*, *vyasana* etc. Традиционно богатая синонимия в семантическом поле ‘ясный’: *pasanna* ‘ясный, яркий; счастливый, довольный’, *anāvila* ‘ненарушенный, беспорочный, ясный, чистый’, *nimmala* ‘незагрязненный’, ‘ясный’, ‘чистый’, *visada* ‘ясный, чистый, белый; явный’, *pākaṭa* ‘открытый, общий, не скрываемый; общеизвестный, обычный’ (основное значение — ‘общий, вульгарный, неконтролируемый’), *nijjata* ‘распутанный’, *amissa* ‘несмешанный’, *asambādha* ‘беспрепятственный’ и т.д.; ср. слова для обозначения золота: *suvaṇṇa*, *kanaka*, *kañcana*, *hema*, *cāmīkara*, *jātarūpa* и т.д.; для ‘прямой’: *uji*, *ajimha*, *avanka*, *akuṭila* и т.д. Синонимические ряды образуются и в других классах слов, ср. ‘всегда’: *sadā*, *niccam*, *nirantaram*, *satañtam* и т.д.; ‘благодаря’: *kāraṇā*, *nissāya*, *hetupā*, *dvārena* и т.д.

Эти общие характеристики, описывающие пали прежде всего в теоретико-информационном аспекте, должны быть дополнены

некоторыми соображениями, относящимися как к схеме номинации в этом языке, так и к его комбинаторной семантике. Семиотическое описание языка прежде всего предполагает анализ средств, которые существуют в пали для десигнации, референции и переключения уровней. В связи с этим возникает вопрос о двух типах языковых знаков, существенных для описания языка в его семантическом аспекте — о форматорах (или «логических» знаках), относительно просто задаваемых перечислением, и десигнаторах, которые обычно определяются операционно, как все те выражения, к которым применимся семантический анализ значения.

Среди форматоров целесообразно выделять прагматические операторы, дейктические знаки, знаки логических операторов, кванторы разного типа, знаки, определяющие организацию выражений (— «чисто синтаксические» знаки), см. U. Weinreich.

К прагматическим операторам нужно отнести способы выражения таких категорий, как утверждение (*āta, evam, sādhū*), отрицание (*no, na hi, natthi; na, a-, nis-, vinā*), вопрос (вопросительные местоимения и связанные с ними слова, см. раздел морфологии; *kim* в значении ‘ли’ и т.п.), повеление (ср. императив, оптатив, связанные с дейктическими элементами — более развитыми для 2-го лица, менее — для 1-го и 3-го), отношение к содержанию высказывания (ср. разные средства выражения одобрения–неодобрения, включая суффиксы; специальные «модальные» средства для общефразовых оценок типа *subhagatāya, sukhena* ‘к счастью’, *mandabhaggatāya, abhaggena, asukhena* ‘к сожалению’, *supakaṭam, suvisadat* ‘явно, очевидно’, *addhā, pīnat, jātu, ve, have* ‘конечно’, *sāsankat* ‘сомнительно’, *sanke, āsankāti* ‘я сомневаюсь’, *apekkhā hoti* ‘есть желание’, *hi* ‘так как, конечно’, *vuccati* ‘сказано’ etc.).

К дейктическим знакам принадлежат все виды отсылок к тому акту речи, в котором они используются: указания на автора высказывания (1 л.) и адресата высказывания (2 л.), на время речи и ее место (различные указательные элементы, см. раздел морфологии, а также ниже), на идентичность или неидентичность данного акта речи некоторому другому акту речи (анафорический дейксис и т.п.) — и, шире, — все средства отождествления и связи: *sama* ‘равный; сходный, подобный, похожий’; *samatā* ‘одинаковый, подобный, равный, похожий’, *sādisa* ‘одинаковый, сходный, подобный’, *sannibha* ‘напоминающий’, *sarikkha id*, *sarikkhaka* ‘в соответствии с, сходный’, *nibha* ‘сходный, подобный, напоминающий’, *paṭipuggala* ‘человек, подобный другому’, *atañña* ‘тот же самый’, *anurūpa* ‘подходящий, адекватный’, *vutta* ‘сказанный, упомянутый’, *pubbevutta*, *yathāvutta* ‘ранее упомянутый’, *pubba*, *purita*, *puretara* ‘предыдущий’, *anvāyika*, *anubaddha* ‘следующий’, *niyata*,

vinicchita, nissamsaya ‘определенный’, *aniyata, avinicchita* ‘неопределенный’, *ayat* ‘присутствующий, этот’, *vattamāna, vijjamāna* ‘присутствующий, этот’, *kappati* ‘быть подходящим, ~ годным’, *samāno bhavati* ‘быть похожим’

Логические операторы суть языковые элементы, использующиеся в логических операциях исчисления высказываний: ‘и’ (*ca, api, api ca*), ‘или’ (*vā, athavā, yadi vā*), ‘но’ (*ca, tathā pi, kin tu*), ‘если’ (*sace, yadi*), ‘ни... ни’ (*n'eva... na, n'eko pi*) и под.

К кванторам относятся разные виды указания всеобщности (ср. *sabba* ‘все’, *yo, ye; yo koci, ekakkhattum, ekavāram* ‘всякий, любой’, *yo, yo ayat, ye-vā-pana* ‘кто бы ни’, ‘какой бы ни’, *yadā* ‘когда бы ни’, *yattha, yattha katthaci, yattha kātāt* ‘где бы ни’, *na koci* ‘никто’, *na hi, na pi, n'eva, na kho* ‘никогда’ etc.), способы замены разных классов слов (*koci* ‘кто-то’; *aññatara, eka* ‘некто’ и другие средства обозначения квантора существования, *yenā kenaci ākārena* ‘какой-нибудь’, *kadāci, karahaci* ‘когда-нибудь’, *eka, koci* ‘какой-нибудь’, *eke, ekacce, thokat, kiñci* ‘несколько’, *kālena kālam* ‘иногда’ etc.), средства квантификации (*ekasmīt samaye, ekadā* ‘однажды’, *dvikkhattum, dve vāre* ‘дважды’, *tikkhattum* ‘трижды’, *yadā kadāci* ‘всякий раз’, *na kadāci, na kudācanam* ‘ни разу’ etc.), а также разные употребления числительных (*pathamat* ‘во-первых’, *dutiyat* ‘во-вторых’, *tatiyat* ‘в-третьих’ *eka* ‘один’, *dvi* ‘два’, *ti* ‘три’ и под.).

Рассмотрение знаков, определяющих организацию выражений («чисто синтаксические» знаки), относится уже к области комбинаторной семантики.

Существенно также выделение тех элементов в пали, десигнатами которых служат некоторые аспекты самого языка. Эти метаязыковые элементы позволяют отличать использование знака от его упоминания и анализа именно как элемента данного языка. Ср. также важные в этом отношении средства, как *saddattha, adhippāya* ‘значение’, *attha* ‘смысл, значение, обозначение’, *ti attho, adhippeti, sūceti* ‘значить, обозначать’, *vibhajati* ‘анализировать’, *vācā, girā, vāṇī, vacana, bhāsita, pada* ‘слово’, *katheti, bhāsati, vadati, bhaṇati, sallapati, vācasat bhindati* ‘сказать’, ‘говорить’, ‘рассказывать’, *ākhyātarāpāni vibhajati* ‘спрятать’, *attham vadati* ‘объяснять’, *attham vibhajati, attham ācikkhati* ‘интерпретировать’, *attham pucchati* ‘спрашивать значение’, *sacca* ‘правильный’ и т.д. Сюда же относится указание цитации *ti*, как и некоторые другие средства метаязыкового описания.

Особую категорию лексики составляют имена собственные (о них см. ниже, в приложении).

Звукоизобразительные и символические слова, строго говоря, относятся к десигнаторам, но заслуживают специального внимания в силу особых соотношений между планом содержания и планом выражения. Кроме того, слова этого типа в пали

обладают некоторыми дополнительными особенностями ввиду уже упоминавшихся конвергентных тенденций в эволюции звуков и их сочетаний; в результате них статут звукоизобразительных приобрели слова, которые раньше его не имели (ср. палийск. *kukkissa* ‘дурные деяния’ из др.-инд. *ku-kṛtya* и под.). Основную часть звукоизобразительной лексики составляют слова с удвоением — от междометий (*cīti-cīti* ‘шипение’) до имен и глаголов со следами грамматической редупликации — *jaddhati* ‘смеяться’ (интенс.), *cikicchatī/tikicchatī* ‘размышлять, обдумывать, намереваться, иметь в виду, следить (дезид.)’, *tikicchā* ‘искусство исцеления’, *jajjara* ‘увядший, слабый’ (интенс.), *jigimṣati* ‘хотеть получить’ (дезид.), *jigimṣaka* ‘желающий получить’, *jigucchatī* ‘остерегаться, избегать, презирать’ (дезид.), *jiguccchaka* ‘презирающий’, *jiguccchana* ‘неприязнь, презрение’, *sussūsati* ‘хотеть услышать’ (дезид.) и т.д., не говоря о звукоизображениях типа — *sūsūyati* ‘шипеть (о змее)’, *cicciṭāyati/cīcīṭāyati* ‘шипеть’, *murumurāyati* ‘чавкать, жевать’, *murumurā* ‘хруст зубов’, *lalati* ‘развлекаться, петь, развиваться’, *dundubhi* ‘литавра’, *jīvam-jīvaka* название птицы, *halāhala* ‘шум, гам’, *huhunka* ‘говорящий гм-гм, т.е. ворчащий, грубый’, *kīkī* ‘курица’, *kukkuṭa* ‘петух’, *suru-suru-kārakam* «издавая свистящие звуки» и т.д.

Переходя к описанию дизайнаторов, прежде всего нужно назвать набор наиболее общих семантических противопоставлений, которые определяют объем и принципы членения семантического пространства пали:

- жизнь (*jīva, jīvana*) — смерть (*maraṇa*)
- счастье (*sukha, su-*) — несчастье (*dukkha, du-*)
- чёт (*sama*) — нечёт (*visama*)
- правый (*dakkhiṇa*) — левый (*vāma*)
- первый (*pathama*) — последний (*antima*)
- верх (*uddham, uttara*) — низ (*adho, adhama*)
- вертикальный (*uddhamṭhita*) — горизонтальный (*disānugata, tiriyat̄gata*)
- южный (*dakkhiṇa*) — северный (*uttara*)
- восточный (*pācīna, puratthima*) — западный (*apācīna, pacchima*)
- суша (*thala*) — море (*samudda, sāgara*)
- небо (*diva, ākāsa, veṭhāsa, nabha*) — земля (*bhūmi, paṭhavī*) — преисподняя (*niraya, naraka*)
- день (*divasa, dina, aha*) — ночь (*ratti, nisā*)
- сухой сезон, лето (*gimha, gimhāna*) — дождливый сезон (*vassā*)
- весна (*vasanta*) — лето (*gimha*) — осень (*sarada*) — зима (*hemanta*)
- солнце (*suriya*) — луна (*canda*) — звезды, созвездия (*tārā, nakkhatta*)

огонь (*aggi, gini*) — вода (*udaka*) — ветер (*vāta, vāyu*) — воздух, атмосфера (*antalikkha, ākāsa*)

большой (*mahanta, visāla*) — малый (*khuddaka, appaka, thoka*)

толстый — (*bahala, thūla, ghana*) — тонкий (*tanu, kisa, virala*)

широкий (*puthula*) — узкий (*aputhula*)

высокий (*ucca, uggata*) — низкий (*ninna, adhogata*)

сухой (*sukkha*) — мокрый (*alla*)

тяжелый (*garu*) — легкий (*lahu*)

белый, светлый, яркий (*sukka, seta*) — черный, темный (*kaṇha, kāla*)

близкий (*āsanna*) — дальний (*dūra, vidūra*)

здесь (*iha, ettha*) — там (*tattha*)

теперь (*adhunā, idāni*) — тогда (*tadā, atha*)

этот (*ayam, idam...*) — тот (*so...*)

видимый (*dissamāna*) — невидимый (*adissamāna*)

свой, собственный (*saka, sakīya, nija*) — другой, чужой (*añña*)

старший (*vuddha, jiṇṇa*) — младший (*bāla, taruṇa*)

мужчина (*puman/pumā, purisa, nara*) — женщина (*itthī, nārī*)

родители (*mātāpitaro*) — дети (*dārakā*)

предки (*pitāpitātmaha*) — потомки (*apacca, tanuyā*)

дом (*geha, gaha, ghara, ālaya, agāra*) — поле (*khetta*) — лес (*vana, arañña*) — дорога, путь (*magga, pantha, patha*)

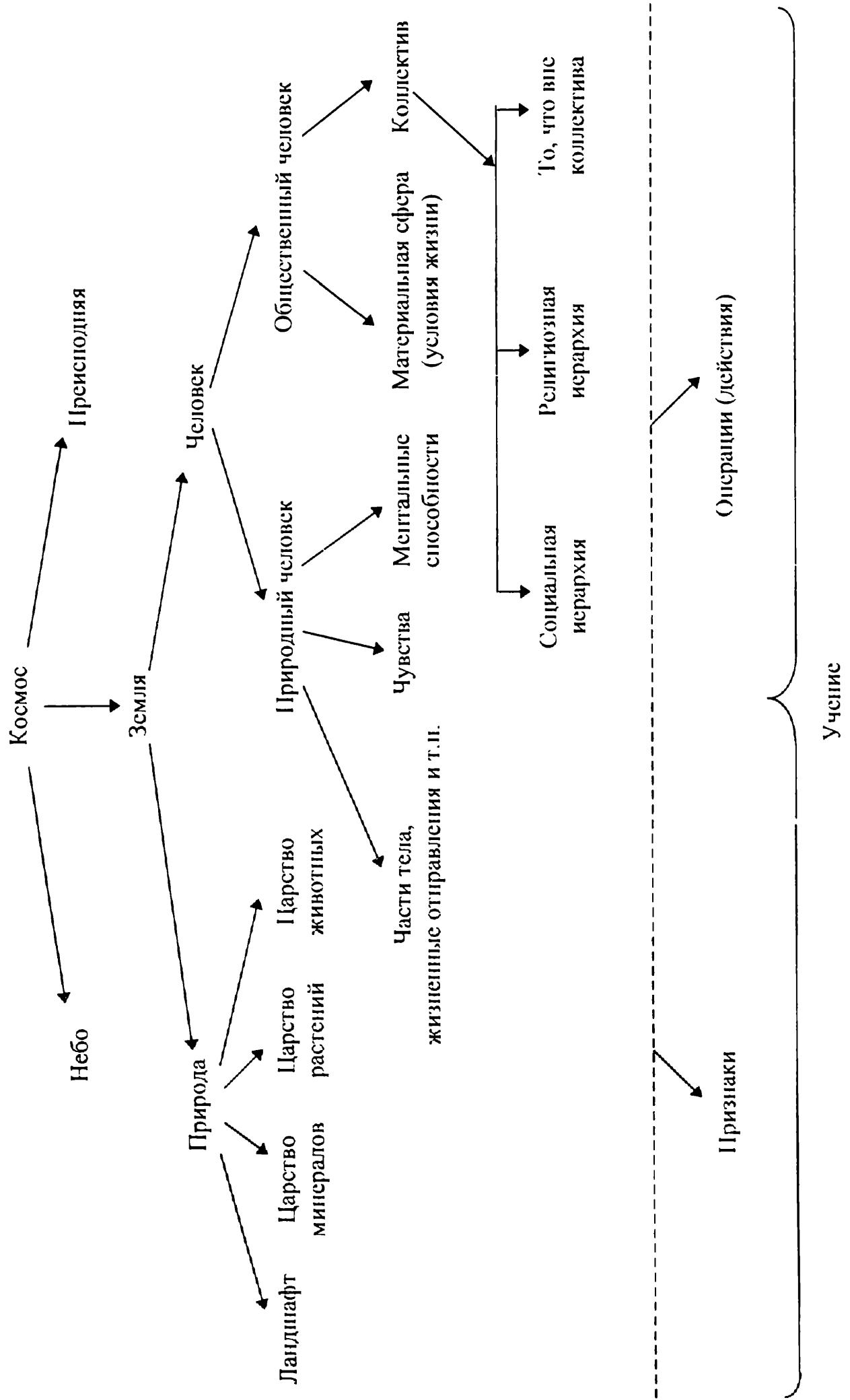
бог (*deva*) — сверхчеловеческое существо (*amanussa*) — человек (*manussa*) — нижние духи (*yakkha, peta*)

учитель (*satthar*) — ученик (*sissa, antevāsika*) — посвященный (*upāsaka*)

святой, бездомный (*anagāra, pabbajita, paribbājaka*) — мирянин, домохозяин (*agārika, gahattha, gihin*).

Разворачивание членов этих противопоставлений и разных видов их сочетаний образует набор лексем, составляющих основные семантические сферы (см. табл. 1).

Космос: *diva* ‘небо’, *ākāsa* ‘небо, атмосфера’, *bhūmi, paṭhavī* ‘земля’, *niraya, naraka* ‘преисподня’, *loka, jagatī, bhuvana* ‘мир, вселенная’, *samudda, sāgara* ‘океан’, *antalikkha, ākāsa* ‘воздух’, *suriya* ‘солнце’, *canda* ‘луна’, *tārā, nakkahatta* ‘звезды’, *ākāsaganga* ‘Млечный Путь’, *megha, valāhaka* ‘облако’, ‘туча’, *thanita* ‘гром’, *vijju* ‘молния’, *vassa, vutthi* ‘дождь’, *mahāmegha* ‘грозовая туча’, *karakā* ‘град’, *hima* ‘лед, снег’, *mahikā* ‘туман, мороз, холод’, *uṇhatta, ghamma, tapa* ‘жара’, *majha* ‘середина’, *nābhī* ‘пуп’, ‘центр’, *vetmajha* ‘середина, центр’, *pariyanta, anta* ‘конец, граница, край’, *antara* ‘внутренний, внутренняя часть’, *disā* ‘сторона света, направление’; *kāla* ‘время’, *samaya* ‘время’, *yuga* ‘поколение, век, эпоха’, *vassa* ‘год’, *samvacchara* ‘год’, *vassasahassa* ‘тысячелетие’, *vassasata* ‘столетие’, *vassadasa* ‘десятилетие’, *vassapūgāni* ‘бесчисленные годы’, *itu, samaya* ‘время года’, *vassā* ‘сезон дождей’, *māsa* ‘месяц’, *pakkha* ‘половина

месяца’, *sukkha-pakkha*, *juṇha-pakkha* ‘светлая половина месяца’, *kāla-pakkha*, *kaṇha-pakkha* ‘темная половина месяца’, *riṇṇatā* ‘ночь полнолуния’, *amāvasī* ‘день новолуния’, *citta*, *vesākha*, *jetṭha*, *āśālha*, *sāvana*, *poṭṭhapāda*, *assayuja*, *kattikā māgasira*, *phussa*, *māgha*, *phagguna* — названия месяцев, *sattāha*, *sattaratta* ‘неделя’, *divasa*, *vāsara*, *aha*, *dina* ‘день’, *majjhāṇha* ‘полдень’, *nisītha*, *addharatta* ‘ полночь ’, *nisā*, *rajanī*, *ratti* ‘ночь’, *ahoratta*, *ahoratti* ‘день и ночь’, *horā*, *ghaṭikā* ‘час’, *muhutta*, *khaṇa* ‘миг’ и т.д.; названия главных параметров: *ratāna*, *paritāna* ‘размер’, *āyāta* ‘длина’, *vitthāra* ‘ширина’, *ubbedha* ‘высота’, *gambhiratā* ‘глубина’ и т.д.

Природа (Земля):

Ландшафт: *samuḍḍa*, *sāgara* ‘море’, *nadī* ‘река’, *sara* ‘озеро’, *talāka* ‘пруд’, ‘резервуар’, *anṭava*, *ogha* ‘поток воды’, *kunnadī* ‘речка’, *sota* ‘стремительный поток’, *ubbhida* ‘родник’, *anīpa* ‘местность у воды, низина’, *pallala* ‘заболоченное место’, *palipa* ‘грязь и мокрота, болото’, *pabbata*, *giri* ‘гора, холм, скала’, *ninna* ‘низина, равнина’, *thala* ‘возвышенность, плато’, *samatala* ‘равнина’, *bila* ‘нора, пещера’, *kuhara* ‘впадина, пещера’, *kandara* ‘пещера, грот’, *sikhara*, *agga*, *matthaka* ‘верх, вершина’, *vana*, *arañña* ‘лес’, *tīra*, *kūla*, *tāta* ‘берег, побережье’, *velā* ‘берег, побережье, морской берег’, *magga*, *pantha*, *addhan* ‘путь, дорога’, *kantāra* ‘плохая дорога, дикая местность, пустыня’, *jangala* ‘песчаная, безводная местность, джунгли’ и т.д.

Мир минералов: *patthara* ‘камень, скала’, *silā* ‘камень, скала’, *loha* ‘металл, особ. медь, латунь или бронза’, *ayo* ‘железо’, *sajjha*, *rajata* ‘серебро’, *tipu* ‘олово’, *sīsa* ‘свинец’, *suvaṇṇa*, *hirañña* ‘золото’, *jāturūpa* ‘(необработанное) золото’, *tamba* ‘медь’, *angāra* ‘древесный уголь’, *loṇa* ‘соль’, *vālikā* ‘песок’, *mattikā* ‘глина’ и т.д.

Мир растений: *rukkhā* ‘дерево’, *mūla* ‘корень’, *khandha* ‘ствол дерева’, *sākhā* ‘ветвь’, *vīṭapa* ‘разветвление, ветвь’, *potaka* ‘веточка, побег’, *patta*, *paṇṇa* ‘лист’, *latā*, *vallī* ‘ползучее растение’, *tiṇa* ‘трава’, *bodhi* ‘фиговое дерево (*Ficus religiosa*)’, *assattha* id., *nigrodha*, *vāta* ‘баньян’, *veļu* ‘бамбук’, *tāla* ‘пальма пальмирская (*Borassus flabelliformis*)’, *badarī*, *badara*, *kola* ‘дерево ююба’, *nālikera* ‘кокосовая пальма’, *udumbara* ‘дерево *Ficus glomerata*’, *labuja* ‘хлебное дерево’, *jambu* ‘сизигиум (*Syzygium jambos*)’, *amba* ‘манго’, *phala* ‘плод’, *picu*, *tūla*, *kappāsa* ‘хлопок’, *paduma*, *kamala*, *saroruha*, *satapaitta*, *aravinda*, *pokkhara*, *tāmarasa*, *ambuja* ‘лотос’, *sāli*, *vīhi* ‘рис’, *kalāya* ‘род гороха’, *yava* ‘зерно’, ‘ячмень’, *godhūma* ‘пшеница’, *kangi* ‘просо’, *varaka* ‘бобы’, *dhañña* ‘зерно’, *sāka* ‘съедобная зелень, овощи’, *māluvā* ‘(длинное) ползучее растение’, *vassikā* ‘*Jasminum Sambac*’, *tagara* ‘род кустарника’, *kaṭṭhaka* ‘род тростника’,

puppha ‘цветок’, *bīraṇa* ‘трава Andropogon muricatum’, *kadalī* ‘банан’ и т.д.

Мир животных: *miga* ‘дикий зверь’, ‘олень, антилопа, газель’, *sīha*, *miginda*, *migarāja*, *kesari* ‘лев’, *vyaggha*, *saddūla* ‘тигр’, *hatthī*, *mātanga*, *kuñjara*, *gaja*, *vāraṇa*, *kari*, *dantī*, *ibha* ‘слон’, *vānara*, *kapi*, *makkata*, *sākhāmiga* ‘обезьяна’, *eṇi* ‘антилопа’, *issamiga* ‘разновидность антилоп’, *sarabha* ‘рыжий олень’, *ruru* ‘разновидность оленей’, ‘олень-самец’, *dīpika* ‘пантера’, *accha*, *bhallūka* ‘медведь’, *varāha*, *vanasūkara* ‘кабан’, *sappa*, *ahi*, *uraga*, *bhujaga*, *bhogī*, *āśīvisa*, *alagadda* ‘змея’, *kīṭa* ‘насекомое’, *kīṭi* ‘червяк’, *makkhikā* ‘муха’, *maccha*, *mīna*, *jhasa* ‘рыба’, *kumbhīla*, *sumsumāra* ‘крокодил’, *sasa* ‘заяц’, *sigāla*, *kotthuka*, *jambuka* ‘шакал’, *sūkara* ‘свинья’, *gadrabha* ‘осёл’, *sunakha*, *suvāna*, *sārameya*, *kukkura* ‘собака’, *bilāla*, *majjāra*, *babbu* ‘кошка’, *kālahamsa* ‘гусь’, *kukkuṭa* ‘петух’, *kukkuṭī*, *kīkī* ‘курица’, *kāka* ‘ворона’, *kulala* ‘ястреб’, ‘сокол’, *sena* ‘ястреб’, *mahāsenā* ‘орел’, *gijjha* ‘хищная птица’, *mayūra*, *mora* ‘павлин’, *kokila*, *pīka* ‘кукушка’, *gāvī*, *dhenu* ‘корова’, *balivadda*, *goṇa*, *usabha* ‘бык’, *mēḍa*, *mesa*, *urabbha* ‘баран’, *elaka*, *aja* ‘козел’, *mūsikā*, *ākhu* ‘мышь’, *undura*, *ākhu* ‘крыса’, *vicchika* ‘скорпион’, *lūtikā*, *uṇṇanābhi*, *makkaṭaka* ‘паук’, *assa*, *hāya*, *turaga*, *turamgama*, *ghoṭa* ‘лошадь’, *cattta* ‘шкура, кожа’, *singa*, *visāṇa* ‘рог’, *khura* ‘подкова’ и т.д.

Человек (Земля):

Природный человек (Части тела, жизненные отправления. Чувства. Ментальные способности):

manussa, *manuja*, *nara*, *macca*, *purisa* ‘человек’, ‘мужчина’, *bāla* ‘ребенок’, *bālaka*, *dāraka*, *kumāraka* ‘мальчик, ребенок, юнец’, *vaya*, *vayo* ‘возраст, особ. юный возраст’, *susu* ‘мальчик, парень’, *paṭhamavayō* ‘юность’, *majjhimavayō* ‘средний возраст’, *pacchimavayō* ‘пожилой возраст’, *jarā* ‘старость’, *vayo-apuratta* ‘достигший старости’, *vayoppatta* ‘достигший (брачного) возраста’, *pati*, *bhattu*, *sāmika*, *dhava* ‘муж’, *bhariyā*, *jāyā*, *nārī*, *dāra* ‘жена’, *vuddhaka* ‘старик’, *vuddhikā* ‘старуха’; *sīsa*, *sīra*, *matthaka*, *mudha* ‘голова’, *nalāṭa*, *lalāṭa* ‘лоб’, *kesa* ‘ волосы (на голове)’, *loma* ‘ волосы (на теле)’, *kapola* ‘щека’, *nāsā*, *nāsikā*, *ghāna* ‘нос’, *nāsāpiṭa*, *ghānabila* ‘ноздря’, *cubika* ‘подбородок’, *massu* ‘борода’, *sota*, *kaṇṭha* ‘ухо’, *akkhi*, *cakkhi*, *nayana*, *locana*, *netī* ‘глаз’, *bhami*, *bhamukā* ‘бровь’, *pamha* ‘ресница’, *akkhidala* ‘веко’, *bappa* ‘слеза’, *gīvā* ‘шея’, *kaṇṭha* ‘горло, шея’, *gala* ‘горло’, *hattha*, *bhuja*, *kara* ‘рука’, *anguli* ‘палец’, *nakha* ‘ноготь’, *pāda*, *caraṇa* ‘нога’, *janghā* ‘нога (от бедра до ступни)’, *gopphaka* ‘лодыжка’, *jānu*, *jāṇu* ‘колено’, *kappara* ‘локоть’, *kāya*, *deha*, *sarīra*, *gatta*, *tāṇi* ‘тело’, *udara*, *gabbha*, *kucchi*, *jathara* ‘живот’, *ura* ‘грудь’, *thana*, *kusa*, *payodhara* ‘женская грудь’, *piṭṭhi* ‘спина’, *amsa* ‘плечо’, *ānisada* ‘зад’, *yoni* ‘лоно’, *anga*, *angajāta*

‘membrum virile’, *purisalinga*, *mehana*, id., *itthinimitta* ‘вульва’, *nābhī* ‘пуп’, *aṭhi* ‘кость’, *nahāru*, *nhāru* ‘сухожилие’, *passa* ‘бок’, *phāsukā* ‘ребро’, *ūru*, *sathi* ‘бедро’, *hadaya* ‘сердце’, *papphāsa* ‘легкое’, *udariya* ‘живот’, *anta* ‘кишечник’, *antaguna* ‘кишечный тракт’, *yakana* ‘печень’, *pihaka* ‘селезенка’, *vakka* ‘почка’, *kilomaka* ‘плевра’, *rudhira*, *lohita*, *soṇita*, *ratta* ‘кровь’, *seda* ‘пот’, *pubba* ‘гной’, *meda*, *vasā* ‘жир’, *kheṭa* ‘слюна’, *semha* ‘слизь’, *mutta* ‘моча’, *karīsa* ‘экскременты’, *lasikā* ‘суставная жидкость’ и т.д.; *citta*, *ceto*, *mana/mano*, *mānasa*, *hadaya* ‘ум, разум’, *paññā*, *buddhi*, *mati*, *ñāṇa*, *paṭibhāna* ‘интеллект’, *attan/atta* ‘душа, сам’, *jīva* ‘душа, жизнь’, *cetanā* ‘состояние *ceto* в действии, размышление как активный процесс, намерение, цель, воля’; *rūpa* ‘материальные качества’, *vedanā* ‘чувство’, *saññā* ‘восприятие’, *sankhārā* ‘составные факторы сознания’, *viññāṇa* ‘сознание’, *indriya* ‘орган чувств (как контролирующий принцип, направляющая сила)’, включая 22 *indriyāni*: *cakkh-indriya*, *sot-indriya*; *ghān°*, *jihv°*, *kāy°*, *man°*, *itth°*, *puris°*, *jīvit°*, *sukh°*, *dukkh°*, *somanass°*, *domanass°*, *uprekh°*, *saddh°*, *sat°*, *samādh°*, *paññ°*, *anaññāta-ñassāmīl°*, *aññ°*, *aññātāv°*; *ñāṇa*, *paññā*, *vijjā*, *bodhi*, *abhiññā*, *dassana*, *paṭisambhidā*, *sambodha* etc. как разные виды знания (см. выше), *saddhā* ‘вера’, *dhātu* ‘элементы чувственного восприятия, связанные с шестью *ajjhattiκāni* ‘индивидуальными органами/свойствами’ (*cakkhu* ‘глаз’, *sota* ‘ухо’, *ghāna* ‘нос’, *jivhā* ‘язык’, *kāya* ‘тело’, *mano* ‘разум’ и с шестью *bāhirāni* ‘внешними объектами/свойствами’ (*rūpa* ‘видимый объект’, *sadda* ‘звук’, *gandha* ‘запах’, *rasa* ‘вкус’, *phottabba* ‘тактильный объект’, *dhamma* ‘познаваемый объект’) и т.д., *āyatana* ‘сфера восприятия или ощущения вообще, объект мысли, орган ощущения и его объект’, *bhaya*, *santāsa*, *bhīti* ‘страх’, *kora* ‘гнев’, *kodha* ‘ярость’, *rosa* ‘ярость, крайнее раздражение’, *upanāha* ‘злонамеренность, враждебность’, *santāsa*, *mahābhaya* ‘ужас’, *ānanda*, *patoda*, *pīti* ‘радость’, *soka*, *kheda*, *ubbega* ‘горе’, *socanā* ‘печаль’, *dukkha* ‘боль, страдание’, *sukha* ‘прогревание, счастье’, *hāsa*, *hasana*, *jagghana* ‘смех’, *omaddana*, *adhopatana*, *visāda*, *kheda* ‘угнетенность’, *issā*, *usūyā*, *akkhanti* ‘зависть’, *issā*, *usūyā*, *macchariya* ‘ревность’, *dayā*, *karuṇā*, *anukampā* ‘жалость, сочувствие’, *vera*, *viddesa* ‘ненависть’, *dutappiyatā* ‘придирчивость’, *aṭṭīyanā*, *harāyanā*, *jigucchā*, *ubbega*, *saṃvega* ‘отвращение’, *reṭa*, *sineha*, *anurāga* ‘любовь’, *kāta* ‘объект чувственного наслаждения’ (объективный), ‘чувственное наслаждение’ (субъективное), *taṇhā* ‘привязанность’ (состояние души, ведущее к возрождению), *mettā* ‘любовь, дружелюбие’, *sohajja*, *sakhiya*, *metti* ‘дружба’, *ahamkāra*, *mamatta* ‘эгоизм’, *palāsa* ‘злоба’, *karuṇā*, *dayā*, *anukampā*, *anuddayā* ‘доброта’, *cintā*, *cetanā*, *sankappa*, *parikappa* ‘мысль’, *vācā*, *vacana* ‘слово’, *kamma*, *payoga* ‘действие’

Общественный человек (Материальная сфера):

geha/gaha, ghara, nivesana, niketa, ālaya, āvāsa ‘дом’, *mandira, pāsāda, bhavana* ‘дом, строение, дворец’, *kuṭī* ‘жилье из одного помещения, хижина’, *vati* ‘изгородь’, *angana, ājira* ‘двор, внутренний двор’, *sopāna* ‘лестница’, *sopānaphalaka* ‘ступенька лестницы’, *dvāra, pavesa, kavāṭa* ‘ворота, дверь, вход’, *vātarapāna* ‘решётчатое окно’, *tāla, kuñcikā* ‘ключ’, *tālacchidda* ‘отверстие для ключа’, *pāsādatala* ‘плоская крыша’, *chadana* ‘крыша’, *āsana* ‘сиденье, трон’, *pallanka* ‘диван, ложе’, *tañca(ka)* ‘кушетка, кровать’, *taṭṭaka* ‘чаша, особ. чаша для подаяний *bhikkhu*’, *ghaṭa* ‘сосуд, чаша, ваза, кувшин’, *taṇika* ‘кружка для воды’, *dabbī* ‘(деревянная) ложка, черпак’, *kaṭacchu, id., ulunka, id., khura* ‘бритва’, *churikā* ‘нож, кинжал’, *vattha* ‘одежда’, *cīvara* ‘(верхняя) одежда буддийского монаха’, *pārupana* ‘покрывало, одежда’, *antaravāsana* ‘нижняя одежда’, *sanghātī* ‘одно из трех одеяний буддиста’, *uttanāsanga* ‘верхняя одежда’, *vasana* ‘одежда’, *odātavasana* ‘носящий белую одежду’, *kāsāyavasana* ‘носящий желтую одежду’, *ārāta, iyyāta* ‘парк, сад’, *magga* ‘путь, дорога’, *vīṭhi* ‘улица’, *susāna* ‘кладбище’, *thūpa* ‘ступа’, *cetiya* ‘могильный холм’ и т.д.

Особая область внутри материальной сферы представлена инновациями, носящими скорее экспериментальный характер и возникшими в последние десятилетия: *dūrabhāsana* (*yanta*) ‘телефон’, *dūradassaka* ‘телевизор’, *lohadāṇḍapatha* ‘железная дорога’, *vuotayāta* ‘самолет’, *kammantasālā* ‘фабрика’, *yantasamūha* ‘ завод’, *saddavippahāraka* (*yanta*) ‘микрофон’, *kittimāsanī* ‘бомба’, *sukhūtarāṇī, khuddajantu* ‘микроб’, *pāracittajānana* ‘телепатия’ и т.п.

Общественный человек (Коллектив):

desa ‘место, область, страна’, *raṭṭha* ‘царство; страна’, *janapada* ‘страна, провинция’, *nagara, pura* ‘город’, *gāma* ‘деревня’, *vihāra* ‘монастырь’, *pariveṇa* ‘помещение для *bhikkhu*’, *sangha* ‘община’, *nigāma* ‘городок, где есть базар’, *videsa* ‘заграница’, *paṭṭana* ‘место, город, порт’, *bhikkhu, thera, navaka, upāsaka, mahāthera, arahanta, bodhisatta, Buddha* (термины, относящиеся к религиозной иерархии), *rāja* ‘царь’ и т.д.

Признаки:

mahanta, visāla ‘большой’, *khuddaka, appaka, thoka* ‘маленький’, *bahala, ghana, thūla* ‘толстый’, *tanu, kisa, virala* ‘тонкий’, *ucca, uggata* ‘высокий’, *ninna, adhogata* ‘низкий’, *puthula, vitthata, vitthiṇṇa* ‘широкий’, *aputhula* ‘узкий’, *vuḍḍha, jīṇha* ‘старый’, *taruṇa, bāla* ‘молодой’, *dūra, vidūra* ‘далекий’, *āsanna* ‘близкий’, *jeṭṭhaka* ‘старший’, *kaniṭṭhaka* ‘младший’, *gimhika* ‘летний’, *hemantika* ‘зимний’, *vassika* ‘связанный с дождливым сезоном’, *sāradika* ‘осенний’, *haṭṭha, sumānasa, sukhita* ‘веселый, радостный’, *socita, dumtana, dukkhita* ‘грустный’, *garu* ‘тяжелый’

лый’, *lahu* ‘легкий’, *sukkha* ‘сухой’, *adda* ‘мокрый, влажный’, *sukka*, *seta* ‘белый, яркий’, *kaṇha*, *kāla* ‘черный, темный’, *ratta*, *lohita* ‘красный’, *pīta* ‘желтый, золотистый’, *pañdu* ‘бледно-красный, желтый, серый’, *harita* ‘зеленый, желтоватый’, *nīla* ‘синий’, *dhūsara* ‘цвета пыли, неясный’, *palita* ‘серый’, *pingala* ‘красновато-желтый, коричневый’, *tambavaṇṇa* ‘коричневый’, *sandiṭṭhika* ‘видимый’, *asandiṭṭhika* ‘невидимый’, *dakkhīna* ‘правый’, *vāta* ‘левый’, *sama* ‘четный’, *visama* ‘нечетный’, *pāṇḍita* ‘умный’, *bāla* ‘глупый’, *nirāsava* ‘святой’, *sāsava* ‘профанический’, *dhammika* ‘справедливый’, *adhammika* ‘несправедливый’, *suddha* ‘чистый’, *asuddha*, *malina*, *kiliṭṭha* ‘грязный, запятнанный’, *sādhu*, *aduṭṭha*, *sundara* ‘хороший’, *asādhu*, *duṭṭha*, *asundara* ‘плохой’, *avanka*, *asaṭṭha* ‘честный’, *vanka*, *sathā* ‘скрюченный, нечестный, лживый’, *kāruṇika*, *anukampaka* ‘добрый’, *duṭṭha*, *rāpa* ‘злой, плохой’, *piya* ‘милый, любимый’, *appiya* ‘нелюбимый, неприятный’, *ujjala*, *bhāsura*, *jutimant*, *virocataṇa*, *virājatāna* ‘сверкающий, яркий’ и т.д.

Операции (действия):

uppadeti ‘производить, делать’, *nibbatteti* ‘производить, рождать’, *karoti* ‘делать’, *atthi*, *bhavati/hotī*, *tiṭṭhati* ‘быть, существовать’, *bhavati/hotī* ‘становиться’, *jīvati*, *vasati* ‘жить, проживать’, *marati*, *kālam karoti* ‘умирать’, *jāyati*, *uprajjati*, *nibbattati* ‘рождаться, возникать’, *gacchatī*, *yāti*, *vajati*, *carati*, *kamati* ‘идти,ходить, передвигаться, двигаться’, *dhāvati*, *javati*, *palāyati* ‘бежать’, *pilavati*, *udakam tarati* ‘плавать’, *langhati*, *uppatati* ‘прыгать’, *patati* ‘летать’, *seti/sayati* ‘лежать, спать’, *sīdati* ‘сидеть’, *nisīdati* ‘садиться’, *tiṭṭhati* ‘стоять’, *galati*, *sandati* ‘сочиняться, течь’ и т.д.

avhayati/avheti ‘призывать, обращатьсяся’, *amanteti* ‘звать, обращаться, говорить кому-либо’, *pakkosati* ‘звать, вызывать’, *pājeti*, *sāreti* ‘приводить в движение’, *nikkadādhati*, *apānudati* ‘прогонять’, *māreti*, *ghāteti* ‘убивать’, *janati* ‘порождать’, *khādati* ‘жевать, кусать, есть’, *bhuiñjati* ‘есть, наслаждаться’, *asanāti* ‘есть, кушать’, *sāyati* ‘пробовать’, *bhakkhati* ‘есть, питаться’, *pivati/pibati* ‘пить’, *supati/suppati*, *soppati*, *niddāyati* ‘спать’, *bijjhati* ‘бодрствовать, воспринимать, осознавать’, *jāgarati* ‘бодрствовать, быть внимательным, быть бдительным’, *vāṇijjam karoti*, *vohāram karoti* ‘торговать’, *vikkiñāti* ‘продавать’, *kiñāti* ‘покупать’, *uyijjhati* ‘бороться’, *abhiyāti* ‘нападать’, *vāyamati* ‘сражаться, стараться’, *āyācati*, *pattheti* ‘умолять’, *uposatham upavasati*, *āhāram patikkhipati* ‘поститься’, *tapo/tapam karoti* ‘предаваться аскетизму’, *kāmeti* ‘жаждать, любить’, *methunam dhammatam patisevati* ‘сожительствовать’, *jānāti*, *vijānāti*, *pajānāti*, *samjānāti*, *bijjhati* ‘знать’, *cinteti*, *vitakketi* ‘думать’, *sakkoti* ‘мочь’, *ussahati* ‘быть в состоянии’, *samattha hoti id.*, *icchati*, *apekkhati*, *ākankhati*, *pattheti* ‘хотеть, желать’, *vāyamati*, *ussahati*,

payatati ‘стараться, стремиться’, *gañhāti*, *ādāti*, *harati* ‘брать’, *dadāti* ‘давать’, *rāpiṇāti* ‘достигать’, *labhati* ‘получать’, *nivattati* ‘поворачивать назад, исчезать’, *nassati* ‘гибнуть, исчезать’, *jhāyati* ‘медитировать’, *cittam* *samādahati* ‘концентрировать мысль’, *nibbāyati* ‘погаснуть, перестать существовать’, *upakaroti* ‘помогать’, *virundhati* ‘мешать, препятствовать’, *yojeti* ‘объединять, соединять’, *vijojeti*, *visumkaroti*, *vinibbhujati* ‘разделять’, *yācati*, *āyācati* ‘просить, умолять’, *bhikkhati* ‘просить милостыню’, *khamati* ‘прощать’, *titikkhati* ‘терпеть, переносить’, *bhāyati*, *uttasati* ‘бояться’, *kuppati* ‘трястись, волноваться, сердиться’, *kujjhati* ‘сердиться’, *rosati* ‘гневаться’, *ānandati* ‘радоваться, восхищаться’, *tussati* ‘быть довольным’, *hasati/hassati* ‘смеяться, веселиться’, *siniyhati* ‘любить, быть привязанным’, *deseti* ‘указывать, учить’, *sikkhati* ‘изучать, учиться’, *sikkhāpeti* ‘обучать’, *uggañhāti* ‘изучать, усваивать’, *uggañhāpeti* ‘обучать, инструктировать’, *passati*, *dassati* ‘видеть’, *suñāti* ‘слышать’, *nisāmeti* ‘прислушиваться’, *phusati* ‘трогать’, *parāmasati* ‘касаться, держаться’, (*gandham*) *ghāyati* ‘нююхать’, *anubhavati* ‘испытывать, переживать’, *raccanubhoti* ‘испытывать’, *vedeti* ‘знать, чувствовать, переживать’, *rujati* ‘ломать; повреждать; причинять боль’, *vyadhati* ‘дрожать, трястись’, *vyādheti* ‘заставлять трястись, выбивать из колеи, причинять неприятность’, *dukkhati* ‘горевать’, *sahati* (1. ‘осиливать, превозмогать’); 2. ‘терпеть’; 3. ‘быть в состоянии’ и т.д.

Особый слой составляют многочисленные глаголы говорения:

vatti ‘говорить, сказать, назвать’, *vadati* id., *bhāsati* ‘говорить, сказать, обращатьсяся’, *bhañati* ‘говорить, сказать, объявить’, *katheti* ‘говорить, сказать, рассказать’, *āha* ‘он говорит, он сказал’, 3 л. мн.ч. *āhu*, *āhamṣu*, *āharati* (1. ‘брать’); 2. ‘рассказывать, цитировать, повторять’ (*atītam* *āharati* ‘рассказывать о прошлом’), *nivedeti* ‘сообщать, рассказывать, провозглашать’, *akkhāti* ‘проводглашать, объявлять, говорить’, *ācikkhati* ‘рассказывать, описывать, объяснять’, *sallapati* ‘разговаривать с кем-либо’, *lapati* ‘разговаривать, болтать, лепетать’, *palapati* ‘говорить ерунду’, *ullapati* ‘вызывать, обращаться, претендовать’, *samullapati* ‘разговаривать, беседовать’, *japati* ‘бормотать, шептать, произносить’, *vippalapati* ‘говорить неразборчиво, стонать, оплакивать’, *kandati* ‘кричать, стонать, оплакивать’, *devati*, *paridevati* ‘оплакивать’, *rudati/rodati* ‘плакать, оплакивать, рыдать’, *ravati* ‘кричать, громко шуметь’, *vāñneti* 1. ‘описывать, объяснять, комментировать’; 2. хвалить, приветствовать, превозносить’, *vitthāreti* (1. ‘растягивать’); 2. ‘распространяться (на какую-либо тему), подробно излагать’, *vibhāveti* (1. ‘понимать отчетливо’); 2. ‘объяснять’, *kitteti* 1. ‘хвалить, восхвалять’; 2. ‘объявлять, рассказывать’, *pakitteti*, *abhitthavati*, *pasamsati* ‘превозносить’, *samsati* ‘объявлять, указывать’, *sameti* ‘соглашаться’, *samanujānāti* ‘одобрять’, *pañissuñāti* ‘соглашаться,

обещать’, *raccanubhāsati* ‘упоминать, перечислять’, *vyākaroti* ‘объяснять, отвечать’, *pativadati* ‘отвечать’, *pucchati* ‘спрашивать’, *takketi* ‘думать, рассуждать, обосновывать’, *manteti* ‘советоваться, обсуждать’, *sākaccheti* ‘разговаривать о чем-либо, обсуждать’ и т.д.

Основные понятия буддизма

Эта часть палийской лексики и составляет наиболее специфический слой ее, в значительной степени определяющий иерархию других частей и их интерпретацию. Сама эта часть строго иерархизирована и терминологизирована; внутри ее разные элементы связаны вполне определенным образом, причем часто им приданы те или иные абсолютные или относительные веса. Подобные элементы образуют парадигму, которая реализуется в текстах по специальным правилам развертывания.

Высшая ценность обозначается словами *Buddha* собств. ‘достигший просветления’, *Gotama*, *Bhagavant*, *Tathāgata*, *Sugata*, *Sattha*, *Sammāsamuddha* и под. Следующая за ней ценность — *Dhamma*, слово, обозначающее само Учение (ср. *vāda* ‘учение’, в противопоставлении к *dīṭhi* ‘ложное учение’), ‘моральное наставление’, ‘закон’ etc. Буддхагхоса дает четырехчленное определение *dhamma*’ы (DhsA 38): 1. *pariyatti*, или учение как оно сформулировано; 2. *hetu*, или условие, причинный антецедент; 3. *guṇa*, или моральное качество или действие; 4. *nissattapīṭīvatā*, или ‘феноменальное’ в отличие от ‘субстанциального’ *Dhamma* — центральное понятие буддизма. Оно обозначает Закон и все, что в нем находит выражение, а также, следовательно, «элементы бытия», которые обусловлены Законом (см. также ниже). *Sangha* обозначает третий элемент в системе ценностей буддизма — ‘буддийскую общину’, ‘Орден’. Все эти три понятия именно в таком порядке выступают во многих текстах и, в частности, в буддийском Символе Веры (см. ниже). Учение излагается в Каноне — *Tipiṭaka*, который членится на три части: *Vinaya*, собств. ‘норма поведения, этика, мораль’, *Abhidhamma* ‘особая *dhamma*, теория учения’, *Sutta* (ср. *Sutta-piṭaka*), собств. ‘нить, веревка’, — дискурсивная, повествовательная часть Буддийского Писания (ср. *suttanta*, глава Писания, текст, трактат, диалог и т.п.). О *dukkha* и *sukkha* как о понятиях, имеющих прямое отношение к теме *nibbāna* ‘Нирвана’, см. ниже. *Nibbāna* как обозначение цели Учения определяется как ‘угасание лампы или огня’ (популярное значение), ‘догорание в сердце троичного огня’, ‘страсти’ (*rāga*), ‘враждебности’ (*dosa*) и ‘заблуждения’ (*moha*); ‘здравые, ощущение телесного благополучия’ — значения, конкретизируемые такими определениями, как *bhavanirodho nibbānam* ‘прекращение становления — (это) нирвана’, *tañhāya vippahānena nibbānam iti vuccati* ‘(это) называется

нирваной по причине избавления от страстного желания’ и под. Ср. также *parinibbāna* ‘полное угасание жизни чувственных элементов (*khandha*), окончательное избавление от возрождения и трансмиграций’

Из других понятий, играющих первостепенную роль в Учении, ср.: *uppāda* ‘возникновение, рождение’, *thiti* ‘стабильность, продолжение существования’, *jarā* ‘упадок, старость’, *nirodha* ‘прекращение, уничтожение, подавление’, *bhava* ‘становление, форма возрождения, (состояние) существования’; *satta* ‘живое существо, персона’; ‘душа’, *atta* ‘душа’, *puggala* ‘индивидуум, персона’, *jīva* ‘душа, жизнь’, *samsāra* ‘трансмиграция’, *nāma* ‘имя, название’, *rūpa* ‘форма, облик’, *nāmarūpa* ‘имя и форма’, *khandha* ‘чувственный элемент, фактор, основа существования’, *mano/manas* ‘разум, интеллектуальное функционирование сознания’, *ajjhatta* ‘индивидуальное, субъективное’, *bāhiratta* ‘существование вне индивидуального’, *citta* ‘центр и фокус эмоциональной природы человека, а также интеллектуальный элемент, сопровождающий ее проявления, т.е. мысль’, *vīññāna* ‘ментальное качество как основная составляющая индивидуальности’, *vedana* ‘чувство, ощущение’, *saññā* ‘разум, сознание, восприятие’, *iddhi* ‘потенциальная возможность, психические силы’, *sankhāra* ‘совокупность свойств, характерных для данного процесса или результата; ментальные коэффициенты’; *tañhā* ‘страстная привязанность’, букв. ‘жажда’, *cetana* ‘размышление как активный процесс, намерение’ (и 56 других понятий, перечисленных в буддийских психологических трактатах), *kāya* ‘масса, собрание, агрегаты, тело’, *cittasantāpa* ‘печаль’, *hetu* ‘причина, основание, условие’, *paññatti* ‘объяснение, манифестация, обозначение, имя’, *viriya* ‘мощь, энергия, усилие, напряжение’, *ākankhā* ‘желание, стремление’, *chanda* ‘импульс, возбуждение, намерение, решимость’, *chandarāga* ‘возбуждающее желание’, *kāmarāga* ‘ страсть, вожделение’, *nandirāga* ‘страстное удовольствие’, *santāna* ‘продолжительность’, *khaṇa* ‘момент’, *manodvāra* ‘предел сознания’, *bhavanga* ‘существенный элемент становления’, ‘функция бытия’, *paṭicca-samuppāda* ‘возникновение на основе (предыдущей причины)’, ‘Закон зависимого возникновения’, *avijjā* ‘невежество, незнание’, *nidāna* ‘основание; источник, происхождение; причина, отсылка’, *kattha* ‘действие, деяние; поступок как имеющий последствия для совершающего его’, *samādhi* ‘концентрация; самоуправляемое состояние ума и медитации, которое наряду с правильным образом жизни является необходимым условием для достижения высшего знания’, *paññā* ‘умственные способности, включая все высшие способности, познания’, *jhāna* ‘медитация’, *mokkha* ‘освобождение, спасение’, *metti* ‘любовь, дружелюбие’, *karuṇā* ‘сочувствие, жалость’, *upa(k)khā* ‘гедонистический нейтралитет или безразличие, нулевая точка между радостью и печалью’, *sotāpatti*

‘вхождение в поток, т.е. вступление на восьмеричный путь’, *sotapanna* ‘вступивший в поток, новообращенный’, *paṭigha* ‘(этическое) неприятие, отвращение’, *kāta* ‘объект чувственного наслаждения, чувственное наслаждение’, *rāga* ‘возбуждение, страсть’, *saddhā* ‘вера’, *dassata* ‘відение, (сила) восприятия, интуиция’, *samāna* ‘странник, отшельник’, *brāhmaṇa* как синоним араханта; *suñña* ‘пустой, нереальный, невещественный, феноменальный’, *suññatā* ‘невещественность, феноменальность’, *sīla* ‘природа, характер, моральная практика, буддийская этика’, *paṭipadā* ‘средство достижения назначенней цели, путь, метод’ и т.д.

Комбинаторная семантика пали определяется прежде всего типами комбинаций знаков в тексте, в двучленных сочетаниях, в первую очередь, и в многочленных — во вторую очередь. Эти комбинации предполагают два разных принципа связи знаков — «соединение» (linking) и «вставление» (nesting). Объем случаев, к которым применимы обе эти операции, определен структурой ЭСК (см. раздел «Синтаксис»), если говорить о классах слов, и данными конкретных текстов, если говорить о лексемах. Примером «соединения» может быть сочетание типа Adj. + Subst. (*sundarī itthi* ‘красивая женщина’ или *pañḍito puriso* ‘ученый мужчина’ и т.п.), примером вставления — *rūjāt karoti* ‘(он) почитает’, ‘(он) выражает привязанность’ или *anutīre* ‘вдоль берега’ и т.д. Легко заметить, что «вставление» предполагает несимметричные двухместные отношения, т.е. В (x, y) ⊃ В (y, x); специфической же чертой «соединения» нужно считать логическое перемножение их десигнатов A ($c_1 \ c_2 \ c_3$) & B($c_4 \ c_5 \ c_6$) ⊃ AB ($c_1 \ c_2 \ c_3 \ c_4 \ c_5 \ c_6$). Разумеется, это простейшие случаи, не учитывающие ни результатов различных трансформаций, ни количества уровней комбинирования. Вопросы полисемии и омонимии, смыслового «выветривания», идиоматики, детерминации и т.п. вплоть до стилистических аспектов возникают при исследовании комбинаторной семантики и непосредственно приводят к еще более общей проблеме — организации текста и его блоков (от минимальных двучленных и выше). Учитывая терминологичность значительной части словаря буддийских понятий и высокую степень детерминированности последовательностей слов в тексте, можно говорить об исключительном уровне организованности палийских текстов, когда само данное слово или сочетание нескольких слов определяют в известной мере предшествующую и последующую части текста и место слова в данном тексте. Разумеется, что сказанное в наибольшей степени относится к ключевым словам типа *dhamma*, *nibbāna* и под.

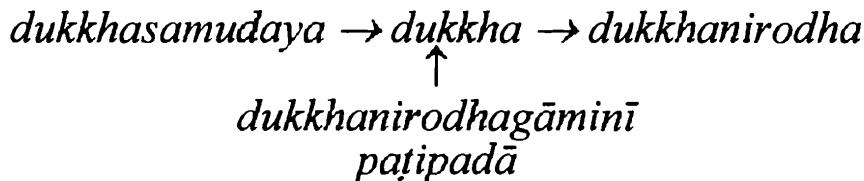
Понимание того, что такое дхамма, достигается не только из определений его и из соположений типа *dhamma—adhamma* ‘неправедность’ или *dhamma—anudhamma* ‘меньшая или низшая

дхамма' и под., но и микроконтекстами — формулами типа *sabbe dhammā anattā* 'все дхаммы лишены души', *sabbe dhammā anicca* 'все дхаммы непостоянны', *sankhatā dhammā* 'дхаммы, вызванные прошлыми рожданиями' — *asankhatā dhammā* 'дхаммы, не вызванные прошлыми рожданиями', *asankhata dhamma = nibbāna, kusalā dhammā* 'хорошие качества' — *akusalā dhammā* 'некачественные качества', не говоря о разных видах классификации дхамм. Особое место занимает анализ комбинаций типа «вставления» с участием *dhamma*; ср. *dhammat ānubodhati* 'найти дхамму', *dhammat deseti* 'обучать дхамме' (ср. *katheti, bhāsati, bhaṇati, pakāseti & dhammat*), *dhammat sunāti* 'выслушивать дхамму', *dhammat pariyāriṇāti* 'добиться полного знания дхаммы', *dhammat dhāreti* 'запомнить дхамму', *dhammat vicināti* 'изучать дхамму' и т.д. Наконец, особый источник реконструкции микроконтекстов с участием *dhamma* — многочисленные сложные слова, дающие возможность подтвердить или даже восстановить соответствующие сочетания на уровне классов слов (а не только основ). Ср.: *dhamma & -akkhāna, -atthadesanā, -ādhikaraṇa, -anuvattin, -anvaya, -abhisamaya, -āyatana, -ārāma, -kathā, -kamma, -kāya, -gutta, -cakka, -cārin, -cetiya, -chanda, -jīvin, -dīpa, -desana, -dhara, -dhātu, -dhāraṇa, -pada, -pariyatti, -pāla, -pīti, -bhūta, -magga, -yāna, -rakkhita, -rasa, -rājā, -vara, -vādin, -vicaya, -vinicchaya, -vihārin, -saññā, -sabhā, -samaya, -saraṇa, -sota etc.* Сходные возможности в области комбинаторной семантики могут быть продемонстрированы и на примере слова *nibbāna*. Анализ основных буддийских текстов (в частности, их структуры) вносит свой вклад в определение семантики ключевых понятий Канона.

Яснее всего структура текста «Четырех Благородных Истин» выявляется в предельно кратких формулировках. Ср.: *idam (kho pana bhikkhave) dukkham ariyasaccam, idam (kho pana bhikkhave) dukkhasamudayam ariyasaccam, idam (kho pana bhikkhave) dukkhanirodham ariyasaccam, idam (kho pana bhikkhave) dukkhanirodhagāminī paṭipadā ariyasaccam*. «Mahāvagga» 1, 6, 19: «Существует (о монахи) страдание. Это Благородная Истина. Существует (о монахи) причина страдания. Это Благородная Истина. Существует (о монахи) прекращение страданий. Это Благородная Истина. Существует (о монахи) Путь, ведущий к прекращению страданий. Это Благородная Истина». Эта четырехчастная схема делится на блоки, каждый из которых начинается местоимением *idam* и замыкается наименованием содержащегося внутри блока — *ariyasaccam*. Само содержание помещается внутри этой четырехкратной повторенной рамки: *dukkham — dukkhasamudayam — dukkhanirodham — dukkhanirodhagāminī paṭipadā*. Во всех четырех звеньях вычленяется *dukkha*-, одно из ключевых понятий в буддизме. Традиционное в буддологии понимание *dukkha* ('страдание') крайне приблизительно, а его

перевод заведомо не терминологичен. Общий недостаток почти всех переводов этого слова и его интерпретаций — в смешении экстенсионального и интенсионального определений его. Для выяснения значения *dukkha* особенно важны такие словоупотребления, как: «О бхиккху, все санскары (*sankhāra*) непостоянны (*anicca*), все санскары — *dukkha* и все дхармы (*dhamma*) — лишены души (*anatta*)». Неправильное понимание *dukkha* и противоположного ему понятия *sukha*, трактовавшихся обычно в этическом плане (плохо—хорошо), способствовалоискаженному представлению о буддизме вообще, поскольку *dukkha* — исходное понятие, лежащее в основе всей схемы «Четырех Благородных Истин».

В четырехчастной схеме *cattāri ariyasaccāni* легко заметить и членение по другому принципу. С одной стороны, выделяется некий актуальный текст, описывающий синхронное состояние, непосредственные данности, и ориентированный на прагматический уровень, — *dukkham dukkhanirodhagāminī paṭipadā*. *Dukkha* — это то, что постоянно существует, что обусловлено природой, а именно включенностью человека в сансарическую цепь рождений и смертей. *Dukkhanirodhagāminī paṭipadā* — то, что также постоянно существует с тех пор, как было приведено в движение «Колесо дхармы»; но это существование обусловлено не природой, а культурой; оно — единственный противовес дурной бесконечности сансарического существования, единственный шанс в сотериологических чаяниях человека. С другой стороны, в той же схеме выделяется и еще один текст, так сказать диахронический, описывающий историю этого *dukkha* — его возникновение, или начало (*saṃudaya*), присутствие (выражаемое нулевой формой глагольной связки), прекращение, уничтожение, конец (*nirodha*). Следовательно, *dukkha*, ключевое слово всей схемы, есть вместе с тем и то звено, в котором соединяются обе составные части схемы:

В реальном тексте формулы это ключевое понятие, *dukkha*, вынесено на первое место, чем несколько затушевывается последовательность этапов в тексте второй подсхемы, но зато предельно актуализируется текст первой подсхемы, признаваемой основным, поскольку именно в нем указывается универсальное зло и средство к его преодолению. Учитывая, что расстояние между *dukkhasamudaya* и *dukkha* есть не что иное, как возрастание (увеличение), а расстояние между *dukkha* и *dukkhanirodha* — деградация (уменьшение), полная схема

описания второго («диахронического») текста включает в себя также четыре элемента (состояния): **р о ж д е н и е** (возникновение) — **в о з р а с т а н и е** (увеличение) — **д е г р а д а ц и я** (уменьшение) — **с м е р т ь** (исчезновение). Именно такие четырехчленные схемы хорошо известны как в других буддийских текстах, так и в текстах архаичных мифопоэтических традиций. В анализируемом тексте используется противопоставление образа **с т а т и ч е с к о й** целостности, устойчивости, завершенности (четыре **ч а с т н о с т ь** «Благородных Истин») и образа **д и н а м и ч е с к о й** целостности, идеи развития как такового (**т р е х** частность процесса эволюции *dukkha*), что соотносимо с еще более древними образами.

В отличие от архаических схем, где четыре элемента соотносились друг с другом только как целое с целым и при этом внешним образом через операцию **ж и з н ь**—**с м е р т ь**, указанный текст отказывается от ненужной в данном случае конкретности космологического набора элементов и предполагает за множественностью и разнообразием элементов схемы их **е д и н с т в о**, принципиальную сводимость конкретных манифестаций к единому архиэлементу эмического уровня. Этим архиэлементом и стало *dukkha*, присутствующее как общий множитель во всех четырех узлах схемы. Благодаря такому пониманию архаические схемы типа: $\exists(a) \supset \exists(b) \ \& \ \exists b \supset \exists(c) \ \& \ \exists(c) \supset \exists(d)$... т.е.: из наличия a следует отсутствие b, и из наличия b следует отсутствие c... и т.д., иначе говоря: жизнь a есть смерть b и т.д. были преобразованы в схему типа: $\exists(x) \ \& \ \exists(x.i) \ \& \ \exists(x.f)$... где x — *dukkha*, i — начало, f — конец. В этой схеме операция **ж и з н ь**—**с м е р т ь**, трансформированная в операцию **н а ч а л о**—**к о н е ц**, из внешней сферы вводится внутрь, становясь характеристикой самого общего множителя всех четырех блоков схемы — *dukkha*. Вместе с тем сами эти характеристики (i, f) выступают как вторые множители. В результате три первых блока «Четырех Благородных Истин» могут быть записаны в виде: $\exists((x.i) \ \& \ (x) \ \& \ (x.f))$. Легко заметить, что x.i, x, x.f не что иное, как разные степени проявления признаков *dukkha* (последовательное изменение состояний), с одной стороны, и **ж и з н ь**—**с м е р т ь** (начало—конец), с другой стороны. Иначе говоря, оказывается, что для *dukkha* можно дать операционное определение, исходя из схемы, лежащей в основе «Четырех Благородных Истин»: *dukkha* — это то, что имеет начало, бытие и конец, или, более развернуто, *dukkha* — это то, что неминуемо связано с сансарическим циклом рождений, становлений и смерти, непременное условие феноменального существования. Интересно, что в более развернутых формулировках «Истина» обнаруживаются еще более очевидные случаи использования операции **р о ж д е н и е**—**в о з р а с т а н и е**—**д е г р а д а ц и я**—**с м е р т ь**, но с понижением ранга соответствующего фрагмента.

Ср. формулировку первой истины (Samy.-Nik. Mahā-vagga XII, II, 11, 5), при которой детализация содержания связана с введением обычного клише буддийских текстов, описывающих разные стадии бытия — *jāti, jarā, vyādhi, maraṇam*.

Другая основополагающая особенность текста «Четырех Благородных Истин», отличающая его от генетически связанных с ним текстов, — замена конъюнкции как логической связи блоков в схеме импликаций, т.е. введение понятия причинности — то, что подвержено возникновению, подвержено уничтожению, полному прекращению (*yat kīcī samudayadhammat sabbantam nirodhadhammat*). Следовательно, (x.i) & (x) & (x.f) преобразуется в (x.i) \supset (x.f). Благодаря импликации такого рода цель Учения — Путь не только органично вытекает из текста первых трех блоков, которые тем самым становятся предпосылками, описанием причин, но и образует с ним новое единство, описываемое той же самой четырехчастной схемой. И здесь опять приходится считаться с различием рангов: на высшем — блоки 1, 2, 3 суть причины по отношению к блоку 4, на низшем — блок 1 является причиной блока 2, а блок 2 (или, вернее, пара блок 1 и блок 2 в совокупности) — причиной блока 3. Построение причинно-следственных цепей и использование их для объяснения основных положений Учения убедительно демонстрируется текстом Закона зависимого возникновения. Более того, суть его полностью исчерпывается серией импликаций, замыкающихся или начинаяющихся взаимоимплицируемыми сущностями: (Имя и форма) \supset (Сознание), (Сознание) \supset (Имя и форма), (Имя и форма) \supset (Соприкосновение), (Соприкосновение) \supset (Чувство), (Чувство) \supset (Жажда), (Жажда) \supset (Привязанность), (Привязанность) \supset (Становление), (Становление) \supset (Рождение), (Рождение) \supset (Старость и смерть), см. Dīgha-Nik. II, Mahānid.-sutta-nītanta, 1, 22. Разумеется, эти пары импликаций включаются в единую цепь причинно-следственных отношений (некоторые буддийские тексты реализуют еще более длинные цепи такого рода и строятся в соответствии с ними). Учитывая, что две первые импликации, строго говоря, являются собой одну обратимую импликацию, — оказывается, что Закон зависимого возникновения так же восьмеричен, как и Путь в «Четырех Благородных Истинах», что опять-таки возвращает нас к фонду архаических схем с данным числом элементов. Интересно, что последние слова Будды (*handā dāni bhikkhave āmantayāti vo. vayadhammā samkhārā. appatādena sampādetethāti*. Dīgha-Nik. Mahāparinibb. XVI, 6, 7 «А ныне, бхиккху, я обращаюсь к вам (в последний раз): „Всё, что состоит из частей (*samkhāra*), подвержено разрушению. Прилежно стремитесь к достижению цели“») предполагают естественную экспликацию: всё, что не имеет частей, не подвержено разрушению, т.е.ечно (*niccā*), и всё, что подвержено разрушению,

подвержено и возникновению. Иначе говоря, и в этой формуле снова выступают понятия возникновения и уничтожения, или начала и конца, реализующиеся в некоей временной перспективе. Вместе с тем в эту перспективу может быть включено лишь то, что составно, т.е. состоит из частей, предполагает деление на них.

Другой характерный пример организации текста, предполагающей высокую степень автоматизма и выводимости, — «Дхаммасангани», компендиум, посвященный психологической трактовке этических категорий. Одной из наиболее выдающихся особенностей «Дхаммасангани» в плане построения текста (прежде всего на синтаксическом уровне) следует считать такой монтаж частей текста, когда каждая последующая часть отличается от предыдущей на минимальный (в идеале) элемент, существенный прежде всего в плане содержания (этому элементу в плане выражения могут соответствовать как определенные сочетания слов, образующие синтаксические конструкции, так и отдельные слова или даже части слов). Поскольку эти отличные друг от друга элементы включены в относительно длинные и неизменяющиеся части текста, которые могут рассматриваться как блоки, составляющие весь текст, то эти отличающиеся друг от друга включения оказываются в положении максимального констатирования (они и только они нарушают инерцию длинного ряда совпадений) и поэтому поневоле становятся различительными признаками текста и его частей. Вместе с тем такое построение текста дает возможность с чрезвычайно высокой (в ряде случаев — полной) вероятностью предсказывать вид следующей (или следующих) частей текста по известным предыдущим частям. Практически это выражается в том, что читающий текст «Дхаммасангани» может следить лишь за двумя моментами: 1) членением текста на крупные блоки и 2) наличием различительных признаков внутри их. Иначе говоря, речь идет о достаточности (начиная с определенного места) не словного или построчного чтения (обычного типа) текста, а возможности и достаточности чтения только этих различительных узлов.

Особенно показательна в этом отношении первая книга «Дхаммасангани», называемая «Cittuppāda-kaṇḍam», а внутри ее — первая глава первой части. Эта глава посвящена восьми основным типам мысли, связанным с чувственным миром («kātāvacara-āṭha-mahācittāni»). В соответствии с общей темой трактата здесь разбирается вопрос о том, какие дхаммы (*dhamma*) являются хорошими, положительными (*kusala*), причем под дхаммами имеются в виду состояния сознания (states of consciousness), ума, а под хорошими — те дхаммы, которые связаны с хорошей кармой (*kamma*). Текст главы организуется прежде всего восемью одинаковыми вопросами, которые

задают и формальное, и содержательное разбиение этого текста, — «какие дхаммы (состояния сознания) хороши?». Этот вопрос, сколько бы раз он ни повторялся, неизбежно имплицирует одну и ту же стандартную формулу со строго ограниченным числом переменных. В общем виде эта формула, являющаяся ответом, построенным как *uddesa*, содержательно может быть выражена приблизительно таким образом: хорошими являются те дхаммы, которые отвечают следующим условиям: наличие хорошей мысли [x], относящейся к чувственному миру, сопровождаемой [y], [z], связанной с знанием, имеющей в качестве ее объекта зрительный образ, звук, запах, вкусовое ощущение, осознательное ощущение, ментальное состояние или что бы то ни было, вызывающей целую серию феноменов числом 56.

Введя ряд символов (Dh. — дхамма, \tilde{N} — знание, $\tilde{nāta}$, C — мысль, citta; P_1 — возникать, P_2 — быть связанным, P_3 — иметь объектом ($x_1, x_2, x_3 \dots$ — объекты); + хороший, — плохой или — в надстроечном употреблении — логическое отрицание; α — логическая конъюнкция), соотношение неизменных и изменяемых (...) частей формулы может быть записано следующим образом:

$$Dh. (+)\supset C(+)[P_1(\dots) \& P_2(\dots) \& (\dots) P'_2(\tilde{N}) \& P_3(x_1, x_2, x_3, \dots x_{56})].$$

Таким образом, раз усвоив эту формулу, в дальнейшем существенно, отождествив некий текст с данной формулой, следить лишь за тем, каким образом заполняются эти три переменные места (...) в формуле. Каждое из этих трех мест может принимать лишь два значения:

1) *sa-sankhāra* (Sn.) или отсутствие его ($\bar{S}n.$); 2) радость (Sm.) или безразличие (Sm.); 3) — (не) или нуль (несвязанный — связанный). Учитывая все значения переменных, можно получить следующие реально существующие ответы на вопрос о том, какие дхаммы хороши:

- 1) Dh. (+)\supset C (+) [$P_1 \& P_2$ (Sm.) & $P'^2(\tilde{N}) \& P_3(x_1, x_2, x_3, \dots x_{56})]$]
- 2) Dh. (+)\supset C(+) [$P_1(Sn.) \& P_2$ (Sm.) & $P'^2(\tilde{N}) \& P_3(x_1, x_2, x_3, \dots x_{56})]$]
- 3) Dh. (+)\supset C (+) [$P_1 \& P_2$ (Sm.) & $P'^2(\tilde{N}) \& P_3(x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$]
- 4) Dh. (+)\supset C(+) [$P_1(Sn.) \& P_2$ (Sm.) & $P'^2(\tilde{N}) \& P_3(x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$]
- 5) Dh. (+)\supset C (+) [$P_1 \& P_2$ (Sm.) & $P'^2(\tilde{N}) \& P_3(x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$]
- 6) Dh. (+)\supset C(+) [$P_1(Sn.) \& P_2$ (Sm.) & $P'^2(\tilde{N}) \& P_3(x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$]
- 7) Dh. (+)\supset C (+) [$P_1 \& P_2$ (Sm.) & $P'^2(\tilde{N}) \& P_3(x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$]
- 8) Dh. (+)\supset C(+) [$P_1(Sn.) \& P_2$ (Sm.) & $P'^2(\tilde{N}) \& P_3(x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$].

То же самое удобно можно выразить следующей таблицей:

	Sn.	Sm.	P'^2
1.	—	+	+
2.	+	+	+
3.	—	+	—

	Sn.	Sm.	P^I_2
4.	+	+	-
5.	-	-	+
6.	+	-	+
7.	-	-	-
8.	+	-	-

Следовательно, восемь основных типов мысли, связанной с чувственным миром, полностью реализуют систему из трех различительных признаков с двумя значениями (положительным и отрицательным) каждого из них.

Несколько сложнее формализуется содержательная и композиционная структура следующих двух глав первой части. Вторая глава, где рассматривается хорошее в связи с миром форм (*rūpāvacara-kusalam*), организуется теми же самыми вопросами (какие дхаммы хороши?), повторенными 16 раз, после которых следуют ответы, также выраженные одной формулой с несколькими переменными местами. В отличие от формулы-ответа в первой главе формула второй главы содержит большое число переменных мест, каждое из них длиннее (т.е. обычно членится более чем на один элемент), и, главное, элементы, выступающие на переменных местах, содержательно организованы не по принципу противопоставления (как в первой главе), а чаще по принципу градации, ср.: удаление от чувственных желаний и плохих идей — подавление деятельности определенного вида мышления — уменьшение страсти, связанной с особым видом эмоции (*pīti*), — изгнание удовольствия, игнорирование радости и печали и т.п.

В третьей главе о хорошем применительно к миру бесформенного (*agūpāvacara-kusalam*) задаются те же четыре вопроса, ответом на которые служит одна и та же формула с двумя переменными местами типа: ‘когда для достижения бесформенного неба он разрабатывает путь (к нему) путем полного выхода за пределы [...A], он входит и пребывает в той восхищающей медитации, которая сопровождается сознанием сферы [...B]’, и т.д. При этом на первом из переменных мест [A] различаются: 1) всякое сознание формы, отмирание сознания чувственной реакции, отвлечение внимания от всякого сознания множественности; 2) беспредельное пространство (*ākāsāpāñcāyatanam*); 3) бесконечное сознание (*vīññāpāñcāyatanam*); 4) ничего (абсолютное отсутствие — *ākiñcaññāyatanam*). Второе из переменных мест [B] позволяет различать: 1) беспредельное пространство; 2) бесконечное сознание; 3) ничего (абсолютное отсутствие); 4) где нет ни восприятия, ни отсутствия восприятия (*neva-saññā-pñsaññāyatanam*). Характерно, что рассмотрение четырех *jhāna*, связанных с существованием, лишенным форм (*cattāri agūpajjhānāni*), построено таким образом, что оба ряда элемен-

тов, выступающих на обоих переменных местах, определенным образом связаны (со сдвигом на один шаг):

- 1) A.....
- B. *ākāsānaīcāyatanam*
- 2) A. *ākāsānaīcāyatanam*
B. *viññāṇaīcāyatanam*
- 3) A. *viññāṇaīcāyatanam*
B. *ākiñcaññāyatanam*
- 4) A. *ākiñcaññāyatanam*
B.

Показательно, что система, вскрытая в связи с анализом первой главы первой части, самодовлеющая для этого фрагмента текста, далее — по мере разворачивания текста — интегрируется как подсистема в более обширную систему, для которой существенны некоторые новые признаки. Если обратиться ко второй части первой книги, а именно к шестой главе о двенадцати плохих мыслях (*dvādasa akusalacittāni*), то оказывается, что на 12 вопросов о том, какие дхаммы являются плохими (*akusala*), даются ответы, обслуживающие одной формулой с переменными, практически общей с той, что анализировалась в связи с первой главой. Иначе говоря, плохими являются те дхаммы, которые отвечают следующим условиям: наличие плохой мысли [x], сопровождаемой [y], [z], связанной с [w], имеющей в качестве ее объекта зрительный образ, звук, запахи и т.д. (как в первой главе). Таким образом:

$$\text{Dh. } (-) \supset C (-) [P_1 (\dots) \& P_2 (\dots) \& (\dots) P^1_2 (\dots) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$$

На первом из переменных мест [x] различаются Sn. и его отсутствие; на втором [y] — Sm., $\overline{\text{Sm.}}$, D. (печаль, *domanassa*); на третьем [z] — (не) или нуль; на четвертом [w] — Dt. (взгляды, мнения,ср. *diṭṭhigata/-sampayuttam*), Pt. (отвращение, *paṭigha*), V. (затруднение, *vicikicchā*), U (возбуждение, раздражение, *uddhacca*). Синтетическая формула содержательной структуры этой главы может быть записана следующего вида выражением:

$$\begin{aligned} \text{Dh. } (-) \supset C (-) [& P_1 (\text{Sn.} \vee \overline{\text{Sn.}}) \alpha P_2 (\text{Sm.} \vee \overline{\text{D}}) \alpha P^1_2 \vee P^1_2 \\ & (\text{Dt.}) \vee P^1_2 (\text{Pt.} \vee \text{v} \vee \text{U}) \alpha P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})], \end{aligned}$$

т.е. дхаммы плохи, если плохая мысль характеризуется ее возникновением, связанным с *sankhāra* (*sasankhārena*) или без него, связью с радостью или отсутствием радости (безразличием) или печалью, связью или отсутствием связи со взглядами—мнениями, или связью с отвращением или затруднением, или возбуждением, наличием у нее объектов $x_1 \dots x_{56}$.

Из большого числа возможных комбинаций ответа в данной главе используется лишь двенадцать:

- 1) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 \& P_2 (\text{Sm.}) \& P_1^1 (\text{Dt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 2) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 (\text{Sn.}) \& P_2 (\text{Sm.}) \& P_1^1 (\text{Dt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 3) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 \& P_2 (\text{Sm.}) \& P_1^1 (\text{Dt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 4) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 (\text{Sn.}) \& P_2 (\text{Sm.}) \& P_1^1 (\text{Dt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 5) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 \& P_2 (\overline{\text{Sm.}}) \& P_1^1 (\text{Dt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 6) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 (\text{Sn.}) \& P_2 (\overline{\text{Sm.}}) \& P_1^1 (\text{Dt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 7) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 \& P_2 (\overline{\text{Sm.}}) \& P_1^1 (\text{Dt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 8) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 (\text{Sn.}) \& P_2 (\overline{\text{Sm.}}) \& P_1^1 (\text{Dt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 9) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 \& P_2 (\text{D}) \& P_1^1 (\text{Pt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 10) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 (\text{Sn.}) \& P_2 (\text{D}) \& P_1^1 (\text{Pt.}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 11) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 \& P_2 (\overline{\text{Sm.}}) \& P_1^1 (\text{V}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$
- 12) Dh. $(-) \supset C (-) [P_1 \& P_2 (\overline{\text{Sm.}}) \& P_1^1 (\text{U}) \& P_3 (x_1, x_2, x_3, \dots, x_{56})]$

Естественно, что матрица, описывающая эти ряды формул, сложнее, чем таблица, предложенная для описания первой главы. Уже в связи с P_2 появляются не только Sm. (+) и $\overline{\text{Sm.}}$ (-), как интерпретировалось это противопоставление применительно к первой главе, но и D; следовательно, целесообразно считать, что Sm. (+), $\overline{\text{Sm.}}$ (O), D (-). Еще сложнее отношения в связи с P_1^1 , где выступают четыре разных элемента.

Наконец, уже эта интегрированная система описания дополнительно усложняется при переходе к третьей части первой книги (об индетерминированных дхаммах, *dhammā avyākata*), особенно наглядно в связи с ее первой главой (*vipāko*), где рассматриваются пять способов познания, являющихся результатами хорошего. В качестве ответа на вопрос, какие дхаммы индетерминированы, предлагается формула типа: когда, будучи созданным в результате хорошей кармы, будучи накопленным в связи с чувственным миром, возникло [x], сопровождаемое безразличием и имеющее в качестве объекта [у], тогда имеет место контакт, восприятие и т.д. вплоть до известного уже типа заключения — такие дхаммы индетерминированы. В этом ответе [x] может развертываться в познание зрением, или познание слухом, или познание обонянием, или познание вкусом, а [у] — в образ (видимое), или звук, или запах, или вкусовое ощущение. Введение вопросов об индетерминированных дхаммах предполагает весьма типичное для ряда направлений буддийской религиозно-философской и логической мысли снятие бинарных противопоставлений на следующем по порядку, более высоком уровне (или включение данного бинарного противопоставления в новое бинарное противопоставление), напр., хорошие дхаммы — плохие дхаммы при переходе к следующему уровню объединяются как детерминированные [vyākata] дхаммы, противопоставленные индетерминированным [avyākata].

Другой часто используемый в палийских текстах принцип организации можно назвать числовым. Особенно часто он встречается в текстах, преследующих классификационные задачи или построенных по мнемоническому принципу. В таких текстах выдающуюся роль играют более или менее длинные числовые последовательности или отдельные элементы этой парадигмы, особенно богатые символическим содержанием, — обычно числа кратные 3 (3, 6, 9, 12...) и 4 (4, 8, 12, 16 ...), поскольку 3 и 4 суть образы динамической и статической целостности, количественные показатели высших ценностей Учения, модель мира. Хорошо известны и такие палийские тексты, в которых содержание развертывается в связи с бинарным или тернарным принципом, причем в ряде случаев они сосуществуют. В этих случаях нередко тернарный принцип вводится в действие после того, как исчерпаны все классификации, построенные на бинарном принципе. Само сочетание этих двух принципов показательно в связи с возможностями реконструкции древнейших числовых классификаторов. Более древние схемы могут быть обнаружены и в таких текстах, числовые характеристики которых обычно рассматриваются как результат полной дегенерации, приведшей к тому, что они стали элементами исключительно формальной структуры текста. Образцом текстов такого рода можно считать вопросы, обращенные к молодым людям (*kumārapañha*), из «Khuddaka-pāṭha»:

Eka nāma kim? — Sabbe sattā āhāraṭṭhikā.
Dve nāma kim? — Dve nāmañ ca rūpañ ca.
Tīṇi nāma kim? — Tīṇi tisso vedanā.
Cattāri nāma kim? — Cattāri ariyasaccāni.
Rañca nāma kim? — Rañca upādānakkhandhā.
Cha nāma kim? — Cha ajjhattikāni āyatanañi.
Satta nāma kim? — Satta bojjhangā.
Aṭṭha nāma kim? — Ariyo aṭṭhangiko maggo.
Nava nāma kim? — Nava sattavāsā.
Dasa nāma kim? — Dasah' angehi samannāgato arahāti vuccati.

«Что такое один? — Все существа — поддерживающие себя пищей.
Что такое два? — Два — имя и форма.
Что такое три? — Три — три познания.
Что такое четыре? — Четыре — Благородные Истины.
Что такое пять? — Пять факторов привязанности к существованию.
Что такое шесть? — Шесть сфер личного (о себе).
Что такое семь? — Семь членов просветления.
Что такое восемь? — Благородный Восьмеричный Путь.
Что такое девять? — Девять мест пребывания существ.
Что такое десять? — Десятью членами снабженный называется арапатом».

Не вызывает сомнений, что введение чисел в этом тексте — один из приемов мнемотехники. Уместно напомнить, что и другие тексты, входящие в «Khuddaka-pāṭha», изобилуют сходными приемами, ср. «Saraṇattayaṭ» с двумя рядами триад, особенно «Dasasikkhāpadaṭ», построенных по тому же катехетическому принципу, что и «Kumārapañhaṭ», с той же максимальной числовой константой (десять) и др. Вместе с тем эта организация текста «Kumārapañhaṭ» с помощью чисел далека от совершенства. В частности, синтаксические структуры фраз, являющихся ответом, в ряде случаев очевидно различаются; развертывание плана содержания трудно признать закономерным в каждом из десяти ответов: иногда значимое и обязательное соседствует с утверждениями, касающимися предметов едва ли первостепенной важности для неофита. Одним словом, создается впечатление, что параллелизм формальной структуры и содержания не всегда последователен, что при признании древности осуществленного здесь принципа последовательного введения числовых характеристик: n , $n + 1$, $(n + 1) + 1$, ... 10 возникает сомнение, что в архетеипе подобных текстов были именно эти элементы содержания и именно в такой, как здесь, последовательности. Типологические данные относительно текстов такого рода побуждают более четко сформулировать догадку, зародившуюся из наблюдений внутреннего характера текстов, о том, что текст или тексты, генетически связанные с анализируемым и предшествующие ему во времени, могли обладать такой структурой плана содержания, которая развивалась параллельно развертыванию формального плана, упорядоченного числовым рядом. Эта содержательная структура могла быть упорядочена в соответствии с хронологической последовательностью процесса, моделируемого текстами, о которых идет речь, в соответствии с некоей логической концепцией или в зависимости от аксиологических критериев, действующих внутри данной системы представлений. Представленное же в «Kumārapañhaṭ» заполнение композиционных блоков содержанием общефилософского или частнодогматического характера можно было бы в таком случае считать инновацией, сохраняющей лишь отдаленные связи со структурой содержания архетипа. В другом месте была высказана гипотеза, смысл которой в том, что чисто композиционная структура этого текста некогда могла быть мотивирована и содержательно — последовательностью актов космогонического характера.

Сочетание числового принципа и того, о котором говорилось в связи с «Dhammasangāpi», обнаруживается и в буддийском кредо.

*Buddham saraṇam gacchāmi
Dhammat saraṇam gacchāmi*

Я иду к Будде как к прибежищу.
Я иду к Дхамме как к прибежищу.

<i>Sangham saraṇam gacchāmi</i>	Я иду к Сангхе как к прибежищу.
<i>Dutiyam pi Buddham saraṇam gacchāmi</i>	Во второй раз я иду к Будде как к прибежищу.
<i>Dutiyam pi Dhammat saraṇam gacchāmi</i>	Во второй раз я иду к Дхамме как к прибежищу.
<i>Dutiyam pi Sangham saraṇam gacchāmi</i>	Во второй раз я иду к Сангхе как к прибежищу.
<i>Tatiyam pi Buddham saraṇam gacchāmi</i>	В третий раз я иду к Будде как к прибежишу.
<i>Tatiyam pi Dhammat saraṇam gacchāmi</i>	В третий раз я иду к Дхамме как к прибежишу.
<i>Tatiyam pi Sangham saraṇam gacchāmi</i>	В третий раз я иду к Сангхе как к прибежишу.

Этот текст делится на три части по двум параметрам. Один из них определяется числовыми показателями (нулевой в строках 1–3, *dutiyam* в 4–6, *tatiyam* в 7–9), откуда ряд 1–2–3 и общая схема $3 \times 3 = 9$; другой параметр определяется тремя основными ценностями (*Buddha*, *Dhamma*, *Sangha*), трижды повторенными в тексте на соответствующих местах (1 – 4 – 7, 2 – 5 – 8, 3 – 6 – 9). Кроме числовых характеристик и трех основных ценностей в тексте еще лишь два слова (*saraṇam* и *gacchāmi*), повторяющихся во всех без исключениях строках и всегда на двух последних местах. Поэтому текст полностью выводим из схемы следующего вида:

Номер строки	Числовой показатель	Основная ценность	<i>Saraṇam</i>	<i>Gacchāmi</i>
1	(1)	<i>Buddham</i>	+	+
2	(1)	<i>Dhammat</i>	+	+
3	(1)	<i>Sangham</i>	+	+
4	2	<i>Buddham</i>	+	+
5	2	<i>Dhammat</i>	+	+
6	2	<i>Sangham</i>	+	+
7	3	<i>Buddham</i>	+	+
8	3	<i>Dhammat</i>	+	+
9	3	<i>Sangham</i>	+	+

Такая композиция подкрепляется и звуковой организацией — обязательно повторяющиеся во всех строках элементы (*saraṇam* *gacchāmi* и элемент — *-am-*, повторяемый во всех словах строки трижды [1–3] или четырежды [4–9]) и элементы, повторяющиеся в правильном чередовании (через две строки на третью: *Buddham*, *Dhammat*, *Sangham* — или последовательно по три строки подряд: #, *Dutiyam*, *Tatiyam*). Следует отметить, что основные ценности появляются в тексте в нисходящем порядке.

Более сложный (уже не градуальный, а антитетический) принцип, связанный с повторами, использован в первой главе Дхаммапады (*Yamatavagga*). Здесь использован один из излюбленных приемов, заключающийся в соединении двух парных строф. Основа такого соединения — и смысловая (парные стро-ки посвящены одной и той же теме, хотя обычно она предусматривает два варианта — положительный и отрицательный), и формальная (использование одинаковой конструкции или сходных в обеих парных строфах). Идеальной редуцированной схемой парных строф можно было бы считать построение следующего вида:

$$\begin{array}{ll} \text{I} & \text{a} - \text{b} \\ & \text{c} - \text{d} \end{array} \qquad \begin{array}{ll} \text{II} & \text{a} - \bar{\text{b}} \\ & \text{c} - \bar{\text{d}}, \end{array}$$

где каждая буква символизирует отдельное утверждение, а знак над буквой — отрицание данного утверждения. Однако практически отдельные противопоставления внутри парных строф могут нейтрализоваться или, наоборот, расширяться за счет facultativных.

Сочетание названных здесь принципов организации текста, как и их специализации, образует более сложные текстовые структуры Канона и примыкающей к нему литературы.

ЗАМЕЧАНИЯ О ЯЗЫКЕ ПАЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ ИНДО-КИТАЯ

Как известно, буддийские тексты Бирмы, Таи, Лаоса, Камбоджи составлялись на классическом пали. Однако не вполне точное усвоение пали в том виде, как он представлен, например в Каноне, привело к формированию (естественно, бессознательному) особой разновидности пали, которая может рассматриваться как результат взаимодействия модели классического пали с моделью, условно называемой «индо-китайской». Наиболее полно результаты этого взаимодействия отражаются в тех текстах варваризованного пали, которые принадлежат авторам или переписчикам, жестко связанным с «индо-китайской» языковой моделью. В текстах такого рода влияние этой модели оказывается на всех уровнях (от звукового до семантического в самом широком смысле, включая концептуальный), причем в целом ряде случаев создается впечатление, что на некоторых уровнях (например, на морфологическом или синтаксическом) «индо-китайская» модель, по крайней мере частично, является доминирующей. Это наблюдение представляется не тривиальным и существенным, поскольку фономорфологические особенности, по необходимости выражавшиеся в структуре палийских слов, могут дать основание для интерпретации этих особенностей в содержательном (грамматическом) плане, тогда как весьма часто они относятся исключительно к плану выражения.

Разная степень взаимодействия указанных двух моделей определяет достаточно разнообразный набор типологически возможных вариантов текстов, созданных в Индо-Китае, которые представляют собой письменную реализацию языковых контактов двух типологически далеких друг от друга компонентов. Крайние точки занимают классический пали и туземные языки Бирмы, Таи, Лаоса, Камбоджи в тех их вариантах, которые предельно свободны от влияния пали и санскрита. Что касается последнего, то о нем следует сказать особо. Дело в том, что в ряде случаев пали вступил в контакт с туземными языками уже после того как они подверглись весьма значительному влиянию санскрита и уже выработали си-

стему (иногда довольно сложную) правил пересчета с санскрита на местные языки, отразившуюся прежде всего в практике передачи древнеиндийских слов собственными фономорфологическими средствами. Этим обстоятельством объясняется отчасти тот факт, что усвоение палийских слов в данных языках не требовало, как правило, введения дополнительных правил пересчета, тем более что чаще всего фономорфологическая форма палийских слов находилась ближе к туземной трансформации санскритских слов, чем соответствующие древнеиндийские слова. Разумеется, что полная картина наложения палийской фономорфологической модели на соответствующую модель туземных языков Индо-Китая не может быть воссоздана без учета ряда других фактов, связанных с характером палийско-«индо-китайских» контактов и с их сферой (литературный или разговорный языки, правила соответствия для которых могут быть различными, ср. судьбу палийских слов в кхмерском, где пали до сих пор является мощным источником пополнения словаря).

Анализ языка некоторых старых палийских текстов (неканонических), созданных в Бирме, Таи, Лаосе и Камбодже (например, Паньясаджатака, Дасабодхисатта-уддеса, Анналы Аютхьи и т. п.), позволяет проиллюстрировать некоторые наиболее устойчивые закономерности взаимодействия палийской и «индо-китайской» моделей. Разумеется, в данном случае важнее учесть вклад последней из этих моделей.

Среди фонетических особенностей палийских текстов, созданных в названных странах, наиболее характерны следующие: 1) удвоение согласных — *migga* вм. *miga*, *tussīta* вм. *tusīta*, *rūppa* вм. *rūpa*, *dassa* вм. *dasa*, *nātta* вм. *nāta*, *pattati* вм. *patati*, *animisa* вм. *animisa* и др. — и обратное ему явление — ср. *chatam* вм. *chattam* и др. [разумеется, что среди случаев такого рода есть просто ошибки, связанные с невнимательностью, или примеры, характеризующие графику данного текста (ср., между прочим, удвоение согласных как замену долготы предшествующей гласной); тем не менее существует и более принципиальное объяснение, основанное на том, что релевантное для пали противопоставление типа простая согласная — геминированная согласная С:СС оказывается несущественным для ряда «индо-китайских» языков (ср. кхмерский или тай); отсюда — более или менее безразличная трактовка интервокальных согласных в этих текстах; преобладание тенденции к удвоению — результат обычной склонности к «гиперкорректным» написаниям]; 2) смешение дентальных и церебральных согласных (ср. случаи ложной церебрализации: *atthaṅgacchatī*, *kinnara*, *jaṭaka*, *taṇḍira* и др. и обратные им примеры: *tutthā*, *thapeti*, *nattha*, *chaddemi*, *pathama*, *raṭhavī* и др.; и то и другое объясняется отсутствием в «индо-

китайских» языках существенного для пали противопоставления дентальных и церебральных согласных); 3) смешение придыхательных и непридыхательных согласных (ср. употребление придыхательных согласных там, где их не должно быть: *cātuddhasī*, *khuddhaka*, *bhaddha*, *samuddha*, *khuddha* и др., и наоборот: *sukkāpeti* вм. *sukkhāpeti*, *ganda* вм. *gandha* и т. п.; явления такого рода могут объясняться как внешними по отношению к языку причинами, ср. ложную аспирацию как характерную особенность камбоджийской письменности, так и более существенными внутренними причинами, ср., например, отсутствие противопоставления по придыхательности — непридыхательности в кхмерском); 4) смешение звонких и глухих согласных (ср. употребление глухих вместо ожидаемых звонких: *aīcana*, *osatha*, *chattetvā* и наоборот: *lohitaṅga* вм. *lohitāṅka*, *sandhava* вм. *santhava* и т. д.; мена такого рода более или менее обычна и в санскритских заимствованиях, ср. кхмер. *kba:l* 'голова' — др.-инд. *kapala-*, кхмер. *prate:h* 'страна' — др.-инд. *pradeśa-*, кхмер. *bariphouk* 'есть' — др.-инд. *paribhoga* и т. п.; помимо прочих объяснений это явление может быть связано с поздним и не вполне последовательным развитием противопоставления звонких и глухих согласных в некоторых из рассматриваемых языков; характерно, что и некоторые тексты, созданные в Бирме и отличающиеся правильностью, все-таки знают мену звонких и глухих согласных, как и удвоение согласных); 5) смешение просодических признаков долготы — краткости применительно к сегментам *i* и *u* (ср. *guhā* вм. *guhā*, *tūriya* вм. *turiya*, *thūti* вм. *thuti*, *pavīsati* вм. *pavisati* и т. п.; смешение подобного типа объясняется, видимо, рядом причин, о которых говорить пока трудно; некоторые из них могут быть связаны с особенностями «воспринимающего» языка, ср., в частности, несущественность противопоставления по долготе — краткости для фонемы *i* в кхмерском; характерно, что это смешение присуще как раз камбоджийской версии Паньясаджатаки) и т. п.

Весьма многое в палийских текстах, описываемых здесь, объясняется и в морфологии, если исходить из «индо-китайской» морфологической модели. Прежде всего это относится к трактовке палийских классов слов. Так, в рассматриваемых текстах постоянно смешиваются существительные и прилагательные (или причастия); ср., с одной стороны, *ratāda*, вм. *ratatta*, *sampatti* вм. *sampranna*, а, с другой стороны, *irrappa* вм. *irrattī* или *dīgha* в значении «длина, протяженность» и т. д.; понятно, что такое смешение объяснимо при учете конверсии в кхмерском, тай и других соседних языках и при том, что в этих языках класс прилагательных или вовсе не существует, или, входя в более обширный класс предикативов, связан скорее с глаголом, нежели с существительным.

Влияние «индо-китайской» морфологической модели сказывается в том, что некоторые палийские слова функционируют как полуаффиксы: прежде всего это относится к *kāle* и *thāne*, которые являются своего рода вспомогательными морфемами для обозначения соответственно временных и пространственных соотношений, аналогичными подобным морфемам-полуаффиксам в туземных языках (ср., между прочим, кхмер. *tha : n* в словах типа *vīka : tha : n* 'сцена', *uəntha : n : t* 'гараж' и т. п.); например: *ekasat̄vacchare gate kāle yeva...*; *tadā kāle; pubbe kāle; yattha thāne; rāja-thāne, susāna-thāne* и т. д. «Индо-китайская» схема, предполагающая наличие классификаторов, объясняет такие палийские примеры, как *tauāt̄ tava pitā rājā tava mātā va dve janā... kathāt̄ jīvāta puttaka; tava putto ca devī ca dve janā... nāddasūt̄...* (оба примера из Паньясаджатаки); к этим случаям так или иначе примыкают примеры прибавления к существительному демонстратива (как в кхмерском), употребление существительного-классификатора в качестве местоимения (ср. *mata sarīrat̄* вместо возвратного местоимения по «индо-китайскому» образцу: пал. *sarīra* 'тело', кхмер. *khluən* 'тело', употребляемое как возвратное местоимение, в частности, при образовании соответствующего залога, ср. *ruəc* 'избавлять' — *ruəc khluən* 'избавляться'; ср. также использование *buddho, bhagavā* в качестве местоимений 3-го лица, как, например, в кхмерском), повторение местоимений, сопоставимое с «индо-китайскими» фактами (ср. пал. *ahaṭ̄ kadāhaṭ̄ tuuhaṭ̄ kaniṭṭho hoti*. Даса-бодхисатта-уддеса), некоторые особенности в употреблении лица при вежливом обращении (ср. *mayhaṭ̄ bruttha russchāmi te brāmane vedapārāgū*. Паньясаджатака) и т. п.

Весьма существенны результаты интерференции «индо-китайской» категориальной схемы на палийскую. Применительно к имени они наиболее отчетливо выступают: 1) в смешении граммем рода (средн. вм. муж.: *kīrāni, khandhaṭ̄* — им. пад. ед. ч.; средн. вм. женск.: *dhārāni, guhāni*, ср. также примеры из Даса-бодхисатта-уддесы, приводимые Мартини; отсутствие согласования в роде между прилагательным и существительным: *rūpasirisampattim...gato; mahā...muddikā; rājadhitā...dātukāto* и т. п.); 2) в смешении граммем падежа (общая тенденция заключается в упразднении косвенных падежей и замене их винительным, стремящимся стать *casus generalis*; ср. вин. пад. вм. отлож. пад.: *samuddam uttaritvā*, вин. пад. вм. твор. пад.: *nānākiṇṇarakīṇṇariyo ākiṇṇa-devanagarat̄ viya* и даже вин. пад. вм. им. пад.: *rū asirisampattim pharitvā gato*; исключение составляет употребление местн. пад. вм. вин. (нправит.) пад., нередкое и в классическом пали: *sālāyam gantvā, pubbārāme pavisitva*, ср., однако, *tassa santikam gamissāmi* и случаи употребления вин.

пад. вм. местн. пад. типа *pubbārātam tīt̄hati*; и тенденция к созданию *casus generalis*, и тенденция к объединению локатива и директива легко объяснимы в свете «индо-китайских» фактов); 3) в особенностях выражения числа (употребление слов со значением «все», «много» — *sabbe, bahū*, выступающих как вспомогательные морфемы: *sabbe sattā, sabbe janā, sabbe cattāro khattiya*, или счетных слов: *dve putte, tīnī-divasam* и т. п., причем и то и другое типологически точно соответствует кхмерским и некоторым другим «индо-китайским» образцам).

Применительно к глаголу влияние «индо-китайской» схемы сводится прежде всего к попыткам передать видовые отношения (разными способами и, в частности, с помощью слов, сопутствующих глаголу) и к весьма обычному факту неразличения граммем времени (ср. смешение настоящего, будущего и претерита: *tīt̄hati...ahesum; dayhati...udavādi; dayhati...udapādi...bhavissati...hōti...ahosi* — примеры из Дасабодхисатта-уддесы; *tam labhitvā naravaram karomi tava pūjitat; okāsam tattha laddhāham āgacchāmi itam puram* — примеры из Паньнясаджатаки). Точно так же действие «индо-китайской» модели проявляется в частом смешении залогов в языке рассматриваемых палийских текстов (ср., например, *gahetvā, paharitvā* и т. п. в пассивном значении; любопытно, что в ряде «индо-китайских» языков, в частности в кхмерском или тайском, грамматикализация залоговых противопоставлений завершилась совсем недавно или же еще не завершена полностью, при этом палийские образцы играли не последнюю роль в становлении категории залога в этих языках). Из других особенностей глагола этих палийских текстов заслуживают преимущественного внимания такие, как создание целой системы перифрастических времен (1. герундив с глаголом *hōti*: *passitukātā hutvā ahosi*; 2. причастие прошедшего времени с *hoti* в презенсе: *parikiṇṇat hoti, sampatto hoti*, в аористе: *jāto ahosi, pattā ahosi*, в будущем времени: *patto bhavissati*; 3. причастие настоящего времени с *hoti* в презенсе: *anubhavanto hoti, vuyhamāno hoti*, в аористе: *vuyhamāno ahosi, parihāyanto ahosi* и т. д.) или создание ряда сложновербальных глаголов, управляющих винительным падежом (ср. *dānam deti* 'давать': *ekam kambalam dānam...te deti; dāndam karoti* 'наказывать': *amatassam rājadañdam karotha; sāsanam vadati* 'возвещать', 'учить': *yo buddharatanam...te sāsanam vadati* и т. п. — примеры из Дасабодхисатта-уддесы).

Среди синтаксических примет палийских памятников из Индо-Китая, многие из которых объясняются влиянием туземных языков и отмечены в работах Мартини, Терраля, Седэса, можно назвать явление соположения, связанное с бессоюзием

(ср. *mātsam khādāmi jīvāti* вм. *khādanto* или *ca*; *kim icchasi idha tiṭṭhasi* вм. *icchanto* и т. д.), употребление императива в придаточных предложениях, некоторые особенности порядка слов, падежного управления и т. п.

В области словообразования, лексики и семантики палийских текстов этого типа также немало особенностей, отличающих эти тексты от классических (некоторые из этих особенностей — результат адаптации соответствующих «индо-китайских» фактов); ср. упоминавшиеся выше факты конверсии; употребление первичного имени вместо его производного (*nigato...jānapadō* вм. *negatā...jānapadā*); инверсию членов в композитах (определяемое предшествует определяющему: *kesa-sīsam* при аналогичном кхмерском *sa'k kba:l* ' волосы головы'; *mukha-bherī* вм. *bherī-mukham*, *puṭaka-bhattam* вм. *bhatta-puṭakam*, *āyukā-parihinā* вм. *parihināyukā* и т. д.); необычное появление флексии в первом члене композиты (*padumāt-gabbham*, *nibbānam-dhamma-katham*, *sippo-asadiso*, *dve-paṭṭhanam* и др.); введение новых слов (ср., в частности, предпочтение, оказываемое в некоторых текстах более экспрессивным словам типа *udapādi*, *nibbatti*, *vaddhati* по сравнению с *hoti*); ряд семантических сдвигов, характеризующих отдельные слова, и другие особенности.

Все сказанное здесь позволяет рассматривать упомянутые палийские тексты как любопытные образцы палийско-«индо-китайской» креолизации, изучение которых (лишь недавно начавшееся) в духе теории языковых контактов небесполезно для истории пали.

ЗАМЕЧАНИЯ О ПАЛИЙСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Палийская ономастика до сих пор не была предметом сколько-нибудь обстоятельного исследования, хотя существует великолепное собрание материала Г. Малаласекеры (дальнейшие наблюдения и результаты основаны на анализе содержащихся в этом собрании фактов). Уже поэтому она достойна внимания. Этот вывод приобретает очевидность при учете значения палийской ономастики для изучения географии, истории и культуры Индии и Цейлона, а также ряда стран Юго-Восточной Азии, в которых распространились буддийская культура и пали. Наконец, с точки зрения изучения пали исследование ономастики составляет задачу первостепенной важности, поскольку в языке палийской ономастики засвидетельствованы некоторые архаизмы в словообразовании и лексике, почти уже не обнаруживаемые за пределами ономастики, и ряд новообразований, позволяющих судить о наиболее поздних продуктивных моделях словообразования и словосложения. Понятно, что палийская ономастика неоценима и для изучения ряда языков стран Юго-Восточной Азии и установления правил пересчета с пали на эти языки.

* * *

Среди топонимических названий первое по численности место занимают названия деревень (не менее 350). Подавляющее большинство их принадлежит к основам на *-a* (немногим менее 90%); около двух с половиной десятков названий — к основам на *-i*; из них большая часть не вполне показательна с ономастической точки зрения, так как объясняется апеллятивами с исходом на *-i*, входящими в состав названия (ср. *Am-baviṭṭhi*, *Antaraviṭṭhi*, *Ussānaviṭṭhi*, *Kakkhalaviṭṭhi*, *Pilla-viṭṭhi*, *Budalaviṭṭhi* — с *viṭṭhi*; *Uddhavāpi*, *Mattikāvāpi*, *Māluppala-vāpi*, *Vihāravāpi* — с *vāpi*; *Kaṇṭhapiṭṭhi*, *Kārapiṭṭhi*, *Mānakapiṭṭhi*, *Sarīvaggapiṭṭhi* — с *piṭṭhi*; *Kitagiri*, *Mahādāragiri*, *Sāligiri* — с *giri*; *Mahāmuṇi* — с *muṇi*); более достоверны случаи, когда *-i* не объясняется непосредствен-

но из апеллятива или когда данный апеллятив в топонимике используется редко (ср. *Kuṭṭapiṭi*, *Kuṇḍi*, *Telappanāli*, *Thusavaṭṭhi*, *Demaṭṭhapādatthāli*, *Devapāli*, *Puṇḍeli*, *Māyetti*, *Ratanadoni*, *Velaṅkunḍi*). Остальные типы представлены в названиях деревень еще реже: слова с исходом на *-ā* — *Uttarakā*, *Ekanālā*, *Nālā* (ср. *Nāla*, *Nālaka*, *Nālika*, *Nāla*), *Pañcasālā*, *Muṇḍagaṅgā*; слова с исходом на *-ī* — *Itṭhakāvatī*, *Uppalavāpi*, *Kurundi*, *Dīgharājī*, *Paḍāvī*, *Vaṭarakkhatthali*, *Vaḍalī*, *Sīmatālatthali*, *Silāvatī* (некоторые из этих примеров спорны, ср. *-vāpi*: *-vāpi*, *-tthali*: *-tthāli*); и-основы — *Ambilayāgu*, *Kīmsukavatthu*, *Goḷapānu*, *Corambagāmu*, *Jambu*, *Doṇavatthu*, *Piliṁvatthu*, *Mālavatthu*, *Voyalaggamu* (ср. *vatthu* в исходе ряда названий).

Среди названий деревень преобладающую часть составляют сложные слова (простые слова встречаются весьма не часто). В последней части их чаще всего (немногим менее половины всех примеров) стоит апеллятив *-gāma* (*Ambagāma*, *Uttaragāma*, *Koṭigāma*, *Gomayagāma*, *Cetāvigāma*, *Jantugāma*, *Titthagāma*, *Dārūrugāma*, *Nandigāma*, *Puṇkhagāma*, *Bolagāma*, *Bhaṇḍagāma*, *Maṇḍagāma*, *Yābālagāma*, *Ratānagāma*, *Ladagāma*, *Valligāma*, *Saṅgagāma*, *Hatthigāma* и др.); также распространены *-viṭṭhi/-viṭṭhika/-viṭṭha* (*Antaravitṭhi*, *Ambaviṭṭhi*, *Ussānaviṭṭhi*, *Kakkhalaviṭṭhi*, *Khaṇḍakaviṭṭhika*, *Gonnaviṭṭhika*, *Tambaviṭṭhika*, *Dunnivitṭha*, *Dhavalaviṭṭhika*, *Pillavitṭhi*, *Budalavitṭhi*), *-piṭṭhi/-piṭṭhika/-piṭṭha/-piṭṭha* (*Kaṇṭhapiṭṭhi*, *Kārapiṭṭhi*; *Gallakapiṭṭha*, *Tambapiṭṭha*, *Mānakapiṭṭhi*, *Sarīvaggapiṭṭhi*, *Siriipiṭṭhika*), *-vatthu* (*Kīmsukavatthu*, *Doṇavatthu*, *Piliṁvatthu*, *Mālavatthu*), *-nagara* (*Uṇhanagara*, *Kalahanagara*, *Nakulanagara*, *Pañanagara*, *Palannanagara*, *Bhogagāmanagara*, *Vasālanagara*, *Sahannagara*), *-pura/-pora* (*Pañdupura*, *Venāgapura*, *Hatthipora*), *-tittha* (*Ambatittha*, *Tannitittha*, *Macchatittha*, *Mahātittha*), *-giri* (*Kīṭagiri*, *Mahādāragiri*, *Sāligiri*), *-pabbata* (*Kattikapabbata*, *Muttāpabba-ta*), *-galla/-gallaka* (*Nagaragalla*, *Piyaṅgalla*, *Maṇḍagalla*, *Mahāgallaka*, *Māragalla*, *Sāmagalla*, *Sirimanḍagalla*), *-sālā /-sālaka* (*Āṅganasālaka*, *Guttasālā*, *Pañcasālā*, *Paṇṇasālaka*, *Mahāsālā*, *Mulasālā*, ср. *Sālā*), *-vāṛi* (*Uddhavāpi*, *Uppalavāpi*, *Mattikāvāpi*, *Mūluppalavāpi*, *Vihāravāpi*), *-tthali/-tthala* (*Demaṭṭhapādatthāli*, *Rajakatthala*, *Vaṭarakkhatthali*, *Sippatthala*, *Sīmatālatthāli*), *-maṇḍala* (*Assamaṇḍala*, *Kud-dālamāṇḍala*, *Dvāramāṇḍala*), *-dvāra* (*Uddhanadvāra*, *Ve-ludvāra*).

Как видно из предыдущего, многие названия чередуют формы с *-ka* и без него (*Nālā* — *Nālaka*, *Guttasālā* — *Gutta-sālaka* и др.). Из перечисленных конечных элементов многие могут занимать и не конечное место в названии, причем допустимы сочетания некоторых пар этих элементов: *-gāma*

(*Bodhigāmavara*, *Bhogagāmanagara*, *Vadhagāmakapāsāṇa*), -*viṭṭhi-* (*Ācāraviṭṭhigāma*), -*vatth-* (*Mahāvatthalagāma*), -*nagara-* (*Cullanagaragāma*, *Nagaragalla*), -*tittha-* (*Titthagāma*), -*giri-* (*Girigāma*, *Mahāgirigāma*), -*pabbata-* (*Nāgaṭabbatagāma*, *Sīdūpabbatīgīma*), -*vāpi-* (*Kotalavāpīgāma*, *Khīravāpīkagāma*, *Cūlavāpiyagāma*, *Nandivāpīgāma*, *Pelivāpiyagāma*, *Sumanavāpīgāma*, *Hundarīvāpīgāma*), -*sāla-* (*Sāligāma*, *Sāligiri*).

Из первых членов сложных слов, являющихся названиями деревень, чаще всего (около двух десятков раз) встречается *mahā-* (*Mahākhīragāma* при *Khīragāma*, *Mahāgirigāma* при *Girigāma*, *Mahāsenagāma* при *Senāgāma* и др.), *culla-/cūla* (*Cullakammāsadamma*, *Cūlanagaragāma*, *Cūlavāpiyagāma*), *amba-* (*Ambagāma*, *Ambatittha*, *Ambaviṭṭhi*, *Ambasandā* и др.), *sāla-* (*Sāligāma*, *Sāligiri* и др.), *sena-* (*Senagutttagāma*, *Senāgāma*, *Senāmagāma*), *uddha-* (*Uddhakuraṅgāma*, *Uddhagāma*, *Uddhanadvāra*, *Uddhavāpi*), *uttara-* (*Uttaragāma*, *Uttaroliya* и др.), *andha-* (*Andhakavinda*, *Andhakāra*, *Andhanāraka*), *mūla-* (*Mūlasālā*, *Mūlānagāma*, *Mūluppalavāpi*), *bodhi-* (*Bodhigāmavara*, *Bodhitalagāma*, *Bodhivāla*, *Bodhisenapabbatagāma*), *siri-* (*Siripiṭṭhika*, *Sirimandagalla*, *Siriyālagāma*), *deva-* (*Devatissa*, *Devapāli*, *Deviyāpaṭṭana*), *dīgha-* (*Dīgharājī*, *Dīghalambika*), *khīra-* (*Khīragāma*, *Khīravāpīkagāma*), *tamba-* (*Tambapiṭṭha*, *Tambalagāma*), *gonna-* (*Gonnagāma*, *Gonnaviṭṭhika*), *maṇḍa-* (*Maṇḍagalla*, *Maṇḍugāma*), *dvāra-* (*Dvāranāyaka*, *Dvāramanḍala*), *nagara-* (*Nagaragalla*, *Nagaravinda*), *nakula-* (*Nakulanagara*, *Nakulanigama*), *nandi-* (*Nandigāma*, *Nandivāpīgāma*), *kotṭha-* (*Kotṭhasāra*, *Kotṭhāgāma*), *muṇḍa-* (*Muṇḍagaṅgā*, *Muṇḍanigama*), *rāja-* (*Rājamittaka*, *Rājasīhamahāṭa*), *ratana-* (*Ratānagāma*, *Ratanadoni*), *labuja-* (*Labujagāma*, *Labujamāṇḍaka*), *vāluka-* (*Vālukagāma*, *Vālukapatta*), *vihāra-* (*Vihārabīja*, *Vihāravāpi*), *saṅgha-* (*Saṅghabhedakagāma*, *Saṅghāṭagāma*), *buddha-* (*Buddhagāma*, *Buddhabhelagāma*), *sāma-* (*Sāmagalla*, *Sāmagāma*), *hatti-* (*Hattigāma*, *Hattinora*), *aṅgana-* (*Aṅganakola*, *Aṅganasālaka*), *kalla-* (*Kallagāma*, *Kallavāla*, *Kallavālamutta*) и др.

Обычно сложные слова, обозначающие названия деревень, не превышают четырех элементов, ср. *Bodhi-sena-pabbatagāma*, *Ataranda-mahā-bodhi-kkhandha*. Гораздо чаще трехчленные сложные слова (*Nadi-bhāṇḍa-gāma*, *Nandi-vāpi-gāma*, *Naga-pabbata-gāma*, *Buddha-bhela-gāma*, *Bodhi-gāma-vara*, *Bhatta-sūva-gāma*, ср. *Paṇṇa-bhatta*. *Bhūta-maṇḍala-gāma*, *Bhoga-gāma-nagara*, *Mahā-sena-gāma*, *Sukha-giri-gāma*, *Sena-gutta-gāma* и др.). Совсем обычны в качестве названий деревень двучленные слова типа (Adj + N): *Majjhimagāma*, *Dīghalambika*, *Mahāmuṇḍi* и др.

Относительно семантики названий деревень следует ска-

зать, что вторичные (производные) названия, составляющие огромное большинство всех названий деревень, вполне допускают их классификацию на четыре традиционных для Индии семантических типа (др.-инд. *Cātararthika*), в зависимости от того, чем специфично данное место, кем оно основано, кто его населяет, вблизи с каким известным объектом оно находится. В большинстве названий содержатся элементы, которые можно считать детерминативами названий деревень (прежде всего *-gāma* 'деревня') или указаниями на некоторые основные особенности данных деревень (*-rabbata* и *-giri* 'гора', *-tittha* 'брюд', *-vāpi* 'пруд' и др.). Ко всему сказанному следует добавить, что многие из этих элементов десемантизировались, о чем свидетельствуют сочетания типа *Cullanagaragāma* (где есть *nagara* 'город'), названия деревень с конечным элементом *-nagara* и ряд других фактов. Отсутствие полной ясности в соотношении названий деревень и соответствующих апеллятивов (если они имеются) препятствует определению ряда деталей, относящихся к названиям деревень (и прежде всего к установлению степени ономастичности этих названий). Тем не менее допустима реконструкция порождающей модели для названий деревень наиболее распространенного типа: в конечном члене слова выбирается *-gāma*, в предшествующем ему члене, если он одновременно является единственным из предшествующих членов, выбирается или один из элементов, встречающихся в конечном члене (*tittha*, *sāla*, *giri*), или Adj, семантически соединимый с *-gāma* и связанный с ним отношением согласования, или первичное существительное, связанное с *-gāma* отношением управления; если же этому предшествующему члену предшествует еще один член, то в первом предшествующем члене выбирается один из элементов, встречающихся в конечном члене (*tittha*, *sāla*, *giri*, *nagara*, *vīthi*, *piṭhi*, *vāpi*, *rabbata*, *tthāli* и др.), или первичное существительное, связанное с *-gāma* отношением управления, а во втором предшествующем члене выбирается Adj или первичное существительное (при условии, что в первом предыдущем члене выбран один из элементов инвентаря конечного члена). Соответственно порождаются названия типа: I — а. *Girigāma*, б. *Majjhitagāma*, с. *Jambugāma*; II — а. *Mahāgirigāma*, б. *Nāgarabbatagāma*, с. *Mahāsenagāma*. Подобная модель объясняет большую часть названий деревень (включая многочисленные названия неиндоарийского происхождения, обычно легко выделяемые этимологически или даже на уровне дистрибуции фонем).

Названия городов по численности несколько уступают названиям деревень: их более двухсот. Подавляющее большинство их основы на *-a*, однако их количество не превышает двух третьей всех наименований. Около 80 топонимов относится

к словам с другими основами. Из них около половины имеют в исходе слова *-ī* (*Amaravatī*, *Ambara-Ambaravatī*, *Aruṇavatī*, *Ālavī*, *Upakārī*, *Ujjenī*, *Osadhi*, *Kukkuṭavatī*, *Kumbhavatī*, *Ketumatī*, *Kosambi*, *Khemavatī*, *Candavatī*, *Dhaññavatī*, *Dhāravatī*, *Peraddonī*, *Pokkharavatī*, *Potalī*, *Bandhumatī*, *Bāraṇasī*, *Bhaddavatī*, *Mantāvatī*, *Molini*, *Rammavatī*, *Rādhavatī*, *Reñuvatī*, *Rohinī*, *Vāraṇavatī*, *Sarabhavatī*, *Sālavatī*, *Sīlavatī*, *Sudhaññavatī*, *Sudhammavatī*, *Sunandavatī*, *Subhavatī*, *Surindavatī*, *Suriyavatī*, *Sotthivatī*, *Sobhavatī*, *Hamsavatī*), около двадцати пяти оканчиваются на *-ā* (*Anupiyā*, ср. *Anupiya*, *Ayojjhā*, *Alakā*, *Alasandā*, *Ātānāṭā*, *Ālakamandā* [мифологич.], *Ukkatṭhā*, *Kajaṅgalā*, ср. *Kajaṅgala*, *Kusināṭā*, *Kusinārā*, *Takkasilā*, *Gayā*, *Campā*, *Nālandā*, *Parakusināṭā*, *Pāvā*, *Makhilā*, *Madhurā*, *Mithilā*, *Rājinā*, *Varaṇā*, *Verañjā*, *Sahajātā*, *Sāgalā*, *Setavyā*), примерно десяток названий принадлежит к основам на *-i* (*Kaṇḍuveṭhi*, *Kāsi*, *Kokāli*, *Nivattagiri*, *Māhissati*, *Vedisagiri*, *Vesāli*, *Sahajāti*, *Sāvatthi*, *Sumsumāragiri*) и единичные примеры — к основам на *-u* (*Kañcanavelu*, *Kapilavatthu*, *Sirīvatthu*) и на *-ū* (*Vessabhū*).

Значительная часть названий городов (хотя и меньшая, чем в предыдущем случае) представлена сложными словами. В качестве последнего их члена чаще других выступают *-nagara* (*Āṭakanagara*, *Abhayanagara*, *Kaṭṭhantanagara*, *Kaṭṭhavāhananagara*, *Kusumanagara*, *Devanagara*, *Pakudhanagara* и др.), *-pura* (*Aggalapura*, *Anurādhapura*, *Amarapura*, *Ariṭhapura*, *Aruṇapura*, *Andhapura*, *Assapura*, *Kāñcipura*, *Kolambapura*, *Gaṅgāsiripura*, *Jayavaḍḍhanapura*, *Jeyyapura*, *Dadarapura*, ср. *Daddara*, *Parakkamapura*, *Viyayapura*, *Vethipura*, *Sirivaḍḍhanapura*, *Sīhapura*, *Sudhammapura*, ср. *Sudhamma*, *Hatthigiripura*, *Hatthiselapura*, *Hatthinipura*, *Hatthipura* и др.). Иногда *-nagara* и *-pura* находятся в чередовании, ср. *Pulatthinagara* — *Pulatthipura*, *Laṅkānagara* — *Laṅkapura*, *Vijitanagara* — *Vijitapura*. Реже выступают *-vatthu* (*Kapilavatthu*, *Sirīvatthu*), *-giri* (*Nivattagiri*, *Vedisagiri*, *Sumsumāragiri*), *-tittha* (*Kolambatittha*, *Gimhatittha*), *-putta* (*Kesaputta*, *Pāṭaliputta*), *-dvāra* (*Rājadvāra*), *-gāma* (*Pāṭaligāma*, *Mahāgāma*, *Rājagāma*) и др.

Следует отметить, что в названиях городов труднее проследить стандартизацию, достигшую такой степени развития, как в названиях деревень: значительная часть названий городов представлена непроизводными основами или простыми словами; сложные же слова, обозначающие города, редко содержат общий первый член более чем в двух названиях, и общий последний член, не считая *-nagara* и *-pura*. Если не считать случаев, подобных *Dakkhiṇa-malaya-jana-pada*, то обычно названия городов не состоят более чем из трех чле-

нов (*Kaṭṭha-vāhana-nagara*, *Gaṅgā-siri-pura*, *Jaya-vaddhana-pura*, *Siri-vaddhana-pura*, *Hatthi-giri-pura*, *Hatthi-sela-pura* и др.). Впрочем, двучленные примеры более обычны, как и, разумеется, названия городов, выраженные простым словом (*Amara*, *Alakā*, *Ātuma*, *Ālavī*, *Ujjenī*, *Osadhi*, *Kapila*, *Kāsi*, *Kimbilā*, *Khema*, *Gayā*, *Campā*, *Citta*, *Tagara*, *Desaka*, *Nagara*, *Pāvā*, *Potaka*, *Bheruva*, *Madhurā*, *Roja*, *Varaṇā*, *Vedisa*, *Soreyya* и др.).

Элементы *-nagara* и *-pura* могут рассматриваться как детерминативы названий городов (и то и другое слово обозначает город), противопоставленных названиям деревень с детерминативом *-gāma* (если не считать исключений вроде *Maṭṭagāma* — город или *Pañdirupa*, *Pañanagara* — деревни).

Нужно подчеркнуть, что указанные выше четыре семантических типа в названиях городов прослеживаются с большим трудом, нежели в названиях деревень. В частности, это связано с далеко зашедшой десемантизацией названий городов или элементов, из которых эти названия строятся. Случаев типа *Devanagara* 'Божий город' или *Hatthigiripura* 'Город у слоновой горы' относительно немного. Несомненно, что оформление названий городов в целом принадлежит более ранней эпохе, чем создание пласта названий деревень.

Особый класс местных названий составляют названия основных частей, на которые делится Индия, — *Jambudīpa* (*Majjhimadesa* 'Средняя страна', *Hemavata* или *Himavanta* — район Гималаев, *Uttarāpatha* — северная область, *Dakhiṇāpatha* — северо-западный район или *Dakkhiṇā janapada* — Деккан, *Pubbanta* — восточная Индия, *Aparānta* — западная Индия), названия 16 основных стран (*mahājanapada*) Индии (*Āṅga*, *Avanti*, *Assaka*, *Kamboja*, *Kāsi*, *Kuru*, *Kosala*, *Gandhāra*, *Cetī*, *Pañcāla*, *Magadha*, *Maccha*, *Mallā*, *Vajji*, *Vamsā*, *Sūrasena*, сп. Ангут.-ник. I, 213; IV, 252, 256, 260), названия более мелких стран, провинций, районов. И среди этих названий преобладающими являются слова, относящиеся к склонению основ на *-a*; остальные типы основ встречаются существенно реже — основы на *-ā*: *Esikā*, *Cātumā*, *Macchā*, *Madhurā*, *Yonā*, *Yavāna*, *Laṅkā*, *Vaṅgā*, *Videhā*, *Ukkalā*, *Uj(j)uññā*, *Pāragaṅgā*, *Mañimekhala* и др., основы на *-i*: *Kokāli*, *Adharat̄teri*, *Kāsi*, *Dīghavāpi*, *Suvaṇṇabhūmi* и др., основы на *-u*: *Kuru*, *Bāveru* и др., основы на *-ī*: *Aruṇavatī* и т. п.

Как детерминативы названий, принадлежащих к этому классу, можно привести *-rāṭṭha* 'страна', 'царство' (*Ajitarat̄ṭha*, *Addilaraṭṭha*, *Tabbāraṭṭha*, *Pañcayonaraṭṭha*, *Padīraṭṭha*, *Parittikkunḍiraṭṭha*, *Mahāraṭṭha*, *Romanukkharaṭṭha*, *Surat̄ṭha*, *Hūvaraṭṭha* и др.), *-janapada* 'страна', 'континент' (*Ambilajanapada*, *Alajanapada*, *Okkalaajanapada*, *Mahājanapada*, *Dakkhiṇamatayajanaṇapada* и др.), *-desa* 'страна' (*Uttaradesa*,

Dakkhiṇadesa, Duḍudesa, Pacchimadesa, Pācīnadesa, Majjhimadesa и др.), -dīpa ‘остров’ (*Ojadīpa, Kāradīpa, Giridīpa, Jambudīpa, Nāggadīpa, Palandīpa, Maṇḍadīpa, Laṅkadīpa*, ср. *Laṅkā, Varadīpa* и др.).

Среди названий этого рода значительное количество топонимов, являющихся сложными словами. Обычны двучленные названия типа *Aparagṛuṇā, Uttarakuru, Ojadīpa, Mahājanapada, Dakkhiṇadesa, Laṅkātala, Suraṭṭha* и др.; гораздо реже примеры трехчленных названий: *Rājca-yona-raṭṭha, Mahipāla-raṭṭha, Dakkhiṇa-malaya-janapada* и др. Наблюдается тенденция к увеличению числа членов сложного слова в названиях районов или провинций; среди названий стран, особенно известных, преобладают простые слова: *Āṅga, Ariya, Avanti, Kuru, Keka, Keraṭa, Kokāli, Kosala, Ceta, Coṭa, Gandhāra, Bhoja, Magadha, Madda, Yonā, Laṅkā, Vāmsā* и др.

В названиях стран десемантизация элементов слова или целых слов осуществляется в большем объеме, чем в названиях провинций или районов, с одной стороны, и основных частей, на которые делится Индия, — с другой.

Из других классов топонимических объектов многочисленными и хорошо классифицируемыми примерами представлены: горы и холмы (детерминативы -pabbata и -giri ‘гора’, -kūṭa ‘вершина’, ‘выступ’, не говоря о более частных случаях; ср. *Āṅgārapabbata, Udakapabbata, Kanakapabbata, Goyālapabbata, Cittalapabbata, Dōhalapabbata, Pañjalapabbata, Maṇipabbata, Rajatapabbata, Vaṅkapabbata, Sundarapabbata, Hiṅgulapabbata* и др. — всего более четверти всех названий гор; *Arañjaragiri, Gajtagiri, Cetiyagiri, Mallagiri, Rattamālagiri, Vaṅkagiri, Vātagiri, Sumanagiri, Subhagiri, Son(n)agiri; Indakūṭa, Kālakūṭa, Gijjhakūṭa, Devakūṭa, Nāradakūṭa, Samantakūṭa, Sumanakūṭa, Silakūṭa* и др.; реже встречаются элементы -gabbha ‘выступ’, ‘выпуклость’: *Candagabbha, Suriyagabbha; -sela ‘скала’, ‘камень’: Ghānasela, Puṭabhattasela, Billasela, Remūṇasela; ср. также -dūṇi: Gaṅgādūṇi, Jambūddhūṇi; -mala: Koṭthumala, Govindamala; -neru: Kākaneru, Mahāneru, ср. Neru, Sineru; -dhara: Isadhara, Nemindhara, Yugandhara* и др.; в ряде случаев наблюдается чередование последних элементов: *Cetiyapabbata — Cetiyagiri, Subhapabbata — Subhagiri, Samantakūṭa — Samantagiri* или даже их сочетание: *Laṅkāgiri-pabbata*; не менее половины названий этого класса — сложные слова); леса и рощи (детерминатив -vana ‘лес’, отмеченный почти в трех четвертях названий леса, ср. *Audhavana, Ketakavana, Gundāvana, Jālinavana, Niceluvana, Palāsavana, Bhesakalāvana, Mahāvana, Laṭṭhivana, Veluvana, Sītavana* и др.; гораздо реже -ārāṇī ‘лес’, ‘единение’: *Dāṇḍakāraṇī* или -ārāma ‘сад’, ‘парк’: *Tapodārāma, Nigrodhārāma*; за редкими исключе-

чениями названия лесов и рощ — сложные слова; в первом члене нередко стоит название породы деревьев); сады и парки (детерминативы *-ārāma*, *-vana*, *-uuyāna* 'парк', 'сад', 'роща', ср. *Añjanavana*, *Kapiṭṭhavana*, *Cittalatāvana*, *Jetavana*, *Nandanavana*, *Pañdavāvana*, *Missakavana*, *Veļuvana*; *Kesārāma*, *Pubbārāma*, *Badarikārāma*, *Medhārāma*, *Silārāma*, *Setārāma*; *Dīruuyāna*, *Niyanti-uuyāna*, *Pacuruuyāna*, *Mithiluuyāna*, *Lakkhuuyāna*, *Sāmisantosuuyāna* и др.; почти все названия здесь — сложные слова; часто они совпадают с названиями предыдущей группы); пещеры (детерминативы *-guhā*, *-lena*, *-kandara* 'пещера', 'грот': *Indasālaguhā*, *Nipannapaṭimāguhā*, *Pippaligūhā*, *Pilakkhaguhā*, *Maṇiguhā*, *Rajataguhā*, *Vasantaguhā*, *Sattapaṇḍiguhā*, *Suvaṇṇagūhā*; *Amaruppalalena*, *Cūlanāgalena*, *Rajatamayalena*, *Sītalaggāmalena*, *Sūkarakhatalena*; *Kapotakandara*, *Gomatakandara*, *Tindukakandara*, *Māramādakandara*; отмечен случай чередования детерминативных элементов: *Vijjādharaguhā* — *Vijjādharalena*; все названия этого класса суть сложные слова); броды (за редкими исключениями все названия содержат *tittha* 'брод': *Akittitittha*, *Anantarabhaṇḍakatittha*, *Gotamatittha*, *Talanīgāmatittha*, *Dīpālatittha*, *Nālikeravatthutittha*, *Payāgatittha*, *Billagāmatittha*, *Mahārukkhātittha*, *Yakkhasūkaratittha*, *Vallitittha*, *Samīrukkhātittha*, *Sahassatittha* и др.; почти все названия бровов — сложные слова, нередко из трех или даже четырех элементов, обычно легко этимологизируемых).

Что касается других собственно топонимических названий, то они представлены гораздо меньшим количеством примеров и не дают особых оснований для дальнейших замечаний: к ним относятся названия кладбищ (*Atimuttaka*, *Vīraṇatthambaka* и др.), дорог и улиц (*Tālavelimagga*, *Maṅgalavīhi*, *Valliyavīhi*, *Suvaṇṇavīhi* и др., где *-magga* 'дорога', *-vīhi* 'улица'), долин (*Codanāvatthu* и др.), местностей без точной их классификации (*Pannaṭaṅkoṭṭa*, *Palaṅkoṭṭa*, *Paluṭṭhangiri*, *Pāsāṇasinna*, *Pilaviṭṭhi*, *Punnavallika*, *Vadakoṅgu* и др.) и т. п.

Из гидронимических названий особого внимания заслуживают реки, составляющие особый класс случаев (свыше 80 названий). В словообразовательном отношении эти названия классифицируются таким образом, что наиболее многочисленными являются слова с основой на *-ā*: *Anomā*, *Aravacchā*, *Āvattiagaṅgā*, *Kakuṭṭhā*, *Kaṇṇapareṇṇā*, *Kaṇhagaṅgā*, *Kāragaṅgā*, *Kimikālā*, *Kuṇḍalā*, *Kebukā*, *Kontimārā*, *Khārodakā*, *Gaṅgā*, *Gāḥagaṅgā*, *Candabhāgā*, *Campā*, *Telavāhā*, *Nammadā*, *Nīlavāhanā*, *Nerañjarā*, *Pañdarakā*, *Bahukā*, *Bahalagaṅgā*, *Mahāvālukagaṅgā*, *Mahāgaṅgā*, *Yamunā*, *Vaggumudā*, *Vidhavā*, *Vinatā*, *Vītaṁsā*, *Sakkharālāyagaṅgā*, *Sappi-*

nikā, Sātodikā, Sīdā, Sundarikā, Hemavatā. Несколько меньшее число названий принадлежит к основам на *-ī*: *Aja-karaṇī, Uhaṇadī, Eṇī, Karindanadī, Kālanadī, Kālamahī, Kubukandanadī, Kosikī, Khajjotanadī, Gambhiranadī, Godhāvari, Rañcanadī, Rañcamahānadi, Bhāgirathī, Mahānadi, Mahāvālukanadī, Mahī, Rohinī, Vananadī, Vetaraññī, Vettaraṇī, Sappinī, Simanadī*; несколько названий оканчивается на *-vatī* и *-mattī*: *Aciravatī, Ketumatī, Bandhumatī, Bāhumatī, Vettavatī, Sarassatī, Salañavatī, Hiraññavatī*; к основам на *-a* относится около полутора десятков названий (факт, заслуживающий особого внимания, если учесть, что название реки *nadī* — жен. р.): *Apadika, Assamukha, Kadamba, Kadambaka, Kapakandara, Kalamba, Kumbhilavā-naka, Koñabhinna, Goṇa, Goṇaka, Tikūta, Mahākandara, Mahācanda, Vayiga*; два названия — к основам на *-ii*: *Gālurajju* и *Sindhu* и одно — оканчивается на *-ū*: *Sarabhū*.

Легко заметить, что многие названия оканчиваются элементом *-nadī* (см. выше 12 примеров), который может рассматриваться как основной детерминатив речных названий; несколько реже выступает *-gaṅgā* (8 раз и в самостоятельном виде — *Gaṅgā*); об элементе *-kandara* см. выше. Из других словообразовательных особенностей заслуживает внимания наличие гидронимов с элементом *-k(a)*: *Goṇaka — Goṇa, Sappinikā — Sappinī*, а также *Bahikā, Kebukā, Sundarikā* и др. В общем количество названий рек, являющихся сложными словами, весьма невелико, особенно если не считать случаев с детерминативными элементами *-nadī, -gaṅgā, -kandara*. В этом отношении этот класс названий резко отличается от собственно топонимических классов. Практически сложные слова в речных названиях исчерпываются случаями типа *Gambhiranadī, Rañca(mahā)nadī, Nilavāhanā, Bhāgirathī* и под. Следует подчеркнуть, что лишь в относительно небольшом количестве случаев семантика элементов, из которых состоит название реки, или самого названия вполне ясна с точки зрения пали. В частности, это может быть объяснено тем, что многие названия рек неиндоарийского происхождения (ср. австроазиатские названия *Gaṅgā, Nammada*, может быть, *Godhāvari* и др.).

Другим гидронимическим классом, несколько более обширным, чем предыдущий, следует считать названия внутренних водоемов: озера, пруды, болота, каналы. Среди этих названий большая часть относится к основам на *-a* (*Aggivaraḍhamānaka, Anolatta, Uttarāla, Kaṇṭamunḍa, -ka, Gambhīra, Tiyaggala, Doṇa, Nābhasa, Pajjota, Bhayoluppala, Mañihīra, Randhakanḍaka, Visirātthala, Sañkhapāla* и многие другие); многочисленные названия с основой на *-i* (*Ambarīhi, Kāveri, Mayanti, Mahāmaṇi, Mahārāmetti, Hambāṭhi* и гидронимы с ко-

нечным элементом *-vāpi*, а иногда и *-pokkharaṇi*) и с исходом на *-ī* (*Kālindī*, *Godhāvarī*, *Tambaraṇī*, *Nīlavāhīnī*, *Bhāgīrathī*, *Mandākīnī*, *Mahāpaharaṇī*, *Mālavallī*, *Veṇumatī*, *Vettavatī*, названия с конечным элементом *-pokkharaṇi*, а иногда и *-vāpi*). Несколько реже встречаются названия с исходом на *-ā* (*Ākāsagaṅgā*, *Ālisarā*, *Āvaṭṭagaṅgā*, *Candabhaṅgā*, *Campā*, *Cīramātikā*, *Tapodā*, *Nerañjarā*, *Sataruddhā*, *Sīdā* и некоторые другие) и совсем редко названия с исходом на *-ii* (*Tilavatthu*, *Nañannaru*, *Madagu*, *Sareheru*) и на *-ū* (*Sarabhū*).

В качестве последнего элемента названий этого класса чаще всего выступает *-vāpi* 'пруд' (*Abhayavāpi*, *Uddhavāpi*, *Taracchavāpi*, *Dīghavāpi*, *Panḍavavāpi*, *Brāhmaṇagāmatavāpi*, *Mayettivāpi*, *Vāhanavāpi*, *Sādiyaggāmatavāpi* и др.) и *-pokkharaṇi* 'пруд (лотосовый)' (*Anantapokkharaṇi*, *Cittapokkharaṇi*, *Nandāpokkharaṇi*, *Nīlapokkharaṇi*, *Padumapokkharaṇi*, *Mañgalapokkharaṇi*, *Silāpatṭapokkharaṇi* и др.); гораздо реже: *-gaṅgā* (*Ākāsagaṅgā*, *Jayagaṅgā*, *Mañgalagaṅgā*), *-tittha* (*Kuruvakatittha*, *Timbarutittha*), *-sobbha* 'глубокая яма', 'впадина' (*Devakaṭasobbha*, *Sālapādapasobbha*), *-uppala* 'водяная лилия', 'голубой лотос' (*Bhayoluppala*, *Rājuppala*), *-raṄṭāta* 'порог', 'крутое спуск' (*Sīhapapāṭa*), *-samudda* 'большое водное пространство', 'море' (*Parakkasamudda*), а также *-koṭṭha* (*Padumanahānakōṭṭha*, *Pubbakōṭṭhakā*, *Bhaddanahānakōṭṭha*), *-galla* (*Kaṇṭikaragalla*, *Mahāgallaka*, *Mahādāragalla*), *-gāma* (*Aṅgagāma*, *Arimaddavijayagāma*, *Telagāma*), *-nijjhara* (*Buddhagāmakanijjhara*, *Rājinīnijjhara*) и др. Некоторые из этих конечных элементов могут сочетаться друг с другом, особенно это характерно для *-gāma*, ср. *Pāsāṇagāmatavāpi*, *Buddhagāmakanijjhara*, *Brāhmaṇagāmatavāpi*, *Sādiyaggāmatavāpi*, *Sūkaraggāmatavāpi* (из этого можно заключить, что случаи вроде *Aṅgagāma* могут трактоваться как *Aṅgagāmatavāpi* и т. д.); *-koṭṭha* может сочетаться с *nahāna* 'купанье', 'купальное место' (*Padumanahānakōṭṭha*, *Bhaddanahānakōṭṭha*) и т. д. Следует отметить высокий процент сложных слов в названиях этого рода; обычно они состоят из двух членов, а в случае сочетания двух конечных элементов друг с другом — и из трех членов (примеры см. выше). Многие названия этого гидронимического класса (особенно это относится к каналам) повторяют названия соответствующих рек. В первом члене сложных названий обычно содержится слово, определяющее детерминативный член (*Dīghavāpi* 'Длинный пруд', *Padumapokkharaṇi* 'Лотосовый пруд', *Ambarāpi* 'Манговый пруд' и т. п.).

В палийских текстах отмечено несколько названий морей или океанов. Как правило, это сложные слова с конечным элементом *-samudda* 'море' (*Goṭhakasamudda*, *Sidantarasa-*

mudda) или *-māla*, *-i* 'грязь', 'пространство, покрытое грязью' (*Aggimāla* [мифологич.], *Kusamāli*, *Dadhimāla*, *-i*, *Naṭamāla*, *-ī*); исключения редки (*Sīdā*, название океана). Названия эти обычно строятся по тому же принципу, что и только что рассмотренные: первый член названия определяет второй член, являющийся детерминативом этой группы названий.

Особый ономастический класс составляют многочисленные названия сооружений (или их частей), чаще всего религиозного назначения, воздвигнутых человеком в разных частях Индии или Цейлона: здания, строения (почти всегда сложные слова с конечным членом *-pāsāda* 'здание на высоком основании', 'терраса', 'дворец': *Ekatthambha-pāsāda*, *Koṭagerukapāsāda*, *Candanapāsāda*, *Dāthāpāsāda*, *Maṇimekhala-pāsāda*, *Ratanapāsāda*, *Lohavāsāda*, *Sattayaṇṇakapāsāda* и др.; *-ghara* 'дом': *Dāthādhātughara*, *Padumaghara*, *Mahāpadhānaghara*, *Mahejjāghara*, *Salaṭaghara* и др.; *-pariveṇa* 'помещение для бхикшу', 'жилой дом': *Asiggāhaka-pariveṇa*, *Therāpassaya-pariveṇa*, *Piyaṅga-pariveṇa*, *Bhaddasenāpatipariveṇa*, *Marugaṇapariveṇa*, *Sumaṅgalapariveṇa* и др.; *-maṇḍapa* 'временное сооружение, пред назначенное для празднества', 'тент': *Ādāsamāṇḍapa*, *Dolāmaṇḍapa*, *Morāmaṇḍapa*, *Vijjāmaṇḍapa*, *Sarassatimāṇḍapa*; *-mandira* 'дом', 'дворец': *Rāṇcasattimatimandira*, *Maṇḍalamandira*, *Hemamandira*; *-geha* 'дом': *Dhammasaṅgaṇigeha*, *Nīlageha*; *-vāsa* 'жилое место', 'лагерь': *Mayettikassa-pāvāsa*, *Mahindasenavāsa*; *-sena* 'ночлежное место': *Mahindasena*, *Vajirasena*, *Saṅghasena*; *-sālā* 'зала', 'большое помещение': *Kilañjakāsanasālā*, *Mahejjāgharāsanāsālā*, *Samujjavasālā*, *Hathisālā*; *-pabbata* 'гора': *Saṅghasenapabbata*, *Silāmeghapabbata*, *Senaggabodhipabbata*; ср. также *-cetiya*, *-vatthu*, *-āsana*; эти конечные члены могут сочетаться друг с другом, образуя нередкие в этом типе названий трех- или даже четырехчленные сочетания: *Kilañjakāsanasālā*, *Mahejjāgharavatthu*, *Mahejjāgharāsanāsālā* при *Mahejjāghara*, *Saṅghasenapabbata* и др.), вихары и монастыри (обычно сложные слова с исходным элементом *-vihāra* 'вихара': *Ambamālavihāra*, *Uttaradhātusenavihāra*, *Kalandavihāra*, *Girivihāra*, *Tissavihāra*, *Dakkhiṇavihāra*, *Pacelivihāra*, *Bhātikatissavihāra*, *Majjhavelavihāra*, *Yaṭṭhālayavihāra*, *Ratnavihāra*, *Lenavihāra*, *Samuddavihāra*, *Hema-sālīvihāra* и многие другие; *-ārāma* 'парк': *Anurārāma*, *Asokārāma*, *Issarasamaṇārāma*, *Uttaratissārāma*, *Kukkuṭārāma*, *Niyelatissārāma*, *Somārāma* и др.; *-galla(ka)*: *Acchagallaka*, *Abhayagallaka*, *Dīghabāhugallaka* и др.; ср. также *-giri*, *-pabbata*, *-koṭī*, *-sena*, *-maṇḍapa*, *-patana*, *-dīpa*, *-pāsāna*, *-cetiya* и др.; допускаются сочетания двух и даже трех элементов, обычно занимающих последнее место в слове, ср. *Rūpārāma-vihāra*, *Vallipāsāṇavihāra*, *Samuddagirivihāra*, *Sālipabbata-*

vihāra, *Hatthavanagallavihāra*, *Mūlasenāpativihāra*, *Rakkhetiyapabbata*, *Mañjala girivihāra*, *Dhātusena pabbata* и др.; подавляющее большинство названий этого класса относится к основам на *-a*; лишь изредка встречаются названия других основ: *Unnavalli*, *Gandagiri*, *Mañjavāpi*, *Ariyakoti*, *Avanti*, *Kurundavelu*, *Mātulā*, *Aruṇavatī* и др.; названия этого ономастического класса в их наиболее продуктивной части предполагают существование таких моделей, как *Adj + vihāra* или (*Adj +*) *Subst_{loci}* + *vihāra*, ср. *Mahāvihāra*, *Uttaravihāra* или *Girivihāra*, *Samuddavihāra*, *Mahāsenavihāra*); с тупы и места захоронения (почти исключительно сложные слова с последним членом *-thūpa* ‘стupa’: *Dussathūpa*, *Mahāthūpa* и др. или *-cetiya* ‘могильный холм’: *Aggālavacetiya*, *Acalacetiya*, *Udenacetiya*, *Nakhacetiya*, *Puññacetiya*, *Mañgalacetiya*, *Ratanāvalicetiya*, *Silācetiya*, *Sūtigharacetiya* и др.); крепости (сложные слова с более или менее разнообразным набором элементов, выступающих в качестве последнего члена, ср. *Ambatitthaka*, *Parakkamapura*, *Maddhitthala*, *Madhuramattānavīra*, *Maharīvara*, *Vikkamacolāvpera*, *Sāntanerī*, *Sīvalīputtāru*, *Sīhagiri*, *Sīhapabbata*, *Sūkaraggāma*, *Sorāñjakotṭa* и проч.); ворота (за редким исключением, ср. *Makara*, *Mañgala*, *Mālatīpuppha*, сложные слова с неизменным детерминативным элементом *-dvāra* ‘ворота’, ‘вход’ в последнем члене: *Akittidvāra*, *Indadvāra*, *Uyyānadvāra*, *Kuveradvāra*, *Kevaṭṭadvāra*, *Gandhabbadvāra*, *Gotamadvāra*, *Tanḍapāladvāra*, *Pāntyadvāra*, *Mahātitthadvāra*, *Rakkhasadvāra*, *Sīhadvāra*, *Hatthidvāra*, *Hanumantadvāra* и др.); монументы, статуи, изображения (названия, довольно малочисленные в количественном отношении и лишённые сколько-нибудь регулярных словообразовательных характеристик, ср. *Abhiseka*, *Kālasela*, *Kholakkhiya*, *Tivāṅka*, *Mahanta*, *Silāsam buddha* и др.).

Особый обширный раздел палийской ономастики представлен личными именами людей, а также бхгов, демонов, духов (о них см. ниже). Несомненно, это самый многочисленный класс наименований в палийских текстах, насчитывающий многие сотни примеров. Среди названий, обозначающих лиц мужского пола, решающим образом преобладают слова с основой на *-a*, хотя и слова с исходом на *-i*, *-u* и *-ī* представлены несколькими десятками примеров, ср. *Aggabodhi*, *An̄gati*, *Adhanapāli*, *Upanemi*, *Uparuci*, *Kañjari*, *Kañhasiri*, *Kāpi*, *Kittagabbodhi*, *Kitti*, *Guṇasiri*, *Chattapāni*, *Jayampati*, *Jāli*, *Joti*, *Tissabhūti*, *Dīghīti*, *Dhammaceti*, *Nemi*, *Pajāvati*, *Pasenadi* и др.; *Andhakaveṇhu*, *Alattūru*, *Kañjīyūru*, *Karañju*, *Kalābu*, *Kuṭeñdu*, *Khānu*, *Candabhānu*, *Jantu*, *Jayabāhu*, *Tappassu*, *Timbaru*, *Tudu*, *Dīghajantu*, *Dīghayu*, *Dīghāvu*, *Neru*, *Pañdu*, *Punabhasu*, *Brahmāyu*, *Bhagu*, *Bhañdu*, *Mañju*,

Manu, *Mahāneru*, *Saddhammaguru* и др.; *Ujjhānasāññī*, *Esukārī*, *Ojasī*, *Kisāgotamī*, *Kuṭivihārī*, *Gavesī*, *Gāmaṇī*, *Cañkī*, *Chambhī*, *Jāṇussoñī*, *Tapassī*, *Dīghatapassī*, *Dusī*, *Dhammadassī* и др., ср. также *Candimā*, *Cīrā*, *Medakathalikā*; редки названия мужского рода с исходом на -ū: *Kātavabhu*, *Pacchabhu* и др. Среди личных имен женского рода преобладают слова с основой на -ā (*Akhilā*, *Uttamā*, *Kaccānā*, *Gaggarā*, *Jentā*, *Dattā*, *Patipūjikā*, *Mahātissā*, *Lolā*, *Vaṇiyā*, *Sanhā* и др.) и на -ī (*Añjalī*, *Irandatī*, *Uttarī*, *Kākātī*, *Kesinī*, *Godhī*, *Cañḍī*, *Jālinī*, *Talatādevī*, *Dīpanī*, *Pañcālī*, *Bandhumati*, *Ratī*, *Vāsetṭhī*, *Saddhammanandī* и др.); очень редки названия лиц женского пола на -ii: *Jantu*, *Danu*, *Seggu* и под. Следует заметить, что есть имена, не различающие, строго говоря, рода (ср. *Kisāgotamī*, *Jantu*), и, наоборот, имена, четко противопоставленные по роду (ср. *Gotama* — *Gotamā*, *Tissa* — *Tissā*, *Datta* — *Dattā*, *Dinna* — *Dinnā*, *Deva* — *Devā*, *Nakula* — *Nakulā*, *Nanda* — *Nandā*, *Nāga* — *Nāgā*, *Puṇṇa* — *Puṇṇā*, *Buddha* — *Buddhā*, *Vijita* — *Vijitā* и др.). Значительная часть личных имен состоит из сложных слов, комбинируемых из относительно небольшого числа элементов (*aggi*, *amba*, *inda*, *uttara*, *ipa*, *eka*, *kamma*, *kunda*, *khema*, *gandha*, *canda*, *culla*, *jīva*, *tissa*, *datta*, *dīgha*, *deva*, -ī, *dhamma*, *nanda*, *pati*, *pāla*, *putta*, *bahu*, *buddha*, *bodhi*, *mahā*, *ratana*, *ruci*, *siri*, *sīla*, *sundara*, -ī, *sena*, *hatta*, -ī и др.). Вместе с тем наиболее распространенные личные имена часто являются простыми словами (*Buddha*, *Kassapa*, *Tissa*, *Gotama*, *Nanda*, *Asoka*, *Deva* и др.).

Особую ономастическую группу составляют названия народов, племен, родов, конфессиональных групп (в частности, сект). Для многих из этих названий специфичен их производный характер от имен, обозначающих некую территорию (например, страну, район, город) или лицо, возглавляющее данную родовую или религиозную группу. Эта производность обнаруживается в явлениях чередования гласной фонемы корня с прибавлением суффикса или без него (ср. *Kosinārakā* — население *Kusinārā*, *Māgadhā* — население *Magadha*, *Mādhurakā* — население *Madhurā*, *Vedehā* — население *Videhā*, *Soratthakā* — население *Surattha*, *Hatthiporika* — население *Hatthipura*, ср., впрочем, *Hatthipora* — название цейлонской деревни); следует отметить, что за пределами этой группы использование чередования наблюдается весьма редко (ср. *Vāruṇā* — класс богов, связанных с *Varuṇa*, *Odumbaragāma* — название пруда, *Odumbaraṅgana* — название деревни при *Udumbara* — название деревни и др.). Более распространено образование названий данной группы с помощью суффиксов -ka и -aya/-iya/-eyya (ср. *Kekakā* от *Keka*, *Kosalakā* от *Kosala*, *Khomadussaka* от *Khomadussa*, *Madhurakā* от *Madhura*, *Mañ-*

dakā от *Muṇḍa*, *Sāketaka* от *Sāketa*, *Gotamaka* от *Gotama*; *Kāsaya* от *Kāsi*, *Kesaputtiyā* от *Kesaputta*, *Sārūgiyā* от *Sārūga*, *Gotamyā* от *Gotamī* и т. д.) или комбинации этих суффиксов (ср. *Cātumeyyakā* от *Cātumā*, *Thūpeyyakā* от *Thūpa*, *Sāleyyakā* от *Sāla* и др.). Суффиксальное словообразование в палийской топономастике также относится к числу очень мало распространенных примеров, и наличие его в этой группе слов нужно отнести к разряду весьма специфических явлений. В высшей степени любопытны образцы позднего ономастического моделирования названий в пали: *Ingiriśi* для английского, *Paraṅgi* для португальского, *Olandā* для голландского.

Однако специфика палийской ономастики в содержательном плане проявляется, пожалуй, нагляднее всего не в собственно топонимических или личных наименованиях, которые непременно существуют в любом языке, а в том, что свойство «быть собственным именем» распространяется на весьма широкую область предметов и явлений, названия которых обычно или весьма часто в других языках не становятся собственными именами или становятся ими лишь в особых случаях. Таким образом, для пали характерна тенденция к превращению в собственное имя всего, что связано с высшими авторитетами и ценностями в мире буддийских представлений — с Буддой и Каноном в первую очередь. С известными основаниями можно сказать, что индекс реалий, связанных с описанием жизни и учения Будды и зафиксированных в «Типитаке», стремится к превращению в индекс собственных имен. Поэтому не удивительно, что в палийской традиции собственными именами считаются не только названия текстов разного уровня (их градация определяется наличием и последовательностью таких детерминативных элементов, как *piṭaka*, *nikāya*, *pāṭha*, *vagga*, *sutta*, *gathā*, *kathā*, *rakaraṇa*, *khaṇḍa*, *ṭīkā*, *niddesa*, *jātaka*, *vatthu*, *vātsa*, *brāhmaṇa* и т. п., которые указывают структуру данного текста или его жанровую принадлежность; содержание же данного текста или его раздела часто раскрывается в сочетании элементов, предшествующих указанным детерминативам, ср. *Dhammacakkappavattanasutta* ‘Сутта о приведении в движение колеса Закона’ или даже в цитатах, превращающихся в часть названия: «*Dukkhaṃ-ajjhatta*»-*sutta* ‘«Внутреннего несчастья»-сутта’, «*Na hoti Tat-hāgata*»-*sutta*, букв. ‘«Нет Татхагаты»-сутта’ и др.; в результате иногда образуются чрезвычайно длинные слова, реализующие максимальные для пали возможности, ср. *Abhidhammaṭṭhasaṅgahaśaṅkhepaṭīkā*, *Hathavanagallavihāravāmsa*, *Rājṣappakaraṇaṭṭhakathā* и т. п.) или доктрины (*Vetullavāda*, *Theravāda*, *Suttavāda* и пр.), но и афоризмы, вопросы, ответы, загадки, проповеди, известные по каноническим текстам (*-rañha* ‘вопрос’: *Amarādevīrañha*, *Kuṇḍalinī-*

pañha, *Gadrabha*pañha, *Gharāvāsapañha*, *Puṇṇakatāṇavarañha*, *Māgandiyapañha*; -*uccha* ‘вопрс’: *Ālavakaruccchā*, *Tissametteyyamāṇavauccchā*, *Nandamāṇavauccchā*, *Puṇṇakatāṇavauccchā*, *Hemakaruccchā*; -*paryāya* ‘дискуссия’, ‘рассуждение’, ‘речь’: *Dhammādāsapariyāya* и др.); титулы и прозвища (*Janasandha*, *Dhammasenāpati*, *Dhammādasapariyāya*, *Dhammikasilāmegha*, *Mahāsāmi*, *Rājavesibhujaṅgasilāmegha*, *Laṅkagiri*, *Lankājayatahālekha*, *Laṅkādhikārī*, *Vedeha*, *Kulavaḍḍhaka* и др.); болезни (*Alasaka*, *Pajjaraka*, *Pañcasūṭakagāmadāraka* и др.); жертва приношения, подаяния милости, чудеса, чары (*Vājapeyya*; *Asadisadāna*, *Gavapāna*, *Niraggala*; *Loκavivaraṇa*; *Gandhārvijjā*, *Chavasiṣa* и др.); украшения, камни, кристаллы (*Mahālatāpasādhana*, *Jotiṣāna*, *Verocana* и др.); оружие, трон, музыкальные инструменты, в частности барабаны (*Nayanāyudha*, *Vajirāyudha*; *Kunta*, *Pañḍukambalasi-lāsana*; *Ānaka*, *Ālambara*, *Koṭṭha*, может быть, *Carī*, *Pokkhara*, *Samsaya*, *Suciṁhita*, *Suphassā* и др.); утварь (*Sudassanakhumbha* — название горшка); месяцы, дни, праздники, церемонии (*Jeṭṭhamūla*, *Maggasira*, *Vesākha*; *Komudi*; *Giraggasamajjā*, *Giribhaṇḍavāhanapūjā*, *Bālanakkhatta*, *Madhubhaṇḍapūjā* и др.); особую группу составляют названия деревьев и растений (ср. *Ajapālanigrodha*, *Atulamba*, *Ānandabodhi*, *Āsāvatī*, *Gaṇḍamba*, *Cittapāṭali*, *Tissavasabha*, *Bhiyaka*, *Mañjūsaka*, *Mahāmetta*, *Mucalinda*, *Vaddhamāna*, *Sattasirīsaka*, *Suppatitthita*, *Sumanadeva* и др.) и многочисленные (более сотни) наименования животных (слоны: *Añjanavasabha*, *Accutavarṇadarīta*, *Abhayañkara*, *Ekapuṇḍarīka*, *Erāvana*, *Kaṇḍula*, *Kuñjara*, *Girimekhalā*, *Doṇamukha*, *Nālāgiri*, *Paccaya*, *Puṇḍarīka*, *Baddheraka*, *Bhaddavatī*, -*ikā*, *Mahāpabbata*, *Mahilāmukha*, *Rājagiri*, *Rāmakula*, *Seta*, *Somadatta* и их объединения — семьи, кланы, племена, расы: *Īsādantā*, *Gaṅgeyya*, *Gocariya*, *Chaddanta*, *Tamba*, *Pañṭara*, *Piṅgala*, *Hema*; лошади: *Kanthaka* (-*nṭh-*), *Kesi*, *Guṭavaṇṇa*, *Celakanṭhī*, *Dīghathūnikā*, *Pañṭara*, *Pañṭava*, *Mahāsona*, *Vāṭa*, *Vāṭavāhana*, *Vindaka*, *Sudassana*, *Suramukha*, *Suvīraka*, *Suhanu*, *Sonuttara*, *Hamsavīha* и их семьи: *Valāhaka*; ослы: *Kuṇḍali*, *Cullaro-hita/Cullalohita*, *Sāliya*; олени: *Citta*, -*ka*, *Sākha*, *Sabbadā-tha*; шакалы: *Giriya*, *Dhammika*, *Pūtivamsa*, *Māyāvī*, *Venī*; свиньи: *Cullatuṇḍila*, *Muṇika*; обезьяны: *Cullanandiya*, *Sālaka*, *Senaka*; собаки: *Jambuka*, *Piṅgiya*, *Māliya*, *Sabala*; львы: *Manoja*, *Sudāṭha*; тигры: *Subāhu*; козы: *Meṭamāṭā*; газели: *Sutāṭa*, -*ī*; выdry: *Anutīracārī*, *Gambhīracārī*; черепахи: *Cittacūṭa*; змеи: *Aggitimukha*, *Veṭuka*; рыбы: *Ajjhōhāra* [мифологич.], *Appacintī*, *Timanda*, *Timirapiṅgala*, *Nandiyā-vatī*; пауки: *Uṇṇanābhi*; птицы: *Anusāsikā*, *Aparāṇṇa*, *Ka-*

kudha, *Kandagaluka*, *Kuṇḍalī*, *Garuḍā*, -*uṭa* [мифологич.], *Cittapatta*, *Jambuka*, *Puṇṇatukha*, *Purphaka*, *Poṭṭhapāda*, *Mayhaka*, *Māṭhara*, *Rādha*, *Vinīla* [сын гуся и вороны], *Vessantara*, *Sumukha* и др.).

Особый и при этом весьма разветвленный раздел палийской ономастики составляют мифологические и космологические названия, с помощью которых указываются координаты в мифологическом и космологическом пространстве. Обилие названий такого рода (их сотни: боги и их классы, асуры, наги, якши, гандхарвы, нимфы, духи, мифические цари, будды [прошлые, настоящие и будущие], бодхисаттвы, пачека-будды, архаты; мировые системы и их части, *topographia sacra*; атрибуты мифологических персонажей и их эпитеты и т. д.) и их строгая упорядоченность могут считаться одной из специфических черт палийской ономастики. В ней каждый из *termini technici* для описания мира приближается к собственному имени. Вот несколько примеров: вселенная (*Lokadhātu* или *Cakkavāla*, -*valla*) делится на: 1) средний мир, или землю (*Paṭhavī*), в центре которой гора *Himavā* (*pabbatarāja* 'царь гор') или в более поздних источниках *Sineru*, *Neru*; земля состоит из четырех частей: *Pubbavideha*, *Jambūdīpa*, *Aparagoyāna*, *Uttarakuru*; на ней расположены пять великих рек (*Gaṅgā*, *Yamunā*, *Aciravatī*, *Sarabhū*, *Mahi*) и семь великих озер (*Ayatattā*, *Sīlavapātā*, *Rathakārā*, *Kaṇṇatīṣṭā*, *Kuṇālā*, *Chaddantā*, *Mandākiṇī*); повелитель земли — *Cakkavattī*; в представлениях более позднего времени появляются семь концентрических гор, названия и порядок которых несколько меняются в зависимости от источников (ср. в «Джатаках»: *Assakaṇṇa*, *Vinatakā*, *Nemindhara*, *Yugandhara*, *Isadhara*, *Karavīka*, *Sudassana*); на *Sineru* находится мир богов — *Tāvatīmsa*, внизу же — царство асур (Asura); в каждом из этих царств, как и в каждой из частей, на которые делится земля, растет свое дерево — соответственно: *Pāricchataka*, *Cittapāṭaliyā*, *Surīsa*, *Jambū*, *Kadamba*, *Cittapāṭali*; 2) верхний мир, или небеса, делящиеся на семь этажей, каждому из которых соответствует определенный класс богов (*Cattummāhārājika*, *Tāvatīmsa*, *Yāma*, *Tusita*, *Nimmanarati*, *Paranimmitavasavattin*, *Brahmakāyika* или *Brahmaloka*); дальнейшее разращение этажей неба привело к увеличению соответствующих классов богов, многие из которых не имеют под собой мифологической основы и должны рассматриваться как умозрительные конструкции; на небесах находятся солнце (*Suriya*), луна (*Canda*), звезды и созвездия (*Nakkhatta*); 3) нижний мир, или преисподнюю, членящуюся на семь адов — *Niraya*, *Naraka*: *Sañjīva*, *Kāṭasutta*, *Saṅghāta*, *Roruva*, *Mahāroruva*, *Taṭāna*, *Avīci* (ср. другие названия адов: *Āṭaṭa*, *Kākola*, *Kukkuṭa*, *Kutuda*, *Koṭisimbaliniraya*, *Khura-*

dhāra, Jālagāma, Jālaroruva, Nirabbuda, Patāpana, Paduma, Pariñāha, Pahāsa, Puñdarīka, Lohakumbha, Sattisūla, Sarājita, Sogandhika и т. д.), населенных асурами и змеинными богами (*nāga*), имена которых отчасти сохранились. Наряду с указанным топографическим членением вселенной существует и деление, основанное на метафизических принципах; каждое из этих делений носит собственное имя: *Kātāvacara* ‘Мир чувственного’, *Rūpāvacara* ‘Мир форм’, *Arūpāvacara* ‘Мир бесформенного’.

Из сказанного до сих пор видно, что мифологическая ономастика связана с ономастикой, рассматривавшейся выше, и формально и содержательно (в частности, через наличие одинаковых денотатов для существенных частей этих двух ономастических сфер); то же следует распространить на соотношение собственных имен в историческом и в мифологическом пространстве (ср. обилие имен отдельных мифологических царей и целых династий, совпадающих по своим характеристикам с именами реально существовавших лиц). Подобные наблюдения дают некоторые основания для заключения о некогда едином ономастическом пространстве без разделения на мифологическую и немифологическую сферы, находящем самые близкие аналогии типологического характера со структурой ономастического пространства в шаманских культурах.

ОТНОШЕНИЕ ПАЛИ К САНСКРИТУ: К ВОПРОСУ О ПРАВИЛАХ ПЕРЕСЧЕТА С САНСКРИТА НА ПАЛИ И С ПАЛИ НА САНСКРИТ

Если говорить об изучении исторической эволюции древне- и среднеиндийских диалектов, приведшей к созданию пали, то его специфика заключается в том, что исследователю оказывается известным с высокой степенью точности один из самых существенных этапов в развитии индийских диалектов, предшествовавших появлению пали в том виде, как он известен, — древнеиндийский язык в ведийском и собственно санскритском вариантах. И хотя, строго говоря, санскрит не может рассматриваться как непосредственный источник пали по прямой линии генетических связей, практически он был настолько близок к тому диалекту древнеиндийского языка, из которого развился пали, что в большинстве случаев оправдано рассмотрение санскрита как прямого предшественника пали и понимание содержания исторического развития пали как указание отклонений от санскритской модели. Такой подход тем более обоснован, что пали связан с санскритом не только во времени, но и в пространстве. Оба языка сосуществовали, что, в частности, проявлялось в наличии санскритских и палийских версий одного и того же текста (ср. Махапаринибана-сутта, Дхаммапада, Удана и др.), во взаимодействии этих языков в тех случаях, когда составитель или переписчик текста знал оба эти языка, в практической потребности установления правил пересчета с одного языка на другой и т. д.

Поэтому ниже предлагается краткое описание правил пересчета с санскрита на пали и с пали на санскрит применительно к разным языковым уровням; иначе говоря, указывается некоторая процедура, с помощью которой по данному санскритскому тексту можно синтезировать (в основных чертах) палийский текст и по данному палийскому тексту — санскритский.

ГРАФИКА (В ТРАНСКРИПЦИОННОМ ВАРИАНТЕ)

Алфавит палийских графем получается вычеркиванием из санскритского алфавита графем *r*, *ṛ*, *āi*, *āu*, *ś*, *s* и добавлением *lh*.

Алфавит санскритских графем получается соответственно вычеркиванием из палийского алфавита графемы *lh* и добавлением к нему графем *r*, *ṛ*, *āi*, *āu*, *ś*, *s*.

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Чтобы из алфавита санскритских фонем получить алфавит палийских фонем, следует из первого вычеркнуть фонемы *s* и *ś* и добавить фонему *ñ*.

Чтобы из алфавита палийских фонем получить алфавит санскритских фонем, следует соответственно из первого вычеркнуть фонему *ñ* и добавить фонемы *s* и *ś*.

Набор дифференциальных признаков, с помощью которых описываются палийская и санскритская фонологические системы, одинаков.

Различия в дифференциальных признаках, характеризующих соответствующие друг другу санскритские (см. табл. 32) и палийские (см. табл. 6—7) фонемы, могут быть выражены следующим образом: 1) для фонем *c*, *ch*, *j*, *jh* в пали существенно отрицательное значение признака 3 (носовость), тогда как в санскрите этот признак иррелевантен для соответствующих фонем, что объясняется наличием носовой палатальной фонемы *ñ* в пали и отсутствием ее в санскрите; 2) для фонемы *s* в пали существенно положительное значение признака 7 (компактность); в санскрите же для фонемы *s*, помимо положительного значения признака 7, существенно отрицательное значение признака 4 (церебральность), что объясняется наличием фонемы *ś* с положительным значением этого признака, и отрицательное значение признака 5 (палатальность), что объясняется наличием фонемы *ś* с положительным значением этого признака.

Следовательно, чтобы из алфавита санскритских фонем, описанных с точностью до ДП, получить алфавит палийских фонем, описанных с такой же точностью, следует:

1) приписать признак носовости со знаком — фонемам *c*, *ch*, *j*, *jh*;

2) приписать признаки носовости со знаком +, палатальности со знаком +, компактности со знаком +, непрерывности со знаком —, согласности со знаком +, гласности со знаком — некоей пустой клетке, расположенной непосредственно справа от *c*, *ch*, *j*, *jh* в схеме фонологического дерева, получив тем самым фонему *ñ*;

3) вычеркнуть признаки церебральности со знаком — и палатальности со знаком — в фонеме *s*;

4) вычеркнуть все признаки в фонемах *ʂ* и *ʂ̄*, исключив их тем самым из алфавита фонем.

Чтобы из алфавита палийских фонем, описанных с точностью до ДП, получить алфавит санскритских фонем, описанных с такой же точностью, следует:

1) вычеркнуть признак носовости со знаком — в фонемах *c*, *ch*, *j*, *jh*;

2) вычеркнуть признаки носовости со знаком +, палатальности со знаком +, компактности со знаком +, непрерывности со знаком —, согласности со знаком +, гласности со знаком — в фонеме *ñ*, исключив ее тем самым из алфавита фонем;

3) приписать признаки церебральности со знаком — и палатальности со знаком — фонеме *s*;

4) приписать признаки церебральности со знаком +, палатальности со знаком —, компактности со знаком +, непрерывности со знаком +, согласности со знаком +, гласности со знаком — некоей пустой клетке, расположенной непосредственно справа от *s* в схеме фонологического дерева, получив тем самым фонему *ʂ*;

5) приписать признаки палатальности со знаком +, компактности со знаком +, непрерывности со знаком +, согласности со знаком +, гласности со знаком — некоей пустой клетке, расположенной непосредственно справа от *s* или на втором месте вправо от *s* в схеме фонологического дерева, получив тем самым фонему *ʂ̄*.

Если приписывание ДП с тем или иным знаком, перемену знака или вычеркивание ДП с тем или иным знаком считать одним шагом, то переход от фонологического описания санскрита в терминах ДП к фонологическому описанию пали и наоборот осуществляется в 23 шага (ср. сумму разностей числа ДП, необходимых для описания различающихся фонем соответственно в санскрите и в пали, $s = 7 - 8 = -1$, $ch = 7 - 8 = -1$, $j = 7 - 8 = -1$, $jh = 7 - 8 = -1$, $\tilde{n} = 0 - 6 = -6$, $s = 6 - 4 = 2$, $\tilde{s} = 6 - 0 = 6$, $\tilde{ʂ} = 5 - 0 = 5$), тогда как общее количество шагов, с помощью которых описываются фонологические системы санскрита и пали, равно соответственно 224 и 221. Количество шагов, позволяющих перейти от одной фонологической системы к другой, можно считать мерой абсолютной фонологической близости систем. Применительно к отношению пали и санскрита она равна 23. Отношение количества шагов, позволяющих перейти от одной фонологической системы к другой, к общему количеству шагов, необходимых для описания данной системы, для пали и санскрита приблизительно равно и выражается соответственно как 10,3 и 10,4 %. Следовательно, почти 90 % шагов при описании фono-

логической системы пали и санскрита оказываются общими.

На дистрибутивном уровне, рассматриваемом здесь в первом приближении, чтобы из алфавита санскритских сочетаний двух согласных фонем получить алфавит подобных сочетаний для пали, следует:

1) вычеркнуть сочетания: *kch*, *kɳ*, *kt*, *kth*, *kn*, *ky*, *kr*, *kl*, *kv*, *kʂ*, *kʂ*; *khy*; *gdh*, *gn*, *gm*, *gy*, *gr*, *gl*, *gv*; *ghn*, *ghy*, *ghr*; *cy*, *cv*; *chr*, *chl*, *chv*; *jɳ*, *jm*, *jy*, *jr*, *jv*; *tɳ*, *tph*, *tm*, *ty*, *tr*, *tv*; *dg*, *dm*, *dy*, *dv*; *dhy*; *ɳm*, *ɳy*, *ɳv*; *tk*, *tkh*, *tn*, *tp*, *tph*, *tm*, *ty*, *tr*, *tv*, *ts*; *thy*; *dg*, *dgh*, *dn*, *db*, *dbh*, *dm*, *dy*, *dr*, *dl*, *dv*; *dhn*, *dhm*, *dhy*, *dhr*, *dhv*; *np*, *nph*, *nb*, *nbh*, *nm*, *ny*, *nr*, *nv*, *ns*; *pk*, *pc*, *pt*, *pn*, *py*, *pr*, *pl*, *pv*, *ps*; *bj*, *bd*, *bh*, *br*, *bl*; *bhm*, *bhy*, *bhr*, *bhv*; *mk*, *mn*, *my*, *mr*, *ml*; *yy*; *rk*, *rg*, *rgh*, *rc*, *rch*, *rj*, *rɳ*, *rt*, *rth*, *rd*, *rdh*, *rn*, *rp*, *rph*, *rb*, *rbh*, *rm*, *ry*, *rl*, *rv*, *rʂ*, *rs*, *rh*; *lk*, *lg*, *lp*, *lph*, *lb*, *lm*, *ly*, *lv*, *ls*; *vdh*, *vr*, *vl*; *śc*, *śn*, *śm*, *śy*, *śr*, *śl*, *śv*; *sk*, *skh*, *st*, *sn*, *st*, *sth*, *sn*, *sp*, *sph*, *sm*, *sy*, *sr*, *sv*; *hkh*, *hɳ*, *hn*, *hm*, *hy*, *hr*, *hl*, *hv* и др.;

2) добавить сочетания: *kkh*; *ñc*, *ñch*, *ñj*, *ñjh*, *ññ* (как известно, *ñ* в санскрите не является фонемой); *tʈh*; *dɖh*; *ɳɳ*; *ms*, *mħ*; *ss*, а также:

3) исключить все конечные сочетания фонем на согласную, исключая носовую согласную;

4) исключить сочетания более чем двух согласных фонем и т. д.

Остальные правила перехода от санскритского алфавита двучленных сочетаний согласных фонем к соответствующим палийским носят гораздо более частный характер.

Чтобы из алфавита палийских сочетаний двух согласных фонем получить алфавит подобных сочетаний для санскрита, следует проделать операции, обратные только что описанным, а именно:

1) добавить сочетания: *kch*, *kɳ*, *kt*, *kth*, *kn*, *ky*, *kr*, ... *hy*, *hr*, *hl*, *hv* и др.;

2) вычеркнуть сочетания: *kkh*; *ñc*, *ñch*, ... *mħ*, *ms*, а также:

3) включить конечные сочетания фонем с исходом на *-k*, *-c*, *-ch*, *-j*, *-ʈ*, *-ɖ*, *-t*, *-th*, *-d*, *-dh*, *-n*, *-p*, *-bh*, *-r*, *-v*, *-ś*, *-ʂ*, *-s*, *-h*;

4) разрешить сочетания более чем двух согласных фонем: *kty*, *ktv*, *kʂm*, *kʂy*; *gbhy*; *cchr*; *jjv*; *tkv*, *tkʂ*, *ttr*, *ttv*, *tpr*, *tmy*, *try*, *tsth*, *tsn*, *tsy*, *tsv*; *ddv*, *ddhy*, *ddhv*, *dbr*, *dbhy*, *dry*, *dvy*; *nty*, *ntr*, *ntv*, *ndr*, *nv*, *nsy*, *nhr*; *ptr*, *pty*, *psy*; *bħy*, *bħv*; *ʂkr*, *ʂty*, *ʂthy*, *ʂtr*, *ʂtv*; *ścy*; *sty*, *str*, *stv*; *hv*; *ktry*, *kʂmy*, *ñkʂy*, *ptry*, *ʂtry*; *rtsny* и др.

До сих пор рассматривались правила пересчета с одной фонологической системы на другую, построенные исключительно на типологической основе и не предполагающие генетических связей между сравниваемыми системами. Посколь-

ку такие связи существуют и их обилие и особо тесный их характер не подлежат сомнению, стоит сформулировать и правила генетического пересчета, действующие при сравнении этимологически родственных слов, а также (во многих случаях) при заимствовании санскритских слов в пали.

Правила этого рода, оставляя в стороне совершенные частности, сводятся к следующему списку:

1) санскритскому *a* соответствует палийское *a*
(*gata* — *gata*)

санскритскому *ā* — палийское *ā*
(*jāta* — *jāta*)

санскритскому *i* — палийское *i*
(*pitar* — *pitar*)
(*pibati* — *pibati*)

санскритскому *ī* — палийское *ī*
(*vīra* — *vīra*)

санскритскому *u* — палийское *u*
(*upa* — *upa*)

санскритскому *ū* — палийское *ū*
(*bhūta* — *bhūta*)

санскритскому *e* — палийское *e*
(*eti* — *eti*)

санскритскому *o* — палийское *o*
(*oṣṭha* — *oṭṭha*)

санскритскому *y* — палийское *y*
(*yāti* — *yāti*)

санскритскому *v* — палийское *v*
(*nava* — *nava*)

санскритскому *m* — палийское *m*
(*mātar* — *mātar*)

санскритскому *n* — палийское *n*
(*na* — *na*)

санскритскому *ɳ* — палийское *ɳ*
(*maraña* — *maraña*)

санскритскому *k* — палийское *k*
(*katara* — *katara*)

санскритскому *kh* — палийское *kh*
(*khaṇḍa* — *khaṇḍa*)

санскритскому *g* — палийское *g*
(*yuga* — *yuga*)

санскритскому *gh* — палийское *gh*
(*dīrgha* — *dīgha*)

санскритскому *c* — палийское *c*
(*ca* — *ca*)

санскритскому *ch* — палийское *ch*
(*chāyā* — *chāyā*)

санскритскому *j* — палийское *j*
(*jāti* — *jāti*)

санскритскому *t* — палийское *t*
(*kaṭi* — *kaṭi*)

санскритскому *ṭh* — палийское *ṭh*
(*kaṭhina* — *kaṭhina*)

санскритскому *t* — палийское *t*
(*tathā* — *tathā*)

санскритскому *th* — палийское *th*
(*tathā* — *tathā*)

санскритскому *d* — палийское *d*
(*sīdati* — *sīdati*)

санскритскому *dh* — палийское *dh*
(*dhūma* — *dhūma*)

санскритскому *p* — палийское *p*
(*pari* — *pari*)

санскритскому *ph* — палийское *ph*
(*phala* — *phala*)

санскритскому *b* — палийское *b*
(*bala* — *bala*)

санскритскому *bh* — палийское *bh*
(*bhuja* — *bhuja*)

санскритскому *s* — палийское *s*
(*sakhi* — *sakhi*)

санскритскому *h* — палийское *h*
(*vahati* — *vahati*)

Как видно, эти 32 соответствия суть примеры тождества; в них пересчет ссанскрита на пали практически отсутствует (если, конечно, не считать некоторых периферийных случаев типа: *a* — *u*,ср. *nītajjati* — *nītujjati*; *a* — *i*,ср. *madhyama* — *majjhima*; *a* — *e*,ср. *śayyā* — *seyyā*; *ā* — *a*,ср. *prajñāvant* — *paññavant*; *i* — *u*,ср. *isu* — *usu*; *i* — *a*,ср. *pūṣkariṇī* — *pokkharaṇī*; *i* — *e*,ср. *Viṣṇu* — *Veṇhu*; *ī* — *i*,ср. *gr̥hīta* — *gahita*; *u* — *a*,ср. *āyuṣmant* — *āyasmant*; *u* — *i*,ср. *mṛdutā* — *mudita*; *ū* — *i*,ср. *bhūyas* — *bhiyyo*; *ū* — *u*,ср. *pūrva* — *pubba*; *v* — *y*,ср. *mṛgadāva* — *migadāya*; *th* — *ṭh*,ср. *prathama* — *paṭhama*; *d* — *ḍ*,ср. *dahati* — *ḍahati*; *d* — *r*,ср. *ekādaśa* — *ekārasa*; *dh* — *lh*,ср. *dvaidha* — *dvelhaka*; *dh* — *h*,ср. *rudhira* — *ruhira*; *p* — *v*,ср. *kapi* — *kavi*; *bh* — *h*,ср. *bhavati* — *hoti*; *h* — *dh*,ср. *iha* — *idha* и др.);

2) санскритскому *r̥* соответствуют палийское *a* или *i* или *u*.
(*tr̥snā* — *tañhā*)

(trina — tina)

(pregheti — p.

тскому r — палийское

санскритскому *r* — палийское *r* или *rati*
(rati — rati)
(pari — pali, но и: pari)

санскритскому *l* — палийское *l* или *r*

(*liṅga* — *liṅga*)

(*kila* — *kira*)

санскритскому *d* — палийское *d* или *l*

(*piṇḍa* — *piṇḍa*)

(*nīda* — *nīla*; *l* — в интервокальном положении)

санскритскому *dh* — палийское *dh* или *lh*

(*ādhyā* — *adḍha*)

(*mīḍha* — *mīlha*; *lh* — в интервокальном положении)

Эти соответствия не являются однозначными в направлении от санскрита к пали; они альтернативны, причем во всех случаях, кроме первого, отмечены среди других соответствий и такие, которые являются тождеством. В ряде примеров распределение допустимых палийских вариантов соответствий определяется вполне строго (ср. *d* и *l*, *dh* и *lh*). Некоторые частности [*r* — *r(a)*, ср. *bṛhant* — *brahant*; (*v*)*r* — *r(u)*, ср. *vṛkṣa* — *rukka*] опущены;

3) санскритскому *l* соответствует палийское *u*
(*kḷpta* — *kutta*)

санскритскому *ai* — палийское *e*
(*vai* — *ve*)

санскритскому *au* — палийское *o*
(*aśrauṣīt* — *assosi*)

санскритскому *ś* — палийское *s*
(*karōṣi* — *karosi*)

санскритскому *ś* — палийское *s*
(*śata* — *sata*)

Эти соответствия в направлении от санскрита к пали однозначны (не считая деталей: *ai* — *i*, ср. *saindhava* — *sindhava*; *au* — *u*, ср. *asau* — *asu* и др.), но не являются тождествами. Следует заметить, что санскритские слова с *jh*, видимо, не получили надежного продолжения в пали;

4) санскритским сочетаниям пар согласных в пали соответствуют сочетания пар согласных, упорядоченных в отношении: 1) распространения одних и тех же ДП на два сегмента; 2) иерархии согласных фонем, при которой смычные согласные подчиняют себе все другие классы согласных фонем; сибилянты подчиняют себе все классы согласных фонем, кроме смычных; носовые подчиняют себе только сонанты; сонанты подчиняются всем остальным согласным фонемам. Следовательно:

kt соответствует *tt*
(*ukta* — *vutta*)

kṣ соответствует *kkh*
(*mokṣa* — *mokkha*)

kṣ соответствует *cch*

	<i>(rkṣa — accha)</i>
<i>jñ</i>	соответствует <i>ññ</i> <i>(rājñā — raññā)</i>
<i>ṇy</i>	соответствует <i>ññ</i> <i>(hiraṇya — hirañña)</i>
<i>ty</i>	соответствует <i>cc</i> <i>(satya — sacca)</i>
<i>tr</i>	соответствует <i>tt</i> <i>(citra — citta)</i>
<i>ts</i>	соответствует <i>cch</i> <i>(matsya — maccha)</i>
<i>ts</i>	соответствует <i>ss</i> (на стыке морфем,ср. <i>alpa-ut-suka — appos-suka</i>)
<i>thy</i>	соответствует <i>cch</i> <i>(rathyā — racchā)</i>
<i>dy</i>	соответствует <i>jj</i> <i>(adya — ajja)</i>
<i>dhy</i>	соответствует <i>jh</i> <i>(madhyama — majjhima)</i>
<i>pt</i>	соответствует <i>tt</i> <i>(sapta — satta)</i>
<i>ps</i>	соответствует <i>cch</i> <i>(lapsyati — lacchati)</i>
<i>rñ</i>	соответствует <i>ṇṇ</i> <i>(jīrṇa — jiṇṇa)</i>
<i>rl</i>	соответствует <i>ll</i> <i>(durlabha — dullabha)</i>
<i>rv</i>	соответствует <i>bb</i> <i>(sarva — sabba)</i>
<i>rś</i>	соответствует <i>ḍḍh</i> <i>(karṣati — kadḍhati)</i>
<i>śv</i>	соответствует <i>ss</i> <i>(aśva — assa)</i>
<i>st</i>	соответствует <i>tth</i> <i>(asti — atthi)</i>
<i>sp</i>	соответствует <i>pph</i> <i>(puṣpa — pupphā)</i>

Как видно, при пересчете в указанном направлении преобладающей является конвергентная тенденция развития;

5) санскритским сочетаниям пар согласных типа сибилянт или *h* + носовая в пали соответствуют метатезированная пара тех же согласных (в случае санскр. *h*) или такая же пара с переходом сибилянта в *h*. Следовательно:

<i>śn</i>	соответствует <i>ñh</i> <i>(praśna — pañha)</i>
<i>śm</i>	соответствует <i>mh</i>

	(<i>aśman</i> — <i>amhan</i>)
<i>ʂn</i>	соответствует <i>ṇh</i> (<i>tṛṣṇā</i> — <i>taṇhā</i>)
<i>ʂm</i>	соответствует <i>mh</i> (<i>śleṣman</i> — <i>semha</i>)
<i>sn</i>	соответствует <i>nh</i> (<i>snāna</i> — <i>nhāna</i>)
<i>sm</i>	соответствует <i>mh</i> (<i>asmi</i> — <i>amhi</i>)
<i>hṇ</i>	соответствует <i>ṇh</i> (<i>pūrvāhṇa</i> — <i>pubbaṇha</i>)
<i>hn</i>	соответствует <i>nh</i> (<i>cihna</i> — <i>cinha</i>)
<i>hm</i>	соответствует <i>mh</i> (<i>jihma</i> — <i>jimha</i>)
<i>hy</i>	соответствует <i>yh</i> (<i>grāhya</i> — <i>gayha</i>)
<i>hv</i>	соответствует <i>vh</i> (<i>jihvā</i> — <i>jivhā</i>);

б) санскритским сочетаниям трех согласных в пали соответствуют парные сочетания согласных:

<i>kṣṇ</i>	соответствует <i>ṇh</i> или <i>kkh</i> (<i>tīkṣṇa</i> — <i>tiṇha</i> и <i>tikkha</i>)
<i>kṣm</i>	соответствует <i>mh</i> или <i>kh-u-m</i> (<i>rakṣman</i> — <i>ramha</i> и <i>pakhuma</i>)
<i>tsn</i>	соответствует <i>nh</i> (<i>jyotsnā</i> — <i>juṇhā</i> из <i>junhā</i>)
<i>ttv</i>	соответствует <i>tt</i> (<i>mahattva</i> — <i>mahatta</i>)
<i>ntr</i>	соответствует <i>nt</i> (<i>mantra</i> — <i>manta</i>)
<i>ṅks</i>	соответствует <i>ṅkh</i> (<i>kāṅkṣā</i> — <i>kaṅkhā</i>)
<i>rty</i>	соответствует <i>cc</i> (<i>martya</i> — <i>macca</i>)
<i>rdhv</i>	соответствует <i>ddh</i> (<i>ūrdhvam</i> — <i>uddham</i>)
<i>rṣṇ</i>	соответствует <i>ṇh</i> (<i>pārṣṇi</i> — <i>paṇhi</i>)
<i>str</i>	соответствует <i>tth</i> (<i>stri</i> — <i>ittī, thi</i>)

и т. д.;

7) ряд других соответствий как общего, так и частного характера:

a) $C + V + C = C + C$
(*jāgarati* — *jaggati*)

- b) $C+C=C+V+C$
 $(vajra - vajira)$
 $(sneha - sineha)$
 $(arhant - arahant)$
- c) $C+C-=V+C+C-$
 $(stri - itthi)$
- d) $aya = e; ayi = e$
 $(jayati - jeti); (sthāpayitvā - thapetvā)$
 $ava = o; avi = e$
 $(bhavati - hoti); (sthavira - therā);$
- e) изменения количества в связи с законом двух мор
(ср. *pātra*, но *patta*, *tām*, но *tam*) и т. д.

Таким образом, из 34 фонем санскрита 28 фонем сохраняют свои символы и применительно к записи соответствующих слов в пали [этим объясняется обилие одинаковых санскритско-палийских слов, составляющих огромный словарь лексем, если только они имеют вид $C(V)+V(C)+C(V)+(V)C\dots$; запрещены сочетания $C+C$ и, разумеется, $V+V$]; лишь 6 санскритских фонем в генетически связанных словах пали записываются другими символами (иногда лишь в части случаев): $\dot{d} \rightarrow d$ или l ; $\dot{d}h \rightarrow dh$ или lh ; $\dot{s} \rightarrow s$; $\$ \rightarrow s$; $r/r \rightarrow a$ или i или u или r или l ; $l/l \rightarrow u$ или l или r .

Изложенное выше может быть переформулировано для обратного пересчета с пали на санскрит, причем для весьма значительного числа случаев проблема перехода от сегментов пали к сегментам санскрита сводится к снятию омонимии парных сочетаний согласных.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Чтобы от набора категорий, граммем и их сочетаний, характеризующих морфологическое категориальное пространство санскрита, перейти к соответствующему набору в пали, необходимо:

- 1) исключить граммему двойственного числа;
- 2) исключить из числа парадигматических падежей дательный;
- 3) исключить категорию лица и, следовательно, граммемы 1-го, 2-го, 3-го лица (при переходе ко второй, «безличной» модели пали);
- 4) заменить медиальный залог пассивным (при переходе ко второй залоговой модели пали);
- 5) включить граммему ирреального наклонения в категорию наклонения;
- 6) исключить категорию времени и ее граммемы настоящего времени, имперфекта, аориста, перфекта, будущего и

будущего перифрастического времени, введя вместо них категорию вида с двумя граммемами совершенного и несовершенного вида (при переходе ко второй, «видовой» модели пали); заменить граммемы аориста, имперфекта и перфекта граммемой претерита, а граммемы будущего и будущего перифрастического — граммемой будущего времени (при переходе к первой «временной» модели пали);

7) ввести категорию глагольной производности с граммемами каузативности и некаузативности.

Соответственно для перехода от набора категорий, граммем и их сочетаний в пали к соответствующему набору в санскрите следует:

1) включить в категорию числа граммему двойственного числа;

2) включить в категорию падежа самостоятельную граммему дательного падежа;

3) включить категорию лица и, следовательно, граммемы 1-го, 2-го, 3-го лица (при переходе от второй «безличной» модели пали к санскритской модели);

4) заменить пассивный залог медиальным (при переходе от второй залоговой модели пали);

5) исключить граммему ирреального наклонения в категории наклонения;

6) включить категорию времени и, следовательно, граммемы настоящего времени, имперфекта, аориста, перфекта, будущего и будущего перифрастического времени, упразднив категорию вида с ее двумя граммемами совершенного и несовершенного вида (при переходе от второй «видовой» модели пали); заменить граммему претерита граммемами аориста, имперфекта и перфекта, а граммему будущего времени — граммемами будущего и будущего перифрастического (при переходе от первой «временной» модели пали);

7) исключить категорию глагольной производности с граммемами каузативности и некаузативности.

СОБСТВЕННО МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

ИМЯ

Чтобы осуществить морфологический пересчет с санскрита (ср. В. В. Иванов, В. Н. Топоров, *Санскрит*, М., 1960, табл. 11, 18, 19) на пали, нужно, отбросив все сочетания граммем (X—XII, XXII—XXX, XL—XLII), отсутствующие в пали (N—A, m, du.; N—A, f, du.; N—A, n, du.; I—D—Abl, m, du.; I—D—Abl, f, du.; I—D—Abl, n, du.; G—L, m, du.; G—L, f, du.; G—L, n, du.), произвести следующие операции: в сочетании граммем:

I — исключить флексию № 1 (-s), включить флексию -o

- II — исключить флексию № 1 (-s), включить флексию -o
 III — отсутствие операций
 IV — » »
 V — » »
 VI — » »
 VII — » »
 VIII — включить флексию -ua
 IX — отсутствие операций
 XIII — исключить флексии № 14 (-as), № 15 (-ad), № 16 (-#), № 17 (-s), включить флексии -ā, -nā, -smā/-m̥hā
 XIV — исключить флексии № 14 (-as), № 16 (-#), № 19 (-yās), № 20 (-ās), включить флексии -ua, -yā, -ā
 XV — исключить флексии № 14 (-as), № 15 (-ad), № 18 (-nas), № 17 (-s), включить флексии -ā, -nā, -smā/-m̥hā
 XVI — исключить флексии № 14 (-as), № 17 (-s), № 21 (-sya), включить флексии -ssa, -no, -o
 XVII — исключить флексии № 14 (-as), № 19 (-yās) № 20 (-ās), включить флексии -ua, -yā
 XVIII — исключить флексии № 14 (-as), № 17 (-s), № 18 (-nas), № 21 (-sya), включить флексии -ssa, -no, -o
 XIX — исключить флексии № 23 (-e), № 24 (-au), № 29 (-#), включить флексию -smim/-m̥hi
 XX — исключить флексии № 25 (-yām), № 26 (-ām), включить флексии -yām, -ya, -yā
 XXI — исключить флексии № 23 (-e), № 27 (-ni), включить флексию -smim/-m̥hi
 XXXI — исключить флексию № 38 (-as), включить флексии -#, -o
 XXXII — исключить флексии № 38 (-as), № 39 (-s), включить флексии -#, -o, -yo
 XXXIII — исключить флексию № 40 (-i), включить флексию -#
 XXXIV — исключить флексии № 38 (-as), № 42 (-n), включить флексии -e, -o, -#
 XXXV — исключить флексии № 38 (-as), № 43 (-s), включить флексии -#, -o, -yo
 XXXVI — исключить флексию № 40 (-i), включить флексию -#
 XXXVII — исключить флексии № 44 (-bhīs), № 45 (-is), включить флексии -ihi, -hi
 XXXVIII — исключить флексию № 44 (-bhīs), включить флексию -hi
 XXXIX — исключить флексии № 44 (-bhīs), № 45 (-is), включить флексии -ihi, -hi

- XLIII — исключить флексии № 46 (*-bhyas*), № 47 (*-ibhyas*), включить флексии *-ihī*, *-hi*
 XLIV — исключить флексию № 46 (*-bhyas*), включить флексию *-hi*
 XLV — исключить флексии № 46 (*-bhyas*), № 47 (*-ibhyas*), включить флексии *-ihī*, *-hi*
 XLVI — исключить флексии № 48 (*-ām*), № 49 (*-nām*), включить флексии *-am*, *-nam*
 XLVII — исключить флексии № 48 (*-ām*), № 49 (*-nām*), включить флексию *-nam*
 XLVIII — исключить флексии № 48 (*-ām*), № 49 (*-nām*), включить флексии *-am*, *-nam*
 XLIX — отсутствие операций
 L — » »
 LI — » »

ГЛАГОЛ

Чтобы осуществить морфологический пересчет ссанскри-та на пали, нужно, отбросив все сочетания граммем (IV—VI, XIII—XV, XIX—LXXII, LXXVI—LXXVIII, LXXXV—LXXXVII, XCI—CXLIV, CXLVIII—CL, CLVII—CLIX), отсутствующие в пали (по причине отсутствия некоторых из входящих в соста-в этих сочетаний граммем и категорий), и добавив сочeta-ния граммем (VII—XII, XXV—XXXVI, XLIII—XLVIII, LXI—LXVI), отсутствующие всанскрите (1 sg praet indic, 2 sg praet indic, 3 sg praet indic, 1 pl praet indic, 2 pl praet indic, 3 pl praet indic, 1 sg opt, 2 sg opt, 3 sg opt, 1 pl opt, 2 pl opt, 3 pl opt, 1 sg cond, 2 sg ccnd, 3 sg cond, 1 pl cond, 2 pl ccnd, 3 pl ccnd, 1 sg praet indic med, 2 sg praet indic med, 3 sg praet indic med, 1 pl praet indic med, 2 pl praet indic med, 3 pl praet indic med, 1 sg opt med, 2 sg opt med, 3 sg opt med, 1 pl opt med, 2 pl opt med, 3 pl opt med ссоответствующими флексиями, ср. табл. 5 и 6), произвести следующие операции:

в сочетании граммем:

- I — отсутствие операций
 II — » »
 III — » »
 VII — исключить флексию № 7 (*-mas*), включить флек-сию *-ta*
 VIII — отсутствие операций
 IX — исключить флексии № 10 (*-anti*), № 11 (*-ati*)
 X — отсутствие операций
 XI — » »
 XII — » »

- XVI — исключить флексию № 18 (*-mahe*), включить флексии *-m̥e*, *-mase*
- XVII — исключить флексию № 19 (*-dhve*), включить флексию *-v̥he*
- XVIII — исключить флексию № 21 (*-ate*), включить флексию *-re*
- LXXIII — включить флексию *-m̥*
- LXXIV — отсутствие операций
- LXXV — » »
- LXXIX — исключить флексию № 7 (*-mas*), включить флексию *-ma*
- LXXX — отсутствие операций
- LXXXI — » »
- LXXXII — » »
- LXXXIII — » »
- LXXXIV — » »
- LXXXVIII — исключить флексию № 18 (*-mahe*), включить флексию *-m̥e*
- LXXXIX — исключить флексию № 19 (*-dhve*), включить флексию *-v̥he*
- XC — отсутствие операций
- CXLV — исключить флексию № 91 (*-āli*), включить флексию *-mi*
- CXLVI — исключить флексии № 93 (в варианте *-dhi*), № 94 (*-āna*), № 113 (*-tāt*)
- CXLVII — исключить флексию № 113 (*-tāt*)
- CLI — исключить флексию № 48 (*-āma*)
- CLII — исключить флексии № 30 (*-ta*), № 113 (*-tāt*), включить флексию *-tha*
- CLIII — исключить флексию № 97 (*-antu*)
- CLIV — исключить флексию № 99 (*-āi*), включить флексию *-e*
- CLV — исключить флексию № 100 (*-sva*), включить флексию *-ssu*
- CLVI — исключить флексию № 28 (*-tām*), включить флексию *-tam*
- CLX — исключить флексию № 104 (*-āmahai*), включить флексию *-mase*
- CLXI — исключить флексию № 40 (*-dhvam*), включить флексию *-v̥ho*
- CLXII — исключить флексии № 105 (*-ntām*), № 47 (*-atām*), включить флексию *-ntam*

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Чтобы осуществить морфологический пересчет ссанскрита на пали, нужно, отбросив все сочетания граммем (CLXIII—

CLXVIII), отсутствующие в пали, и добавив сочетания граммем, отсутствующие в санскрите (в причастиях — сочетания, образуемые разными комбинациями граммем вида, залога и производности, в инфинитивах и абсолютивах — производности), т. е., по сути дела, заменив весь инвентарь сочетаний граммем в неличных формах совершенно новыми сочетаниями граммем, снабдить каждое из этих сочетаний особой флексией (см. выше о неличных формах глагола).

Из сказанного в разделе, посвященном собственно морфологическому уровню, ясно, каким образом совершается пересчет в противоположном направлении — от пали к санскриту. Так, например, в имени для перехода к соответствующему санскритскому сочетанию граммем нужно в сочетании граммем I исключить флексию № 1 (-*o*) и добавить флексию -*s*; в сочетании граммем XII — исключить флексии № 10 (-*ā*), № 6 (-*na*), № 11 (-*smāt-mhā*) и добавить флексии -*as*, -*ad*, -*nas*, -*s*; в сочетании граммем XXXV — отсутствие операций и т. д.; в глаголе для перехода к соответствующему санскритскому сочетанию граммем нужно в палийском сочетании граммем VI добавить флексии -*anti* и -*ati*; в сочетании граммем XXXVII — отсутствие операций; в сочетании граммем XLII — исключить флексию № 28 (-*re*) и добавить флексию -*ate* и т. п.

Многие из приведенных правил пересчета могут быть упрощены при условии обращения к результатам генетического аспекта пересчета с одной фонологической системы на другую. Например, вместо того чтобы (при переходе с санскрита на пали в имени) вводить для сочетания граммем XVI правило «...исключить флексию № 21 (-*sya*)... добавить флексию -*ssa*», целесообразно указать, что в данном случае операции отсутствуют, но санскритское -*sya* переписывается в соответствии с правилами генетических соответствий в области фонологии в виде -*ssa*. Такой подход при пересчете с санскрита на пали и обратно приводит к весьма значительной экономии в записи правил.

Учитывая правила фонетической перекодировки, с одной стороны, и отвлекаясь от частичного несовпадения в элементах сочетаний граммем (при условии, что данные сочетания граммем — санскритское и палийское — связаны генетически), с другой стороны, можно сформулировать некоторые правила генетического пересчета на собственно морфологическом уровне (например, в имени: санскритскому -*as* — палийское -*o*, -*m* — -*m*, -*am* — -*am*, -*sya* — -*ssa*, -*bhis* — -*hi*, -*ām* — -*am*, -*nām* — -*naṁ*, -*iśu* — -*isu* и т. д., в глаголе: -*mas* — -*ma*, -*dhi* — *hi* — -*hi*, -*āi* — -*e*, -*sva* — -*ssu*, -*tām* — -*tam*, -*ntām* — -*ntam*, -*dhvam* — -*vho*, -*dhvē* — -*vhe*, -*mahe* — -*mhe* и т. д.). Устанавливаемые таким образом связи указывают пути перехода от

отдельных элементов санскритской морфологии к соответствующим элементам палийской морфологии, объединяя тем самым генетически тождественные или близкие флексии. Синтез правил, предложенных для перехода от одной системы к другой, с правилами, описывающими переход между генетически связанными элементами, мог бы привести к наиболее экономному и изящному описанию совокупности правил пересчета с санскрита на пали и с пали на санскрит с указанием морфонологических особенностей записи.

Что касается правил пересчета на других уровнях, то они требуют или обращения к словарю или знания полного набора структур данного уровня (например, синтаксического, который применительно к санскритскому материалу удовлетворительно пока не описан). Поэтому здесь приходится ограничиться лишь теми правилами пересчета, которые были описаны выше.

В заключение — один небольшой пример, показывающий, как осуществляется пересчет на конкретном материале.

Задание: перейти от санскритского текста к палийскому.

Исходный текст: *kātebhyo vīpramuktasya nāsti śokaḥ*. Уданаварга. Kātavarga. 2–3 (в приведенной цитате в целях большей простоты допущены два незначительных изменения: *vīpramuktasya* — Gen sg вм. *vīpramuktānāt* — Gen pl и *śokaḥ* вм. *śokāḥ*, что соответствует другим параллельным этому местам) ‘у освободившегося от желания нет печали’.

Операции:

а) на фонологическом уровне:

$$\acute{s} \rightarrow s$$

б) на дистрибутивном уровне:

$$bh \rightarrow bbh$$

$$pr \rightarrow pp$$

$$kt \rightarrow tt$$

$$sy \rightarrow ss$$

$$st \rightarrow tth$$

$$\bar{a} (< -a+a-) \rightarrow a$$

в) на морфологическом уровне:

-ibhyas (> *-ebhyo*) → *-ā* или (по аналогии со склонением местоимений) *-ato* (Abl m sg)

-sya → *-ssa* (G m sg)

-aḥ (< *-as*) → *-o* (N m sg)

Полученный результат:

палийский текст вида:

kāmatō vīppramuttassa n'atthi soko. Дхаммап. 215
(вариант: *kāmā...*).

АНАЛИЗ И СИНТЕЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I

Даны:

предложение следующего вида:

Suva potako deve vassante uppatitvā gantum asakkonto gantvā tass' eva khandhassa ekapasse nilīyi («Saccakirajātaka», См. «The Jātaka together with its commentary», ed. by V. Fausböll, vol. I, London, 1877, p. 324)

и словарь следующего состава:

<i>suva</i> 'попугай'	<i>potaka</i> 'молодое животное'
<i>deva</i> 'бог'	<i>vassati</i> 'дождит'
<i>uppatati</i> 'взлетает'	<i>gacchatii</i> 'двигается'
<i>a-</i> 'не'	

<i>sakkoti</i> 'может'	<i>so</i> 'этот'
<i>eva</i> — усилительная частица	<i>khandha</i> 'ствол (дерева)'
<i>eka</i> 'один'	<i>passa</i> 'сторона'
<i>nilīyati</i> 'садится'	

Задание:

дать анализирующее (распознающее) описание этого предложения, позволяющее понять его смысл (считается, что смысл понят, если установлены некоторые существенные характеристики элементов, входящих в предложение, дающие возможность трансформировать данное предложение в предложение любого другого языка, например русского, с сохранением смысла в заданном отношении).

Анализ

На морфологическом уровне оказывается, что:

1. *suva* не может быть никакой падежной формой, но может быть звательной формой (V), поскольку V от слов муж. р. в ед. ч. имеет окончание *-a*, или может быть чистой основой, входящей в состав сложного слова.
2. *potako* может быть или N m sg, или G m sg, или G n sg, или N m pl, или N f pl, или A m pl, или A f pl, так как этим сочетаниям граммем (I, XIII, XV, XIX, XX, XXII, XXIII) соответствуют флексии № 1 (-o), № 14 (-o),

№ 18 (-o). Поскольку приведенная в словаре форма *potako* может принадлежать только слову с основой на -a, все возможности, кроме первой, отпадают. Следовательно, *potako* — N m sg. Более сложные пути анализа здесь не рассматриваются.

3. *deve* может быть или L m sg, или L n sg, так как этим сочетаниям граммем (XVI, XVIII) соответствует флексия № 15 (-i), которая по правилам перекодировки сочетания фонем a+i (*deva*+i) дает -e, или A m pl (XXII) с флексией № 21 (-e), которая по правилам перекодировки сочетания фонем -a+e (*deva*+e) дает -e; возможность L f sg (XVII) с флексией № 15 (-i) отпадает из-за отсутствия среди основ на -a слов женского рода.
4. *vassante* может быть или L m sg, или L n sg, или A m pl от причастия несов. вида, активн. залога, некаузат.
5. *uppatitvā* может быть только абсолютивом от *uppatati* (<*ud*+*patati*; *ud*- 'из', 'вэ-', 'вверх').
6. *gantum* может быть только инфинитивом от слова, которое в словарной форме имеет вид *gacchati*.
7. *asakkonto* может быть или N m sg, или N m pl, или A m pl (I, XIX, XXII), или V m pl от причастия несов. вида активн. залога.
8. *gantvā* может быть только абсолютивом от *gacchati*.
9. *tass'* (из-за особенностей перекодировки -a+e->-#+-e из *tassa*) может быть G m sg или G n sg.
10. *khandhassa* может быть G m sg (XIII) или G n sg (XV) с флексией № 12 (-ssa).
11. *eka* может быть только чистой основой, входящей в состав сложного слова.
12. *ekapasse* — сложное слово, может быть одним из сочетаний граммем, рассмотренных при анализе *deve*, см. 3.
13. *niliyi* может быть или 2 sg praet act, или 3 sg praet act с флексией № 2 от *niliyati* (*ni*+*liyati*; *ni*- 'вниз').

Таким образом, на синтаксический уровень переносится решение вопроса о более точной идентификации следующих слов: *suva*, *deve*, *vassante*, *asakkonto*, *tassa*, *khandhassa*, *ekapasse*, *niliyi* (8 из 12 слов).

На синтаксическом уровне оказывается, что:

1. *niliyi* может быть связано с *potako*, образуя ЭСК 21

$$\downarrow \quad |$$

$$(\text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}_{\text{fin}})$$
, с *asakkonto*, если это N m sg, образуя также ЭСК 21, или — косвенным образом — с *suva*, если это V sg; иначе говоря, речь идет о выборе между: 'птенец попугая сел', 'не могущий сел', 'о попугай! ты сел'.
2. *uppatitvā* и *gantvā* имеют те же связи, что и *niliyi*, т. е.

$$\downarrow \quad |$$

$$\text{или с } potako \text{ (образуя ЭСК 23: } \text{Nom}_{\text{nominat}} + \text{Vb}_{\text{absol}}\text{), или}$$

с *asakkonto*, если это N m sg (также образуя ЭСК 23), или — косвенным образом — с *suva*, если это V sg.

3. *asakkonto* связано с *gantum* и образует ЭСК 6

\downarrow |
(Vb_{inf} + Nom).

4. С большой степенью вероятия *tass'eva* связано с *khandhassa*, образуя ЭСК 18 (внутри — ЭСК 25: *tassa eva*).

5. С большой степенью вероятия *ekapasse* связано с *tass'eva khandhassa* отношением управления (ЭСК 3:

\downarrow |
Nom_{gen} + Nom).

6. С большой степенью вероятия *ekapasse* (+ *tass'eva khandhassa*) связано с *niliyi*, образуя ЭСК 12 (Nom_{loc} + Vb).

7. С большой степенью вероятия *deve* связано с *vassante*, образуя ЭСК 19 (Part + Nom-Subst), когда оба члена ЭСК всегда в локативе (locativus absolutus).

8. С большой степенью вероятия *deve vassante* связано с *niliyi*, образуя развернутый вариант ЭСК 12, когда Nom_{loc} → Nom_{loc} + Part_{loc}.

Таким образом, в результате анализа на синтаксическом уровне с большой степенью вероятия (она основана прежде всего на знании порядка элементов в ЭСК и порядка ЭСК в предложении) можно утверждать и передать обратно на морфологический уровень следующее:

1. *deve* — L sg (различение родов — т или п — в данном случае оказывается несущественным).
2. *vassante* — L sg (различение родов — т или п — в данном случае также несущественно).
3. *tassa* — G sg (различение родов — т или п — в данном случае несущественно).
4. *khandhassa* — G sg (различение родов — т или п — в данном случае несущественно).
5. *ekapasse* — L sg (различение родов — т или п — в данном случае несущественно).
6. *asakkonto* — N m sg, так как, если бы оно было N m pl или A m pl, то из-за наличия граммем множественного числа ЭСК 6 (*asakkonto gantum*) оказалась бы ни с чем не связанный в предложении, а инвентарь абсолютных конструкций палийского предложения не знает сочетаний типа ЭСК 6.
7. *assakkonto* (+ *gantum*) связано отношением согласования с *potako*.

В результате уже на этой стадии анализа практически речь идет о выборе одной из двух возможностей (смысловых): или 1. 'Птенец попугая, когда бог дождил, взлетев, не будучи в состоянии двигаться, двинувшись, уселся с одной

стороны этого самого ствола'; или 2. 'О попугай! молодое животное, когда б^ог дождил...' и т. д., как в 1. Вариант 3. 'О попугай!.. ты... взлетев... не будучи в состоянии... двинувшись... уселся...' оказывается невозможным из-за того, что *potako* и *asakkonto* в таком случае оказываются не включенными в предложение.

Выбор между указанными двумя возможностями решается в пользу первой из них ('птенец попугая... уселся') при переходе к графическому уровню (слитное написание *suva potako* может означать лишь то, что здесь сложное слово типа *tap-purisa*; фрагмент «о попугай! молодое животное...» записывался бы как *suva potako*), а также при учете текста, большего, чем данное предложение, не говоря уже о презумпции, согласно которой при разных возможностях понимания текста предпочтение отдается возможности, относящейся к более привычной внеязыковой ситуации.

II

Задание:

дать синтезирующее описание предложения, т. е. построить предложение со значением 'Птенец попугая, когда б^ог дождил, взлетев, не будучи в состоянии двигаться, двинувшись, уселся с одной стороны этого самого ствола' из элементов, описанных в этой книге.

Синтез

На синтаксическом уровне нужно выбрать следующие ЭСК:

1. Для 'птенец (попугая) уселся' — ЭСК 21: $\text{Nom}_{\text{nominat}} + \overset{\downarrow}{\text{Vb}_{\text{fin}}} \quad |$
(допустима и ЭСК 23: $\text{Nom}_{\text{nominat}} + \overset{\downarrow}{\text{Vb}_{\text{absol}}} \quad |$).
2. Для 'птенец (попугая) взлетев' и 'птенец (попугая) двинувшись' — ЭСК 23: $\text{Nom}_{\text{nominat}} + \overset{\downarrow}{\text{Vb}_{\text{absol}}} \quad |$ (допустима и ЭСК 19: Part + Nom-Subst: *suva potako uppatito* и *suva potako gato*).
3. Для 'птенец (попугая) не будучи в состоянии' — ЭСК 19:
 $\text{Part} + \overset{\downarrow}{\text{Nom-Subst}} \quad | \quad \text{Nom}_{\text{nominat}} + \overset{\downarrow}{\text{Vb}_{\text{absol}}} \quad |$
(допустима и ЭСК 23: $\text{Nom}_{\text{nominat}} + \overset{\downarrow}{\text{Vb}_{\text{absol}}}$,ср. *suva potako asakkiueyya*).
4. Для 'не будучи в состоянии двигаться' — ЭСК 6:
 $\overset{\downarrow}{\text{Vb}_{\text{inf}}} + \overset{\downarrow}{\text{Nom}} \quad |$, когда Nom выражено причастием (допустима

ЭСК вида $Vb_{inf} + Vb_{absol}$: *gantum asakkineyya*, что, впрочем, встречается крайне редко).

5. Для 'уселся с (одной) стороны' — ЭСК 12: $\overset{\downarrow}{\text{Nom}}_{loc} + \overset{\downarrow}{Vb}$ (допустимы и другие возможности, например, ЭСК 7: $\overset{\downarrow}{\text{Nom}}_{acc} + \overset{\downarrow}{Vb}$,ср. *ekapassat niliyi*).
6. Для 'с (одной) стороны ствала' — ЭСК 3: $\overset{\downarrow}{\text{Nom}}_{gen} + \overset{\downarrow}{\text{Nom}}$.
7. Для 'этого ствала' — ЭСК 18: $\overset{\downarrow}{\text{Adj}} + \overset{\downarrow}{\text{Nom-Subst}}$, когда Adj выражен указательным местоимением.
8. Для 'этого самого' — ЭСК 25: С + Pcl, когда С — указательное местоимение.
9. Для 'когда бог дождил' — ЭСК 19: $\overset{\downarrow}{\text{Part}} + \overset{\downarrow}{\text{Nom-Subst}}$, когда оба члена в локативе (допустима более сложная конфигурация типа *yadā + Nom_{nominat} + Vb_{fin}*, т. е. *yadā + ЭСК 21: yadā devo vassi*).

Упорядочение элементов внутри ЭСК и самих ЭСК в пределах предложения осуществляется с помощью правил (и при учете запретов), сформулированных в разделе, посвященном синтаксическим структурам: в ЭСК 21 Nom_{nominat} предшествует Vb_{fin} (*suvapotako... niliyi*); в ЭСК 19 Nom-Subst предшествует Part (*suvapotako... asakkonto*); в ЭСК 19 Nom-Subst предшествует Part (*deve vassante*); в ЭСК 23 Nom_{nominat} предшествует Vb_{absol} (*suvapotako... uppatitvā* и *suvapotako... gantvā*); в ЭСК 6 Vb_{inf} предшествует Nom (*gantum asakkonto*); в ЭСК 12 Nom_{loc} предшествует Vb (*ekapasse niliyi*); в ЭСК 3 Nom_{gen} предшествует Nom (*khandhassa ekapasse*); в ЭСК 18 Adj предшествует Nom-Subst (*tassa... khandhassa*); в ЭСК 25 С предшествует Pcl (*tass'eva*); в пределах всего предложения Vb_{fin} стоит в самом конце; Nom_{nominat} предельно удален от Vb_{fin} и стоит в самом начале предложения; периферийные элементы с временным значением тяготеют к началу предложения (*deve vassante*); Nom_{loc} в значении места при отсутствии других косвенных падежей, связанных с глаголом, занимает место, непосредственно предшествующее глаголу.

Таким образом, на синтаксическом уровне искомую фразу можно синтезировать в следующем виде, см. табл. 33, отражающую одновременно направление связей (стрелками и местом по вертикальной оси) и порядок элементов в ЭСК и от части в предложении (место по горизонтальной оси); таким образом, для записи результатов синтеза предложения на синтаксическом уровне используется двумерное пространство.

На морфологическом уровне необходимые для синтеза пред-

ложении ЭСК должны быть переписаны в терминах сочетаний граммем, во-первых, и каждому из этих сочетаний граммем должна быть приписана определенная флексия, во-вторых.

Для синтеза предложения на морфологическом уровне выбираются следующие сочетания граммем (или элементы словаря):

1. N m sg — для сложного слова ‘птенец (попугая)’; m обусловлен словарем.
2. 3 sg praet ind act — для ‘уселся’.
3. Absol non-causat — для ‘взлетев’.
4. Absol non-causat — для ‘двинувшись’.
5. N m sg part imperf act — для ‘не будучи в состоянии’.
6. Inf non-causat — для ‘двигаться’.
7. L m или n sg — для сложного слова ‘с одной стороны’.
8. G m или n sg — для ‘ствола’; в этом и предыдущем случаях выбор рода безразличен, поскольку словарь не содержит определенных предписаний на этот счет.
9. G m или n sg pronom demonstr — для ‘этого’; выбор рода не существен и зависит, если бы он был существен, от Nom-Subst.
10. Pcl — для ‘самого’.
11. Loc absol (L m sg + L m sg part imperf act non-causat) — для ‘когда бог дождил’.

Учитывая данные словаря, указанные сочетания граммем выражаются следующими флексиями:

1. *-o* — для N m sg
2. *-i* — » 3 sg praet ind act
3. *-(i)tvaā* — » Absol non-causat (‘взлетев’)
4. *-tvaā* — » Absol non-causat (‘двинувшись’)
5. *-nto* — » N m sg part imperf act
6. *-tum* — » Inf non-causat
7. *-e* — » L, non-f, sg
8. *-ssa* — » G, non-f, sg
9. *-ssa* — » G, non-f, sg pronom demonstr
10. *eva* — » Pcl
11. *-e+-nte* — » Loc absol

Выбор данной флексии из нескольких, выражающих одно и то же сочетание граммем, определяется предписаниями, о которых говорилось в разделах, посвященных классу имени и классу глагола.

Таким образом, на морфологическом уровне предложение может быть записано в виде следующей линейной последовательности: *-o* (N m sg) + *(-e+-nte)* (Loc absol) + *-(i)tvaā* (Absol non-causat) + *-tum* (Inf non-causat) — *-nto* (N m sg part imperf act) + *-tvaā* (Absol non-causat) — *-ssa* (G, non-f, sg pronom demonstr) + *eva* (Pcl) + *-ssa* (G, non-f, sg) + *-e* (L, non-f, sg) + *-i* (3 sg praet ind act).

На морфонологическом уровне возможна фонемная запись синтезированного предложения (она тривиальна, поскольку определяется данными словарными элементами и набором используемых флексий) и более специализированная запись в терминах дифференциальных признаков (см. табл. 34). Как бы то ни было, любая из записей этого уровня может рассматриваться как завершение синтеза предложения, которое было предложено выше для анализа. В результате синтеза удалось прийти к той же морфологической записи, которая подверглась анализу; однако в случае синтеза содержание этой записи получило более полную расшифровку, чем при анализе ее, что вполне согласуется с большей эффективностью синтетических моделей языка и его фрагментов, нежели аналитических.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

1. Джатака (46)¹

Atite Bārāṇasiyam Brahmadatte rajjam kārente Bārāṇasiyam nakkhattam ghosayim̄su. Nakkhattabherisaddasava-nakalato paṭṭhāya sakalanagaravāsiñc nakkhatta iissitakā hutvā vicaranti. Tadā rañño uyyāne bahū makkaṭā vasanti. Uyyānapālo cintesi: «nagare nakkhattam ghuṭṭham, ime vānare „udakam siñcatha“ ’ti vatvā aham nakkhattam kīlissāmīti» jetṭhakavānaram upasamkamitvā «samma vānarajetṭhaka, imam uyyānam tumhākam pi bahūpākāram, tumhe ettha piupphaphalavallavāni khādatha, nagare nakkhattam ghuṭṭham, aham nakkhattam kīlissāmi, yāvāham āgacchāmi tāva imasmim uyyāne rukkhapotakesu udakim siñcitud sakkhissathā» ’ti pucchi. «Sādhū, siñcissāmīti». «Tena hi appamattā hothā» ’ti udakam siñcanattāya tesam cammaṇde c’eva dārukute ca datvā gato. Vānarā cammaṇde c’eva dārukute ca gahetvā rukkhapotakesu udakam siñcanti. Atha ne vānarajetṭhako evam āha: «bho vānarā, udakam nāma rakkhitabbam, tumhe rukkhapotakesu udakam siñcantā uppāṭetvā uppāṭetvā mūlam oloketvā gambhīragatesu mūlesu bahum udakam siñcatha agambhīragatesu appam, pacchā amhākam udakam dullabham bhavissatīti». Te «sādhū» ’ti samyatīcchitvā tathā akāmsu. Tasmim̄ samaye eko pañjitaruriso rājuyyāne te vānare tathā karonte disvā evam āha: «bho vānarā, kasmā tumhe rukkhapotake uppāṭetvā uppāṭetvā mūlaappamāṇena udakam siñcathā» ’ti. Te «evam no vānarajetṭhako ovadatīti» āhāmsu. So tam vacanam sutvā «ahō vata bho bālā apañḍitā «attham karissāmā» ’ti anattham eva karontīti» cintetvā imam gātham āha:

*Na ve anatthakusalena attacariyā
sukhāvahā/
hāpeti attham dummedho kapi ārāmiko yathā
till*

¹ «The Jātaka together with its commentary», ed. by V. Fausbøll, vol. I, London, 1877, pp. 250–251.

*Evaṭ so paṇḍitapuriso imāya gāthāya vānarajeṭṭhakam
garahitvā attano parisam ādāya iyyānā nikkhami.*

Перевод

В прошлые времена, когда в Бенаресе царствовал Брахмадатта, в Бенаресе провозгласили праздник нового месяца. Едва заслышав звук праздничного барабана, все жители города отправились принимать участие в празднике. А в царском парке жило тогда множество обезьян. Садовник подумал: «В городе объявлен праздник. Пойду я справлять праздник, сказавши этим обезьянам: „Поливайте водой сад“». Подойдя к вожаку обезьян, он обратился с просьбой: «Привет, о вожак обезьян! Этот парк ведь очень вам полезен, вы едите здесь цветы, плоды, побеги. В городе объявлен праздник нового месяца, я буду спрятывать праздник, и пока я не приду, постараитесь полить водой молодые побеги деревьев в этом парке». — «Хорошо, полью». — «Ну, так будьте осторожны», — сказал садовник и ушел, оставив им воду для поливки в кожаном мешке и в деревянном кувшине. Обезьяны, хватая и кожаный мешок, и деревянный кувшин, стали поливать водой молодые побеги. Тогда вожак обезьян сказал им так: «Эй, обезьяны! Воду-то надо экономить! Вы, когда поливаете молодые побеги, выкорчевывайте их и, осмотрев корень, на глубокие корни лейте много воды, на неглубокие корни — мало, а то потом нам воду будет трудно достать». — «Хорошо», — согласились они и так и сделали. В это время один умный человек, увидев в царском парке обезьян, занятых этим делом, сказал так: «Эй, обезьяны! Зачем вы, выкорчевав молодые побеги, поливаете их в зависимости от длины корня?». — «Так нам велит вожак обезьян», — сказали они. Услышав эту речь, он подумал: «Ах вы, глупые, неразумные! Говорите: „Делаем полезное“, а делаете бесполезное», — и спел этот стих:

Ведь не бывает полезного поведения, ведущего к счастью,
у того, кто выискивает бесполезное.
Так попадает впросак глупая парковая обезьяна.

Упрекнув вожака обезьян таким образом с помощью этого стиха, этот умный человек покинул парк со своим сопровождением.

2. Сутта-нипата²
(Меттасутта, Урагавагга)

146. *ye keci pāṇabhūt' atthi
tasā vā thāvarā vā anavasesā
dīghā vā ye mahantā vā
majjhimā rassakā anukathūlā,*
147. *diṭṭhā vā ye vā addiṭṭhā,
ye ca dūre vasanti avidūre,
bhūtā vā sambhavesī vā, —
sabbe sattā bhavantu sukhitattā.*
148. *Na paro param nikubbetha,
nātimāññetha katthacinam kañci,
vyārosanā paṭighasaññā
nāññamataññassa dukkham iccheyya.*
149. *Mātā yathā niyat puttam
āyusā ekaputtam anurakkhe,
evam pi sabbabhūtesu
mānasam bhāvaye aparimānat.*

Перевод

146. Какие только есть живые существа:
Подвижные и неподвижные — все без остатка,
Длинные или короткие, огромные
Или средние, маленькие или большие,
147. Видимые или же невидимые,
Те, что живут далеко или близко,
Родившиеся или же ищащие рождения, —
Все существа да будут счастливы!
148. Не обманывайте друг друга,
Нигде никого не презирайте.
Нельзя стремиться к несчастью ближнего,
Гневаясь или чувствуя отвращение.
149. Как мать всей своей жизнью
Защищает своего единственного сына,
Так нужно безмерно развивать
Добрую душу по отношению ко
всем существам.

² «Sutta-Nipāta», new ed. by D. Andersen and H. Smith, — PTS, 1948, pp. 25—26.

- 146. *ko nu hāso? kim ānando niccaṭi pajjalite sati?
andhakārena onaddhā padīpam na gavessatha?*
- 147. *passa cittakataṭi bimbam arukāyaṭ samussitam
āturaṭi bahusamkappaṭ yassa n'atthi dhuvam thiti.*
- 148. *parijinṇam idam rūpam, roganiddham pabhaṅguram
bhijjati pūtisandeho maraṇantam hi jīvitam.*
- 149. *yāni 'māni apatthāni alāpuneva sārade
kāpotakāni aṭṭhīni tāni disvāna kā rati?*
- 150. *aṭṭhīnam nagaram kataṭ māṃsalohitalepanam
yattha jarā ca maccū ca māno makkho ca ohito.*
- 151. *jīranti ve rājarathā sucittā
atho sarīraṭ pi jaram upeti
satam ca dhammo na jaram upeti
santo have sabbhi pavedayanti.*
- 152. *appassutāyaṭ puriso balivaddo va jīrati
māṃsāni tassa vadḍhanti, paññā tassa na vadḍhati.*
- 153. *aneka jātisaṃsāram sandhāvissam anibbisam
gahakārakaṭ gavesanto dukkhā jāti punappunam*
- 154. *gahakāraka! diṭṭho 'si, puna geham na kāhasi
sabhā te phāsukā bhaggā, gahakūṭam visaṅkhitam
visaṅkhāragataṭ cittaṭ taṇhāṇam khayam ajjhagā.*
- 155. *acaritvā brahmacariyam aladdhā yobbane dhanam
jiṇṇakoṇcā va jhāyanti khīṇamatteva pallale.*
- 156. *acaritvā brahmacariyam, aladdhā yobbane dhanam
senti cāpātikhīṇā'va purāṇāni anutthunam.*

П е р е в о д

- 146. Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищете света?
- 147. Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, выполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства.
- 148. Изношено это тело, гнездо болезней, бренное; эта гнилостная груда разлагается, ибо жизнь имеет концом смерть.
- 149. Что за удовольствие видеть эти голубоватые кости, подобные разбросанным тыквам в осеннюю пору?
- 150. Из костей сделана эта крепость, плотью и кровью оштукатурена; старость и смерть, обман и лицемерие заложены в ней.

³ «The Dhammapada», ed. by S. Radhakrishnan, London, 1954, pp. 108—111, 125—126.

151. Изнашиваются даже разукрашенные царские колесницы, также и тело приближается к старости. Но дхамма благих не приближается к старости, ибо добродетельные поучают ей добродетельных.
152. Малознающий человек стареет, как вол: у него разрастаются мускулы, знание же у него не растет.
153. Я прошел через сансару многих рождений, ища строителя дома, но не находя его. Рожденье вновь и вновь — горестно.
154. О строитель дома, ты видишь! Ты уже не построишь снова дома. Все твои стропила разрушены, конек на крыше уничтожен. Разум на пути к развеществлению достиг уничтожения желаний.
155. Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, гибнут, как старые цапли на пруду, в котором нет рыб.
156. Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, лежат, как сломанные луки, вздыхая о прошлом.

197. *susukhaṁ vata jīvātā verinesu averino
verinesu manussesu viharāta averino.*
198. *susukhaṁ vata jīvāta ātiresu anātura
ātiresu manussesu viharāta anātura.*
199. *susukhaṁ vata jīvāta ussukesu anussukā
ussukesu manussesu viharāta anussukā.*
200. *susukhaṁ vata jīvāta yesan no n'atthi kiñcanam
pītibhakkā bhāvissāta devā ābhassarā yathā.*
201. *jayat verat pasavati dukkham seti parājito
upasanto sukham seti hitvā jayāparājayat.*

Перевод

197. О! Мы живем очень счастливо, невраждующие среди враждебных; среди враждебных людей живем мы, невраждующие.
198. О! Мы живем очень счастливо, небольные среди больных; среди больных людей живем мы, небольные.
199. О! Мы живем очень счастливо, нетомящиеся среди томящихся; среди томящихся людей живем мы, нетомящиеся.
200. О! Мы живем очень счастливо, хотя у нас ничего нет. Мы будем питаться радостью, как сияющие боги.
201. Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказавшийся от победы и поражения.

4. Милинда-панъха ⁴

Bhānte Nāgasenā, kim-pana Buddho tayā ditṭho ti.

— *Na hi mahārājāti.*

— *Kim-pana te ācariyehi Buddho ditṭho ti.*

— *Na hi mahārājāti.*

— *Bhāte Nāgasena, na kira tayā Buddho ditṭho, nāpi kira te ācariyehi Buddho ditṭho. Tena hi bhāte Nāgasena na-tthi Buddho, na h'ettha Buddho paññāyatīti.*

— *Atthi para te mahārāja pubbakā khattiyā ye te tava khattiyavamsassa pubbaṅgamā ti.*

— *Āma bharite, ko samsayo, atthi pubbakā khattiyā ye mama khattiyavamsassa pubbaṅgamā ti.*

— *Ditṭhapubbā tayā mahārāja pubbakā khattiyā ti.*

— *Na hi bhante ti.*

— *Ye pana tam mahārāja anusāsaṇti, purohitā senāpatino akkhadassā mahāmattā, tehi pubbakā khattiyā ditṭhapubbā ti.*

— *Na hi bhante ti.*

— *Yadi pana te mahārāja pubbakā khattiyā na ditṭhā, nāpi kira te anusāsakehi pubbakā khattiyā ditṭhā, katha pubbakā khattiyā, na h'ettha pubbakā khattiyā paññāyantīti.*

— *Dissanti bhante Nāgasena pubbakānam khattiyānam anubhūtāni paribhogabhaṇḍāni, seyyathīdam: setacchattam uṇhīsam pādukā vālavījani khaggaratānam mahārahāni ca sayanāni, yehi mayaṇ jāneyyāma saddaheyyāma: atthi pubbakā khattiyā ti.*

— *Evam-eva kho mahārāja mayam-p'etaṇ Bhagavantam jāneyyāma saddaheyyāma, atthi tam kāraṇam yena mayaṇ kāraṇena jāneyyāma saddaheyyāma: atthi so Bhagavā ti. Katamam tam kāraṇam: Atthi kho mahārāja tena Bhagavatā jānatā passatā arahatā sammāsambuddhena anubhūtāni paribhogabhaṇḍāni, seyyathīdam: cattāro satipatṭhānā, cattāro sammapradhānā, cattāro iddhipādā, pañc'indriyāni, pañca balāni, satta bojjhangā, ariyo atthaṅgiko maggo, yehi sadevako loko jānāti saddahati: atthi so Bhagavā ti: Iminā mahārāja kāraṇena, iminā hetunā, iminā nayena, iminā anumānena nātabbam: atthi so Bhagavā ti.*

Перевод

— Почтенный Нагасена, ты видел Будду?

— Нет, махараджа.

— А твои учителя видели Будду?

⁴ «The Milindapañño», ed. by V. Trenckner, London, 1928, pp. 329—330.

— Нет, махараджа.

— Почтенный Нагасена, ни ты не видел Будду, ни твои учителя не видели Будду. Поэтому, почтенный Нагасена, Будда не существует, Будда в таком случае не известен.

— Существуют ведь, махараджа, кшатрии былых времен, которые предшествовали тебе в твоем роде кшатриев?

— Да, почтенный. Нет никакого сомнения. Существуют кшатрии былых времен, которые предшествовали мне в моем роде кшатриев.

— Ты видел когда-нибудь, махараджа, кшатриев былых времен?

— Нет, почтенный.

— Ну а те, кто дает тебе советы: жрецы, полководцы, судьи, главные министры — они видели когда-нибудь кшатриев былых времен?

— Нет, почтенный.

— Ну если ни ты, махараджа, не видел кшатриев былых времен, ни твои советники не видели кшатриев былых времен, где кшатрии былих времен? В таком случае кшатрии былих времен не известны.

— Мы видим, почтенный Нагасена, вещи, бывшие в употреблении у кшатриев былых времен, а именно: царский балдахин, тюрбан, обувь, веер из хвоста яка, драгоценный меч, роскошные ложа, на основании которых мы знаем и верим: есть кшатрии былих времен.

— Вот так же, махараджа, мы можем узнать этого Благословенного и поверить в него. Есть такая причина, на основании которой мы можем узнать и поверить: существует этот Благословенный. Какова эта причина? Ведь существуют, махараджа, вещи, бывшие в употреблении у этого Благословенного, знающего, видящего, арахата, полностью просветленного, а именно: четыре вида размышления, четыре вида правильных усилий, четыре основы процветания, пять видов способностей, пять видов силы, семь составных частей мудрости, благородный восьмеричный путь, на основании которых мир с его богами знает и верит: есть этот Благословенный. По этой, махараджа, причине, в силу этого довода, с помощью этого умозаключения, на основании этого вывода известно: есть этот Благословенный.

5. Махавагга 1, 6, 19⁵

idam (kho rana bhikkhave) dukkham ariyasaccam, idam (kho rana bhikkhave) dukkhasamudayam ariyasaccam, idam

⁵ См. также F. Weller, *Über die Formel der vier edlen Wahrheiten* — OLZ Jg. 43, № 3—4, 1940 (там же другие версии).

(*kho pana bhikkhave*) dukkhanirodhāt̄ ariyasaccat̄, idat̄
(*kho pana bhikkhave*) dukkhanirodhagāminī paṭipadā ariyasaccat̄.

Перевод

Существует (о монахи) страдание. Это благородная истина. Существует (о монахи) причина страдания. Это благородная истина. Существует (о монахи) прекращение страданий. Это благородная истина. Существует (о монахи) путь, ведущий к прекращению страдания. Это благородная истина.

6. Махапариниббана-сутта⁶

handa dāni bhikkhave āmantayāmi vo. vayadhammā sañ-khārā appamādena sampādethāti. ayat̄ tathāgatassa pacchimā vācā.

Перевод

А ныне, бхикшу, я обращаюсь к вам (в последний раз): «Все, что состоит из частей (санкхары), подвержено разрушению. Прилежно стремитесь к достижению цели». Это последняя речь Совершенного.

Санскритский текст

aṅga bhikṣavas tūṣṇīṁ bhavata vyayadharmaḥ sarvasaṁ-skārāḥ iyam tatra tathāgatasya paścimā (vācā).

Тибетский текст

dge-sloñ-dag re-śig cañ ma smra-žig dañ 'adi-ltar 'adus-byas thams-cad ni 'ajig-pai chos-can yin-te. de-la 'adi ni de-bžin-gšegs-pai gsuñ thamao.

7. Каччаяна⁷

Kammakaraṇanimittatthesu sattamī vibhatti hoti. Sampadāne ca sattamī vibhatti hoti. Pañcamyatthe ca sattamī vibhatti hoti. Kālabhāvesu ca kattari payujjamāne sattamī vibhatti hoti.

⁶ E. Waldschmidt, *Das Mahāparinirvāṇasūtra*, Teil III, Berlin, 1951, S. 394.

⁷ См. E. Senart, *Kaccāyana et la littérature grammaticale du pāli*, I partie. *Grammaire pālie de Kaccāyana*, Paris, 1871, pp. 156—158.

Перевод

Седьмой падеж (локатив) употребляется в значении винительного, инструментального и причины. А также седьмой падеж употребляется в значении дательного. А также седьмой падеж употребляется в значении пятого (аблатива). Седьмой падеж употребляется для (выражения) времени и состояния, а также когда (речь идет) о деятеле.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПАЛИ

В нижеследующем списке будут указаны исследования, посвященные разным аспектам изучения пали (описательные работы, труды исторического характера, исследования в области фонетики, морфологии, словообразования и словосложения, синтаксиса, лексики, этимологии и т. д.). Указывается также ряд работ, связанных с проблемой происхождения пали и его отношения к другим индийским языкам, с судьбой пали за пределами Индии, с историей изучения пали и, наконец, основные монографии, посвященные истории палийской литературы. Отдельно приводится перечень словарей. Естественно, что в список вошли лишь наиболее существенные с точки зрения истории изучения пали работы или исследования, представляющие интерес с точки зрения современного состояния науки. Пособия учебного характера (руководства, хрестоматии, словари учебного типа) упоминаются лишь в виде исключения. Не указываются работы, в которых факты пали используются в рамках сравнительной грамматики индоарийских языков. Более полные сведения библиографического характера можно найти в специальных изданиях («Bibliographie bouddhique», «Indogermanisches Jahrbuch», «Bibliographie linguistique, publié par le Comité International Permanent de Linguistes UNESCO» и т. д.).

- D'Alwis J., *Lecture on the Buddhist Scriptures and their Language, the Pali*, London, 1861 (а также JPTS, 1883).
- D'Alwis J., *Introduction to Kaccāyana's Grammar of the Pali Language*, Colombo, 1863.
- Andersen D., *Miscellanea Palica*, — «Indian Studies In Honor of Ch. R. Lanman», Cambridge, Massachusetts, 1929.
- Andersen D., *A Pali Reader with Notes and Glossary*, pt 1—2, Copenhagen, London, Leipzig, 1901, 1907.
- Bagchi G. B., *The Origin and Home of Pāli*, — «Indian Culture», vol. 3, 1936.
- Bapat V. P., *The Relation between Pāli and Ardhamāgadhi*, — IHQ, vol. IV, 1928.

- Barua D. L., *Some Works on Pāli Grammar, Rhetoric and Prosody*, — «Indian Culture», vol. XV, 1948—1949.
- Berger H., *Sprache und Überlieferung des buddhistischen Urkanons*, — ZDMG, Bd 106, 1956.
- Berger H., *Futurisches gacchati im Pali*, — «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 1954.
- Bode M., *Index to Pāli Words Discussed in Translations*, — JPTS, 1897—1901.
- Bode M., *The Pāli Literature of Burma*, London, 1909.
- Bode M., *Early Pāli Grammarians in Burma*, — JPTS, 1908.
- Brough J., *Thus have I heard*, — BSOAS, vol. XIII, 1950.
- Buddhadatta A. P., *The New Pāli Course*, pt 1—2, Colombo, 1949.
- Buddhadatta A. P., *Higher Pāli Course for Advanced Students*, Colombo, 1951.
- Buddhadatta A. P., *Aids to Pāli Conversation and Translation*, Ambalangoda, 1951.
- Burnouf E., *Observations grammaticales sur quelques passages de l'Essai sur le Pāli de Burnouf et Lassen*, Paris, 1827.
- Burnouf E., Lassen Chr., *Essai sur le Pāli*, Paris, 1826.
- Clough B., *Compendious Pali Grammar*, Colombo, 1824.
- Cœdès G., *Une recension pālie des Annales d'Ayuthya*, — BEFEO, t. XIV, 1914.
- Cœdès G., *Note sur les ouvrages palis composés en pays Thai*, — BEFEO, t. XV, 1915.
- Cœdès G., *Etudes cambodgiennes*, — BEFEO, t. XXXVI, 1936.
- Coomaraswamy A. K., *Pali kaṇṭikā=circular roof plate*, — JAOS, vol. 50, 1930.
- Dschi Hiān-lin, *Pali āsiyatī*, — IF, Bd 62, 1956.
- Edgerton F., *The Buddha and Language*, — IHQ, vol. XXXII, 1956.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., *Опыт описания фонологической системы пали*, — LP, IX, 1962.
- Елизаренкова Т. Я., *К фонологической интерпретации геминат в пали*, — КСИНА, № 62, 1964.
- Елизаренкова Т. Я., *Опыт синхронического описания палийского глагола*, — «Вопросы структуры языка», М., 1964.
- Filliozat J., [Buddha Tathāgata], JAs, 1952.
- Finot L., *Recherches sur la littérature laotienne*, — BEFEO, t. XVII, 1917.
- Fišer J., *The Problem of the setthi in Buddhist Jātakas*, — AOr., XXII, 1954.
- Franke R. O., *Einige Belege aus dem Pāli für unbelegte Wurzeln und Wurzelbedeutungen des Dhātupāṭha*, — WZKM, Bd VIII, 1894.

- Franke R. O., *Das Wirken des Bequemlichkeitsprinzips in der Pāli-Sprache*, — KZ, Bd 43, 1896.
- Franke R. O., *Die Sucht nach a-Stämmen*, — BB, Bd 22, 1897.
- Franke R. O., *Pāli und Sanskrit in ihrem historischen und geographischen Verhältnis auf Grund der Inschriften und Münzen*, Straßburg, 1902.
- Franke R. O., *Geschichte und Kritik der einheimischen Pāli-Grammatik und Lexikographie*, Straßburg, 1902.
- Geiger W., *Pāli Literatur und Sprache*, Straßburg, 1916 (cp. английский перевод — *Pāli Literature and Language*, Calcutta, 1956).
- Geiger W., *Kurze Mitteilung*, — ZII, Bd I, 1922.
- Haebler C., *Ein verkanntes Kompositum im Pāli*, — MSS, Bd 16, 1964.
- Haebler C., *Ein nautischer Ausdruck im Pāli (Pā. lakāra-)*, — KZ, Bd 79, 1964.
- Hendriksen H., *Syntax of the Infinite Verb-Forms of Pali*, Copenhagen, 1944.
- Hendriksen H., *A Syntactical Rule in Pāli and Ardhamāgadhi*, — «Acta Orientalia», vol. XX, 1947.
- Henry V., *Précis de grammaire Pālie*, Paris, 1894 (1904).
- Jacobi H., *Über Vokaleinschub und Vokalisierung des y im Pāli und Prākrit*, — KZ, Bd 23, 1877.
- Jacobi H., *Über den Čloka im Pāli und Prākrit*, — KZ, Bd 24, 1879.
- Jacobi H., *Über eine neue Sandhiregeln im Pāli und im Prākrit der Jainas und über die Betonung in diesen Sprachen*, — IF, Bd 31, 1912—1913.
- Johansson K. P., *Pali-Miszellen*, — «Le Monde Oriental», 1907—1908.
- Johnston E. H., *Notes on Some Pali Words*, — JRAS, 1931. «Journal of the Pāli Text Society», London (c 1887 г.; — JPTS).
- Katre S. M., *Pāli Miscellany*. 1—2. — «Calcutta Oriental Journal», vol. 1, 1934.
- Katre S. M., *Pāli akkheyam*, — «Calcutta Oriental Journal», vol. 1, 1934.
- Katre S. M., *Treatment of ṛ in Pāli*, — ABORI, vol. 16, 1935.
- Katre S. M., *On the History of l in Pāli*, — «B. Ch. Law Volume», pt 2, Poona, 1946.
- Keith A. B., *Pāli, the Language of the Southern Buddhists*, — IHQ, vol. I, 1925.
- Keith A. B., *The Home of Pāli* — «Buddhistic Studies», Calcutta, 1931.
- Kern H., *Pāli patta=praṇihita*, — KZ, Bd 34, 1895.
- Konow S., *Lexicographical Notes: Words beginning with H.*, — JPTS, 1907.

- Konow S., Andersen D., *Lexicography: Words beginning with S*, — JPTS, 1909.
- Kuhn E., *Kaccāyanappakarane specimen altorum*, Halle, 1871.
- Kuhn E., *Beiträge zur Pāli-Grammatik*, Berlin, 1875.
- Law B. Ch., *A history of Pāli Literature*, vol. I—II, London, 1933.
- Lévi S., *Sur une langue précanonique du bouddhisme*, — JAs, 1912.
- Lüders H., *Pāli dhītā*, — KZ, Bd 49, 1920.
- Lüders H., *Pali uddiyāna*, — KZ, Bd 49, 1920.
- Lüders H., *Pali bondi- und Verwandtes*, — KZ, Bd 52, 1924.
- Lüders H., *Beobachtungen über die Sprache des buddhistischen Urkanons*, Berlin, 1954.
- Malalasekera G. P., *Pali Literature of Ceylon*, London, 1928.
- Mallik M., *Phonetic Convergence in Pāli*, — IHQ, vol. 32, 1956.
- Mallik M., *Contamination in Pāli*, — «Ind. Ling.», vol. 17, 1957.
- Martini F., *Dasa-bodhisatta-uddesa. Texte pāli publié avec une traduction et un index grammatical*, — BEFEO, t. XXXI, 1937.
- Mason F., *The Pali Language from a Burmese Point of View*, — JAOS, vol. 10, 1880.
- Mayrhofer M., *Handbuch des Pāli*, I—II, Heidelberg, 1951.
- Michalski S. F., *Gramatyka języka palijskiego*, Warszawa, 1953.
- Michelson T., *A Note of Pāli suṇoti*, — KZ, Bd 43, 1910.
- Michelson T., *The Indic «Root» khyā in Pāli and Prakrit*, — IF, Bd 19, 1906.
- Минаев И. П., *Очерк фонетики и морфологии языка пали*, СПб., 1872 (ср. французский и английский переводы — *Grammaire pālie. Esquisse d'une phonétique et d'une morphologie de la langue pālie*, Paris, 1874; *Pāli Grammar. A phonetic and morphological Sketch of the Pāli Language*, Rangoon, 1875).
- Morris R., *Notes and Queries*, — JPTS, 1884—1887, 1889, 1891/3.
- Müller E., *A Simplified Grammar of the Pāli Language*, London, 1884.
- Müller E., *A Glossary of Pāli Proper Names*, — JPTS, 1888.
- Müller E., *Beiträge zur Kenntnis der Pāli-Sprache*, — «SB. d. Aw. Wien», Bd 57, 1867; Bd 60, 1868.
- Mus P., *Les sources sanskrites du pāli birman*, — в кн.: Mus P., *La lumière sur les Six Voies*, Paris, 1939.
- Nārada, *An Elementary Pali Course*, 2nd ed., Colombo, 1953.
- Nyāṇatiloka, *Kleine systematische Pāli-Grammatik*, Breslau, 1911.
- Nyāṇatiloka, *Pāli-Anthologie und Wörterbuch*, München, 1928.

- Oldenberg H., *Bemerkungen zur Pāli-Grammatik. Deklination. Konjugation. Komparation. Pronomina. Verbalflexion. Einzelheiten*, — KZ, Bd 25, 1881.
- Perniola V., *A Grammar of the Pali Language*, Colombo, 1958.
- Pisani V., *Ai. mlecchāh, pāli milakkha*, — IF, Bd 57, 1939.
- Pisani V., *Angebliches pāli andhati «er geht»*, — IF, Bd 58, 1941.
- Pischel R., *Zur Pāli-Grammatik*, — KZ, Bd 23, 1877.
- Rhys Davids C. A. F., *Going far or Going beyond* (pāragā, pāragū), — IHQ, vol. XIV, 1946.
- Saddanīti, *La grammaire pālie d'Aggavāmsa. Texte établi par H. Smith*, vol. I—V, Lund, 1928—1954.
- Schmidt K., *Pali—Buddhas Sprache. Anfänger-Lehrgang zum Selbstunterricht*, Konstanz, 1951.
- Schneider U., *Acht Etymologien aus dem Aggañña-Sutta*, — «Asiatica. Festschrift Friedrich Weller», Leipzig, 1954.
- Schulze W., *Gr. ὥπος und pali sun̄isā*, — KZ, Bd 52, 1923.
- Seidenstücker K., *Handbuch der Pāli-Sprache*, I—III, Leipzig, 1923—1926 (2. Aufl.).
- Sen S., *Pali māraji: Sanskrit sīmarajit*, — IHQ, vol. XXXII, 1956.
- Senart E., *Kaccāyana et la littérature grammaticale du Pāli. I. Grammaire pālie de Kaccāyana*, Paris, 1871.
- Seth H. C., *Note on the Origin of Pāli*, — «Nagpur University Journal», vol. 2, 1936.
- Siddharta R., *Origin and Development of Pāli Language with Special Reference to Sanskrit Grammar*, — «Buddhistic Studies», Calcutta, 1931.
- Smith H., *Pāli dveṇakam «doute»*, — BSL, t. 30, 1930.
- Smith H., *Désinence verbales de type apabhramça en pali*, — BSL, t. 33, 1932.
- Stede W., *Pāli yathābhūtam*, — BSOAS, vol. XII, 1948.
- Stede W., *Reduplikationskomposita im Pāli*, — ZfBuddh., Jg. 6, 1924—1925.
- Takakusu J., *A Pāli Chrestomathy*, Tokyo, 1900.
- Terral G., *Samuddaghsajātaka. Conte pāli tiré du Paññā-sajātaka. Texte établi..., accompagné d'un commentaire grammatical et d'une traduction*, — BEFEO, t. XLVIII, 1956.
- Tha Do Oung, *Grammar of the Pāli Language*, vol. I—IV, Akyab, 1899—1902.
- Thomas E. J., *Pre-Pāli Terms in the Pātimokkha*, — «Festschrift Moriz Winternitz», Leipzig, 1933.
- Thomas E. J., *Some Linguistic Fossils*, — «Journal of the Ceylon Branch of the Royal Asiatic Society», N. S., I, 1946.
- Torp A., *Die Flexion des Pāli in ihrem Verhältnis zum Sanskrit*, Christiania, 1881.

- Trenckner V., *Pāli Miscellany*, London, 1879.
- Tuxen P., *Einige Bemerkungen über die Konstruktion der Pālitexte*, — «Festgabe Hermann Jacobi», 1926.
- Viswanatha S. V., *Derivation of Pāli*, — IHQ, vol. 7, 1931.
- Walleser M., *Sprache und Heimat des Pali-Kanons*, — «Materialien zur Kunde des Buddhismus», Hf. 4, Heidelberg, 1924.
- Walleser M., *Was bedeutet «Pāli»?* — ZfBuddh., Jg. 7, 1926.
- Warder A. K., *Introduction to Pali*, London, 1963.
- Weller F., *Zur Frage nach der Echtheit des Pālikanons*, — OLZ, Jg. 26, 1923.
- Weller F., *Über die Formel der vier edlen Wahrheiten*, — OLZ, Jg. 43, 1940.
- Willman-Grabowska H., *O niektórych właściwościach genetywu w języku palijskim*, — «Sprawozdania PAU», 38, 1933 (1934).
- Windisch E., *Über den sprachlichen Charakter des Pāli*, — «Actes du XIVe Congrès International des Orientalistes», Paris, 1906.
- Winternitz M., *History of Indian Literature*, vol. II, Calcutta, 1933.
- Woodward F. L., *Pali Tipiṭakam Concordance*, London, 1952 (не закончен).
- Zimmer H., *Zur Pāli-Grammatik*, — KZ, Bd 24, 1879.

* * *

- Buddhadatta A. P., *Concise Pāli-English Dictionary*, Colombo, 1949.
- Buddhadatta A. P., *Pāli-Sinhalese Dictionary*, Colombo, 1950.
- Buddhadatta A. P., *English-Pāli Dictionary*, Colombo, 1955.
- Childers R. C., *A Dictionary of the Pāli Language*, London, 1874 (2nd ed. 1923).
- Malalasekera G. P., *Dictionary of Pali Proper Names*, vol. I—II, 1960 (1st ed. 1937).
- Rhys Davids T. W., Stede W., *The Pali Text Society's Pali-English Dictionary*, pt 1—8, London, 1921—1925 (2nd ed. 1952).
- Trenckner V., *A Critical Pali Dictionary*, vol. I, II, fasc. 1, Copenhagen, 1924—1960 (словарь, начатый Тренкнером, продолжается Андерсеном и Смитом).
- Widurupola P., *English-Pāli Dictionary*, Colombo, 1949.

ADDENDA

Bechert, Heinz

Zur Kontroverse um die Aoristformen in Pāli — In: Mirja Juntunen et al. (eds). *Sauhrdyamangalam: Studies in Honour of Siegfried Lienhard on His 70th Birthday*. Stockholm: Ass. for Oriental Studies, 1995, 27–35.

Chaudra, K.R.

Unusual Nominal Forms with Prakrit Suffixes in the Oldest Pali Literature. — *JOIB*. 1990, 38, 245–248.

Childers, Robert Caesar

A Dictionary of the Pali Language. New Delhi: Asian Educ. Services, 1993. 624 pp.

Hinüber, Oskar von

Pali as an Artificial Language. — *Indologica Taurinensia* 1982, 10, 133–140.

Die Sprachgeschichte des Pāli im Spiegel der südostasiatischen Handschriftenüberlieferung. Stuttgart: Franz Steiner, 1988. 29 pp.

From Colloquial to Standard Language: the Oral Phase in the Development of Pāli. — Premier colloque Étienne Lamotte (Bruxelles et Liège, 24–27 septembre 1989). Louvain-la-Neuve: Univ. catholique de Louvain, Inst. orientaliste, 1993, 101–113.

Untersuchungen zur Mündlichkeit früher mittelindischer Texte der Buddhisten: Untersuchungen zur Sprachgeschichte und Handschriftenkunde des Pāli III. Mainz: Akad. der Wiss. und der Lit. Stuttgart: Steiner, 1994, 45 p., (AAWL, 1994/5).

Selected Papers on Pāli Studies. Oxford: Pāli Text Soc., 1994, xiv. 242 p.

Pāli: How Do We See It Eighty Years after Geiger's Grammar? In: U.Everding and A.Tilakaratne (eds). Wilhelm Geiger and the Study of the History and Culture of Sri Lanka. Colombo: Goethe Inst. and Postgrad. Inst. of Pali and Buddhist Studies, 1999, 148–158.

Das älteste Mittelindische im Überblick. Wien, 2001. (2nd revis. ed.)

A Handbook of Pāli Literature. Berlin: de Gruyter, 1996, xiii, 257 pp. (Indian Philology and South Asian Studies; vol. 2).

Hinüber, Oskar von et al.

A Critical Pāli Dictionary / Begun by V.Trenckner, Vol. III / Continuing the Work of Dines Andersen, Helmer Smith; ed. by Oskar von Hinüber, Ole Holten Pind.

Fasc. 2, 1993, p. 83–150;

Fasc. 3, 1994, p. 151–202;

Fasc. 4–5, 1997, p. 203–274. Copenhagen: Munksgaard.

Insler, Stanley

Rhythmic Effects in Pali Morphology. — Die Sprache. 1994; 36(1): 70–93.

Mahathera A.P., Buddhadatta P.B.

English-Pali Dictionary. Delhi, India: Motilal Banarsi Dass, 1997, 588 pp.

Murray, Robert W.

Consonant Cluster Developments in Pali. Folia Linguistica Historica 1982, 111:2, 163–184.

Norman, Kenneth Roy

Pali Lexicographical Studies, III: Ten Pali Etymologies. — JPTS 1985; 10: 23–36.

Pali Lexicographical Studies, VII: Five Pali Etymologies; VIII: Seven Pali Etymologies; IX: Four Pali Etymologies; X: Two Pali Etymologies; XI: Six Pali Etymologies. — JPTS 1990; 1990; 1992; 1992; 1993; 14; 15; 16; 17; 18: 219–25; 145–54; 77–85; 215–18; 149–64.

External Sandhi in Pāli (with special reference to the Suttanipāta). — JPTS, 19, 1993, 203–213.

Collected Papers. Vols I–V. Oxford: The Pali Text Society, 1990–1994.

Pāli Lexicographical Studies, XII. Ten Pāli Etymologies. — JPTS, 20, 1994, 211–230.

Pāli Studies in the West: Present State and Future Tasks. — Religion 24, 1994, 165–172.

Oberlies, Thomas

Beiträge zur Pali-Lexikographie: Miscellanea Palica, II. — IIJ. 1995; 38(2): 105–47.

Beiträge zum Pali-Lexikon: Miscellanea Palica, III; Die Wurzel *gad* im Mittelindischen: Miscellanca Palica, IV. — HS. 1995; 108 (1; 2): 127–64; 190–91.

Stray Remarks on Pali Phonology, Morphology, and Vocabulary: Addenda et Corrigenda to Geiger's Pali Grammar (Miscellanca Palica, V) — MSS. 1996; 56: 91–130.

Pāli, Pāṇini and “Popular” Sanskrit : Miscellanea Palica VI — JPTS, 23, 1997, 1–26.

Middle Indo-Aryan and (the) Vedic (Dialects). (Miscellanea Palica, VII). HS 112(1999), 39–57.

Pāli: A Grammar of the Language of the Theravāda Tipiṭaka. With a Concordance to Pischel's Grammatik der Prakrit-Sprachen. Berlin: de Gruyter, 2001. XVIII, 385 p. (Indian Philology and South Asian Studies; vol. 3).

Perniola, Vito
Pali Grammar. Oxford: The Pali Text Society, 1997.

Peterson, John
Grammatical Relations in Pāli and the Emergence of Ergativity in Indo-Aryan. München: LINCOM Europa, 1998.
Grammatische Relationen im Pali und die Entstehung von Ergativität im Indoarischen. — HS. 1999; 112(2): 227–63.

Pind, Ole Holten
Studies in the Pali Grammarians, II–I. — JPTS. 1990; 14: 135–218.

Pāli and the Pāli Grammarians: the Methodology of the Pāli Grammarians. — In: Mirja Juntunen et al. (eds). Sauhrdyamangalam: Studies in Honour of Siegfried Lienhard on His 70th Birthday. Stockholm: Ass. for Oriental Studies, 1995, 281–297.

Sakamoto-Goto, Junko
Dṛś et paś en pali. In: DLIA, 393–411.

Skilling, Peter
New Pāli Inscriptions from South-East Asia. — JPTS, 23, 1997, 123–157.

Wayman, Alex
Imperatives in the Buddhist Tantra Mantra. — Berliner Indologische Studien 1985, 1, 35–40.

Wetzels, W.Leo; Hermans, Ben
Aspirated Geminates in Pali. — In: Ling. in Netherland. 1985; 1: 213–223.

Wijesekera, Oliver Hector de Alwis
Syntax of the cases in the Pāli Nikāyas. Kelaniya: Postgraduate Inst. of Pali & Buddhist Studies, Univ. of Kelaniya, 1993, xii, 249 p. Thesis (PhD), Univ. of London.

Williams, Paul M.
Some Aspects of Language and Construction in the Madhyamaka. — Journal of Indian Philosophy. 1980; 8: 1–45.

Wright, J.C.
Sithila, Katha and Other Current Topics in Pali. — BSOAS. 1996; 59(1): 44–62.
Парибок А.В. Пассив в пали. — Стхапакашрадхा. СПб., 1995, с. 115–124.

Квадратный алфавит пали

॥							
<i>a</i>	<i>ā</i>	<i>i</i>	<i>ī</i>	<i>u</i>	<i>ū</i>	<i>e</i>	<i>o</i>

० **॥**

॥	॥	॥	॥	॥
<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>ṅ</i>
॥	॥	॥	॥	॥
<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>j</i>	<i>jh</i>	<i>ñ</i>
॥	॥	॥	॥	॥
<i>t̥</i>	<i>t̥h</i>	<i>d̥</i>	<i>d̥h</i>	<i>ṇ</i>
॥	॥	॥	॥	॥
<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>n</i>
॥	॥	॥	॥	॥
<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>	<i>m</i>
॥	॥	॥	॥	॥
<i>y</i>	<i>r</i>	<i>l</i>	<i>v</i>	
॥	॥			
<i>s</i>	<i>h</i>			

* Таблицы 9, 20, 30а, 34 см. на вкладке.

Сингалезский алфавит пали

අ	ආ	ඇ	ඈ	ඉ	උ	ඌ	ඍ
〃	—ං	—ඃ	—඄	—අ	—ආ	—ඇ	—ඈ
අ	ආ	ඒ	ඓ	ඔ	ඕ	ඖ	඘
— ^ଓ — ^ମ							

භ	බ	භ	භ	බ
k	kh	g	gh	ñ
ඩ	ඇ	ඩ	ඇ	ඇ
c	ch	j	jh	ñ
ඁ	ණ	ඁ	ණ	ඇ
t	sh	d	dh	n
ඩ	ඇ	ඩ	ඇ	ඇ
t	lh	d	dh	n
ඝ	ඇ	ඝ	ඇ	ඇ
p	ph	b	bh	m
ඝ	ඇ	ඝ	ඇ	ඇ
y	r	l	!	v
ඝ	ඇ			
s	h			

Бирманский алфавит пали

ଏଇ କିମ୍ବା କିମ୍ବା
 " ଓ ତାଙ୍କ କିମ୍ବା
 a ଏଇ କିମ୍ବା

o *m*

କ	କ	ଗ	ଘ	ଚ
<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>ñ</i>
ଙ	ଙ	ଙ	ଙ	ଙ
ର	ର	ଜ	ଝ	ନ
ତ୍ର	ତ୍ର	ତ୍ର	ତ୍ର	ତ୍ର
<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>n</i>
ଠ	ଠ	ଠ	ଠ	ଠ
<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>n</i>
୦	୦	୦	୦	୦
<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>	<i>m</i>
ସ	ସ	ସ	ସ	ସ
<i>y</i>	<i>r</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>v</i>
ସ	ସ			
<i>s</i>	<i>h</i>			

Камбоджийский алфавит пали

អ	អា	េ	ី	ួ	ិ	ិែ	ុ	ិំ
"	-ា	ឃ	ឃ	ឃ	ឃ	ឃី	ឃុ	ឃិំ
a	ā	i	i	u	ū	eu	o	
—								
៥								

ក	ខ	ស	ឃ	ឃុ	ន
k	kh	s	gh	gh	n
ច	ឆ	ជ	ឃុ	ឃុ	នោ
c	ch	j	jh	jh	ñ
ត	ថ	ឌ	ឃ	ឃ	នោ
t	th	d	dh	dh	ñ
ទ	ទូ	ឌី	ឃី	ឃី	នី
t	th	d	dh	dh	n
ប	បុ	ប	ឃុ	ឃុ	ន
p	ph	b	bh	bh	m
យ	រ	ល	ិ	ិ	v
y	r	l	!	!	v
ស	សា				
s	h				

Сиамский алфавит пали

ං or ඔ	ආ	ඇ	ඉ	ඈ	ඌ	උ	ඊ
<u>ා</u>	<u>ා</u>	<u>ි</u>	<u>ි</u>	<u>ු</u>	<u>ු</u>	<u>ේ</u>	<u>ෙ</u>
a	ā	i	ī	u	ū	e	o

— η

ີ	ໜ	ຳ	ໝ	ັ
k	kh	g	gh	ṅ
ົ	ໝ	ູ	໘	ໝ
c	ch	j	jh	៥
ິ	ດ	ັ	ດ	ໝ
!	dh	d	dh	៥
ີ	ດ	ັ	ດ	ນ
t	th	d	dh	n
ິ	ພ	ັ	ກ	ນ
p	ph	b	bh	m
ິ	ຮ	ັ	ັ	ວ
y	r	l	!	v
ີ	ຫ			
s	h			

Матрица идентификации фонем пали, соотнесенная с таблицей 7

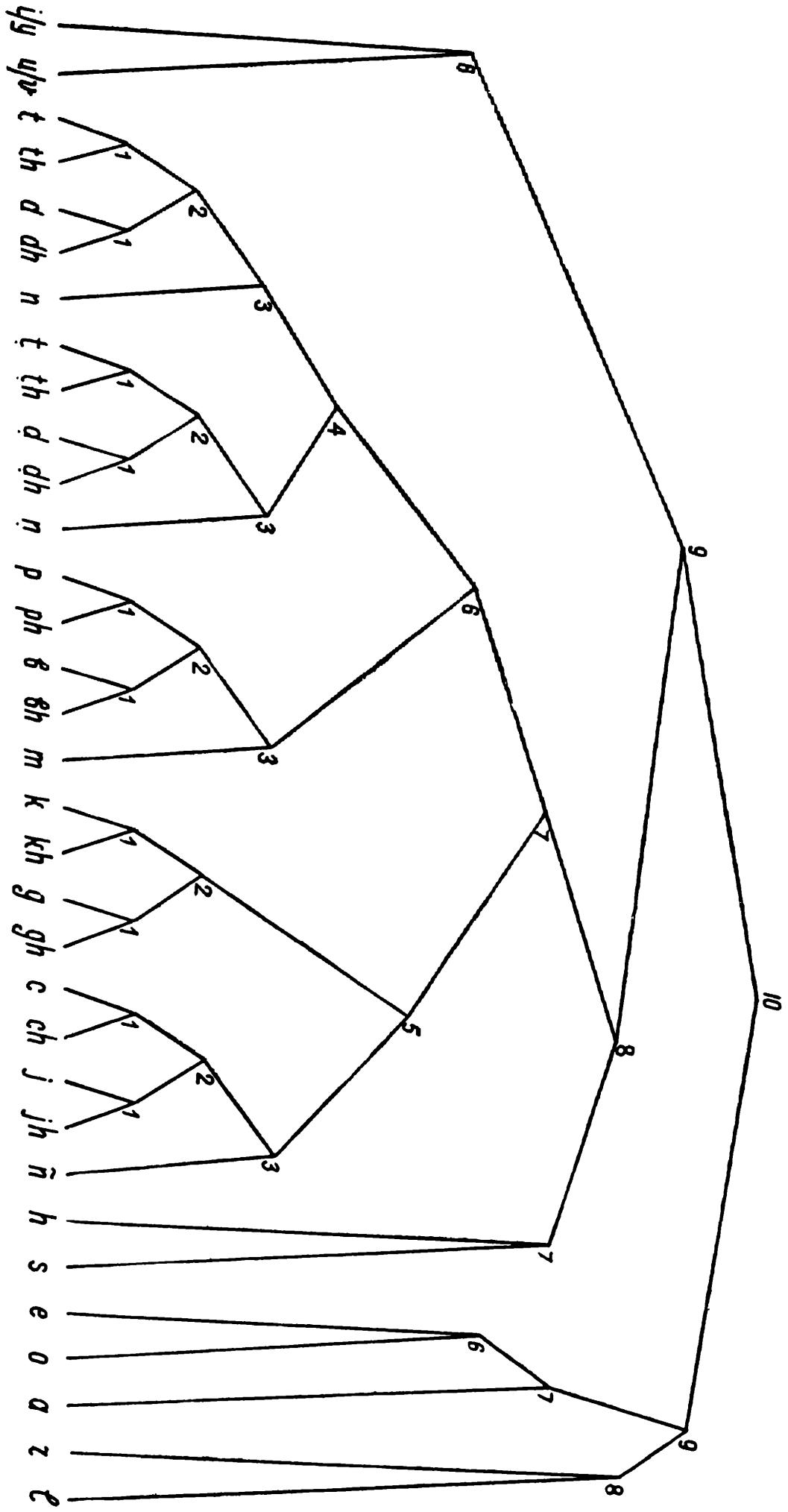
Таблица б

Продолжение таблицы б

ДП	Фонемы			<i>th</i>	<i>d/l</i>	<i>dh/lh</i>	<i>n</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>n</i>	<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>	<i>m</i>	<i>s</i>	<i>h</i>
1. Придыыхательность — непридыыхательность	—	+	—	+	—	—	0	—	+	—	+	—	0	—	+	—	+	0	0
2. Звонкость — глухость	—	—	+	—	—	—	0	—	—	+	+	—	0	—	—	+	+	0	0
3. Носопость — ротовость	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	0
4. Церебральность — ишцеребральность	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
5. Палагальность — непалагальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
6. Периферийность — ипериферийность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—
7. Комплектность — диффузность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—
8. Непрерывность — прерывистость	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+
9. Согласность — несогласность	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+
10. Гласность — негласность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Схема фонем пали (фонологическое дерево)

1. Придыхательность
2. Звонкость
3. Носовость
4. Церебральность
5. Палатальность
6. Периферийность
7. Компактность
8. Непрерывность
9. Согласность
10. Гласность

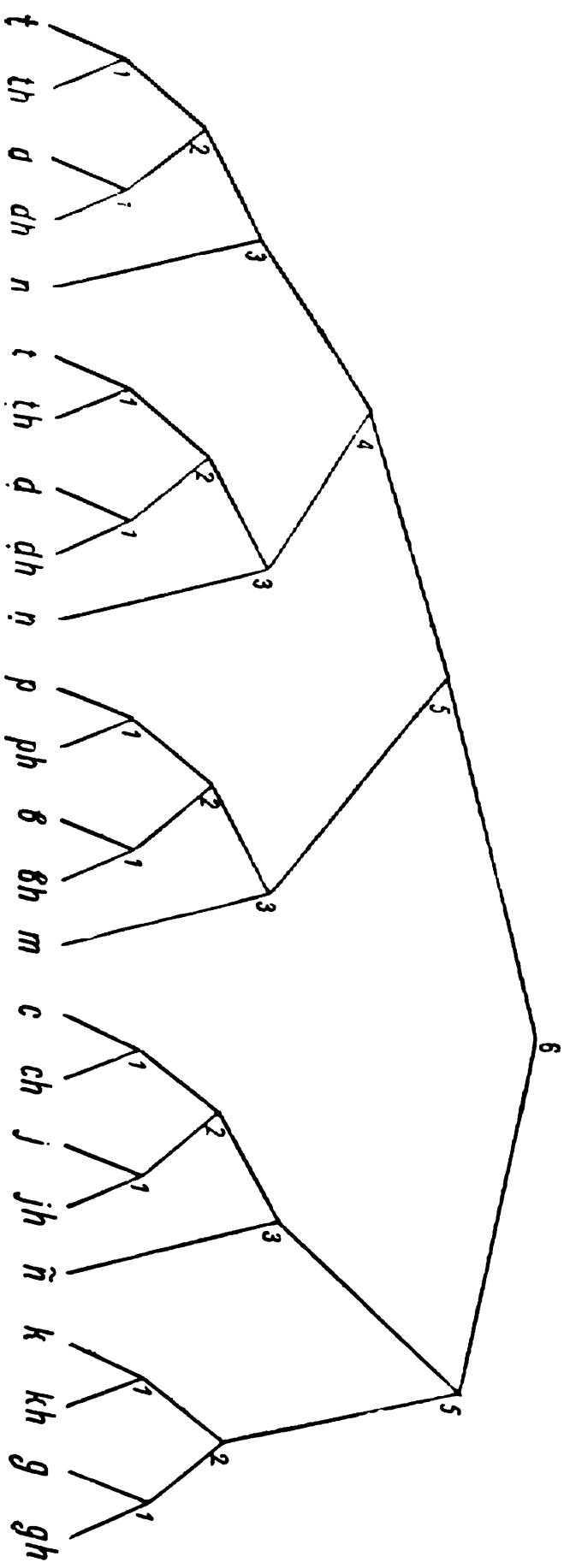

Приложение к табл. 7. Возможна и другая интерпретация *h* — как периферийной фонемы (6+), противопоставленной непериферийной *s* (6—).

Таблица 7с

**Фрагмент фонологического дерева пали
(вариант с исключением ДП палатальность — непалатальность)**

1. Прилыхательность
2. Звонкость
3. Носовость
4. Церебральность
5. Периферийность
6. Компактность

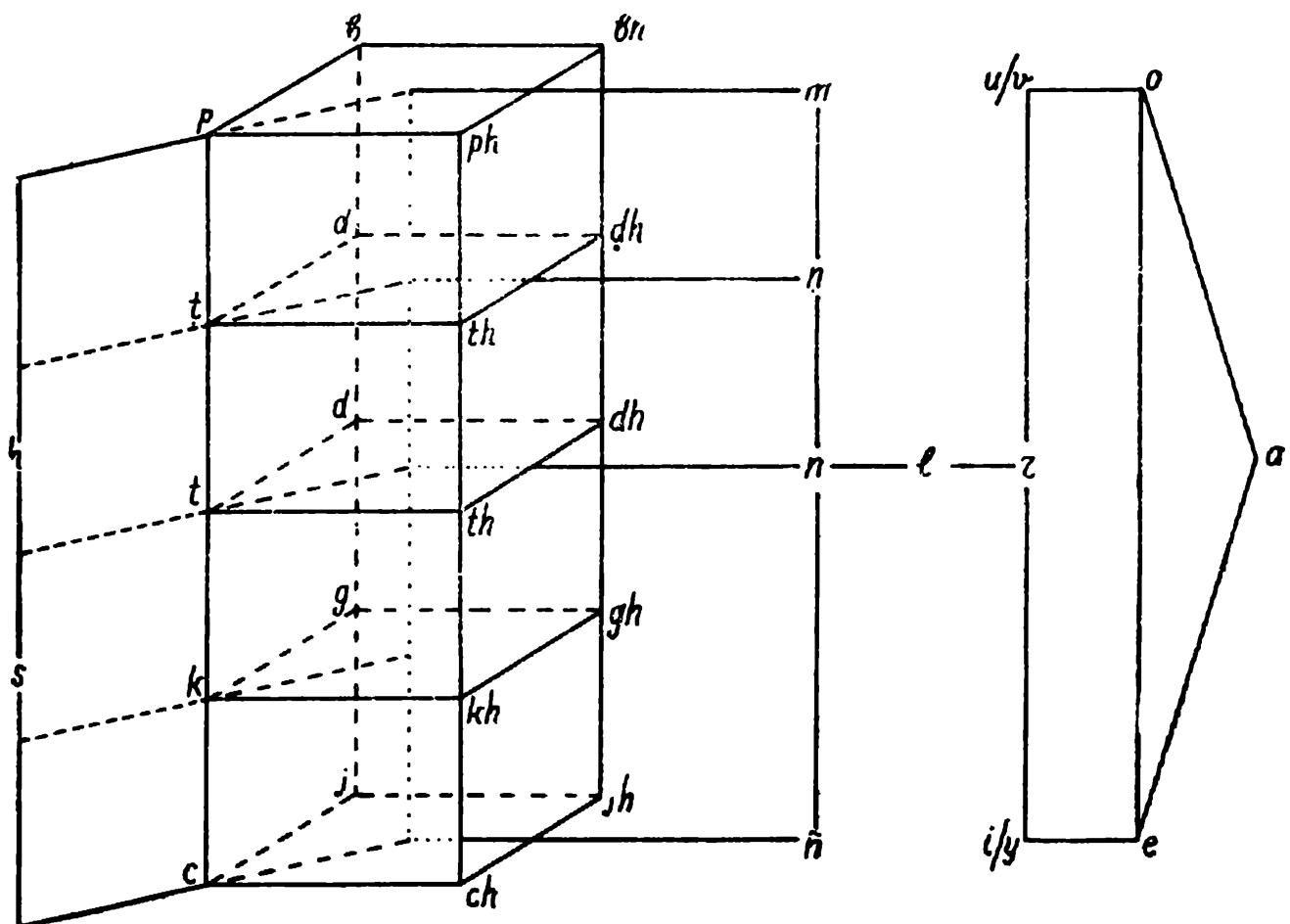
Количественные показатели противопоставлений по ДП

Таблица 8

Характеристики	ДП										
	1. Придыхат.— непридыхат.	2. Звонк.—глух.	3. Носов.—ртов.	4. Церебр.— нецеребр.	5. Палат.— непалат.	6. Перифер.— неперифер.	7. Компактн.— диффузн.	8. Непрерывн.— прерывн.	9. Согласн.— несогласн.	10. Гласн.— негласн.	
Количество плюсов	10	19	4	5	5	7	11	3	28	5	
Количество минусов	10	19	16	5	4	12	18	25	5	28	
Количество нулей	13	13	13	23	24	14	14	5	0	0	
Максимум монотонии знаков (непулевых)	1	2	4	5	5	10	15	25	28	26	
Коэффициент мощности (в процентах)	60,6	60,6	60,6	30,3	27,3	57,6	87,9	84,8	100	100	
Коэффициент эффективности (нулевой характеристики) (в процентах)	39,4	39,4	39,4	69,7	72,7	42,4	12,1	15,2	0	0	
Коэффициент внутренней пульсовой характеристики (в процентах)	65	65	65	230	266,7	73,7	13,8	17,9	0	0	
Коэффициент положительной характеристики (в процентах)	30,3	30,3	12,2	15,2	15,2	21,2	33,3	9,1	84,8	15,2	
Коэффициент внутренней положительной характеристики (в процентах)	50	50	2 ¹⁾	50	55,6	36,8	37,9	10,7	84,8	15,2	
Коэффициент отрицательной характеристики (в процентах)	30,3	30,3	48,5	15,2	12,2	36,4	54,5	75,8	15,2	84,8	
Коэффициент внутренней отрицательной характеристики (в процентах)	50	50	80	50	66,7	63,2	62,1	89,3	15,2	84,8	
Отношение плюсов к минусам (в процентах)	100	100	25	100	125	58,3	61,1	12	530	17,9	

Таблица 10

Система фонем пали (геометрическая интерпретация)

Д и с т р и б у ц и я

Последующ.	<i>a</i>	<i>i/y</i>	<i>u/v</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>j</i>	<i>jh</i>
Предшеств.													
<i>a</i>	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	-	+	-
<i>i/y</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-
<i>u/v</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-
<i>e</i>	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	-	+	-
<i>o</i>	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	-	+	-
<i>k</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
<i>kh</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>g</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-
<i>gh</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>c</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-
<i>ch</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>j</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+
<i>jh</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>ñ</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+
<i>t</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>th</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>d/l</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>dh/lh</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>n</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>t</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>th</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>d</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>dh</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>n</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-
<i>p</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>ph</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>b</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>bh</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>m</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>r</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>l</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>s</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>h</i>	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 11

фонем пали

Таблица 12

Схема чередований

Слабая ступень	<i>i, ī</i>	<i>u, ū</i>	#	<i>a, ā</i>	<i>a, ā</i>	<i>a, ā</i>
Полная ступень	<i>e/ay</i>	<i>o'au</i>	<i>a</i>	<i>ar</i>	<i>an</i>	<i>am</i>
Сильная ступень	<i>āy</i>	<i>āv</i>	<i>ā</i>	<i>ār</i>	<i>ān</i>	<i>ām</i>

Таблица 13

Морфологическая типология пали (количественные показатели)

Название индекса	Синтез (M/W)	Агглюти- нация (A/J)	Сложе- ние (R/W)	Дерива- ционная суффик- сация (D/W)	Флектив- ность (I/W)	Префик- сация (P/W)	Грамма- тическая суффик- сация (S/W)	Изоляция (O/W)	Несогла- сование флексии (Pi/W)	Согласо- вание (Co/W)
Язык (текст)										
Пали <i>Sutta-Nipata</i> (<i>Culavagga</i> , 7)	2,52	0,13	1,15	0,23	0,75	0,21	0,38	0,21	0,49	0,30
Пали <i>Jataka</i> (№ 546)	2,23	0,18	1,10	0,05	0,66	0,08	0,59	0,15	0,67	0,18
Пали <i>Mahavamsa</i> (гл. XVI)	2,85	0,30	1,34	0,07	0,72	0,21	0,63	0,12	0,63	0,25
Пали <i>Visuddhimaggā</i> (гл. IX)	2,81	0,33	1,29	0,11	0,62	0,24	0,58	0,17	0,55	0,28
Пали <i>Dhammapada</i> (гл. III)	3,30	0,39	1,32	0,07	0,93	0,33	0,74	0,10	0,25	0,65
Пали Средние показатели по пяти текстам	2,74	0,26	1,24	0,11	0,73	0,21	0,58	0,15	0,52	0,33
Санскрит (по Гринбергу)	2,59	0,09	1,13	0,62	0,84	0,16	1,18	0,16	0,46	0,38
Персидский (по Гринбергу)	1,52	0,34	1,03	0,10	0,39	0,01	0,49	0,52	0,29	0,19

Таблица 14

Граммемы рода

Граммема Признак	Masc.	Fem.	Neutr.
Феминальность	—	+	—
Одушевленность	+	+	—

Таблица 15

Нейтрализация противопоставлений граммем рода в склонении имени

Падеж	Singulareis					Pluraleis								
	Число	N	A	I	G	Абл	L	N	A	I	G	Абл	L	
Род														
Masc - fem		-i, -ü			-u			-o, -ə						
Masc - neutr		-o	-ena	-assa, -n-o	-ə-	-e; smiŋ/-mhi								
Fem - neutr														
Masc-fem - neutr		-ə, -i, -u	-m	-ə		-i		-o-	-hi	-n-əm	-hi	-su		

Примечание: Заштрихованные клетки обозначают нейтрализацию противопоставлений соответствующих родовых граммем при наличии указанных в клетке именных флексий. Незаштрихованные клетки обозначают отсутствие нейтрализации в данных падежах.

Таблица 16

Граммемы падежа

Граммема Признак	N	I	G	A	Abl	L
Направленность	—	—	—	+	+	+
Объемность	—	—	+	—	+	+
Периферийность	—	+	—	—	0	+

Таблица 17

Взаимные отношения падежей и их маркированность

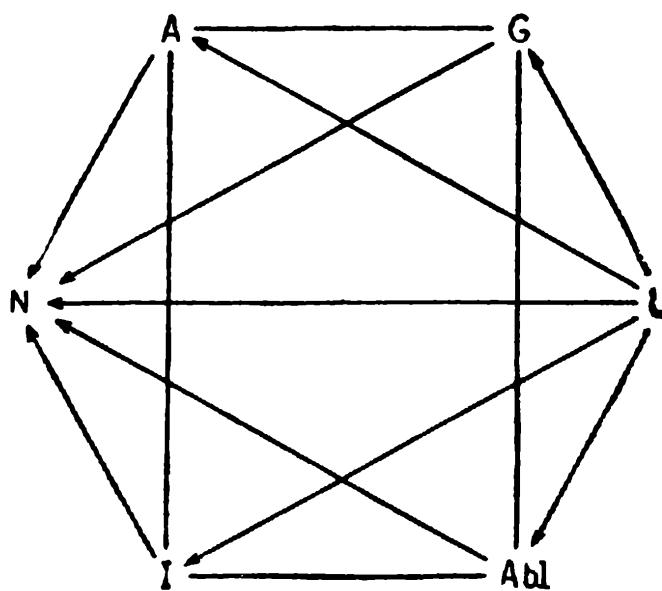

Таблица 18

Схема нейтрализации противопоставлений граммем падежа

1.

N	A
I	Аы
G	L

2.

N	A
I	- Аы
G	L

3.

N - A	
I	Аы
G	L

4.

N - A	
I	- Аы
G	L

5.

N	A
I	- Аы
I	
G	L

6.

N	A
I	- Аы
I	
G	
G	- L

Таблица 19

Способы передачи сочетаний граммем с помощью флексий

Сочетания граммем	Граммема			Флексии и их номера
	падеж	род	число	
I	N	m	sg	№ 1 (-o), № 2 (-#)
II	N	f	sg	№ 2 (-#)
III	N	n	sg	№ 3 (-m), № 2 (-#)
IV	A	m	sg	№ 3 (-m), № 4 (-am)
V	A	f	sg	№ 3 (-m), № 4 (-am)
VI	A	n	sg	№ 3 (-m), № 2 (-#)
VII	I	m	sg	№ 5 (-ina), № 6 (-nā), № 7 (-ā)
VIII	I	f	sg	№ 8 (-ya), № 9 (-yā), № 7 (-ā)
IX	I	n	sg	№ 5 (-ina), № 6 (-nā), № 7 (-ā)
X	Abl	m	sg	№ 10 (-ā), № 6 (-nā), № 11 (-smā/mhā)
XI	Abl	f	sg	№ 8 (-ya), № 9 (-yā), № 7 (-ā)
XII	Abl	n	sg	№ 10 (-ā), № 6 (-nā), № 11 (-smā/-mhā)
XIII	G	m	sg	№ 12 (-ssa), № 13 (-no), № 14 (-o). № 2 (-#)
XIV	G	f	sg	№ 8 (-ya), № 9 (-yā), № 2 (-#)
XV	G	n	sg	№ 12 (-ssa), № 13 (-no), № 14 (-o)
XVI	L	m	sg	№ 15 (-i), № 16 (-smim/-mhi)
XVII	L	f	sg	№ 17 (-yam), № 8 (-ya), № 9 (-yā) № 15 (-i)

Соче- тания граммем	Граммема			Флексии и их номера
	падеж	род	число	
XVIII	L	n	sg	№ 15 (-i), № 16 (-smi ^m /-mhi)
XIX	N	m	pl	№ 2(-#), № 18 (-o).
XX	N	f	pl	№ 19 (-yo), № 2 (- #), № 18 (-o)
XXI	N	n	pl	№ 20 (-ni), № 2 (- #)
XXII	A	m	pl	№ 21 (-e), № 18 (-o), № 2 (- #)
XXIII	A	f	pl	№ 19 (-yo), № 2 (- #), № 18 (-o)
XXIV	A	n	pl	№ 20 (-ni), № 2 (- #)
XXV	I	m	pl	№ 22 (-ih ⁱ), № 23 (-hi)
XXVI	I	f	pl	№ 23 (-hi)
XXVII	I	n	pl	№ 22 (-ih ⁱ), № 23 (-hi)
XXVIII	Abl	m	pl	№ 22 (-ih ⁱ), № 23 (-hi)
XXIX	Abl	f	pl	№ 23 (-hi)
XXX	Abl	n	pl	№ 22 (-ih ⁱ), № 23 (-hi)
XXXI	G	m	pl	№ 24 (-nam), № 25 (-am)
XXXII	G	f	pl	№ 24 (-nam)
XXXIII	G	n	pl	№ 24 (-nam), № 25 (-am)
XXXIV	L	m	pl	№ 26 (-isu), № 27 (-su)
XXXV	L	f	pl	№ 27 (-su)
XXXVI	L	n	pl	№ 26 (-isu), № 27 (-su)

Таблица 21

Граммемы градуальности

Граммема Признак	Положитель- ная степень	Сравнитель- ная степень	Превосход- ная степень
Term. compar.	—	+	—
Grad.	—	+	+

Таблица 22

Граммемы глагола

а) Граммемы лица

	Автор речи	Не автор речи
Участие в акте речи	1-е лицо	2-е лицо
Неучастие в акте речи		3-е лицо

б) Граммемы времени

Грам- мемы времени	Дифференци- альные признаки	Претеритальность— непретериталь- ность	Гипотетичность— негипотетичность
Настоящее		—	—
Прошедшее		+	—
Будущее		0	+

с) Граммемы наклонения

Грам- мемы времени	Дифференци- альные признаки	Направлен- ность— ненаправлен- ность	Условность— безусловность	Неосуществи- мость— осуществи- мость
Изъявительное		—	—	—
Повелительное		+	0	0
Желательное		—	+	0
Ирреальное		—	+	+

д) Граммемы залога

Первая модель

Необращенность на субъект действия	Активный залог
Обращенность на субъект действия	Медиаль- ный залог

Вторая модель

Необращенность на объект действия	Пассивный залог
Обращенность на объект действия	Активный залог

е) Граммемы «производности»

Необращенность на действие	Некаузатив- ность
Обращенность на действие	Каузатив- ность

Таблица 23

Парадигмы прошедшего времени (1—4)

Флексия Основа прошедшего времени	-s- в 1-м, 2-м, 3-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч.	-s- в 1-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч.	без -s-
I	3		1
II			2
III		4	

Парадигма 1 — *adă-*
 Парадигма 2 — (a)*gama-*
 Парадигма 3 — (a)*sso-*
 Парадигма 4 — (a)*gami-*

Таблица 24

**Схема комбинации элементов (основа и флексия)
в граммемах времени и наклонения**

Основы Окончания	Первичные	Вторичные	Императивные
Презентная	настоящее время	прошедшее время (тип <i>desestim</i>) *	повелительное наклонение (2-е и 3-е л. ед. ч. и 3-е л. мн.ч.)
Претеритальная	—	прошедшее время	—
Футуральные	будущее время	будущее время (1-л. ед. ч)**	—
Оптивные	желательное наклонение на <i>-eyuā-</i>	желательное наклонение на <i>-e-</i>	—
Кондициональные	—	ирреальное наклонение***	—

* Сюда относятся исключительно формы с сигматической серией вторичных окончаний.

** Имеются в виду формы типа *bhavissam*.

*** В 3-м л. мн. ч. выбирается сигматическая вторичная флексия (например, *abhavissamsu*), тогда как во всех остальных формах — асигматическая.

Таблица 25

**Отношение граммем каузативности и некаузативности
к переходности, непереходности и пассивности**

Пассивность	Инtranзитивность	Транзитивность		
		каузативные глаголы		
некаузативные глаголы		I	II	
	<i>tilthatti</i> 'он стоит'		<i>thapeti</i> 'он ставит'	<i>thapāpeti</i> 'он заставляет ставить'
<i>dlyyati</i> 'он дается'		<i>dadāti</i> 'он дает'	<i>dāpeti</i> 'он застав- ляет дать'	
<i>kaylrati</i> 'он делает- ся'		<i>karoti</i> 'он делает'	<i>kāreti</i> 'он правит, организует, сооружает' (букв. 'он заставляет делать')	<i>kārāpeti</i> 'он застав- ляет сооружать'
	<i>patatl</i> 'он падает'		<i>pāteti</i> 'он роняет'	

Таблица 26

Активная флексия глагола

№ соче- тания граммем	Граммемы				Флексии и их номера
	лицо	число	время	накло- нение	
I	1	Е	Н	И	№ 1 (- <i>mi</i>)
II	2	Е	Н	И	№ 2 (- <i>si</i>)
III	3	Е	Н	И	№ 3 (- <i>ti</i>)
IV	1	М	Н	И	№ 4 (- <i>ma</i>)
V	2	М	Н	И	№ 5 (- <i>tha</i>)
VI	3	М	Н	И	№ 6 (- <i>nti</i>)
VII	1	Е	Пр.	И	№ 7 (- <i>m</i>), № 8 (- <i>sim</i>), № 9 (- <i>sam</i>)
VIII	2	Е	Пр.	И	№ 10 (- <i>=</i>), № 2 (- <i>i/-si</i>)
IX	3	Е	Пр.	И	№ 10 (- <i>=</i>), № 2 (- <i>i/-si</i>)
X	1	М	Пр.	И	№ 4 (- <i>ma</i>), № 11 (- <i>mha</i>)
XI	2	М	Пр.	И	№ 5 (- <i>tha</i>), № 12 (- <i>ttha</i>)
XII	3	М	Пр.	И	№ 13 (- <i>am/-ā</i>), № 14 (- <i>sam/-āsa</i>)
XIII	1	Е	Б	И	№ 1 (- <i>mi</i>), № 7 (- <i>m</i>)
XIV	2	Е	Б	И	№ 2 (- <i>si</i>)
XV	3	Е	Б	И	№ 3 (- <i>ti</i>)
XVI	1	М	Б	И	№ 4 (- <i>ma</i>)
XVII	2	М	Б	И	№ 5 (- <i>tha</i>)

Продолжение таблицы 26

№ соче- тания граммем	Граммемы				Флексии и их номера
	лицо	число	время	накло- нение	
XVIII	3	М	Б	И	№ 6 (-nti)
XIX	1	Е	—	П	№ 1 (-mi)
XX	2	Е	—	П	№ 10 (-#), № 15 (-hi)
XXI	3	Е	—	П	№ 16 (-tu)
XXII	1	М	—	П	№ 4 (-ma)
XXIII	2	М	—	П	№ 5 (-tha)
XXIV	3	М	—	П	№ 17 (-ntu)
XXV	1	Е	—	Ж	№ 18 (-am), № 10 (-#), № 1 (-mi)
XXVI	2	Е	—	Ж	№ 10 (-#), № 19 (-a), № 2 (-si)
XXVII	3	Е	—	Ж	№ 10 (-#), № 19 (-a), № 3 (-ti)
XXVIII	1	М	—	Ж	№ 4 (-ma), № 20 (-mu)
XXIX	2	М	—	Ж	№ 5 (-tha)
XXX	3	М	—	Ж	№ 13 (-am/-a)
XXXI	1	Е	—	Ирр.	№ 7 (-m)
XXXII	2	Е	—	Ирр.	№ 10 (-#)
XXXIII	3	Е	—	Ирр.	№ 10 (-#)
XXXIV	1	М	—	Ирр.	№ 4 (-ma)
XXXV	2	М	—	Ирр.	№ 5 (-tha)
XXXVI	3	М	—	Ирр.	№ 14 (-sam/-msu)

Таблица 27

Медиальная флексия глагола

№ соче- тания граммем	Граммемы				Флексии и их номера
	лицо	число	время	накло- нение	
XXXVII	1	Е	Н	И	№ 21 (-e)
XXXVIII	2	Е	Н	И	№ 22 (-se)
XXXIX	3	Е	Н	И	№ 23 (-te)
XL	1	М	Н	И	№ 24 (-mhe), № 25 (-mase)
XLI	2	М	Н	И	№ 26 (-vhe)
XLII	3	М	Н	И	№ 27 (-nte), № 28 (-re)
XLIII	1	Е	Пр.	И	—*
XLIV	2	Е	Пр.	И	№ 29 (-tho), № 30 (-ttho)
XLV	3	Е	Пр.	И	№ 5 (-tha), № 31 (-ttha)
XLVI	1	М	Пр.	И	№ 32 (-mhave)
XLVII	2	М	Пр.	И	№ 33 (-vho)
XLVIII	3	М	Пр.	И	№ 34 (-rum)
XLIX	1	Е	Б	И	№ 21 (-e)
L	2	Е	Б	И	№ 22 (-se)
LI	3	Е	Б	И	№ 23 (-te)

№ соче- тания граммем	Граммемы				Флексии и их номера
	лицо	число	время	накло- нение	
LII	1	М	Б	И	№ 24 (-mhe)
LIII	2	М	Б	И	№ 26 (-vhe)
LIV	3	М	Б	И	№ 27 (-nte)
LV	1	Е	—	П	№ 21 (-e)
LVI	2	Е	—	П	№ 35 (-ssu)
LVII	3	Е	—	П	№ 36 (-tam)
LVIII	1	М	—	П	№ 25 (-mase)
LIX	2	М	—	П	№ 33 (-vho)
LX	3	М	—	П	№ 37 (-ntam)
LXI	1	Е	—	Ж	—*
LXII	2	Е	—	Ж	№ 29 (-tho)
LXIII	3	Е	—	Ж	№ 5 (-tha)
LXIV	1	М	—	Ж	№ 25 (-mase), № 32 (-mhase)
LXV	2	М	—	Ж	№ 33 (-vho)
LXVI	3	М	—	Ж	№ 34 (-rum)

* Здесь используются активные флексии № 7 (-m) и № 18 (-am)

Словообразовательные возможности пали

Таблица 28

Семантический класс Исход- ный элемент	Вещный		
	Абстрактный	Личный	
Глагольный	<p><i>phalaka</i> 'доска', ср. <i>phal-</i> <i>tantu</i> 'шнур', ср. <i>tan-</i> <i>savana</i> 'ухо', ср. <i>su-</i> <i>lekhāṇi</i> 'инструмент для письма', ср. <i>likh-</i> <i>kara</i> 'рука', ср. <i>kar-</i> <i>nagaraka*</i> 'городок' от <i>nagara</i></p>	<p><i>jāti</i> 'рождение', ср. <i>jan-</i> <i>gāmāṇa</i> 'движение', ср. <i>gam-</i> <i>yācāṇā</i> 'прощение', ср. <i>yac-</i> <i>lajjā</i> 'стыд', ср. <i>lajj-</i> <i>sāṅgāma</i> 'битва', ср. <i>sam+gam-</i> <i>thitatā</i> 'нахождение' $\left. \begin{array}{l} \text{от } thita, \\ \text{ср. } thā- \end{array} \right\}$ <i>thitatta</i> 'состояние помещенности', ср. <i>thā-</i></p>	<p><i>hantar</i> 'убийца', ср. <i>han-</i> <i>āgāmin</i> ' тот, кто возврещает- ся', ср. <i>ā+gam-</i> <i>cora</i> 'вор', ср. <i>cur-</i> <i>coti</i> 'воровка', ср. <i>cur-</i> <i>carana</i> ' тот, кто бродит', ср. <i>car-</i> <i>gatā</i> 'та, которая ушла', ср. <i>gam-</i> <i>abhibhū</i> 'победитель', ср. $\left. \begin{array}{l} abhi+bhū \\ [ājīvaka] \end{array} \right\}$ 'аскет', от <i>ājīva</i>, ср. <i>ā+jīv-</i></p>
Субстантивный	<p><i>vīriya</i> 'мужество', ср. <i>vīra</i> <i>janatā</i> 'человечество', ср. <i>jana</i> <i>upāsakatta</i> 'состояние ученика', ср. <i>upāsaka</i></p>	<p><i>maggika</i> 'путник', ср. <i>magg-</i> <i>agāriya</i> 'мирянин', ср. <i>agāra</i> <i>pāṇḍitaka*</i> 'педант', от <i>pāṇḍita</i></p>	<p><i>vattaka</i> ' тот, кто делает', ср. <i>vatta</i></p>
Альгевитивный	**	<i>sunñatā</i> 'пустота', ср. <i>sunñā</i> <i>sunñattā</i> 'пустога', ср. <i>sunñā</i>	

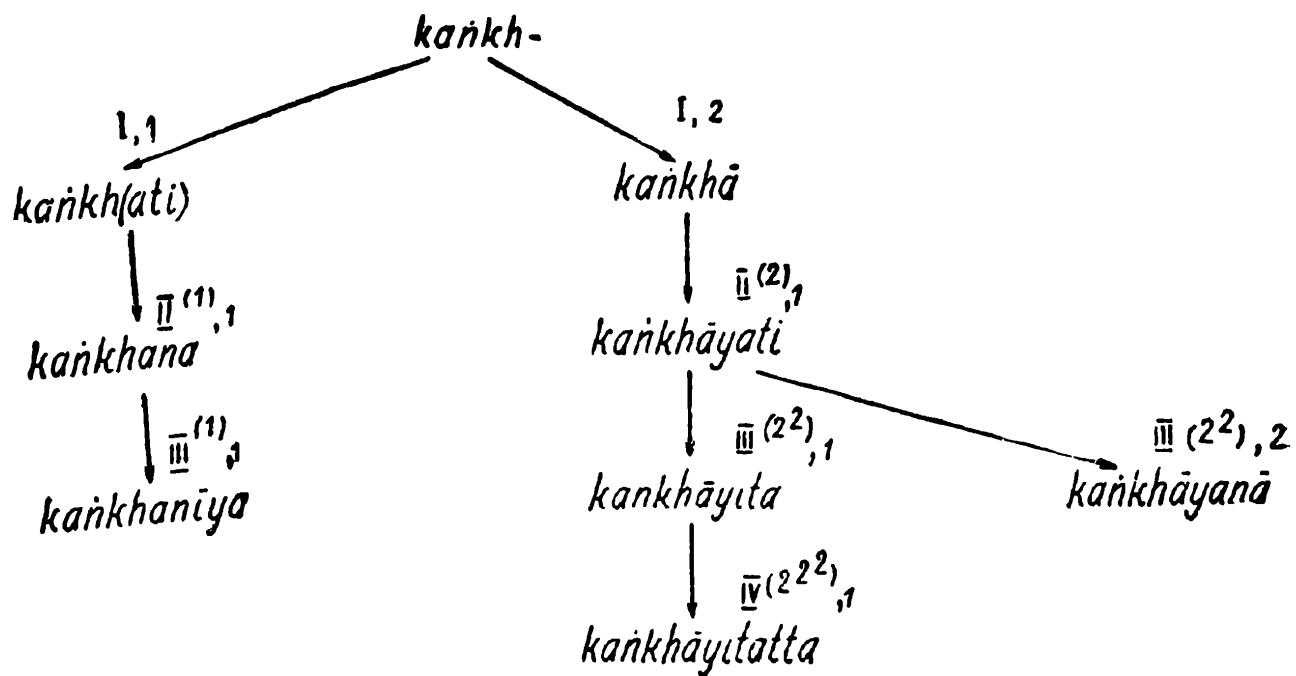
* Слово с эмоциональной оценкой.

** Отсутствие данного словообразовательного типа, заменяемого словосложением.

Таблица 29

Схема идентификации словообразовательных классов в пали

Значение (семантический класс)	Различительные признаки	
	Лицо— не-лицо	Вещь— не-вещь
Вещный	—	+
Абстрактный	—	—
Личный	+	—

Словообразовательное дерево для *kañkh-* 'сомневаться'

I, 1 - сомневается

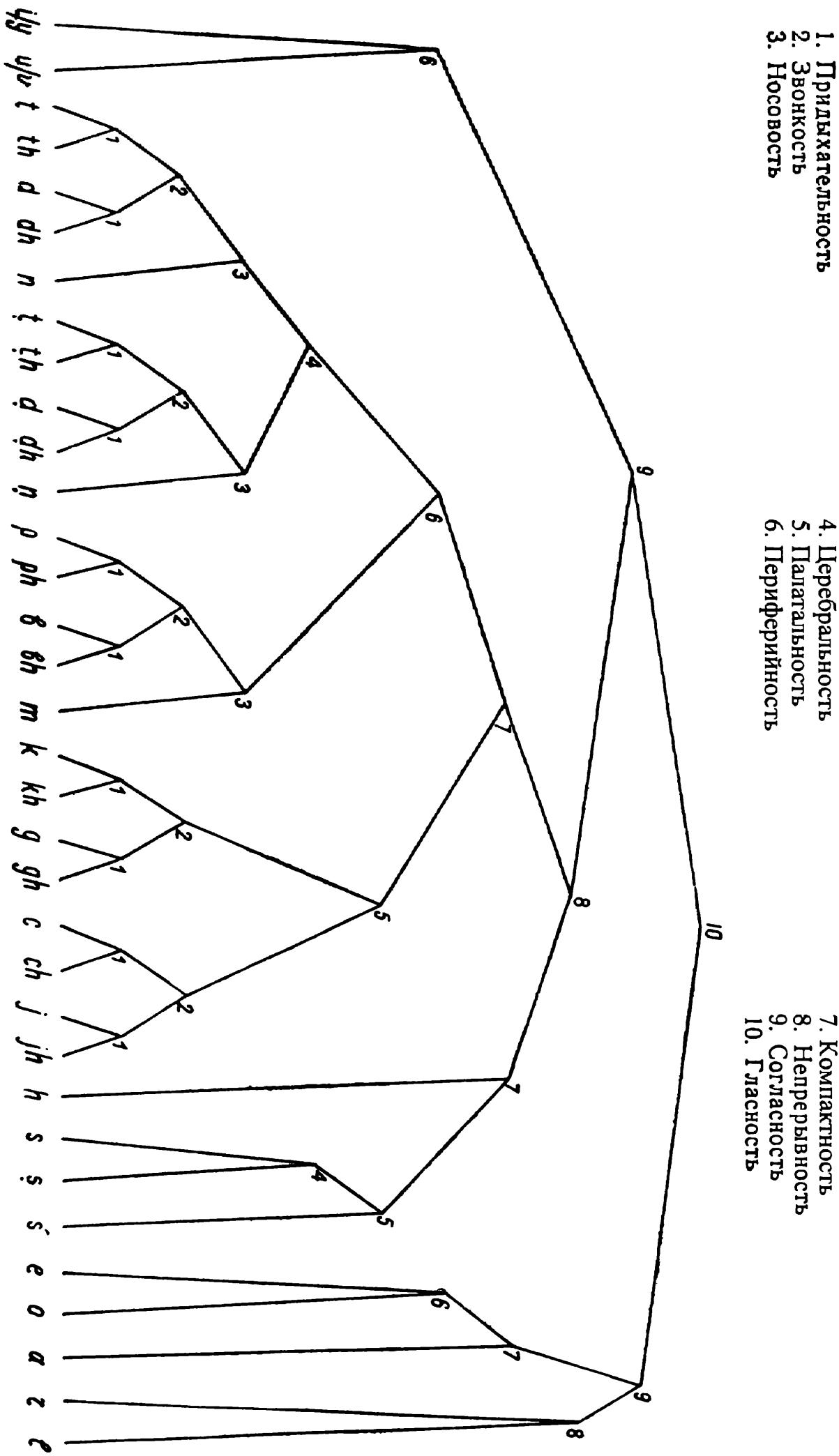
II⁽¹⁾, 1 - сомнениеIII⁽¹⁾, 1 - вызывающий
сомнение

I, 2 - сомнение

II⁽²⁾, 1 - сомневаетсяIII⁽²⁾, 1 - сомнительныйIII⁽²⁾, 2 - сомнительностьIV^(2^2), 1 - сомнительность

Схема фонем санскрита (фонологическое дерево)

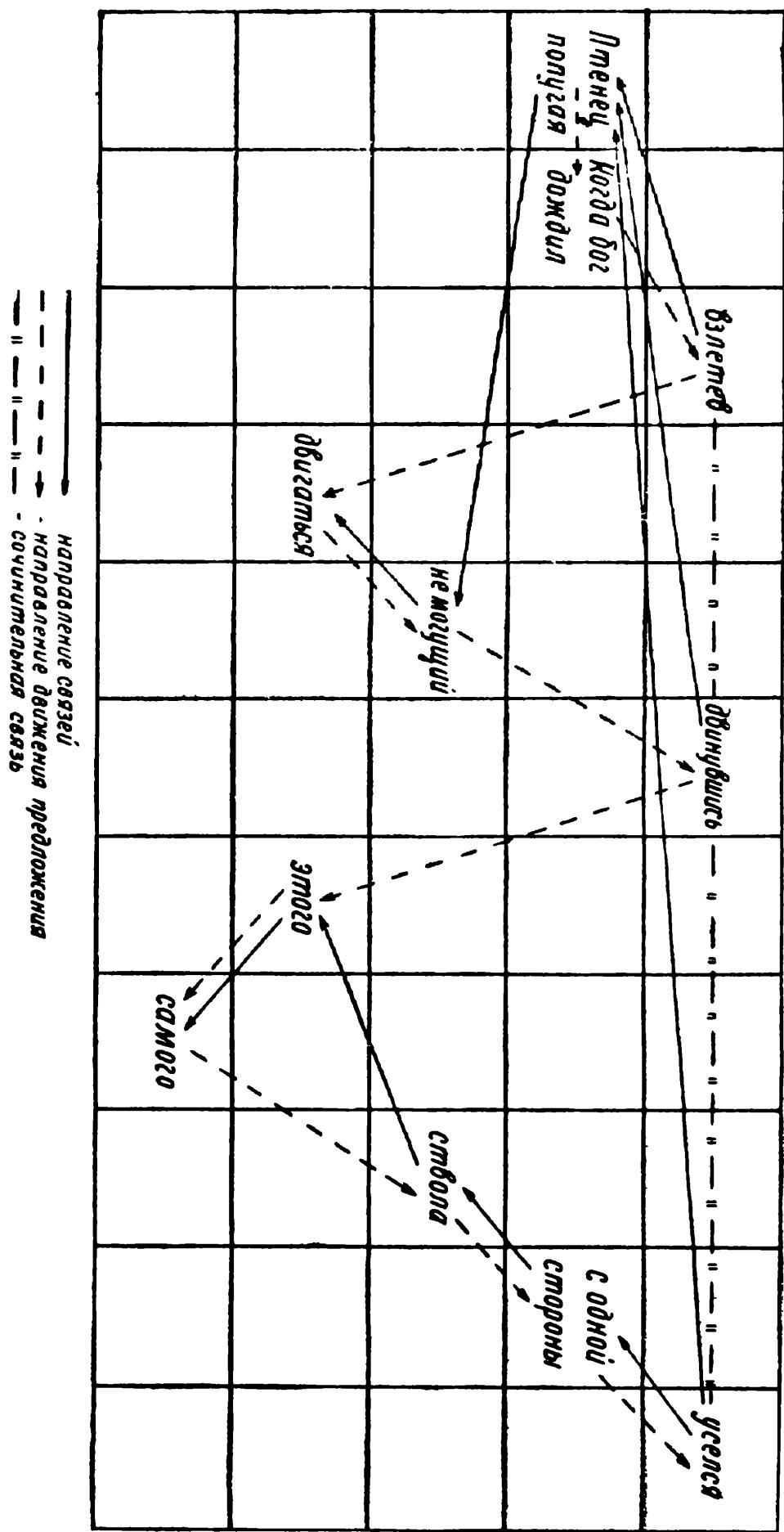
Таблица 32

Примечание. Допустима и другая интерпретация *h* — как периферийной фонемы (б+), противопоставленной непериферийным *s*, *š*, *šč* (б-).

Синтез предложения (синтаксический уровень)

Таблица 33

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ABORI — Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute, Poona
- AOr — Archiv Orientální, Praha
- BB — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, Göttingen
- BEFEO — Bulletin de l’École Française de l’Extrême Orient, Paris–Saïgon
- BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, Paris
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London
- DLIA — Caillat C. (ed.). *Dialectes dans les littératures indo-aryennes*. Paris: Bocard, 1989
- HS — Historische Sprachforschung — Historical Linguistics
- IF — Indogermanische Forschungen, Berlin
- IHQ — Indian Historical Quarterly, Calcutta
- IIJ — Indo-Iranian Journal
- Ind. Ling. — Indian Linguistics, Lahore
- JAOS — Journal of the American Oriental Society, New Haven
- JAs. — Journal Asiatique, Paris
- JOIB — Journal of the Oriental Institute, Vadodara, Gujarat
- JPTS — Journal of the Pāli Text Society, London
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society, London
- КСИНА — Краткие Сообщения Института народов Азии, Москва
- KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Göttingen
- LP — Lingua Posnaniensis, Poznań
- MSS — Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, München
- OLZ — Orientalistische Literaturzeitung, Leipzig
- S.B. d. AW. Wien — Sitzungsberichte der österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien
- StII — Studien zur Indologie und Iranistik, Reinbek, Germany
- WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Wien
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Wiesbaden (раньше — Leipzig)
- ZfBuddh. — Zeitschrift für Buddhismus, Leipzig — München
- ZII — Zeitschrift für Indologie und Iranistik, Leipzig

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Введение	7
Литература на языке пали	14
Графика и фонетика	39
Фонологическая система	40
Стихосложение	58
Морфонология	63
Морфологическая типология пали	66
Класс имени	69
Класс глагола	89
Синтаксические структуры	111
Словообразование и словосложение	134
Лексика, семантика, текст (вводные замечания)	150
Приложение I. Замечания о языке палийских текстов Индо-Китая	183
Приложение II. Замечания о палийской ономастике	189
Приложение III. Отношение пали к санскриту: к вопросу о правилах пересчета с санскрита на пали и с пали на санскрит	206
Приложение IV. Анализ и синтез предложения	222
Приложение V. Образцы текстов	229
Приложение VI. Избранная библиография пали	238
Addenda	244
Таблицы	247
Список сокращений	283

Научное издание

*Елизаренкова Татьяна Яковлевна
Топоров Владимир Николаевич*

ЯЗЫК ПАЛИ
Издание второе

*Редактор Е.А.Поцелуевский
Технический редактор Л.Т.Михлина
Корректоры Н.Б.Осягина, М.З.Шафранская*

Подписано к печати 11.06.03

Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная

Усл. п. л. 18,0+0,5 (вкл.). Усл. кр.-отт. 18,3. Уч.-изд. л. 18,7

Тираж 500 экз. Изд. № 8108. Зак. № 8273

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5 - 02 - 018393 - 8

A standard linear barcode representing the ISBN number 5-02-018393-8. The barcode consists of vertical black bars of varying widths on a white background. Below the barcode, the numbers 9 785020 183933 are printed, likely indicating a secondary ISBN or a specific edition identifier.

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африи» основана в 1959 г. проф. Г.П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у отечественных и зарубежных читателей.

В настоящее время публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии. Начато переиздание отдельных книг, не утративших значения до наших дней.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки.

Последние выпуски серии «Языки народов Азии и Африки»:

Вертоградова В.В. Пракриты. 2-е изд. 2002. 104 с.

Книга посвящена описанию литературных среднеиндийских языков — пракритов, употреблявшихся в первые века нашей эры и сыгравших важную роль в истории индийской культуры. Исследование осуществлено на основе изучения текстов поэзии и драмы с привлечением материалов из древнеиндийских трактатов по грамматике и эстетике. Описание проведено на фонологическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык. 2-е изд. 2002. 176 с.

Очерк написан на материале прозаических и поэтических памятников VII в. и освещает основные аспекты языка того периода (фонетику, письменность, лексику, грамматический строй). Содержит большое количество сопоставлений японских корней с корнями других языков, главным образом урало-алтайских и малайских. К очерку прилагается индекс аффиксов и служебных слов, а также краткая библиография.

Сыромятников Н.А. Классический японский язык. 2-е изд. 2002. 152 с.

Книга представляет собой очерк классического японского языка IX–XII вв. — эпохи расцвета японской литературы. Содержит подробное описание фонетики, системы письма, лексики, лексических и грамматических

различий, свойственных разным жанрам, а также грамматического строя, принятого в дальнейшем как эталон старописьменного языка, просуществовавшего до XX в.

Юсупова З.А. Курдский диалект аврамани (по материалам «Дивана» Саиди). 2000. 151 с.

В работе впервые всесторонне описывается грамматическая система малоизученного курдского диалекта аврамани (района Аврамани Тахт) по письменному источнику XIX в. — «Дивану» Саиди (1784–1848). Определены фонетические особенности и лексический состав языка памятника, представляющие ценный материал для сравнительно-диалектологических исследований. По результатам исследования определено место аврамани в системе курдских диалектов — он отнесен к одной из групп южнокурдских диалектов, имеющих распространение на территории современного Иранского и Иракского Курдистана.

Информацию о выходе и условиях приобретения книг серии «Языки народов Азии и Африки» можно получить по адресу:

127051, Москва К-51, Цветной бульвар, д. 21, стр. 2, Издательская фирма «Восточная литература» РАН

Tel.: (095) 925-4725

Fax: (095) 921-9548

E-mail: vost.lit@g23.relcom.ru

Таблица 20

Флексии существительных и их распределение

Флексии	Основы на - <i>a</i>												Основы на - <i>i</i> (ї)												Основы на - <i>e</i> (- <i>ej</i>)											
	masc.						neut.						masc.						neut.						masc.						neut.					
	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl						
1 -o	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
2 -#	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
3 -m	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
4 -dm	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
5 -me	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
6 -ma	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
7 -d	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
8 -yo	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
9 -im/m-mlm	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
10 -sa	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
11 -no	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
12 -yô	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
13 -i	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
14 -im/m-mhi	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
15 -ymp	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
16 -yo	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
17 -ni	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
18 -e	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
19 -iti	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
20 -hi	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
21 -sim	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
22 -im	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					
23 -iu	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-					

Продолжение табл. 20

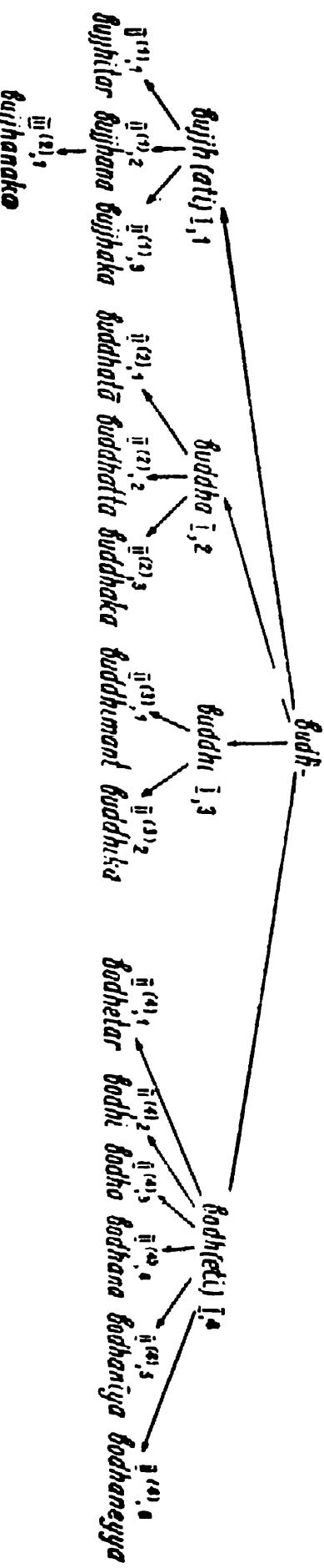
Таблица 9

Количественные показатели структуры фонем

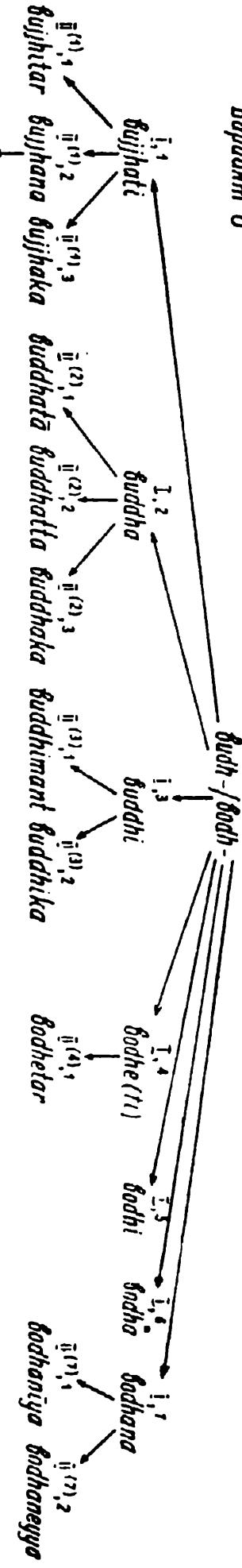
Характеристики	Фонемы		Количественные показатели структуры фонем																												
	<i>a</i>	<i>i/y</i>	<i>u/u</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ı</i>	<i>r</i>	<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>j</i>	<i>jh</i>	<i>n</i>	<i>f</i>	<i>fh</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>	<i>m</i>	<i>s</i>	<i>h</i>
Количество плюсов	2	0	1	1	2	3	2	2	3	3	4	3	4	4	5	4	2	3	3	4	3	1	2	2	3	3	4	3	2		
Количество минусов	1	3	2	3	2	0	1	5	4	4	3	5	4	4	3	2	7	6	6	5	4	8	7	7	6	5	5	4	3	1	2
Количество нулей	7	7	7	6	6	7	7	3	3	3	3	2	2	2	4	1	1	1	1	1	1	1	3	2	2	2	4	6	6	6	6
Максимум монотонных знаков (нулевых)	1	2	2	1	3	2	2	1	1	2	3	2	1	2	1	3	3	3	3	3	3	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2
Коэффициент мощности (в процен- тах)	30	30	40	40	30	30	70	70	70	80	80	80	60	90	90	90	70	90	90	90	70	80	80	80	80	80	60	40	40		
Коэффициент звукоподобности (нуле- вой характеристики) (в процентах)	70	70	70	60	70	70	30	30	30	20	20	20	20	10	10	10	30	10	10	10	30	20	20	20	20	20	40	60	60		
Коэффициент внутренней нулевой характеристики (в процентах)	233,3	233,3	150	150	233,3	233,3	42,9	42,9	42,9	25	25	25	66,7	11,1	11,1	11,1	42,9	11,1	11,1	11,1	42,9	25	25	25	25	25	66,7	150	150		
Коэффициент положительной харак- теристик (в процентах)	20	0	10	10	20	30	20	20	30	40	30	40	40	50	40	20	30	40	30	10	20	20	30	30	40	30	30	20			
Коэффициент (внутренней положи- тельной характеристики (в процен- тах)	66,7	0	33,3	25	50	100	66,7	28,6	42,9	42,9	57,1	37,5	50	50	62,8	66,7	22,2	33,3	33,3	44,4	42,9	11,1	22,2	22,2	33,3	28,6	25	37,5	37,5	50	75
Коэффициент отрицательной харак- теристик (в процентах)	10	30	20	30	20	0	10	50	40	40	30	50	40	40	30	20	70	60	60	50	40	80	70	60	50	50	40	30	10	20	
Коэффициент внутренней отрицатель- ной характеристики (в процентах)	33,3	100	66,7	75	50	0	33,3	71,4	57,1	57,1	42,9	62,8	50	50	37,5	33,3	77,8	66,7	66,7	55,6	57,1	88,9	77,8	66,7	71,4	75	62,8	50	50	25	50
Отношение плюсов к минусам (в про- центах)	200	0	50	33,3	100	—	200	40	75	75	133,3	60	100	100	166,7	200	28,6	50	50	80	75	12,5	28,6	50	40	33,3	60	60	100	100	300

Словообразовательное дерево для *budh* 'пробуждать(ся)'

Вариант а

Вариант б

bodhanaka

i, 1 - пробуждается

ii, 1 - пробуждение от близкого родственника

ii, 2 - пробуждение

ii, 3 - императив пробуждение

ii, 4 - умнов

i, 2 - пробужденыи

ii, 1 - пробужденностъ

ii, 2 - состояние пробужденностъ

ii, 3 - императив пробуждение

ii, 4 - умнов

i, 3 - родим

ii, 1 - прозорливъ

ii, 2 - умнов

ii, 3 - императив прозорливъ

ii, 4 - умнов

i, 4 - пробуждает

ii, 1 - пробуждатель

ii, 2 - бышее знаніе

ii, 3 - знаніе

ii, 4 - познаніе

i, 5 - достойній познанія

ii, 1 - способныи к познанію

ii, 2 - способній к познанію

ii, 3 - способній к познанію

ii, 4 - способній к познанію

